

МИНУВШЕЕ

МИНУВШЕЕ

**ИСТОРИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ**

4

ATHENEUM

**Editorial board: Jean Bonamour, John Malmstad, Richard Pipes,
Marc Raeff, Dmitri Segal**

Editor: Vladimir Alloy

Copyright by Atheneum, 1987

All rights reserved

**Publisher: Atheneum, 10 bis rue Duhesme 75018 Paris
Printed in France**

ISBN 2-906141-05-4

На первой странице обложки воспроизведены: портреты Д.И. Хармса, М.М. Бахтина, А.Н. Толстого в окружении работников НКВД, Д.И. Шаховского; список действительных членов СПб Религиозно-философского общества и автограф письма З.Н. Гиппиус к Н.А. Бердяеву.

ВОСПОМИНАНИЯ

Т. А. Аксакова
ДОЧЬ ГЕНЕАЛОГА
Публикация Л.Остроумова

Татьяна Александровна Аксакова (1892-1982), дочь известного генеалога и нумизмата А.А. Сиверса, по кругу своих родственных связей и знакомств времен молодости, принадлежала к аристократической элите. Девичество и начало семейной жизни она провела в Москве и родовом имении своей бабушки в Калужской губернии. В годы Гражданской войны и сразу после нее жила в Козельске и Калуге, в 1928-1935 гг. — в Ленинграде, затем: высылка в Саратов, арест в 1937, лагерь, активирование в 1943, полуссылная жизнь в Кировской обл., где и начата была ею работа над воспоминаниями. Редактором и учителем Т.А. был отец. Он задал ей тот литературный посыл, который позволил ей продолжить работу и после его смерти и в конце 1960-х годов довести подробное повествование до дней написания. (В 1970-е Т.А. дополнила воспоминания значительным рядом мемуарно-дневниковых фрагментов).

Не будучи профессиональным литератором (за всю жизнь она написала лишь несколько «домашних» стихотворений и небольшую поэму о жизни сына), Т.А. создала огромное (около 1000 страниц машинописи) мемуарное произведение, целостное и композиционно законченное. В тексте совершенно отсутствуют почти неизбежные для непрофессиональных авторов повторения. Подавляющее большинство сюжетных линий (а их десятки) завершено, а не перепутано, как это нередко бывает.

Повествование охватывает период с конца прошлого века до 1960-х гг., прерываясь время от времени экскурсами в более отдаленные эпохи. Год за годом предстают перед читателем судьбы Чебышевых,

Сиверсов, Шереметевых, Аксаковых, Вяземских, Шиповых, Львовых, Юматовых и др. Действие разворачивается в Москве, Петербурге, до- и послевоенной Европе, дворянских усадьбах Калужской губернии, советской провинции 1920-х годов.

Первая часть мемуаров Т.А. завершается 1917 годом, вторая — арестом автора в 1935, третья и четвертая посвящены, в основном, ссыльно-лагерному быту 1930-50-х годов.

Воспоминания Т.А. относятся к редкому для современной мемуаристики жанру семейной хроники. Позиция домашнего хроникера, с присущими ему «узостью взгляда» на историю, обилием малозначительных в широком контексте деталей и строгим эмпиризмом в изложении, сильно отличает его от стереотипного для XX в. амплуа мемуариста-фиксатора «эпохальных событий». Это отличие порождает, в частности, два важных следствия: 1) подчеркнутое внимание к генеалогии, имеющее направляющее значение для хода повествования, и 2) объективная способность семейной хроники играть роль кристаллизующего примера для массового исторического самосознания. Именно в последнем мы видим один из главных доводов в пользу публикации помещаемых ниже фрагментов воспоминаний Т.А.

Для печатания мы выбрали отрывки из второй части мемуаров Т.А. В примечаниях и послесловии, составленных на основе полного текста*, мы постарались проследить все сюжетные линии, присутствующие в воспоминаниях.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Приступая ко второй части своих записок, в которых должны быть отражены послереволюционные годы, я заранее вижу все трудности этой задачи. Хотя и стараюсь ограничить себя рамками «истории одной семьи», писать, не вдаваясь в излишние рассуждения, но сознаю, что в наших судьбах, как в капле воды, отразились события мирового значения, и это обязывает меня быть точной и беспристрастной.

Незаменимую помощь оказывал мне мой отец, под контролем которого написана первая часть. С уходом его из жизни 24/IX-1954 г. я чувствую себя как бы потерянной. Я привыкла к тому, что все мною написанное проходит через фильтр его критики. Я была спокойна и за точность сообщаемых мною дат, и за достоверность приводимых фактов, и за форму изложения.

---

* Полный текст мемуаров Т.А. Аксаковой-Сиверс в настоящее время готовится к публикации в издательстве Atheneum.

Обладая тонким литературным вкусом, отец бывал ко мне требователен, но в этой требовательности я видела большой интерес к моим писаниям, которые он завещал довести до конца. Помня это, я после полугодового перерыва, вновь берусь за перо, теперь уже на свой страх и риск, и никто меня не исправит, и никто не напишет на полях: «возражений не имею».

1. В ГОДЫ КРУШЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В первой части я остановилась на кратком описании Февральской революции, которая застала меня не только в Москве, но и в ее центре — в Кремле, упомянула, что вскоре Борис уехал на фронт, а мы с Димой — в Попелево¹. Таким образом события лета и осени 1917 года воспринимались мною в «отраженном виде». О происходящем в России мы с мамой² узнавали из сообщений печати и по самым разноречивым слухам, доходившим сначала до Козельска, а затем до Попелева. Но не только нам, находившимся в деревне, было трудно ориентироваться в том, что творится в стране — период между Февральской и Октябрьской революциями представляется мне какой-то грандиозной неразберихой, причем никто (во всяком случае в моем окружении) не давал себе отчета в грандиозности совершающихся сдвигов.

С весны стало ясно, что кн. Львов не справляется с ролью главы Временного правительства, демагогия Керенского была противна, выступления «бабушки русской революции» Брешко-Брешковской — смешны.

Летнее наступление по всему фронту стоило больших жертв и не принесло положительных результатов. В Козельске периодически появлялись какие-то прапорщики, именовавшие себя «эмиссарами Временного правительства». Они много говорили о войне до победного конца, но уклонялись от ответов на вопросы о правах и обязанностях граждан внутри страны. /.../

Дворянские усадьбы доживали последние дни. С середины лета маму стали вызывать в волость на собрания, посвященные вопросу отчуждения помещичьей земли. Крестьяне были настроены выжидательно, но приезжие ораторы уже прохаживались насчет «волков в овечьих шкурах», что мама, несомненно, должна была принимать на свой счет.

Однако, несмотря на эти подземные толчки, летом жизнь еще текла в привычных формах. Урожай был убран на прежних

основаниях. Как и прежде, мы с мамой два раза в неделю ходили в Козельск за письмами и покупками. /.../

В Аладине³ революционные настроения чувствовались гораздо меньше, чем в Попелеве. С одной стороны, оно было дальше от бурлящего уездного центра, с другой — не представляло собой интереса в смысле земли и даже построек, т.к. было по существу только дачей. Бабушка и дедушка решили не ехать на зиму в Петроград, а, заперев, как всегда, в сентябре аладинский дом, поселились в Москве у тети Лины Штер и Наточки Оболенской, которые жили вдвоем (Ната к тому времени разошлась с мужем⁴) и уступили им две комнаты в своей квартире на углу Малого и Большого Левшинского переулков. Таким образом, в Аладине не происходило того «изгнания хозяев», которое нам пришлось испытать в Попелеве в начале декабря 1917 года.

Незадолго до того, как приехавшие из Козельска «комитетчики» назначили маме окончательный срок выезда из дома, приехал Борис (фронт как таковой уже перестал существовать).

Решено было снять квартиру в Козельске, и выбор пал на дом, принадлежавший владельцу небольшого кирпичного завода Собенникову. Дом этот стоял особняком на выезде из города, недалеко от больницы. При нем были обширные конюшни — до революции у Собенникова стоял отряд стражников.

На вывоз домашних вещей запрета наложено не было, поэтому из Попелева в Козельск на 35 подводах потянулось «движимое имущество». Наиболее громоздкие вещи, и в том числе мамин рояль, были поставлены в склады местных купцов Самариных.

Изгоняемым помещикам полагалось взять одну лошадь и одну корову. Помню, как Борис запряг в санки молодую гнедую лошадку «Блудницу», посадил меня и Диму, и как мы помчались в Козельск.

Мама ехала в других санях, держа на коленях старинную икону Федоровской Божьей Матери. По ее лицу текли слезы: на жизнь в Попелеве она возлагала большие надежды, и многим пожертвовала для ее устройства — и все же я поражаюсь, с какой красивой легкостью мы — я говорю о дворянстве — расставались с материальными ценностями. Очень тонко это отметил Есенин в поэме «Анна Снегина». Герой /.../ задает Анне вопрос:

Вам очень обидно, Анна,
За ваш хуторской разор?
Но как-то печально и странно
Она отвела свой взор.

(Иначе говоря: «Нашел о чем спрашивать, кулацкий сынок, расставаясь навеки»). Причина «красивой легкости», может быть, была та, что жизнь ежеминутно выдвигала другие, более важные проблемы, от которых «дух захватывало», и среди них проблему «родина», слова, звучавшего в ту пору достаточно сильно. /.../ ⁵

В середине лета у нас на кавелинских антресолях неожиданно появился Вяземский⁶ в обличи железнодорожного проводника. Дело в том, что дня за два до этого в газетах появилось туманное извещение об исчезновении В. Кн. Михаила Александровича. При этом говорилось, что к гостинице, в которой он жил в Перми, подъехала тройка с неизвестными людьми. Люди эти попросили Вел. Князя и его секретаря следовать за ними, и куда-то их увезли. Узнав об этом в Гатчине, Вяземский сказал, что его место — быть при Михаиле Алекс[андровиче], где бы тот ни находился, в особенности если В.К. в опасности. На такие слова маме нечего было возразить, и наступила разлука. Вяземский поехал на восток разыскивать Мих[аила] Алекс[андровича], что было дело трудным, т.к. по Волге проходил фронт восставших чехословаков, и шли бои. Мама же осталась с Брасовой в Гатчине. /.../ ⁷

Но возвращаюсь к лету 1918 г. С июля месяца настроение в Москве стало крайне напряженным. Очень страшен был приказ, по которому все находившиеся в Москве офицеры должны были собраться в манеже Алексеевского военного училища в Лефортове. Шли туда, как на смерть, но, вопреки ожиданиям, вышли живыми, проведя четыре дня под надзором латышей и китайцев. Борис Борисович Шереметев⁸ за эти четыре дня приобрел болезнь сердца, которая и явилась причиной его смерти 2/II-1919 года. Он заразился сыпным тифом, и сердце сразу сдало.

Охваченная паникой буржуазия устремилась на Украину в надежде уехать оттуда за границу. Проходя по Рождественскому бульвару, я видела длинные очереди людей, ходатайствующих о разрешении на выезд — кому и на каких основаниях эти разрешения выдавались — я не знаю. Вместе с тем в старинных дворянских семьях были люди, считавшие, что неблагородно «бежать с тонущего корабля», что надо умирать на родной земле. Такие воззрения господствовали на Воздвиженке у Шереметевых. К старому графу Сергею Дмитриевичу судьба была милостива — он умер 17/II-1918 г., когда пришли его арестовать. Но оба мужа его дочерей Сабуров и Гудович — были увезены и никогда не возвратились*. Остальные члены семьи были

* Обыском и арестом руководил зам. Дзержинского, Петерс.

уплотнены на самом верхнем этаже Воздвиженского дома, где образовалось женское и детское царство: гр. Екатерина Павловна, Анна Серг[еевна] Сабурова с 3-мя детьми, Мария Серг[еевна] Гудович с 4-мя детьми и вдова Петра Сергеевича Шереметева Елена Богдан[овна] с 6-ю детьми. Если принять во внимание, что во флигеле Шереметевского дома жила жена Бориса Борисовича Шереметева* с 4-мя детьми, то можно сказать, что на углу ул. Коминтерна и ул. Грановского (так стали называться Воздвиженка и Шереметевский пер.) юные отпрыски одного из старейших родов российских были представлены в большом количестве. /.../

В конце августа пришли вести из Козельска о том, что снятый нами под квартиру дом Собенникова реквизирован, и в него въезжает молочная ферма земотдела. Надо было принимать решительные меры для спасения наших вещей, и меры эти выразились в том, что, забрав Димку, я помчалась в Козельск, поступила на должность делопроизводителя молочной фермы и снова внедрилась в свою квартиру.

Таким образом, остатки нашего быстро тающего имущества были временно спасены. О том, что меня ожидало на новом поприще, я буду говорить в следующей главе, посвященной козельскому периоду моей жизни, теперь же перейду к гораздо более значительным событиям, происходившим тем временем в Петрограде с моими родителями.

Вскоре после окутанного в ту пору завесой таинственности исчезновения В.К. Михаила Александровича, Н.С. Брасова была арестована на своей гатчинской даче и отвезена на Гороховую. Находившаяся с нею моя мать, со свойственной ей доблестью, бросилась на ее выручку, часами простаивала у самых страшных порогов с передачами и, наконец, добилась свидания.

Никогда мать не идеализировала характер Нат[алии] Серг[еевны], но то, что она услышала тут, превзошло ее ожидания. Все 10 минут Н.С. капризным тоном упрекала маму за то, что она не сумела раздобыть бисерную сумку, которую та оставила в кабинете Урицкого во время допроса. (Об этой сумочке она просила в первой записке из тюрьмы.) «Ах, Саша! — говорила Нат[алия] Серг[еевна]. — Какая ты невнимательная! Ты же знаешь, как я любила эту сумочку!..» У мамы просто руки опустились! За сумочкой она, конечно, никуда не пошла, но продолжала ежедневно совершать поездки в Петро-

---

* В 1908 г. Б.Б. Шереметев женился на Ольге Геннад[иевне] Чубаровой, которая через свою мать Нат[алию] Ал[ександровну] была в родстве с Шиповыми.

град из Гатчины, где на ее попечении осталась 15-тилетняя Тата Мамонтова⁹, хлопоча о передачах и наводя справки. С Гроховой мама часто заходила к отцу, который только что переехал на Миллионную д.17 и поступил на службу в Главархив¹⁰. Переезд его совершился под руководством верной Александры Ивановны, которая до последнего дня своей жизни старалась оберечь отца от материальных невзгод. Шурик еще в середине лета уехал в Царевщину¹¹.

Так обстояли дела, когда студент эсер Канегиссер выстрелом из револьвера убил председателя Чека Урицкого. Начался массовый террор, и тут, в минуты смертельной опасности, судьбы моих родителей соприкоснулись еще раз самым фантастическим образом, чтобы потом разойтись навсегда.

Постараюсь в хронологическом порядке воспроизвести все, что случилось на протяжении 5-6 дней.

Студент Канегиссер, произведя свой выстрел в здании на Дворцовой площади, побежал, скрываясь от погони, по Миллионной улице, завернул во двор дома № 17, вбежал по черной лестнице в 3-й этаж и отстреливался с площадки /.../. Все проживающие в доме оказались на подозрении, которое в отношении отца усугубилось следующим обстоятельством: переезжая в небольшую квартиру, папа поставил часть мебели на продажу в комиссионный магазин на Караванной улице. Магазин этот принадлежал его знакомому Бурнашеву. Телефонный номер магазина оказался в записной книжке у Канегиссера. У Бурнашева была устроена засада. Когда Александра Ивановна явилась узнать, не продана ли мебель, ее задержали, и папа в ту же ночь был заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Вряд ли кто-нибудь мог серьезно подозревать, что отец знает о существовании Канегиссера — но это в ту пору не имело значения.

Камеры были переполнены. Среди арестованных папа увидел своего знакомого Серг[ея] Алексеев[ича] Дельсаля. Тут же было несколько англичан. На третий день людей из камеры стали партиями куда-то уводить. Когда осталось лишь несколько человек, старший из англичан сказал: «Мы люди разных национальностей, друг друга не знаем, но у нас есть одно общее — молитва Отче Наш. Давайте же споем ее вместе!» Молитву спели, обнялись и через полчаса были выведены на мол, врезающийся в Неву. Перед молотом стояли баржи, в которые грузили людей для отправки в Кронштадт. С залива дул пронизывающий ветер — люди часами стояли на моле в ожидании погрузки. Вдруг раздалась команда: «Те, кто невоенные, отойдите в сто-

рону!» Оказалось, что баржи переполнены до отказа и начали тонуть. Папа и Дельсаль отошли в сторону и вскоре были возвращены в камеру.

Тем временем мама, узнав от Ал[ександры] Ив[ановны] о случившемся, металась по городу, повторяя: «Саша в опасности, надо его спасать!» И по свойственной ей целеустремленности ее осенила счастливая мысль: обратиться в Остзейский комитет, сыграв на принадлежности Сиверсов к лифляндскому дворянству. Мысль была поистине счастливая, т.к. это был тот короткий политический период, когда, после заключения Брестского мира, германский посол имел большой вес, считались также и с Остзейским комитетом. О том, как мама пробилась в здание комитета, двор которого был заполнен толпой просителей, как она сумела получить от председателя, барона Вольфа нужную бумагу и вручить ее по назначению — я узнала только пять лет спустя, во время моего пребывания у мамы в Висбадене, но до сих пор мне все это кажется какой-то сказкой.

Ровно через сутки папа был вызван из крепости в кабинет председателя Чека Бокия¹², где произошел, примерно, такой разговор:

Бокий: Скажите, Ал[ександр] Ал[ександрович], где Вы родились?

Отец: В Нижнем Новгороде.

Бокий: Почему же тогда за Вас хлопочут Остзейский комитет и германский посол?

Отец: Меня это очень удивляет, но я допускаю, что кто-нибудь из моих близких предпринимал все возможные шаги для моего освобождения. Сам бы я за помощью не обратился.

Бокий: Во всяком случае, все вышло удачно. Я слышал о Вашей научной деятельности. Нам такие люди нужны. Желаю Вам успеха в ваших трудах!

Наутро отец был дома.

В продолжение многих лет он с умилением и благодарностью вспоминал о том, как мама его выручила — только перед самой смертью эти чувства почему-то заслонились воспоминаниями об обидах «доисторического периода», т.е. времени развода.

Узнав, что ее хлопоты увенчались успехом, повидав отца на Миллионной и отвезя очередную передачу Брасовой, мама поездом возвращалась из Петрограда в Гатчину. Против нее в вагоне сидела женщина средних лет, которую мама не раз уже

видела во время своих поездок. Возник ни к чему не обязывающий разговор о том, как утомительно ездить в поездах в революционное время. И вдруг дама сказала: «Да! Я знаю, что Вы ежедневно совершаете такие поездки и, более того, я знаю, зачем и ради кого Вы это делаете. Ну так слушайте! Вам пора подумать о самой себе, тем более, что та особа, о которой Вы заботитесь, мало это ценит и не стоит того риска, которому Вы подвергаетесь. Мне Вас жаль, и поэтому я Вас предупреждаю: немедленно возвращайтесь в город — на даче Брасовой Вас ждут с ордером об аресте. Вы не знаете и никогда не узнаете, кто я — скажу одно: я приставлена за Вами следить, и я хочу Вас спасти — немедленно уезжайте!»

Мама тут же, не заходя домой, повернула обратно и поехала к жившей в то время на Николаевской улице Рощиной-Инсаровой¹³. Екат[ерина] Ник[олаевна] решила, что маме необходимо прежде всего изменить свою слишком приметную внешность — седые волосы при молодом лице — и она надела на нее рыжий парик из своего театрального реквизита. В таком виде мама где-то под Оршей пересекла границу советских владений и добралась до Киева.

На гатчинской даче, между тем, отряд вооруженных людей несколько дней тщетно ждал ее возвращения. Тата Мамонтова была подвергнута домашнему аресту, но держала себя доблестно и даже умудрилась переслать к Рощиной-Инсаровой чемодан с мамиными вещами.

В судьбе Н.С. Брасовой тем временем наступило прояснение. Благодаря тому, что были нажаты все пружины (и, главным образом, материальные), она сначала была переведена с Гороховой в лечебницу Герзони, а затем, под видом сестры милосердия, в санитарном поезде вместе с дочерью проследовала на Украину, где и встретилась с мамой. /.../ ¹⁴

II. В КОЗЕЛЬСКЕ

/.../ Во второй половине октября Борис, завершив свои московские дела, приехал в Козельск, чтобы в скором времени расстаться со мной и Димой на неопределенное время. И он, и я шли на это вполне сознательно. Иначе Борис поступить не мог и не должен был.

И вот с уходом его 30/X-1918 г. в направлении на Унечу между мною и всеми моими родными возникла та преграда, которая впоследствии получила название «железного занавеса»

и которая состояла в полном неведении друг о друге и в столь же полной невозможности помочь друг другу в случае, если бы эта помощь понадобилась бы. /.../ ¹⁵

Когда я встречала на улице человека лет 45-ти в поношенной, но аккуратно застегнутой на все пуговицы офицерской шинели, я склоняла голову. Это был бывший помощник Военского начальника капитан Матусевич. Тяжело раненный во время войны, он говорил хриплым голосом, т.к. в горле у него была вставлена серебряная трубка. Капитан считал, что всякая служба в современных условиях есть нарушение данной им когда-то присяги. Одинокий и больной, он жил в Малом Заречье, зарабатывая на кусок хлеба вытачиванием деревянных каблуков для туфель и, как подобает истинному подвижнику, делал это тихо, без лишних слов и с большим достоинством. /.../ ¹⁶

Как-то раз мы с сыном собрались идти за выдаваемой в кооперативе овсянкой. Я стояла перед зеркалом, надевая шляпу и завязывая по старой привычке вуалетку. Дима терпеливо смотрел на эти приготовления и, наконец, произнес: «Ах, мама, как ты долго! Впрочем, я понимаю: ты хочешь иметь для них приличный вид». В этих словах звучало классовое самосознание, и поэтому они были очень забавны.

От времени до времени мимо нашего окна проходила женщина лет 50-ти в белой косынке с лицом редкой красоты. Она останавливалась у домов и просила «Христовым Именем», ей подавали кусок хлеба, или пару вареных картошек, она кланялась и шла дальше. Это была Екатерина Александровна Львова, урожденная Завалишина, внучка декабриста. Жила она в маленькой избушке на окраине Козельска, не имея никого из близких, кроме двух верных собак. Все вещи, привезенные из Петрограда, были проданы. Остался только бинокль. Придя раз к Екатерине Александровне, я увидела, как она, будучи близоручкой, в этот бинокль рассматривает внутренность топящейся русской печи, чтобы не опрокинуть горшочка с кашей. С Козельском ее связывала близость Оптиной пустыни, этого центра православной духовной жизни, привлекавшего в свое время и Гоголя, и Достоевского, и Толстого. В описываемое время в Оптиной еще сохранилось «старчество», в скиту жил отец Нектарий, в стенах монастыря — отец Анатолий, бывший келейником описанного Достоевским под именем старца Зосимы и почитаемого всей Россией отца Амвросия*.

---

* Действие «Братьев Карамазовых» происходит в Козельске. Дмитрий Карамазов ездит кутить за 25 верст в торговое село Мокрое (Сухиничи).

Сущность старчества заключалась в том, что верующий, избравший себе духовным руководителем того или иного схимника, отрешался от своей воли и ничего не предпринимал без его благословения. Екатерина Александровна жила под руководством отца Нектария, который, по-видимому, направил ее на подвиг смирения и нищеты и лишь через год благословил уехать из Козельска. /.../ ¹⁷

И вот в конце апреля или начале мая совершилось самое неожиданное, самое невероятное из событий — в 7 часов утра в дверь нашей с Димой комнаты постучал Борис, измученный, усталый, в фуражке железнодорожника.

Приехав на рассвете со стороны Горбачева, он вышел на главную улицу Козельска, встретил священника, идущего к ранней обедне, и спросил обо мне. Тот ответил, что такая особа имеется и живет в доме Косниковых. Туда Борис и направился.

Только хорошо помня обстановку и настроения весны 1920 года, можно понять, какому риску подвергал себя Борис, возвращаясь к нам, и какое мужество надо было иметь, чтобы не пойти по линии наименьшего сопротивления: сесть в Новороссийске на пароход и уехать за границу. Для этого были все возможности.

Знаю, что в момент эвакуации Борис держал себя доблестно, погрузил на пароход всех друзей, а сам остался на родной земле.

Его понятия в этом отношении были четко сформулированы: впереди всего шли обязательства перед родиной — когда эти обязательства в той форме, как он их понимал, отпали, на первое место стали обязательства перед семьей. Может быть, за такой образ мыслей судьба его хранила. Путь до Козельска, несмотря на страшные моменты, он совершил благополучно, а затем, направившись в Калугу, сразу поступил в Управление Сызрано-Вяземской ж.д., где только что открылась новая «агронимическая» служба; требовались люди, знакомые с сельским хозяйством и, главным образом, хорошие организаторы. Борис был как раз таковым. /.../ ¹⁸

IV. В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЕВРОПЕ (1923 г.) ¹⁹

Итак, вот что мне рассказала мама:

В начале 1919 года она ехала морским путем из Англии на Дальний Восток, на поиски своего мужа. Задача была трудная. Мама не знала, где Вяземский (она могла лишь предполагать,

что он «где-то в Сибири»), и все же, продав оставшиеся у нее более или менее ценные вещи и /.../ прибегнув к займам, она пустилась в путь. Морской переход был долгий — особенно нудно было плыть по Красному морю. В Индийском океане она, с чувством гнетущего одиночества, часами смотрела на незнакомые, южные звезды, спрашивая себя: «Зачем, собственно, я здесь?!» Но все же ехала вперед, веря, что она преодолеет все препятствия на пути к намеченной цели. На одном пароходе с ней ехали два офицера, посланные императрицей Марией Федоровной на розыски Михаила Александровича, судьба которого была в то время неизвестна.

В Японии мама попала в железнодорожную катастрофу и спаслась только благодаря тому, что ехала в одном из задних вагонов. Все передние вагоны, и в том числе багажный, были превращены в щепки. Пострадал мамин чемодан, но убытки были немедленно и беспрекословно возмещены управлением железной дороги. По прибытии в Шанхай, мама зашла в магазин, чтобы заменить пришедшую в негодность во время крушения шляпу новой, и была удивлена высокой ценой. «Почему же эта шляпа так дорога?» — спросила она. На это продавщица с гордостью ответила: «А вы посмотрите, что здесь написано!» — и перевернула шляпу вверх дном. На этикетке значилось: «Au Bon Marché. Paris». Мама улыбнулась — в Париже шляпы из универсальных магазинов особой славой не пользуются — и предпочла шанхайскую продукцию.

Впечатления о Японии были мимолетны. В память только врезалась громадная фигура Будды, стоявшая на берегу моря в городе Корбе. Мама никогда не могла забыть спокойного, проникновенного, как бы знающего все истоки и все концы, взгляда, устремленного в безбрежные морские просторы.

Во Владивостоке начались те самые «случайности», которые породили английскую поговорку: «Life is stranger than fiction»*. На улице, на второй день по приезде, мама встретила того самого железнодорожника (г. Нахтмана), который провез Вяземского через чехословацкий фронт где-то около Самары. Но этот человек знал не более того, что мама подозревала, т.е. что Владимир Алексеевич «где-то в Сибири».

И вот мама поехала по Сибирскому пути с востока на запад, останавливаясь на крупных станциях для наведения справок и встречая сочувствие и помощь со стороны самых разнообразных лиц. Чита была во владении атамана Семенова. Когда

---

* Жизнь более необычайна, чем вымысел (англ.).

мама, продолжая розыски, направилась в его штаб, то перед входом в резиденцию атамана (бывший губернаторский дом), она увидела, с одной стороны, сидящего на цепи медведя, а с другой — орла. Эта азиатская экзотика была в духе того, что делалось в Забайкалье во время «семеновщины». Атаман принял маму весьма любезно, и сразу же во все концы по прямому проводу полетели депеши с вопросами о местонахождении Вяземского.

Во время маминых разговоров с Семеновым, дверь его кабинета отворилась и появилась молодая, хорошенькая женщина, повязанная на русский манер платочком. Это была «атаманша» Мария Михайловна, по-видимому, сгоравшая от любопытства посмотреть, что за дама приехала в Читу из Западной Европы. С подкупающим простодушием она повела маму к себе обедать и стала уговаривать поселиться у них в ожидании ответа на депеши.

Атаманша Маша была в зените своей «славы» и имела в то время большое влияние на Семенова. Увешанная жемчугами и соболями, она разъезжала в собственном поезде, выкрашенном в желтый цвет забайкальского казачества; китайские газеты называли ее «божественным цветком» и «небесным лотосом» и, что замечательнее всего, она была очень популярна среди простых людей и считалась заступницей угнетенных. В городе сложилось убеждение, что она открывает атаману глаза на окружающие его безобразия, а окружающие атамана безобразники планомерно вели против нее интриги.

Все это мама узнала за несколько дней пребывания в Чите, узнала она также от самой Маши предшествовавшие события ее жизни и еще о том, что в Чите есть молодой человек Юрий Каратыгин, бывший катковский лицеист, который Маше очень нравится.

Полученные по прямому проводу ответы о Вяземском были сбивчивы, и мама решила ехать в Омск. В пути она размышляла о том, насколько «свет мал». Из рассказов атаманши Маши выяснилось, что она, уроженка города Козлова Тамбовской губернии, в ранней юности служила прислугой у Кашкаровой, нашей соседки по Козельскому уезду, той самой, которая описана в главе «Летние впечатления»²⁰. После революции Маша какими-то судьбами очутилась в одном из сибирских городов (каком — не помню), где выступала на открытой сцене небольшого ресторанчика. Особенный успех имела в ее исполнении залихватская песня: «Ах, шарабан мой, шарабан», отчего и исполнительница стала называться среди ее буйной аудито-

рии «Машка-Шарабан». Ресторан посещали, главным образом, офицеры — бывал там и Семенов. При Машке велись разговоры о возникновении белого движения среди уссурийского казачества, которое она, будучи очень набожной, воспринимала как «святое дело». Однажды, услышав, что из-за полного отсутствия средств (не было денег на корм лошадям) отряды приходится распустить, она завязала в платочек свои золотые колечки и сережки, пришла к Семенову и попросила принять ее пожертвование.

С этого времени в истории семеновского движения наступил перелом; со всех сторон потекли деньги, и движение окрепло. Полу-бурят, Семенов, будучи весьма суеверным, не сомневался, что всем этим он обязан «легкой руке» Маши, сошелся с ней и, постепенно возвышаясь сам, возвел ее в сан атаманши, в котором и застала ее мама.

В Омске подвиг моей матери увенчался успехом: она напала на след Вяземского, который, хотя и находился где-то на несколько сот верст севернее, но мог быть вызван по телеграфу. Несколько дней прошло в обмене депешами. Получив известие, что приехала жена, Вяземский принял это за мистификацию и ответил: «Моей жены здесь быть не может — прошу меня не беспокоить». Лишь после настойчивых разъяснений, он примчался в Омск. Мама обрела его, примерно в таком же виде и в таком же окружении, как некогда в Острогжске²¹, и ей пришлось применить всю силу любви, чтобы вывести его из состояния одичания. Великого князя он не нашел.

Колчаковский фронт, между тем, начал упорно откатываться на восток. Вяземские откатывались вместе с ним, стараясь, по мере возможности, не разлучаться, и, в конце концов, докатились до Читы, где были встречены как старые знакомые.

Внешне в окружении Семенова все осталось по-старому — он даже получил на хранение золотой фонд Российской Империи — но, по мере приближения фронта, исчезала уверенность в завтрашнем дне. Атаман ездил советоваться с шаманами, вокруг Марии Михайловны сплетались интриги, имевшие целью свергнуть ее влияние, а сама она смело и весело бегала на свидания к Юрию Каратыгину.

После долгих стараний интригующей партии удалось, с одной стороны, разжечь ревность Семенова, а с другой — уговорить Машу поехать в Циндао лечиться от какой-то несущественной болезни желудка.

Во время ее отсутствия Семенова на ком-то женили, и Машина атаманская карьера закончилась, о чем она, кстати говоря, ничуть не жалела. В Шанхайском банке на ее имя лежала некоторая сумма денег, дававшая ей возможность вызвать Юрия Каратыгина и жить с ним в каком-нибудь тихом месте. Маша приступила к осуществлению этого плана, но судьба решила иначе. За несколько дней до свадьбы, которая должна была состояться в Шанхае, Юрий встретил на улице знакомую даму и зашел к ней в гости. Маша устроила ему сцену ревности. Каратыгин в запальчивости бросил фразу: «Если до свадьбы начинаются такие скандалы, что же будет потом?! Мне лучше сразу застрелиться!» Обезумевшая Маша крикнула: «Такие подлецы не стреляются, а вот от меня — получай!», и выстрелила из револьвера в него. Юрий Каратыгин не был убит, но случилось нечто худшее: пуля пробила позвоночник, а такое ранение ведет за собой необратимый паралич нижней половины тела. Когда на выстрел сбежались люди и была вызвана полиция (дело происходило в гостинице международного сэттельмента), Каратыгин твердо заявил, что стрелялся он сам и просит никого не винить. Маша рвала на себе волосы и клялась всю жизнь посвятить уходу за больным и замаливанию греха. Пострадавшего отправили в больницу. Вскоре пошли слухи, что врачи сомневаются в наличии попытки к самоубийству. Характер ранения указывал на то, что выстрел был произведен с некоторого расстояния.

Маше посоветовали скрыться из Шанхая и ехать с первым пароходом в Европу. Каратыгин должен был последовать за ней, как только он немного поправится и станет транспортабельным. Примерно в то же время на другом пароходе в Европу ехали Вяземские.

Появление бывшей атаманши на борту океанского пакетбота произвело сенсацию. Длительное морское путешествие всегда вызывает в пассажирах интерес друг к другу — тут же общительность «русской леди», непринужденность ее манер, ее хорошенькое личико, жемчуга и соболя, широкие траты, вывезенные ею из Шанхая и ходившие за ней по пятам китайчата «Митька» и «Витька», а главное — окружавшая ее легенда — привлекла к ней всеобщее внимание.

Англо-саксы находили все это «Very curious» (очень забавным), а французы задумывались над тайной непонятной им славянской души («l'âme slave»). Известно, что ничто так не успокаивает нервы, как пребывание на воде. Вероятно потому впечатления шанхайской драмы стали бледнеть в сознании Маши.

Через некоторое время она утерла слезы, и это позволило ей увидеть прелестного молодого шведа, который, изучив по воле родителей банковское дело в Японии, возвращался домой. Фамилия (или имя?) этого шведа была Аллан. Он тоже не остался равнодушным и, когда вся компания (Маша, Аллан, 2 китайчонка и какие-то приставшие в пути прихлебатели) появилась в Париже, куда мама прибыла несколько раньше, Аллан состоял уже на правах жениха.

На весьма естественный вопрос моей матери: «А как же Юрий Каратыгин?», Маша с жаром ответила: «Ах, это ничто не значит! Юрочка будет жить с нами. Я его искалечила — теперь я всю жизнь буду о нем заботиться и возить его в колясочке!».

Разрешив так просто эту дилемму, Маша была озабочена другим, а именно тем, что из-за незнания французского языка она не могла себя чувствовать свободно в очаровавшем ее Париже. Ей нужен был не только постоянный переводчик, но и ментор. Тут мама вспомнила, что в Париже в стесненном (как и все эмигранты) материальном положении живет Таня Вострякова²². Трудно представить себе людей более разных, чем Маша и Таня, однако на данном этапе жизни мамина мысль устроить Таню в качестве *dame de compagnie* к Марии Михайловне была очень удачной.

По воспитанию и характеру Таня не принадлежала к тому сорту легких в общезитии, но беспринципных людей, которые до той поры окружали Марию Михайловну. Совместная жизнь пошла не совсем гладко, но Таня сумела поставить себя на должную высоту. Впоследствии Мария Михайловна рассказывала, насколько она была поражена Таниной пунктуальностью в денежных делах (добродетель эту она, по-видимому, видела впервые!). Имея на руках крупные суммы и производя покупки в момент, когда весь мир был заражен духом наживы и спекуляции, Таня оставалась безупречной.

День проходил примерно так: вставали поздно, Маша в халате, непричесанная, долго вела с Таней задушевные беседы, гадала на картах, потом ехали по магазинам заказывать туалеты. Когда наступал вечер, Маша заискивающе говорила: «Танечка! Поедем на Пигаль*». И тут возрождались восточная экзотика: Маша в умопомрачительном платье с *vue de la Paix*, в соболях и жемчугах, сопутствуемая китайчатами в национальных костюмах, Алланом и многими другими, состав-

---

* Place Pigalle (Montmartre) — [район], где находятся знаменитые кафешантаны.

лявшими ее свиту, появлялась в каком-нибудь шикарном кафешантане, и весь зал приходил в движение. Бывали случаи, когда после полуночи она сама стояла на эстраде и под гром аплодисментов столь падких на всякие новинки парижан исполняла песни из своего парижского репертуара.

Так шло время. Однажды Маша прибежала к маме взволнованная и растроганная, чтобы сообщить важные новости: во-первых, у нее скоро будет ребенок, чему она очень рада, т.к. Аллан на ней обязательно женится, а иметь ребенка — эту ангельскую душеньку — великое счастье. Во-вторых, получена телеграмма: Юрий Каратыгин выехал из Шанхая, и она едет встречать его в Марселе («Юрочка непременно будет жить с нами»).

Каратыгину, однако, не пришлось испытать этого счастья. Не выдержав морского перехода, он умер в пути и, согласно морской традиции, был спущен в воды Индийского океана. Маша поплакала, но ее ждали другие и еще более тяжелые удары: в один прекрасный день газеты сообщили о крахе Шанхайского банка. Аллан, вспомнив, что он давно не видел своих почтенных родителей, отбыл в Швецию и никогда оттуда не вернулся.

Наступил период упадка. Маша и Таня переехали в дешевые меблированные комнаты. Вокруг остатков машинного имущества стали увиваться всякие дельцы, предлагая помощь в предъявлении претензий к Шанхайскому банку. (Банк, по слухам, собирался выплатить по 10 копеек за рубль, но это было гадательно.) Среди посетителей Марии Михайловны в ту пору были: кавалерийский офицер Евгений Яковлевич Сумцов, сыгравший впоследствии трагическую роль в жизни Тани (но об этом потом)²³ и тот самый московский прожигатель жизни Прасолов, который в 1912 году убил свою жену в ресторане «Стрельна» и против которого с обвинительной речью выступил на суде дядя Никс Чебышев²⁴. В Париже репутация Прасолова тоже была неблагоприятна. Таня не подала ему руки, и на этой почве поссорилась с Марией Михайловной и покинула ее.

После этого судьба Маши на некоторое время выпала из маминого поля зрения. Вяземский заболел печенью, и мама решила уехать с ним в Карлсбад, где кстати и жизнь была значительно дешевле, чем в Париже.

Теперь, чтобы связать концы в рассказе об атаманше Маше — я должна вернуться к лицам, упомянутым мною в начале этого повествования²⁵.

Младший сын весьма уважаемого и погибшего в начале революции генерала, князя Нахичеванского, учился в Пажеском корпусе и являл собою тип избалованного маменькиного сынка, со всеми вытекающими из этого недостатками. Во всяком случае, такое впечатление он производил, когда мама видела его еще в дореволюционные годы среди лиц, окружавших В. Кн. Михаила Александровича. (Муж дочери князя Нахичеванского, Керим Эриванский, был, как и Вяземский, ординарцем Велико-го Князя).

Когда мама жила в Карлсбаде, до нее дошел слух, что Юрий Нахичеванский в Париже женился на «богатой казачке», взялся за ум, стал добродетельным семьянином и погрузился в коммерческие дела. Самым же неожиданным для мамы было узнать, что «богатая казачка» — никто иная, как Маша. /.../ ²⁶

V. СНОВА В КАЛУГЕ

Дошедший до меня за границей слух о том, что из Москвы в феврале 1924 года было выслано много дворянской молодежи, оказался верным. Это мероприятие получило название «дела фокстрота».

За семь лет революции в семьях Шереметевых, Голицыных, Львовых и других им подобных подросло молодое поколение. Эти дети, видевшие лишь тревогу и лишения, но слышавшие о балах, на которых блистали их родители, как только жизнь с введением НЭПа стала легче, захотели во что бы то ни стало танцевать и веселиться. Молодежь была в большинстве своем талантливая и красивая, причем самым красивым, самым талантливым, но и самым причудливым был Борис Сабуров. (В ту пору он, как ни странно, увлекался футуризмом.)

Центром сборищ были антресоли шереметевского дома на Воздвиженке — там танцевали, пели под гитару, читали стихи Есенина и Северянина, завязывали юношеские романы до тех пор, пока все «мальчики» и некоторые из «девочек» не оказались сначала в тюрьме, а затем в ссылке.

Наиболее мягкой мерой репрессии была высылка из Москвы с ограничением «-6».

Калуга находилась в числе дозволенных городов и потому по приезде я увидела много новых лиц и прежде всего — у Марии Сергеевны Хольмберг — Анну Сергеевну Сабурову. Это была уже не та прекрасная дама в белом кружевном платье

и черной шляпе с перьями, которую я в свои детские годы видела у Сухаревой²⁷ и для которой, по моим тогдашним понятиям, должно было «литься много крови, много песней». Но следы этого обаянья и, главное, привычка видеть вокруг себя людей, поддавшихся этому обаянию — остались. С Анной Сергеевной в Калугу приехала ее дочь (уже взрослая) Ксения и младший сын, юноша лет двадцати, Юрий. Старший сын Борис был в ссылке, где-то около Ирбита.

Сабуровы поселились в маленьком домике на Горшечной улице — два привезенных с Воздвиженки золоченых кресла резко контрастировали с довольно убогим видом этого жилища. Денег было мало. Наиболее практичная из всех членов семьи, Ксения Александровна (на которую «-б» не распространялся) от времени до времени ездила в Москву, что-то продавала, и жизнь на некоторое время бывала обеспечена. /.../ ²⁸

В момент моего возвращения из заграницы Калуга, начавшая выходить из состояния запустения, была очень хороша: цвели сады, и покрытая свежей зеленью березка олицетворяла среднюю Россию у моего окна. Борис по-прежнему заведовал агрослужбой, тетя Оля Аксакова возглавляла церковный совет в Одигитриевской церкви. Ляля Базилевская приехала на все лето со своим сыном, дети Леонутовы выросли²⁹. Павлик совсем стал взрослым, и, увидя его после возвращения, я подумала: «Вот как раз таким представлялся мне "Божей рати лучший воин с безоблачным челом", когда я в детстве учила Лермонтова "Ветку Палестины"». Я поняла, что не будучи болезненным с виду, Павлик не может похвастаться крепким здоровьем. Он легко утомлялся и на военной призывной комиссии был забракован по сердечной статье. Живший рядом с нами старый доктор Дм[итрий] Андр[еевич] Муринов, бывший домашний врач семьи Вел. князя Конст[антина] Конст[антиновича], говорил: «В данном случае сердце не поспело за общим быстрым ростом. Через несколько лет эта аномалия сгладится, но пока надо следить за здоровьем и, главное, остерегаться ангины». Павлик это всегда помнил, тем более, что от времени до времени получал сигналы в виде резких болей в области сердца.

Девочки Леонутовы, из которых Оля была очень хорошенькой, учились в школе 2-й ступени, занимались в балетной студии и, главное, преуспевали в музыке. /.../ ³⁰

В эпоху НЭПа, когда повсюду зазвучали «интимные» песенки, героини которых назывались «Нинон» или «Лолита», к девочкам Леонутовым, уже прекрасно игравшим на фортепьяно, стали приходиться калужские девицы, прося аккомпанировать их

пению. Таким образом, я через стенку познакомилась с некоторыми «шедеврами» того времени. Особенное впечатление на меня произвела песня о том, как «Нинон, знаменитость Парижа, в восторженности вперед подалась», следя за тем, как на эстраде «в красном фраке танцует мулат».

Его смуглая кожа, как бронза,
Нестерпим его огненный взгляд!

Последние слова юные певицы произносили с особым чувством и с закрытыми глазами, вероятно, чтобы не ослепнуть от взгляда мулата! Павлик говорил, что он «ненавидит» и эту «пошлятину», и поющих девчонок. В отместку за это одна из калужских барышень задала ему ехидный вопрос: «Почему это Вы проводите время не с нами, а в обществе дам бальзаковского возраста?» (Намек на меня и Лялю Базилевскую.) На что Павлик ответил: «Потому, что это — общество довоенного качества!» Ответ, к сожалению, был не только не оценен, но и не понят. /.../ ³¹

Тревожные вести, доходившие летом 1924 года до нашей цитадели над Окой, невольно заставляли думать о непрочности этой «цитадели»: становилось ясно, что каждого из нас в любой момент может постигнуть любая неприятность, и появлялось желание уйти в мир каких-то других образов. На помощь приходило чтение — и на почве чтения возрастала моя дружба с Павликом Леонутовым. Зимой 1924-25 года он занимался (не слишком усердно!) на вечерних бухгалтерских курсах. Днем он был свободен и, пока я сидела за пядьцами, усаживался около меня с книгой. Нами было прочитано очень много: тут были и Лесков, и Анатолий Франс, и Ренье, и Бунин и, конечно, Тютчев.

Разногласий по поводу прочитанного у нас, как будто, никогда не возникало.

Вспоминаю, что Павлик не любил проводить аналогию между собою и кем-нибудь другим. Когда перед ним пытались ставить готовые примеры поведения и образа мыслей, он говорил: «Там так, а у меня совсем иначе!» Но однажды он допустил аналогию. Мы рассматривали книгу, посвященную Дмитрию Влад[имировичу] Веневитинову, в которой были и стихи, и портрет поэта, и очерк о его краткой жизни. Я сказала, что нахожу некоторое внешнее сходство между Павликом и Веневитиновым, а он добавил: «А для меня Вы то, чем для него была Зинаида Волконская!» О самой главной аналогии — смерти в 24 года мы тогда не знали!

С беседы о Веневитинове началось, пожалуй, то «лазурное царство», хрупкость и бесперспективность которого я все время сознавала, но за которое я не поскупилась изломать свою жизнь. Теперь я вижу, что конец этой неомраченной лазури был, несмотря на всю его трагичность, наиболее красивым из всех возможных, но высказать такую мысль можно только по прошествии многих, многих лет — раньше она показалась бы чудовищной.

Теперь, приоткрыв завесу над внутренними движущими силами, могущими объяснить те или иные поступки действующих лиц и, главным образом, мои, перехожу к изложению дальнейших событий.

Весною 1925 года в Ленинграде начался так называемый «лицейский процесс». Говорить об этом деле, инициатором которого, как слышала, был Зиновьев, я буду очень кратко, т.к., по существу, знаю очень мало, а именно: в апреле-мае все бывшие лицейсты, оставшиеся в СССР, были арестованы, около сорока человек лицейстов и их знакомых были расстреляны, а Шурик получил десять лет Соловков с конфискацией имущества. Из участников процесса, до ареста, он изредка виделся с Мишей Шильдером, сыном бывшего директора лицея, и своим однокурсником Грум-Гржимайло, сыном известного путешественника-географа*. Ни с кем другим он общения не имел.

После объявления приговора папа и Татьяна получили разрешение на прощальное свидание в тюрьме на Шпалерной, а через два дня скорбные группы родных и друзей, стоя вдоль Знаменской улицы, молча провожали глазами грузовики, везшие осужденных на бывший Николаевский вокзал.

Я сознательно говорю так сдержанно об этой трагедии, проходившей к тому же у меня на глазах, так как уверена, что найдутся люди, которые с должной силой опишут то, о чем я лишь упоминаю. Верю также, что памяти моего брата, оставившего неизгладимый след в Соловецкой эпопее, будут посвящены слова, могущие показаться недостаточно беспристрастными, исходя от меня³².

Упомяну только об одной встрече, которая была у меня в 1939 году. В лагере, на Вычегде, кладовщиком работал маленький худенький человек еврейского происхождения, по имени Адольф Шор. Узнав, что он был когда-то на Соловках, я спро-

---

* Шильдер погиб в 1925 году, Грум-Гржимайло оказался в числе немногих выпущенных на свободу.

сила, помнит ли он моего брата. Шор заплакал и сказал: «Поймите, Татьяна Александровна, он был нашей гордостью. Мы любовались его внешним и внутренним обликом, считали его образцом выдержки и благородства. Нас трудно было удивить чем-либо осенью 1929 г., и все же весь лагерь содрогнулся, узнав о его смерти!» /.../ ³³

VI. НА ЛАЗУРНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ

*О этот юг! О эта Ницца!
Как воздых ваш меня тревожит!**

Ф.Тютчев

Французско-итальянский берег Средиземного моря всегда привлекал русских людей, приезжавших залечивать сюда свои раны душевные и телесные.

В Ницце, в ту пору еще итальянской, с 1848 по 1852 год жили Герцены. Тут протекала их семейная драма, тут они узнали о гибели парохода, везшего их мать и сына, сюда же, на Лазурный берег, приехал умирать Александр Иванович, и на холме, возвышающемся над Ниццей, находится его могила.

В одном из своих писем ко мне летом 1926 года отец рекомендовал сходить на эту могилу с мальчиками. Находившийся в эмиграции его петербургский знакомый Бурнашев (тот самый, который в 1918 году открыл комиссионный магазин на Караванной улице!), узнав об этом, возмущенно сказал: «Александр Александрович там совсем с ума сошел! Посылает внуков поклониться могиле какого-то революционера!» Отец, которому я по возвращении передала эти слова, со свойственной ему категоричностью отчеканил: «Старый дурак!» Он высоко ценил Герцена и как человека, и как писателя, я же постоянно ставлю себе «Былое и думы» за образец и вижу в их авторе редкое сочетание ума и сердечности. Обычно в людях преобладает одно из этих качеств в ущерб другому. Меня также поражает та подкупающая правдивость, с которой Герцен открывает свой внутренний мир в наиболее критические моменты жизни. Он не щадит самого себя, не допускает никакой рисовки и от этого только выигрывает в глазах читателя. Однако для «исповеди»,

* У Ф.И.Тютчева вторая строка: «О, как их блеск меня тревожит!» — Публ.

которой местами являются «Былое и думы», нужна еще и смелость. Писать от первого лица «с поднятым забралом» не всегда легко, и я подчас чувствую эту трудность в ходе моего повествования.

Что касается моего пребывания на Лазурном побережье, то оно было подчинено решению проблемы: «Оставаться или возвращаться?» Этот вопрос доминировал над всем остальным и как бы заслонял прелести обстановки, которые я ощущала в приглушенном виде.

Сидя на берегу сверкающего синего моря, я ловила себя на мысли: «Что пользы туда смотреть?! Ведь там не Россия, а никому не нужная Африка!», а глядя на столь же сверкающее небо, я думала: «Боже мой! Если бы хоть часть этого света и тепла можно было перенести на Соловецкие острова!»

Таков был лейтмотив моего настроения, которое, кстати говоря, было совсем не интересно для окружающих и огорчало маму. Поэтому и тут я перехожу к более занимательным и вполне конкретным темам.

Мамин ресторанчик, носивший название «Café des Fleurs» и среди русских в шутку называемый «Вяземская Лавра»*, находился, как я уже говорила, очень близко от набережной Quai des Anglais. Состоял он из 2-х небольших зал, буфетной, кухни и двух жилых комнат. Вдоль фасада, под полотняным навесом, стояли столики. На противоположном углу находился городской сад, получивший после войны патристическое название «Эльзас-Лоррен».

В этом саду вскоре после нашего приезда произошел маленький инцидент, повергший меня в смущение. Димка по калужской манере «наподдал» там какой-то девчонке, и старый господин, сидевший на скамейке, сказал: «Ecouste, garçon! On ne bat pas les femmes en France!» («Слышишь, мальчик! Во Франции женщин не бьют!»).

Надо признать, что Дима после этого быстро европеизировался. С девчонками он больше не связывался, а задевая мальчишек, уже не показывал им кулак, издавая угрожающее рычание, как это делалось на берегах Оки. Проходя мимо врагов легким, пружинящим шагом, подносил ладонь к своей щеке и говорил: «Attention, eh!»** Если в Москве Димка и Алик, на мое несчастье, купили себе дудки «Уйди-уйди!», то теперь

---

* В Петербурге около Сенной под таким названием известен был притон нищих и бродяг.

** Остерегайся! (фр.)

они добились того, что мама подарила им игрушку, не менее неприятную для окружающих — я говорю о «третинетках» — каталках, на которых все мальчишки Ниццы с грохотом носились по тротуарам, подбивая прохожих. Наши от них не отставали до тех пор, пока Дима не нашел себе более благородное развлечение, принесшее ему даже некоторую славу.

Он подружился с владельцем соседнего гаража, который пожертвовал ему бракованную шину и даже сделал небольшое деревянное весло. На этой шине Димка уплывал в море, и каково же было наше удивление, когда мы увидели его фотографию в рекламной витрине самого фешенебельного купального павильона «La grande Bleue». За лето Дима научился хорошо плавать и даже бросаться в воду с вышки. /.../ ³⁴

Я приобрела станочек для плетения бисера и принялась за рукоделие. Летом 1926 г. еще держалась мода коротких и длинных нитей искусственного жемчуга, но чувствовалась тенденция к чему-то другому, новому. Появились украшения, в которых жемчуг сочетался с бисером. Я быстро освоила производство нового вида цепочек, браслетов, ожерелий, которые плелись на приспособлении, напоминающем маленький ткацкий станок, при помощи очень тонкой иглы. Рисунки и сочетания цветов можно было варьировать. Мое производство возымело некоторый успех и стали поступать заказы.

Времени для работы у меня было достаточно, т.к. курортные развлечения — пляжи и дансинги — меня не прельщали. «La grande Bleue» был заполнен американцами и австрийцами. Среди них иногда появлялся Вяземский, и я краем уха слышала, как он разводил перед этими дамами «турусы на колесах» о своих воинских подвигах и калужских латифундиях. Надо заметить, что в такие рассказы он пускался только в отсутствие мамы, которая ненавидела вранье, укоризненно качала головой и «портила ему всю музыку». Мама объясняла «Володину бескорыстную ложь из любви к искусству» плохой наследственностью по материнской линии (покойная Мария Владимировна Вяземская порою сильно напоминала барона Мюнхаузена).

Хвастовство на пляже было, в конце концов, только ни к чему не обязывающими пустыми словами. Гораздо хуже было то, что Вяземский очень мало помогал маме в ресторанных делах. Все его обязанности ограничивались тем, что в два часа ночи он опускал железный занавес (в прямом значении этого слова!) на стеклянную дверь. В остальное время он разгуливал по залу, заложив руки в карманы, подсаживался к столикам своих приятелей и ни за какую работу не брался. Маме

приходилось улаживать конфликты с персоналом (повар был каким-то неистовым Роландом), следить за обслуживанием и даже, в отдельных случаях, нести провизию с рынка. Она никогда не могла лечь спать раньше двух часов ночи, и постоянное стояние на ногах не годилось для ее здоровья. Бывали дни, когда мама не выдерживала и просила Володю взять, наконец, на себя какие-нибудь обязанности. Начинаясь не то драма, не то комедия. Обиженный Вяземский заявлял, что поскольку он «в тягость» и поскольку ему скучно жить без всякой романтики, он немедленно завербует в войска, сражающиеся в Сирии. Тут же он укладывал в ручной саквояж зубную щетку и полотенце и уходил на вокзал, откуда мама его в слезах возвращала. В таких случаях к ее утомительному дню присоединялась и бессонная ночь. Других результатов от переговоров не было.

Чтобы быть справедливой, я должна сказать, что в своих личных тратах и образе жизни Вяземский был скромн, пил он мало. В светло-сером костюме, который шел ему больше, чем черкеска, он не имел вида переодетого в штатское военного и был довольно элегантен. /.../ ³⁵

Наискось от нас по av. des Fleurs жила баронесса Варвара Ивановна Иксуль, та самая дама, портрет которой находится в Репинском зале Третьяковской галереи. Портрет этот, написанный в 80-х гг. прошлого века, изображающий очень красивую женщину с темными глазами, в ярко-красном платье, красной остроконечной шапочке, с которой до половины лица спускается черная вуалетка, достаточно хорошо известен, но не всем, может быть, известна жизнь этой замечательной женщины. Варвара Ивановна была не только красива, но и очень умна. То сердечное внимание, с которым она относилась ко мне летом 1926 года, я считаю большой честью.

Опираясь на трость, одетая во все черное, с белой камелией в петлице, Варвара Ивановна часто стучала мне в окно, приглашая пойти с ней к морю. Сидя на набережной, мы говорили о России и я читала по ее просьбе есенинские стихи. При этом я замечала, что она с болезненным интересом слушает подробности о жизни холодного и голодного Петрограда начала 20-х годов. Чем это объяснялось, я узнала гораздо позднее. В 1926 году я только могла вспоминать престиж, окружавший имя Варвары Ивановны во время войны 1914 г., когда она стала во главе Кауфмановской общины Сестер милосердия, установив там образцовую дисциплину. Но это был уже закат ее жизни. О том, что было раньше, я узнала от посещавшего мамин ресторанчик сына бывшего премьера Горе-

мыкина, который был хорошо осведомлен о прошлом Варвары Ивановны через друга его старшей сестры, бар. Медем. Горемыкин-сын отнюдь не блистал красотой, но был общителен и остроумен. Вот что он мне рассказал.

Дочь генерала Лутковского*, Варвара Ивановна в возрасте 16 лет была выдана замуж за очень богатого и немолодого человека Глинку-Маврина. Прожив несколько лет в Петербурге и имея двух сыновей, она, по словам Горемыкина, в один прекрасный день решила, что «с нее хватит» и уехала в Париж. Скандал был огромный, тем более, что Варвара Ивановна, попав в литературные круги, стала писать романы, предисловия к которым писал Мопассан.

Через несколько лет после развода с Глинкой-Мавриным Варвара Ивановна вышла замуж за дипломата барона Иксуль фон Гильдебрандт и, в качестве жены русского посланника, очутилась в Риме. Король Умберто был настолько пленен ее красотой, что однажды на Корсо появилась коляска, в которой барон и баронесса Иксуль занимали приличествующие им места, а король примостился на скамеечке у ног баронессы. /.../ Об этом стало известно в Петербурге, и шокированная имп. Мария Федоровна на очередном выходе во дворце выказала Варваре Ивановне свою немилость. Посланник Иксуль подал в отставку и вскоре умер, а его красивая и умная жена перешла «во фронду». Купив дом у Аларчина моста на Екатерининском канале, она открыла оппозиционному правительству салон. К этому времени, по-видимому, и относится репинский портрет, а также деятельность Варвары Ивановны по организации петербургских Высших женских курсов.

В 1914 г. к Варваре Ивановне, которая к тому времени переехала от Аларчина моста на Кировную улицу (она занимала бельэтаж дома, в который упирается Надеждинская ул., — в первом этаже жил ее друг профессор-хирург Н.А. Вельяминов) пришел тот же Горемыкин и, к своему удивлению, увидел на столе портрет имп. Марии Федоровны с любезной надписью. На его вопрос: «Что это значит?» — Варвара Ивановна ответила: «Мы помирились! Я согласилась стать во главе Кауфмановской общины. Теперь война и не время для мелких ссор!» Обязанности хирурга взял на себя Н.А. Вельяминов.

---

* Мать В.И. была Шевич. В конце XVIII века, в эпоху колонизации юга России, три семьи из Сербии — Шевичи, Штеричи и Депрерадовичи — были наделены обширными землями, возник Славяно-Сербский уезд Екатеринославской губ. Тут же в Нище В.И. установила, что у нас с ней есть несомненное и даже близкое родство через Калагеорги.

Теперь я, нарушая законы единства времени, уйду на 30 лет вперед, чтобы поведать печальную историю, услышанную мною случайно в глубине России, на берегах Вятки, историю до известной степени объяснившую мне тот болезненный интерес, который Варвара Ивановна проявляла к условиям жизни в Петрограде в первые годы революции. Не буду здесь объяснять, какими судьбами я оказалась в поселке, именуемом Вятскими Полянами (речь об этом пойдет в последующих главах), скажу только, что я работала в районной больнице, и что хирург П.А. Скочиллов, вернувшись в 1950 году из института усовершенствования врачей в Ленинграде, рассказал мне следующее:

«Профессор Самарин, который руководил нашими занятиями, читая историю русской хирургии, упомянул о председателе Пироговского общества проф. Вельяминове и о том большом вкладе, который он внес в развитие хирургии на основании своего опыта во время войны 1914-1918 гг. "Советской власти Вельяминов не принял, — говорил Самарин (по-видимому, его ученик). — Председательствуя в последний раз на собрании хирургического общества, он, обратясь к портрету Пирогова, сказал: 'Ave, Caesar, morituri te salutant!', — тут голос Самарина дрогнул, но он продолжал: — Вскоре Вельяминов был выселен из квартиры вместе с собакой — единственным оставшимся с ним близким существом. Он нашел пристанище в холодном, пустом помещении за Невой (в подсобном здании института Вредена) и очень нуждался. Когда последнее кресло было расколото на дрова и сожжено, Николай Александрович умер. На другой день нашли мертвой его собаку". После этих слов, — рассказывал далее Скочиллов, — Самарин, к нашему удивлению, закрыл лицо руками и быстро вышел, почти выбежал из аудитории. Через минуту появилась его ассистентка О.Я. Дембо, спрашивая: "В чем дело? Чем вы расстроили профессора? Он плачет!"».

Этот рассказ, дошедший до меня «неисповедимыми путями», теперь, когда никого из действующих лиц — ни Вельяминова, ни Самарина, ни даже Скочилова — нет в живых, я считаю достойным того, чтобы ради него нарушить хронологическую последовательность повествования.

Но возвращаюсь к лету 1926 г. и В.И. Иксуль. В ее салоне у Аларчина моста, среди других бывал и молодой Горький. Впоследствии он вспомнил старую «хлеб-соль» и помог ей выехать за границу. Н.А. Вельяминов остался в холодном и голодном Петрограде.

С именем Горького связан также один инцидент, поставивший меня летом 1926 г. в неловкое положение.

Варвара Ивановна пила у меня чай. Мамы при этом не было, но вошла мамина знакомая Анна Игнатьевна Кочубей (урожденная Закревская), дама, занимавшаяся переводом советских писателей — в частности, Зошенко, — на французский язык. Зашел общий разговор на литературные темы и, в частности, о Горьком. Варвара Ивановна спросила: «А что эта ужасная женщина Бенкендорф все еще при нем?» Кочубей вспыхнула и сказала: «Это моя сестра!», на что последовала спокойная реплика: «Я вас очень жалею!» А.И. Кочубей стала доказывать, что про ее сестру распушены всякие неблагоприятные слухи, что все это — клевета, и т.п. Когда она ушла, я спросила Варвару Ивановну, действительно ли она думает то, что сказала. И получила ответ: «Я не думаю — я знаю!»

Через год после описанной сцены Варвара Ивановна умерла в Париже, а еще позднее, весной 1928 года в Ленинграде я особенно четко вспомнила разговор за чайным столом: под заголовком «Бесчинства фашистских молодчиков» центральная «Правда» сообщала, что на вилле Горького в Сорренто был произведен обыск и секретарь Алексея Максимовича Бенкендорф подвергся домашнему аресту (в редакции, по-видимому, не знали, что Бенкендорф не «он», а «она»).

Горький после этого вернулся в Россию, но Бенкендорф с ним не поехала. Это и еще некоторые подробности я узнала совершенно случайно, в лагерях на Вычегде, но об этом в своем месте. Со времени разговора за чайным столом я заинтересовалась личностью М.И. Бенкендорф (во всяком случае, — незаурядной) и обращала внимание на то, что хотя бы вскользь появлялось о ней в печати³⁶. /.../ ³⁷

В середине лета в Ниццу приехали из Парижа тетя Лина и ее муж³⁸, и мы совершили автомобильную поездку в небольшой провансальский городок Вану. Меня поразило то, что стоит только выехать за пределы узкой полосы побережья, с ее богатейшими искусственными насаждениями, как ландшафт резко меняется. Взору открываются бедные водой возвышенности, кое-где поросшие оливковыми деревьями с узловатыми стволами и блеклой зеленью. Невольно думаешь: такой была эта земля сотни лет назад, так же опаляло ее сверкающее с синего неба солнце и так же искрилась на горизонте полоске синего моря.

По мере того, как мы продвигались вглубь страны, архаичность пейзажа дополнялась очертаниями небольшой средневековой крепости. Это был Сен-Поль-де-Вано, оплот христианского

побережья от набегов сарацинов. Ничто не может [быть] любопытнее и вместе с тем печальнее этого городка, заключенного в массивные стены древней кладки, с лабиринтом узких, поднимающихся уступами улочек. Постройки беспорядочно лепятся вокруг центра этой маленькой цитадели — собора с древними католическими реликвиями.

И вдруг все это: и средневековая крепость, и окружающий ее пустынный ландшафт — показались мне чем-то мертвым и очень грустным. Вспомнились приокские края и тут, как мне кажется, окончательно созрело мое решение возвращаться. Я тешила себя надеждою, что разлука с мамой и Димой только временная, что через год я снова вернусь на Лазурный берег. Будущее показало, насколько мои надежды были необоснованны!

Я стала готовиться к отъезду. Мама всячески противилась моему решению, зато тетя Лина, со свойственным ей апломбом, изрекала: «Каждый должен сидеть у себя в стране! И так уж наша бедная Франция задыхается от наплыва русских!» Для меня, конечно, теткино мнение значения не имело, но было противно видеть, сколь основательно она забыла время, когда выйдя замуж за Курнакова, она считала себя донской казачкой.

С половины лета мама начала думать об устройстве Димы и Алика в школу. В Ницце было учебное заведение для русских детей, возглавляемое г-ном Яхонтовым, но оно носило чисто эмигрантский характер. Разумнее было, чтобы мальчики получили образование на языке той страны, в которую они приехали, и было решено, что они будут помещены во французскую школу в гор. Каннах, жить там в русском общежитии и по воскресеньям приезжать к маме в Ниццу (от Канн до Ниццы 1 час езды дачным поездом).

В начале сентября мальчики переселились на новое место. Несколько раз мы с мамой там их навещали. Несомненно, что первые дни в интернате были болезненными, но, привыкнув, они полюбили Лазурный берег. Впоследствии я с радостью узнавала, что, став взрослым, Дима при каждой возможности устремлялся в те места, где протекали его школьные годы. Алик же так полюбил Канны, что живет там, насколько я знаю, и в настоящее время.

Но есть одно воспоминание, вызывающее во мне неослабевающую боль. Во время поездки в Канны мама сделала последнюю попытку удержать меня во Франции. Дачный поезд медленно тащился по берегу сверкающего моря. На остановке Биот я увидела, как из маминих глаз покатались слезы. Я же сидела, как истукан, и только в глубине души сознавала, как трудно

маме было отговаривать меня от «безрассудных поступков», способность совершать которые я, может быть, унаследовала от нее. Но в описываемое время я «закусила удила» и глушила боль разлуки уверенностью, что я вернусь через год. Воспоминание о Биоте до сих пор жжет меня, как каленое железо, и наиболее трагические события моей жизни я неизменно воспринимала, как возмездие «за Биот». /.../ ³⁹

VII. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ В КАЛУГЕ

Мой приезд внес некоторое оживление в жизнь калужан: все с интересом выслушивали мои рассказы, рассматривали привезенные мелочи и, в душе, наверное, удивлялись моему возвращению из «земного рая». Внешне, если не считать отсутствия Димы, на Нижней Садовой все осталось по-старому. Борис приезжал из Москвы в конце недели, уезжал в понедельник и очень дорожил днями пребывания дома, хотя Москва имела для него теперь некоторую притягательную силу: его шуточный флирт с Лидией Дмитриевной Некрасовой, ставшей теперь врачом-невропатологом, превратился в нечто большее, значительное и прочное. По субботам возобновились, как говорили Львовы, «аксаковские балишки», на которых, кроме их прежних посетителей, присутствовали теперь вновь приехавшие: Котя Штер из Нарыма, Борис Сабуров из Ирбита, Сергей Львов из Тобольска, Дмитрий Гудович тоже из каких-то дальних краев и — завсегда́тай московских салонов начала века — старый холостяк Николай Петрович Коновалов. Насколько я помню, на этих «балишках» было довольно весело: братья Сабуровы — очень музыкальные, играли на гитаре, братья Львовы, если не безукоризненно, то безотказно пели цыганские романсы, а Н.П. Коновалов с невозмутимым видом рассказывал самые смешные истории.

Однако и в самом разгаре веселья меня подчас охватывало щемящее чувство. Я понимала, что вся эта молодежь — обреченная, что это только маленькая передышка, нечто вроде «пира во время чумы». Помню, как мне стало жутко, когда милый Дмитрий Гудович вдруг вскочил из-за стола с цыганским припевом: «Пить будем и гулять будем, а смерть придет — помирать будем». Через десять лет никого из здесь поименованных не было в живых. Павлик Леонутов, тоже принимавший участие в «балишках», всех опередил — его не было в живых уже через два года.

Анна Ильинична Толстая, которая, благодаря своему чудесному пению под гитару, бывала украшением любых «балишек», в Калуге уже не жила. она переехала в Москву и там, после развода с Хольмбергом, вышла замуж за бывшего поливановца моего времени, профессора МГУ Павла Сергеевича Попова. Навещая ее во время моих довольно частых поездок в Москву, я однажды была свидетельницей забавной сцены: ее двоюродная сестра Софья Андреевна, бывшая сначала замужем за Сергеем Сухотиным, а потом короткое время за Сергеем Есениным, при мне разговаривала от Анны Ильиничны по телефону с Цявловским (это было тогда, когда между двоюродными сестрами еще поддерживались какие-то приемлемые отношения). Цявловский незадолго до того опубликовал статью о Есенине, в которой Софья Андреевна Толстая называлась его пятой женой⁴⁰. Это ее настолько возмутило, что она топала ногами и кричала в трубку: «Я не пятая, я — четвертая!»

Вернувшись из-за границы, я решила, что мне необходимо приобрести «гражданское лицо» и стать членом профсоюза. Поскольку за мной имелись 3 года ученья в Строгановском училище, я считала подходящим для себя союз Рабис. Помочь мне взялся Б.А. Сабуров, который, будучи законченным художником, стал брать в калужском отделе Рабиса заказы на плакаты, диаграммы и т.п. Через него я получила предложение вышить знамя, на котором кроме надписей должны были быть все эмблемы искусства: театральная маска, палитра, кисти и еще что-то. Борис Александрович сделал рисунок, и я принялась за работу в надежде, что, увидя мое мастерство, меня сразу же проведут в члены союза. Ничего подобного не случилось — я просидела над этим знаменем два месяца, затратила много своего материала, и все зря! Мне довольно скудно заплатили и в члены союза не провели (вероятно, из-за происхождения).

Старшего Сабурова я раньше мельком видела у Мики Морозова⁴¹. Тогда это был очень элегантный молодой человек. Теперь вид у него был изможденный и ходил он в подчеркнуто обтрепанной одежде (особый вид рисовки!). Я не могу сейчас точно представить себе его лица, но знаю, что ни у кого я не видела таких «бездонных» глаз — никакой другой эпитет к глазам Сабурова не подходит.

Я уже говорила, насколько своеобразна была его мать. Ее речи подчас были ошеломляющи. Помню, как за чаем у Марии Сергеевны Хольмберг (рожд. Горчаковой) ее отдаленная тетка Анна Сергеевна совершенно серьезно рассказывала, как путем напряжения духовных сил она создавала облик своих детей.

«Когда я была в ожидании своего старшего сына, умершего в возрасте 4-х лет, — говорила Анна Сергеевна, — я в первый раз прочитала "Бедные люди" Достоевского и находилась под глубоким впечатлением этой повести. Родившийся ребенок был олицетворением милосердия: он все раздавал. Перед тем, как родиться Борису, я часто смотрела на море. Это отразилось в его глазах и на его характере. Создавая Ксению, я думала о женщине, как о хранительнице жизни, о ее роли в домашнем уюте...» Тут раздался голос Ксении Александровны: «Ах, мамá, неужели ты не могла подумать о чем-нибудь более красивом!»

Если стать на путь литературных аналогий, можно сказать, что (за исключением разумной Ксении Александровны) Сабуровы, в какой-то мере, шли по линии Дон-Кихота: благородство побуждений, фантазерство, непрактичность (ограничительное «в какой-то мере» я добавляю потому, что у них было не свойственное Дон-Кихоту желание «произвести впечатление»).

Зато в Львовых не было и тени донкихотства — они твердо стояли на земле. Приехавший из Тобольска Сергей Сергеевич был значительно умнее Юрия. Кроме того, как баловень родителей и по природе склонный к интригам, там, где Юрий действовал напрямик, он прибегал к хитрости и всегда оказывался в более выгодном положении.

В описываемое мною время благосостояние семьи Львовых держалось на брате Владимире, которого мне приходится ввести в рассказ, несмотря на то, что я его до весны 1930 года никогда не видела и он для меня был той мифической личностью, от которой исходит денежная благодать. Братья его в шутку называли «Гжельский магнат». История этого магнатства такова: выскочив из окна во время ареста братьев в Москве*, Владимир Львов решил немедленно уехать из города. Не знаю, что его туда привело, но он очутился в Гжельском районе, крае, издавна славящемся гончарным производством. При царе Алексее Михайловиче там уже изготовлялся гжельский кирпич и те своеобразные кувшины, жбаны и подсвечники, которые продавались на московском грибном рынке.

С введением НЭПа кустарное производство оживилось, и в Гжели вновь завертелись гончарные круги и запылали горны. Владимир Львов, у которого были золотые руки и неиссякаемый задор в работе, быстро освоил тайны гончарного производства. Через год напряженного труда, он, в компании с жившей

---

* По «делу фокстрота» в 1924. — Публ.

в Гжели художницей и специалисткой по керамике М.Н. Чибисовой, открыл собственную мастерскую электротехнического фарфора. Эта мастерская и была источником гжельской благодати.

Много позднее и из самых достоверных источников я узнала некоторые подробности. Сказать, что «семейные устои были крепки в семье Львовых», было бы слишком мало. Сергей Евгеньевич (так называемый Львов-Делец⁴²) жил по Домострою. По субботам он приезжал из Москвы в Гжель, выворачивал карманы у сына, забирал все деньги и распределял по своему усмотрению: часть брал на московскую жизнь, другую — Юрочке, третью — Сереженьке. Несчастный «магнат», которому в понедельник предстояло платить за дрова и за материал, находился в безвыходном положении, но возражать не смел.

Из разговоров молодежи, имеющей ограничение «-б», я поняла, что в эпоху московских фокстротов Владимир Львов ухаживал за Ксенией Сабуровой. Однако с отъездом в Гжель их отношения, как будто, прервались и, несмотря на старания братьев влить в эти отношения жизненные силы, уже не возобновлялись.

Поскольку уж я вступила на путь «сования носа в чужие дела» (этим невольно грешат все мемуаристы!), добавлю, что, вернувшись из Тобольска, Сергей Львов переживал крушение своих надежд. По-видимому, у него было тайное намерение жениться на очаровательной Мариньке Гудович (двоюродной сестре Сабуровых), но на этом пути встретились серьезные препятствия. Сергей Львов был уязвлен и даже допускал высказывания, напоминавшие лису перед виноградником из басни Крылова, высказывания, о которых ему впоследствии вероятно было стыдно вспоминать. (М.А. Гудович в конце концов стала его женой).

Очень симпатичным был приехавший в Калугу Дмитрий Гудович (брат вышеупомянутой Мариньки). Простодушный, общительный, красивый, он сразу располагал в свою пользу. Один только Борис, никогда не ценивший простоты и непосредственности, находил его слишком демократичным и «деклассированным».

Летом наша квартира уплотнилась. Борис привез из Москвы шестимесячного щенка-боксерса — Кэди. Это было удивительно милое существо, которое заняло в моем сердце еще большее место, чем когда-то дяди-Колина Альфа. Кэди была коричневой тигровой масти, глаза у нее были большие, доверчивые, а рот служил только для того, чтобы есть, а отнюдь не для того,

чтобы кусаться. В Калуге такие собаки были редкостью, и, когда Павлик Леонутов в первый раз повел ее гулять, — он очень любил животных и, в частности, Кэди, — мальчишки из подворотни кричали ему вслед: «У, дэнди-лонди!» Мать же его, Любовь Павловна, глядя в окно, говорила: «Ну вот, нашел себе дело: бульдогов прогуливать! Делал бы что-нибудь более полезное!» Единственный упрек, который Павлик слышал в семье, заключался в том, что он «не добытчик». Он не умел, да и не хотел куда-то поехать, что-то привезти, как это делали «добытчики» того времени. Закончив свои бухгалтерские курсы, он отсиживал без энтузиазма положенные часы в каком-нибудь совучреждении, вернувшись домой, раскалывал необходимую порцию дров и переходил к «созерцательному образу жизни». Мы с Лялей Базилевской в шутку называли его «Лодерé», производя это слово от «лодырь». Вместе с тем, это было имя героя из «Вампуки», который поет: «ужасная погоня, бежим, спешим!» и не двигается с места. Вместе с тем мы понимали, что инертность происходит от слабости здоровья. Мы по-прежнему много вместе читали, и наша дружба процветала.

Так прошла зима 1926-27 гг. В июне я, как обычно, поехала в Ленинград к отцу. Татьяна только что вернулась из Соловков, где ей удалось получить свидание с Шуриком. Думаю, что это свидание было очень тягостным для обоих. (К этому времени относится их фотография у большого валуна на фоне панорамы Соловецкого Кремля). Шурик благодарил меня за отвоз Алика, но говорил, что ему было бы спокойнее чувствовать и меня во Франции.

На политическом горизонте, между тем, стали сгущаться тучи. Через несколько дней после моего возвращения в Калугу, на Мойке, около Невского взорвалась бомба в помещении комитета партии. Кто был виновником этого взрыва, широкой публике осталось неизвестным, но в стране создалось тревожное настроение, которое нарастало всю следующую зиму и достигло наибольшего напряжения весной 1928 г. во время «шахтинского дела».

О поездке за границу не могло быть и речи. Еще зимою и у нас, и у Леонутовых назрело убеждение, что калужские возможности исчерпаны. Таня и Оля делали успехи в музыке (рулады Листа и Грига не смолкали весь день), и желательно было учиться дальше. К тому же, их отец, Иван Дмитриевич, благодаря помощи Татьянки получил место в концессии Мологолес, перешедшей к тому времени в ведение государства, и жил под Ленинградом на станции Мга. Виктор Леонутов после пяти лет

мучительных усилий и труда оканчивал Институт путей сообщения и мечтал дать возможность учиться брату. Найти квартиру в Ленинграде в 1928 году было трудновато, но возможно.

В середине зимы я снова сделала попытку пройти в профсоюз. Я взялась организовать мастерскую художественной вышивки, съездила в Москву, взяла у Сони Балашовой, которая вела такую же деятельность в широком масштабе, рисунки, запаслась материалами, заказала пяльцы и принялась прививать хороший вкус молодым калужанкам. Ученицы выражали мне свою преданность, толпами ходили провожать меня с занятий, и это не понравилось начальству, которое меня при первой возможности «съело».

Ближе к весне выяснилось, что агрослужба при Сызрано-Вяземской ж.д. ликвидируется. Борису предстояло думать о новой работе, и наш переезд в Ленинград был окончательно решен.

В середине апреля, воспользовавшись тем, что курсы, на которых я еще преподавала, закрылись на 10 дней по случаю Пасхи, я отправилась к отцу. Одновременно со мной поехал в Ленинград Павлик, чтобы в Калугу больше не возвращаться.

Отца я застала очень опечаленным: только что скончался его ближайший друг послевоенных лет, хранитель Пушкинского Дома Академии Наук, Борис Львович Модзалевский. Мы часто потом говорили с отцом, что своей смертью Борис Львович как бы открыл серию всевозможных утрат и несчастий в нашей семье.

К пасхальной заутрене мы, т.е. Татьяна, Павлик и я, собрались в Греческой церкви. К нам присоединился только что приехавший из Соловков, за окончанием срока, Тимоша Прохоров, сын владельца Трехгорной мануфактуры в Москве, добродушный человек, имевший лишь трехлетний срок. В последующие дни он рассказывал много интересного о соловецкой жизни (Прохоров был в шуриковой 10-й роте) и цитировал шуточные стихи их друга Мартынова. Помню строки, касающиеся самого рассказчика. Описав, как один из жителей барака Аккерман плещется водою по утрам, Мартынов добавляет:

Но Аккермановских затей
Не одобряет Тимофей.
Не вертопрах он, не кокетка,
И шею моет очень редко.

Других куплетов я, к сожалению, не запомнила.

В четверг на пасхальной неделе я должна была выехать, чтобы завершить выпускные экзамены на курсах и получить, как я надеялась, профбилет. Татьяна и Павлик провожали меня на вокзале. Через оконное стекло я увидела на глазах Павлика едва сдерживаемые слезы. Выйдя на Знаменскую площадь, он сказал Татьянке: «Не знаю, что со мной делается. Нервы у меня, видимо, расшатались! Мне кажется, что мы никогда больше не увидимся!»

Вернувшись в Калугу, я узнала, что за мое отсутствие я была «снята с работы» как «лицо непролетарского происхождения». Надежда на профбилет снова рухнула. Протестовать было бессмысленно, т.к. это мероприятие соответствовало духу времени. Шахтинское дело призывало к «бдительности».

В квартире у нас начались приготовления к отъезду. Вещи были зашиты в рогожу для отправки в Ленинград. Борис уже рассчитался с Сызрано-Вяземской ж.д., и вдруг на имя Леонутых приходит телеграмма первая: от 2-го мая — «Павлик тяжело болен. Выезжать не следует» и от 3-го мая — «Павлик скончался стрептококковой ангины».

Произошло следующее: Виктор Леонутыч готовил дипломный проект. Комната его была завалена чертежами, и, чтобы не мешать брату, Павлик временно переехал к его товарищу. В соседней комнате лежал матрос, больной тяжелой формой ангины. Вскоре Павлик почувствовал боль в горле, 1-го мая приехавший из Мги на праздник отец перевез его в больницу на 2-й Советской улице. Там была сделана трахеотомия. Наступило некоторое улучшение, но на следующий день наступило то, чего всегда опасался доктор Муринов, предостерегавший Павлика от ангины, — не выдержало сердце.

Похоронили его на кладбище Новодевичьего монастыря. За гробом шли отец, брат и Татьяна. Все другие оплакивали его на берегах Оки.

Могилы его больше не существует, но я вспоминаю Павлика, приходя на могилу Веневитинова на Новодевичьем кладбище в Москве. Ведь мы с ним когда-то «играли в Веневитинова и Зинаиду Волконскую» — сохраняя, конечно, все пропорции и дистанции, как говорят французы, «*toutes proportions gardées*».

Теперь мне кажется уместным, поскольку было упомянуто его имя, привести подробности переноса праха Веневитинова из Донского монастыря на Новодевичье кладбище. Дело это было поручено сотруднице Исторического музея и приятельнице моего отца Марии Юрьевне Барановской, от которой я узнала следующее: Веневитинов всегда носил на руке кольцо, пода-

ренное ему Зинаидой Волконской, и завещал не снимать этого кольца после его смерти. При перенесении останков, гроб был вскрыт — кольцо оказалось на месте, но, по распоряжению выше, было изъято и помещено в Литературный музей. Когда Мария Юрьевна вернулась после этой операции, отец с полугрустной, полусаркастической улыбкой сказал: «Ну что же, Мария Юрьевна — Вы точно выполнили волю покойного!»

Но возвращаюсь к прошлому. Жизнь шла своим чередом. Татьяна нашла квартиру на Мойке близ Синего моста (знакомство молодых Сиверсов с Давыдовыми, владельцами квартиры, желавшими «уплотниться», относится ко времени НЭПа, когда Татьяна и Шурик бывали на Морской в обществе Куинджи. Там собирались люди, имевшие отношение к искусству)⁴³.

Борис выехал в Ленинград, договорился с Давыдовыми, перевез вещи, все расставил и развесил, так что мне осталось только взять Кэди на цепочку и ехать на все готовое.

Леонутовы должны были ехать позднее, и я обещала подыскать для них квартиру.

Устроив меня на новом месте жительства, Борис обошел несколько учреждений и увидел, что подходящего места ему в Ленинграде не найти, а так как политическая обстановка отнюдь не разряжалась, он решил на весьма разумный по тому времени шаг: подписал контракт на три года и уехал в тогдашнюю столицу Казахстана Кзыл-Орду (быв. Казалинск) в качестве зав. сельскохозяйственным снабжением Казахской республики.

Я осталась на берегах Невы, или, вернее, на берегах ее рукава — Мойки. /.../ ⁴⁴

VIII. НА МОЙКЕ

Как это видно из предыдущей главы, в Ленинград я приехала в подавленном состоянии духа и жизнь воспринимала «à contre soi». Эта апатия продолжалась до ноября месяца, когда по методу «клин клином вышибай» она была с меня сбита событиями, о которых я буду говорить ниже.

Проводив в середине лета Бориса в Казахстан, я могла часами сидеть у окна, смотреть на медленно текущую перед моими глазами Мойку, на узор ее чугунной ограды и не сознавать ничего, кроме своей опустошенности.

Отец, не вдаваясь в подробности, видел, что у меня скверно на душе. Он часто заходил ко мне и был со мной очень, очень

нежен. Вечером мы с Кэди обычно шли его провожать домой на Миллионную. Шли мы всегда набережной Мойки, мимо квартиры Пушкина и Мошковым переулком. Надо сказать, что в 1928 году я все свои маршруты по городу планировала так, чтобы не выходить на Неву: у меня была какая-то неврастеническая причуда, в которой я никому не признавалась: я не могла видеть Невы, казавшейся мне страшной, глубокой и холодной. Впоследствии это бесследно прошло.

Однажды (кажется, это было в сентябре) я увидела громадную толпу народа на площади перед Мариинским дворцом. Это было шествие рабочих и служащих Ленинграда с плакатами, на которых было написано: «Смерть Рамзину и его сообщникам по шахтинскому делу!», «Требуем высшей меры наказания!» и т.д. Этой демонстрации предшествовали собрания во всех учреждениях, где предлагалось вынести соответствующие резолюции. И вот, к всеобщему удивлению, нашлось одно место, где предложенная резолюция встретила возражения. Это была Военно-медицинская академия. Там поднялся профессор Михаил Иванович Аствацатуров и сказал: «Напоминаю, что мы все принимали медицинскую присягу охранять жизнь. Поэтому мы не можем и не будем выносить смертных приговоров»⁴⁵.

Впоследствии оказалось, что Рамзин не только не был расстрелян, но через несколько лет был даже награжден орденом, и все же демонстрации 1928 года производили очень тяжелое впечатление, отбрасывающее ко времени Понтия Пилата!

Внешне моя жизнь была обставлена хорошо. Квартира состояла из большой комнаты в 40 квадратных метров с двумя широкими окнами, выходящими на набережную Мойки, и светлой, но холодной кухни (впрочем, вся квартира была холодная, т.к. помещалась над неотапливаемым и полуразрушенным подвалом). Район был чудесный: дом находился в двух шагах от Исаакиевской площади — задний фасад его выходил на Большую Морскую (теперь ул. Герцена), так что все красоты города были в непосредственной близости от моего жилища.

Теперь надо сказать несколько слов о моих соседях — Владимире Александровиче и Евгении Назарьевне Давыдовых, людях совершенно разных, но интересных, каждый в своем роде.

Владимир Александрович очень худой, бледный и как бы невесомый человек с большими темными глазами — был сыном известного в конце XIX века певца Александра Константиновича Давыдова*, автора популярного романа «Пара гнедых».

* Армянин по национальности, чья настоящая фамилия была Карапетов.

Болезненный, избалованный, приятный в обращении, Владимир Александрович обладал большим художественным чутьем и знал толк во всех видах искусств настолько, что когда в Эрмитаже возникали сомнения при определении той или иной картины, к Владимиру Александровичу приходил «эрмитажник» Яремич и призывал его на совет⁴⁶.

Евгения Назарьевна была полной противоположностью своему мужу и относилась к нему, как к капризному, но очаровательному ребенку, которого надо, с одной стороны, баловать, а с другой — ни на минуту не выпускать из-под власти. Лицо ее, хотя и напоминало полный диск луны, но не было лишено известной приятности или, вернее, «забавности», так как на нем отражались все движения ее бурной души. Не злая по натуре, Евгения Назарьевна была способна на самые невероятные выходки, за что я с полным основанием называла ее «Неистовый Роланд». Пустить в свою квартиру с целью уплотнения чужих людей (т.е. нас) для Евгении Назарьевны было целой проблемой, и кандидатура подверглась всестороннему изучению. Наконец, после вынесения положительного решения, наше переселение было обусловлено рядом условий: 1. Самим в ЖАКТ не ходить, 2. С жильцами дома знакомств не заводить (?), 3. Платить, кроме взносов за площадь в ЖАКТ, 10 руб. в месяц (институт «квартирохозяев» в Ленинграде был еще не отменен).

С течением времени (особенно после отъезда Бориса), видя, что я не только строго выполняю ее условия, но и нахожусь в «сомнамбулическом» состоянии, Евгения Назарьевна прониклась ко мне благожелательными и покровительственными чувствами — стала проводить меня в какие-то закрытые кооперативы и столовые, познакомила с портнихами, у которых я смогла получать заказы на вышивки. Вместе с тем, она рассматривала меня как некоего «несмышленища», которого можно всецело подчинить своей воле. По мере того, как я выходила из своего сомнамбулического состояния, я стала протестовать против уж слишком явного вмешательства в мои дела — возникли конфликты, после которых мы с Евгенией Назарьевной 2-3 дня не разговаривали. Разрядка происходила самым неожиданным образом. Помню такой случай: между нами и Давыдовыми была так называемая «нейтральная зона» — узкая длинная комната, где находился телефон. Выйдя на телефонный звонок в момент «перерыва дипломатических отношений», я увидела, как давыдовская дверь приотворяется и из нее высунулась палка с привязанным к ней носовым платком (белый флаг). Я, конечно, рассмеялась, и инцидент был исчерпан. /.../

Такова была внешняя обстановка первых месяцев моей ленинградской жизни. Борис часто писал из Кзыл-Орды и аккуратно высылал деньги на мое прожитье.

Но вот в начале октября ко мне пришел отец, чтобы посоветоваться относительно предложения, сделанного ему ученым секретарем Академии наук Ольденбургом, баллотироваться на должность заведующего русским отделом Библиотеки Академии. Отец был в нерешительности — ему не хотелось расставаться с Эрмитажем — но Ольденбург всячески настаивал. В ответ на слова моего отца, что его кандидатура может оказаться неподходящей из-за его «непролетарского» происхождения, тот с жаром воскликнул: «Имейте в виду, Александр Александрович, что за Вас мы все, как один, умрем!» Таковы были подлинные слова, о которых отец потом не раз вспоминал с саркастической улыбкой. Дело кончилось тем, что отец дал согласие баллотироваться и был единогласно избран. Однако, вступив в новую должность, он с Эрмитажем сразу не расстался и решил использовать причитающийся ему отпуск в качестве «испытательного срока». Все, как будто, было обдумано, но никто не знал, что в это время на Академию уже готовился удар, первой жертвой которого и оказался мой отец. В середине ноября ранним утром ко мне прибежала Александра Ивановна и сообщила, что ночью папа был арестован и увезен в ДПЗ; одновременно был взят заведующий Публичной библиотекой Бенешевич⁴⁷. Кабинет отца с его многочисленными картотеками, папками, книжными шкафами обычному обыску не поддавался, и поэтому был опечатан. В течение недели приходили какие-то эксперты, все пересматривали и, наконец, видимо ничего интересного для себя не найдя, сняли печать и больше не появлялись.

Арест отца и был тем событием, которое потрясло с меня всякую апатию. Началась зима передач, хлопот о свидании и напряженного ожидания. Никто из Академии, конечно, и не подумал «умирать за Александра Александровича», но это было отчасти понятно: на них готовился второй и еще более тяжелый удар, о котором я скажу ниже.

Не в пример академикам, эрмитажники отнеслись с полным сочувствием, и я получила из недр этого учреждения большую моральную поддержку в лице сотрудницы отца Ольги Васильевны Тепленко. С этой очень приятной дамой отец познакомил меня еще летом в вегетарианской столовой на Морской. Теперь же она, заходя справиться о вестях со Шпалерной, возымела чудесную мысль пригласить меня посещать вместе с ней лекции по истории искусств в Эрмитажном театре. Доступ туда был

ограничен, и, хотя лекции проводились под флагом «Рабочего университета», аудиторию составляла интеллигенция, имеющая отношение к искусству, на что и была рассчитана тематика.

Очаровательный круглый зал екатеринских времен с его стоящими в мраморных нишах скульптурами уже сам по себе доставлял удовольствие. Лекции также были в большинстве случаев интересными; уводя в прошлые времена, они оказались хорошим средством возвращения меня к современной жизни. С благодарностью вспоминаю лекции по средневековому искусству сотрудника Эрмитажа Голованя⁴⁸ и, в частности, тот случай, когда, увидя на световом экране изображение горельефа на тему Страшного Суда, я с замиранием сердца задала себе вопрос: «Ну, как сейчас лектор назовет находящегося в центре группы Христа?» А потом успокоилась, услышав: «Направо от Судящего...» и т.д. Такая формулировка меня вполне удовлетворила.

Интересны были лекции Т.Ф. Сапожниковой о Венеции XVII века и художника Пунина⁴⁹ о новой французской живописи.

Другим «подарком судьбы» того времени было знакомство с Ниночкой Иваненко, доброй душой, чья жизнь состояла в том, чтобы наподобие плюща обвивать чьи-то страдания. Семья Иваненко — из небогатых помещиков Курской губернии — жила на набережной Невы в доме, непосредственно примыкающем к Эрмитажному театру. Отец Ниночки, Александр Сергеевич /.../ ездил теперь в качестве проводника по Мурманской железной дороге. Ниночка работала машинисткой в Судотресте, другая сестра — Галя — кончала медицинский институт, и вся семья была очень радушна и гостеприимна.

Через Ниночку Иваненко я познакомилась с Екатериной Павловной Султановой-Летковой, в прошлом писательницей, дамой-патронессой либерального толка и приятельницей В.И. Икскуль. Ныне она жила на Миллионной в общежитии Дома ученых рядом с М-те Менделеевой. У Екатерины Павловны были широкие знакомства в академических и артистических кругах, так что она постоянно снабжала Ниночку билетами на закрытые концерты и лекции в Доме ученых, а та всячески старалась втянуть меня в круг этих развлечений.

В начале 1929 года в связи с приездом в Ленинград А.В. Луначарского был объявлен его доклад о международном философском конгрессе в Оксфорде, с которого он незадолго до того возвратился. Мы с Ниночкой заблаговременно явились в Юсуповский дом, где должен был состояться доклад, и уселись в первом ряду. Зал был переполнен, но время шло, а лектор не появлялся.

Наконец, кто-то с эстрады объявил, что Анатолий Васильевич задержался по весьма срочному и важному делу в Академии, но все же обещает, хотя и с опозданием, прибыть. Никто не стал расходиться. Наконец, около 11 часов появился явно взволнованный Луначарский и сказал: «Прошу меня извинить. Я задержался на экстренном заседании совета Академии Наук. На нас пала тяжелая обязанность лишить звания академиков Платонова, Лихачева, Любавского и Тарле»⁵⁰. В потрясенном зале воцарилось молчание. Овладев собой, Луначарский перешел к докладу. Излагая свои впечатления о поездке в Оксфорд, он ни на минуту не присаживался и нервно ходил из конца в конец эстрады, изредка взглядывая на молчаливого человека с черными пронизывающими глазами, сидящего тут же за небольшим столиком в качестве секретаря. Не знаю, насколько это так, но я слышала, что по причине того, что Анатолий Васильевич в ходе своих речей был способен увлекаться и говорить лишнее, к нему был приставлен в качестве сдерживающего начала этот «секретарь» с черными глазами.

Из всего сказанного на этом докладе я поняла, что съезд в Оксфорде был очень интересным и что на Западе появились новые философские течения, из которых одно (сущность его не была изложена) легко может вступить в борьбу с материализмом (тут взгляд на «секретаря» и оговорка «кроме диалектического, конечно!»). /.../ ⁵¹

Два или три раза мне удалось получить свидание с отцом в ДПЗ через две решетки, но эти свидания радости не доставляли, и папа обычно прерывал их ранее назначенного срока. Зато в апреле месяце, когда отца, больного воспалением легких, привезли со Шпалерной домой, мы возликовали и вообразили, что все муки кончены.

За 5 месяцев пребывания в тюрьме папа ясно понял причину своего ареста: «снять его с работы» во время чистки Академии было неудобно, т.к. должность выборная — надо было действовать иначе и более радикально.

Первое время его обвиняли в похищении из Государственного Архива дневника короля Станислава Понятовского, над которым он одно время работал. Потом, когда отец указал точно, в каком отделе Архива этот дневник должен находиться, и сотрудники Архива удостоверили, что рукопись на месте, о Станиславе Понятовском никто больше не вспоминал. Других обвинений не предъявлялось, разве что камергерство в прошлом, которое отец никогда не скрывал!

По прибытии домой папа был уложен в постель и, благодаря заботам его старой знакомой врача Дитерихс, силы его стали восстанавливаться.

Не знаю, кому он был обязан этой временной передышкой, «временной» потому, что через месяц с небольшим мы увидели, что муки далеко не кончены. Все радужные надежды разлетелись в прах, когда отца снова забрали на Шпалерную и там объявили, что по постановлению Тройки НКВД он высылается на 3 года в Туруханск, причем следовать туда будет по этапу.

Я помчалась в Москву, надеясь через Красный Крест и Екатерину Павловну Пешкову выхлопотать право ехать в ссылку за свой счет, но пока шла переписка, отца погрузили в товарный вагон, и Александра Ивановна еле успела передать ему рюкзак и корзинку с продуктами.

До 1937 года я бережно хранила пачку писем отца из сибирской ссылки. Письма эти представляли большой интерес как по своему стилю, так и по содержанию. С большой наблюдательностью и объективностью отец описывал этап и 4 зимы, проведенные на берегах Енисея (в Туруханске, Верхне-Инбатском и Ворогове). Четвертая зима досталась отцу сверх нормы, потому что необходимые для выезда бумаги не успели до закрытия навигации. И все эти невозможные жизненные документы были у меня отобраны совершенно бессмысленно в Саратове. Всем известно, что «этап» — это самая тяжелая часть хождения по мукам, именуемого «ссылка». И страшен этап, главным образом, из-за непосредственной близости с уголовниками, которые обычно проявляют свою деятельность при полном невмешательстве конвоя и начальства. Комендант Новосибирской тюрьмы был в этом отношении приятным исключением. При следовании этапа с вокзала в тюрьму (людей гнали пешком, а вещи везли на телеге) папина корзинка оказалась прорезанной ножом и опустошенной. Узнав об этом, комендант запер ворота, указал на большой камень и заявил, что никого не пустит во двор, пока все украденное не будет собрано и положено на этот камень. Люди стояли перед воротами больше часа. Наконец это, видимо, надоело, и вещи отца (за исключением всего съедобного) стали появляться на камне. Съестных продуктов уже не существовало — они были мгновенно поделены и «использованы по назначению». Отцу таким образом предстоял путь до Красноярска и бесконечное следование вниз по Енисею в трюме парохода «Спартак» на казенном пайке черного хлеба, но я об этом узнала лишь впоследствии.

Когда я вернулась из Москвы после бесплодных хлопот и уже не застала отца дома, нам с Александрой Ивановной пришлось срочно ликвидировать папину квартиру, которую после его осуждения отбирали в ЖАКТ. (Александр Ивановне предложили небольшую комнату на Песках). Часть мебели пришлось продать. Некоторые вещи я перевезла к себе на Мойку, но главной заботой была библиотека, представлявшая большую научную и художественную ценность. В этот критический момент ко мне пришел председатель Археографической Комиссии Академии Наук Александр Игнатьевич Андреев и сказал, что Академия покупает все папины книги сразу за 3000 рублей, которые будут выплачиваться с рассрочкой на 3 года по 100 руб. в месяц. Выбора у меня не было, и я с радостью согласилась, думая, что таким образом трехлетнее пребывание отца в Туруханске будет материально обеспечено. К тому же я понимала, насколько неприятна отцу была мысль, что его книги могут когда-нибудь разойтись по букинистам. Еще в дореволюционные времена он говорил: «На Шуру я меньше надеюсь, но ты, Танюша, после моей смерти пожертвуй мою библиотеку в какое-нибудь учреждение». Жертвовать я теперь не могла, но была рада, что книги единым блоком войдут в Академию Наук.

Александр Игнатьевич Андреев, который был с папой в хороших отношениях, приехал с транспортом — книги были погружены и отвезены в помещение Археографической Комиссии, в старинное здание, находящееся на Васильевском острове в непосредственной близости от Ростральных колонн. Никакой расписки я не попросила, так как сдавала библиотеку в надежные руки. Первый взнос мне обещали сделать осенью, когда покупка будет оформлена через бухгалтерию. В середине лета квартира на Миллионной, 17 перестала существовать — вернее, в ней поселились чужие люди.

Тем временем Борис, проведя зиму в Кызыл-Орде, приехал в отпуск на Мойку и сообщил, что столица Казахстана переносится в Алма-Ату и что ему придется туда переселиться. Увидя, что я измучена и утомлена событиями предшествующего периода, и думая, что перемена места будет мне полезна, он предложил совершить с ним поездку в Алма-Ату по только что построенному и даже еще не введенному в эксплуатацию Турксибу. /.../ ⁵²

Проведя в Алма-Ате полтора месяца и не получив от этой поездки особого удовольствия, я направились обратно в Ленинград, оставив Борису для развлечения Кэди, которую, как я уже говорила, мы оба очень любили.

Вернувшись на Мойку, я прежде всего поспешила в Академию, чтобы оформить продажу папиной библиотеки и получить первый взнос. То, что я там нашла, было поистине трагичным. Александр Игнатьевич Андреев за моё отсутствие был арестован, и его имя в Археографической Комиссии уже не произносилось. Возглавлял это учреждение человек весьма неприятный, по фамилии Томсинский⁵³, который даже не удостоил меня аудиенции, а велел передать через кого-то из своих подчиненных, что считает покупку библиотеки совершенно ненужной и платить ничего не собирается. Он добавил, что я могла бы взять книги обратно, но это затруднительно тем, что библиотека отца свалена в общее книгохранилище и смешана с ранее купленной библиотекой Дружинина⁵⁴. Заниматься отбором книг сотрудникам некогда, и он просит его не беспокоить, тем более, что у меня на руках нет никаких списков и документов, по которым я сдавала книги в Археографическую Комиссию.

После столь наглого ответа начались мои хождения по кабинетам руководителей Академии. Несомненно, что у Ольденбурга, Комарова и Волгина⁵⁵ я встречала более любезный прием, чем у Томсинского — от факта покупки библиотеки, которая считалась одной из лучших частных библиотек Ленинграда, они отказаться не могли, так как покупка была официально санкционирована Президиумом Академии, но дело так и не сдвинулось с мертвой точки. Однажды во время моих хождений по лестницам Академии я увидела дверь с надписью «Яфетический институт» и решила перешагнуть порог учреждения со столь странным названием, душою которого был находящийся в зените славы своей ученик Марра академик Иван Иванович Мещанинов.

Последний, давно знавший моего отца (и, кажется, даже мою мать), был весьма учтив, соболезнавал, возмущался, но чисто платонически. Из разговоров с ним, да и со всеми другими я поняла, что «страшнее Томсинского зверя нет» и никто с ним в единоборство вступать не собирается. (Так было в 1929 году, что не помешало Томсинскому несколькими годами позже очутиться в дальней ссылке).

Наконец, после упорных хлопот, я получила разрешение проникнуть в помещение, где хранились отцовские книги, и забрать ряд художественных изданий, которые сразу же могли быть превращены в деньги. Так, комплекты журнала «Старые годы», «Русские портреты» издания Великого Князя Николая Михайловича и многие французские книги XVIII века все же не миновали букинистов. Зато отец всегда аккуратно получал денеж-

ные переводы и посылки. Вместе с художественными изданиями я вернула к пенатам старого «Маленького Ларусса», французский энциклопедический словарь, который всегда лежал у отца на письменном столе и по его просьбе был выслан ему в Туруханск. Теперь этот потрепанный «Petit Larousse» всегда со мной, как дорогая реликвия.

Спор из-за библиотеки длился несколько лет. В конце концов, насколько я помню, часть книг все же была куплена Академией, а разделы генеалогии и геральдики — отданы обратно. Так как меня в ту пору в Ленинграде уже не было, труд по получению книг взял на себя папин приятель и сотрудник по Эрмитажу Николай Павлович Бауэр. Он же препроводил их в Москву к Шереметевым⁵⁶, где они занимали всю стену в столовой и уже после смерти отца были куплены Историческим Музеем. Эпопея с папиными книгами была возмутительна, доставила мне много хлопот, но это были только «неприятности», тогда как двигалось настоящее неизбывное горе.

С конца лета 1929 года в Ленинград начали поступать плохие вести из Соловков — настроение стало тревожным: всю 58-ю статью перевели на общие работы.

Татьянка, мне помнится, в начале октября уехала в Москву к Екатерине Павловне Пешковой, этому прибежищу всех «униженных и оскорбленных». Много сделать возглавляемый ею комитет политического Красного Креста на Кузнецком, 24 не мог, но приходящие встречали там сочувствие и хватались за эту соломинку.

В начале ноября я получила открытку со штампом Услона, датированную 24 октября. Брат мелко и убористо писал, что с нетерпением ждет наступления морозов: «Очень неприятно в осенней сырости с утра до вечера быть в лесу на работе, когда дождь льется за воротник». И эта открытка — его последняя открытка, прошедшая несомненно через цензуру, была подписана так, как я его называла в далекие годы нашего детства — «Твой песик-братик»!

5 ноября ко мне пришел вечером Юрий Александрович Нелидов и сразу задал вопрос: «От какого числа было письмо от Александра Александровича?» Я ответила: «От 24-го». Юрий Александрович закрыл рукой глаза и сказал: «Я шел с надеждой, что оно было написано позднее. В ночь с 28 на 29 октября в Соловках был массовый расстрел. Есть основание думать самое худшее, хотя это еще только слухи. Не будем отчаиваться, пока не узнаем достоверно».

Месяц понадобился для получения этой «достоверности» — месяц переходов от надежды к безнадежности. Я никак не могла себя заставить поверить, что открытка брата была мною получена тогда, когда его уже не было на свете. Для того, чтобы осознать это, мне надо было в начале декабря прочесть письмо, написанное из Соловков Наталией Михайловной Путиловой к ее сестре. Тут уже не оставалось никаких сомнений, никакой надежды. Отцу я решила не сообщать.

Ни в одном официальном источнике нельзя было ничего почерпнуть о Соловецкой трагедии 1929 года. По-видимому, решено было сначала обойти это дело молчанием, а потом объявить его действием местных властей. В 1930 году в Соловки была направлена комиссия по расследованию. Расстрельщики, как я слышала, были расстреляны, но это никакого утешения не принесло.

Татьяна Николаевна узнала о гибели Шурика в Москве, и тут Е.П. Пешкова проявила исключительную сердечность и энергию: видя, что Соловецкий расстрел вызвал даже в правительственных кругах некоторое смущение, она сумела добиться разрешения вывезти Татьянку во Францию к сыну и прочим ее родным. Как раз в это время Екатерина Павловна сама должна была ехать за границу и по правилу, что надо ковать железо, пока горячо, за несколько часов до отхода поезда прислала за Татьянкой машину, усадила ее в свое купе (без всяких вещей) и перевезла через границу. Все мои дальнейшие сообщения о Татьяне Николаевне, Алике и Диме будут почерпнуты из маминых писем.

Отец, между тем, в трюме парохода «Спартак» доплыл до Туруханска и высадился в этом унылом месте. Неизвестно, чем руководствовались власти, считая полезным почаще переводить ссыльных с места на место в пределах «вверенного им края», но не успел отец обжиться в Туруханске, как ему было предписано срочно переселиться в село Верхне-Инбатское. Описание этого зимнего переезда в 250 верст, которому было посвящено одно из папиных писем, глубоко врезалось в мою память. Отец ехал на крестьянских санях от села к селу, причем возницей была девочка лет 15-ти. По ночам она свертывалась клубочком в передке саней и мирно спала, пока лошадь трусила среди бескрайней снежной равнины и под бескрайним куполом звездного неба. Могла ли я в эту туруханскую пустыню написать о Соловецкой трагедии?! У меня на это не хватило духу. Сначала я отмалчивалась, потом на вопросы отца о Шурике давала какие-то невразумительные ответы, порождавшие

тревогу. Впоследствии папа меня за это порицал, говорил, что не следовало скрывать, но я в ту пору иначе поступить не могла.

Так закончился 1929 год, наступил 1930, прошли его первые месяцы. Когда я думаю о своей выносливости, которая мне самой не нравится как чрезмерная, я отчасти объясняю ее теми «передышками», которые от времени до времени давала мне судьба. Одна из таких передышек (окончившаяся в конце концов весьма печально) была мне ниспослана весной 1930 года.

В двадцатых числах февраля днем, когда я сидела за бисерной вышивкой (заказов в ту пору было уже достаточно), раздался стук в парадную дверь. На мой вопрос: «Кто там?» послышалось: «Можно видеть Татьяну Александровну?» Отпирая засов, я довольно радостно воскликнула: «По голосу я узнаю, что это кто-то из Львовых — не то Юрий, не то Сергей». Когда дверь открылась, я увидела высокого молодого человека в куртке и шапке-ушанке, он поклонился и сказал: «Не Юрий, не Сергей, а Владимир!» Передо мной стоял «гжельский магнат», который незадолго до того перестал быть «магнатом», он был вдребезги «раскулачен», но, что самое удивительное, говорил об этом со смехом, без всякого надрыва. Вскоре я поняла, что Владимир Сергеевич уже давно привык к раскулачиванию, если не агентами правительства, то собственными родными. Кроме того, он очень верил в свои силы и горел желанием начать все сначала. Через пять минут разговора я была посвящена в проект создания керамической мастерской где-нибудь на окраине Ленинграда, например, на Охте, а через несколько дней я же показывала гостю всю красоту города, которую я в продолжение двух лет старалась не замечать. Началось мое выздоровление.

Владимир Львов и я так много слышали друг о друге, что между нами быстро перекинулся мостик простых и веселых отношений. Красивым Владимира Сергеевича назвать нельзя было, но он был высок, строен и в его внешности было несомненное благородство. Густые каштановые волосы были зачесаны назад. В его продолговатом лице с серыми глазами, правильным носом, небольшим ртом и несколько тяжеловатым подбородком не было смазливости его брата Юрия и хитрости его брата Сергея, что мне понравилось.

В нашем паломничестве по достопримечательностям Ленинграда мы даже рискнули подняться на купол Исаакиевского собора. Этому восхождению пять лет спустя я посвятила несколько рифмованных строк, но в них *post factum* высказы-

вались чувства, которые весной 1930 года я еще не испытывала, и потому эти строки приведены будут не здесь, а в соответствующем месте.

Остановился Владимир Сергеевич у знакомого его братьев по Калуге П.Н. Егорова, работавшего в техническом бюро по ремонту лифтов. Утром и днем он устраивал свои «керамические дела», а вечера проводил на Мойке. /.../ ⁵⁷

Мои надежды на благоприятный исход дела, приведшего меня в Алма-Ату, оправдались. В один прекрасный день Борис подкатил к Малой Станице на какой-то таратайке, радостный и веселый. Он сумел доказать, что не может быть ответственным за срыв посевной кампании в Казахстане, и дело было прекращено. Мой приезд он называл «подвигом» и был за него очень благодарен.

Проведя в Алма-Ате еще дней десять и убедившись, что Борис пришел в себя и немного «отъелся» после тюрьмы, я сочла, что моя миссия выполнена и стала собираться в Ленинград. Не могу скрыть, что, с одной стороны, я помнила о своем обещании вернуться к 15/28 июля*, а с другой — мой отъезд был облегчен одним обстоятельством: уходя в тюрьму, Борис снял и оставил у хозяйки золотой медальон — романтический предмет, который спокон веку служит для разоблачения всяких тайн! При виде его я лишний раз убедилась, что отношения Бориса с Лидией Дмитриевной Некрасовой установлены «всерьез и надолго» — и это предоставило мне свободу действий.

Двадцатого июля я выехала в Ленинград, где меня ждали новые горести — но пока это была «передышка». Я вернулась к именинам Владимира Сергеевича, и этот день мы с ним провели в Павловске. Гуляя по аллеям парка, сидя в беседках с сентиментальными названиями и возвращаясь вечером пригородным поездом, мы оба были преисполнены той «веселой ласковости», которая с тех пор укрепилась в наших отношениях и составляла их «внешнее оформление». Внутренне сущностью наших отношений вскоре стало то, что французы называют *intimité* — понятие, которое никак нельзя перевести словом «интимность» и которое заключалось в том, что мы стали понимать друг друга с полуслова. Между нами установился даже особый язык, составленный из выражений, почерпнутых нами из книг, читаемых нами совместно, особенно французских.

Как я и предполагала, мастерская технического фарфора на Большой Охте уже стала существовать и требовала к себе

---

* День именин В.С. Львова. — Публ.

много внимания. Сидя на Мойке, Владимир Сергеевич вдруг о чем-нибудь вспоминал, срывался с места и, воскликнув со смехом: «Это ужасно! Я вижу, что любовь и дела — вещи несовместимые!», предлагал мне ехать с ним на завод «Электросила» или «Красная нить», где он должен был получить заказ на какое-нибудь изделие. Я обычно соглашалась и терпеливо ждала его у ворот завода, пока он вел деловые переговоры, потом быстрым шагом выходил из проходной, подхватывая меня под руку: «Escarpons!» — и мы ехали в какое-нибудь другое место.

Для моих заказчиц, которые уже справлялись по телефону о моем возвращении, Владимир Сергеевич написал шуточный плакат: «Мадам Тата вернулась из Алма-Ата» и предлагал вывесить его на окне, выходящем на Мойку.

Очень много он мне рассказывал о своем детстве, протекавшем в Уральских краях в поселке Пожва, в бывшем владении Всеволожских, перешедшем впоследствии к его отцу. Из этих рассказов я поняла, что дети Львовы (четыре дочери и четыре сына) росли в большом доме (чуть ли не в сорок комнат), обставленном старинной мебелью времен Всеволожских. Кругом стояла вековая тайга, где-то поблизости протекала Кама.

Как-то ранее я упоминала о том, что в Москве отца Владимира Сергеевича называли «князь Львов-Делец». Это было обусловлено следующим: небольшое родовое имение Львовых «Поповка», находящееся в Алексинском уезде Тульской губернии, в конце XIX века имело лишь моральную, но не материальную ценность. Дедушка Владимира Сергеевича пользовался репутацией человека приятного, просвещенного, но небогатого. Между Поповкой и Ясной Поляной поддерживались дружественные связи. Отец Владимира Сергеевича — Сергей Евгеньевич в свои молодые годы, то есть тогда, когда в русском дворянстве появилась тяга к «бизнесу», задался мыслью создать себе состояние. Желая подготовиться к практической деятельности, он пешком исходил всю Францию, изучая сельское хозяйство и промышленную жизнь этой страны. Вернувшись на родину, женился на дочери священника* и уехал на Урал в качестве управляющего владениями холостяка Всеволожского. Владения эти включали обширные леса по Каме и Вишере и

---

* Ксения Алекс[андровна] Сабурова рассказывала, что когда Сергей и Юрий Львовы показывали ей однажды портреты предков, она не смогла удержаться от ехидного вопроса: «А это предки со стороны Вашего отца или матери?»

металлургический завод. Обосновав свою, с каждым годом увеличивающуюся семью в центре этих латифундий — поселке Пожва, — он большую часть времени проводил в разъездах и вскоре приобрел репутацию энергичного дельца, которому «палец в рот не клади». В результате этой неутомимой деятельности, после смерти Всеволожского (которая произошла, кажется, незадолго до революции) оказалось, что Пожва со всеми ее лесами и заводами принадлежит князю Сергею Евгеньевичу Львову. Это вызвало недовольство наследников и дало пищу для злословия. Но к этому вопросу я еще вернусь, так как, хотя он меня совершенно не касался — он сыграл некоторую роль в моих отношениях с Львовыми.

Семьянин Сергей Евгеньевич был прекрасный и в этом отношении доходил до (может быть показной?) утрировки. Так, когда Анна Сергеевна Сабурова спросила, находит ли он красивой какую-то знакомую даму, он ответил: «Не знаю. Она замужняя, я на нее не смотрю и о ее красоте судить не могу».

Насколько я могу судить из рассказов Владимира Сергеевича, воспитанию его сестер уделялось много внимания. При них была постоянная гувернантка француженка (от которой Володя, по-видимому, перенял слово «escapons»), они учились музыке, на зиму переселялись в Пермь и посещали гимназию. Старшая сестра Елена, которую я видела в Париже и которую Владимир Сергеевич особенно любил, была, по его словам, хорошей художницей и вообще очень одаренной натурой. Зоя Сергеевна прекрасно играла на рояле.

С воспитанием (вернее, образованием) мальчиков дело обстоит хуже. Учителями их были какие-то семинаристы и, за исключением часов церковной службы, которые они должны были аккуратно посещать, они представляли собою довольно буйную ватагу, бегающую по лесам, плавающую на лодках и не страдающую отсутствием аппетита.

Владимир Сергеевич вспоминал, что кухарка, выкидывая какое-нибудь испорченное блюдо, говорила: «Уж на что князья! И то кушать не стали!»

Так как Владимир Львов, начиная с этой главы, становится центральной фигурой моего повествования, то мне следует упомянуть, что в детстве он страдал какими-то припадками, похожими на эпилептические. Потом эти припадки бесследно прошли, но мне кажется, что где-то в глубине души у него сохранилось ощущение небольшой доли «достоевщины», которую он инстинктивно старался заглушить напряженным трудом.

Много раз он мне говорил, что его поражает «западная» ясность и «структурность» моего мышления, моей психики, что эти качества имеют для него особенно притягательную силу потому, что в нем самом еще много неясного и хаотичного. Эти слова мне часто приходят на ум и многое мне объясняют теперь, когда моя «ясная мысль» развертывает весь ход наших отношений на протяжении 7 лет и когда я стараюсь дать им верную оценку.

Незадолго до войны 1914 года Львовы переехали в Москву, в район Пречистенки и Остоженки. Старшие сыновья поступили в Шелапутинскую гимназию, младший — Сергей был отдан в кадетский корпус. По окончании гимназии Владимир, как будто, недолгое время состоял студентом Коммерческой академии. Дальнейшая его судьба до момента переезда в Ленинград была кратко описана мною ранее и потому я возвращаюсь к тому, что происходило в 1930 году на Мойке, 91 кв. 27.

Пока я была в Алма-Ате, в жизни моей соседки Евгении Назарьевны произошла катастрофа: от нее ушел муж (если еще не совсем, то наполовину). Дело в том, что благосостояние Давыдовых, как я вскоре поняла, зиждилось на том, что они покупали или брали на комиссию антикварные вещи в Ленинграде, где такие предметы были сравнительно дешевы, а затем Владимир Александрович отвозил их в Москву и продавал со значительной выгодой. (В Москве, благодаря присутствию посольств, цены на предметы искусства были выше ленинградских.) Беда пришла к Евгении Назарьевне с неожиданной стороны: она, сначала поощрявшая спекулятивные поездки мужа, стала вдруг подозревать, что его привлекают в Москву не одни коммерческие соображения. Наведенные справки подтвердили наличие «московского романа». Тут в Евгении Назарьевне проснулся «неистовый Роланд». Как ни старалась я удержать ее от этого шага, все же она поехала «бить московскую деву» (которая, кстати говоря, была совсем не «девка», а очень милая особа). Последняя избежала этой участи только благодаря тому, что, увидя у себя на службе агрессивно настроенную женщину, скрылась в заднем помещении.

Пишу об этом потому, что реакция Евгении Назарьевны на измену мужа протекала так бурно, что в нее была вовлечена не только вся квартира, а следовательно и я, но и весь дом. «Виновная сторона», то есть Владимир Александрович, относился к делу спокойно, некоторое время продолжал курсировать между Москвой и Ленинградом, а уезжая окончательно, со свойственной ему тонкой улыбкой, заметил: «Мне кажется,

что когда Л.Н. Толстой ушел из Ясной Поляны, было меньше шума, чем когда я решил покинуть Мойку».

У Давыдовых, особенно тогда, когда был дома Владимир Александрович, я встречала интересных людей, и среди них, пожалуй, самым интересным был Михаил Михайлович Севастьянов, человек лет 42-45-ти, внешностью своей напоминающий Дон-Кихота в среднем возрасте. Отец его был директором почт и телеграфа. Сам он окончил Александровский лицей, младший брат его Юрий был одного выпуска с Шуриком и погиб в начале революции. В описываемое время Михаил Михайлович жил весьма скудно вместе со своей матерью где-то в районе Покрова и только что пережил «жизненный конфликт», в котором выказал себя Дон-Кихотом не только внешне, но и внутренне. Самое же интересное заключается в том, что он описал всю свою жизнь (включая и последний конфликт) в стихотворной поэме «Михаил Бастьянов» — очень талантливой пародии на «Евгения Онегина».

Поэма начинается с описания блестящего предвоенного Петербурга. Затем появляется Петроград первых лет революции. Михаил Бастьянов женится на красивой итальянке, балерине труппы Мариинского театра, которая получает возможность уехать за границу, уезжает, но из любви к герою поэмы возвращается в холодный и голодный город. Бастьянов поражен такой доблестью.

С годами любовь проходит, но супруги, связанные «жилплощадью», живут в одной квартире. У героини завязывается роман с известным певцом Мариинской сцены, однако последний, по существу будучи человеком добродетельным, возвращается в свой «семейный очаг» и, по мнению Бастьянова, слишком резко и некорректно порывает с его бывшей женой. Бастьянов считает своим долгом вступить и вызвать оскорбителя на дуэль. Эту мысль ему внушают портреты предков, с которыми он, однако, в решительный момент вступает в дискуссию и говорит:

Ах, предки, предки! Вы неправы,
У нас теперь другие нравы.
Лепажки отданы в музей,
Для секундантов нет друзей,
И коль дерется кто порой,
То разве только у пивной!..

К сожалению, я не помню других выдержек из этой весьма интересной поэмы, а также не могу сказать, чем она конча-

ется. В действительной же жизни вызов был сделан, но «стараниями друзей дуэль была предотвращена».

На Покровском рынке часто можно было видеть пожилую даму в черном, сидящую на скамеечке и продающую всякую домашнюю мелочь из своего хозяйства. Это была мать Михаила Михайловича Севастьянова, всегда поражавшая меня своей выдержкой и немногословием. Когда я однажды выразила удивление, что никогда не слышу от нее жалоб на судьбу, она коротко спросила: «Est ce que cela aide?!..»*

Как я недавно узнала, Михаил Михайлович Севастьянов умер во время блокады Ленинграда. Не знаю, сохранилась ли у кого-нибудь рукопись его автобиографической поэмы — я же могу только сказать, что такая поэма существовала, и говорю это с чувством симпатии к «последнему из Дон-Кихотов».

Но возвращаюсь к себе. Мое материальное положение на Мойке значительно скрасилось тем, что с открытием Торгсина мама стала ежемесячно высылать мне пять-восемь долларов, которые я тратила на съедобные вещи. Одеждой я, еще со времен моей заграничной поездки, была обеспечена.

Вечера я преимущественно проводила дома — развлечения же заключались в том, что изредка я ходила с Владимиром Сергеевичем пить чай в находившуюся поблизости «Асторию». Изредка, потому что, во-первых, это было дорого, а, во-вторых, — я никогда не любила ресторанов и ходила туда только ради чудесных тортов, которые там продавались. Впоследствии я нашла путь получать порции этих тортов «на вынос» благодаря знакомству с метрдотелем «Астории» бароном Николаем Платоновичем Врангелем, пожилым человеком очень приятной наружности, всю свою жизнь служившим по министерству иностранных дел. Находившийся в стесненном материальном положении, старик Врангель принял эту несоответствующую его сущности должность, что в свою очередь повлекло за собою ряд парадоксальных и комических положений. В описываемое мною время «Астория» из рабочей столовой была превращена в фешенебельную гостиницу, служившую резиденцией для высокопоставленных иностранных гостей; единственным человеком, умевшим с ними разговаривать, был метрдотель Врангель. Гости ни на минуту его от себя не отпускали, были от него в восторге, а какой-то восточный принц даже категорически отказался ехать без него на торжественный спектакль в Мариинском театре. Таким образом, в правительственной ложе, ря-

* Разве это помогает? (фр.)

дом с принцем и его свитой, в безукоризненном фраке и с безукоризненными манерами сидел... метрдотель из ресторана. /.../ ⁵⁸

В 1931 году, после статьи «Головокружение от успехов», репрессии из деревни перешли на город: началась чистка сов-аппарата. Люди (главным образом по признакам социального происхождения) «вычищались» двойным способом: по III категории они изгонялись только из данного учреждения, по II-й же категории они изгонялись без права поступления куда бы то ни было. Положение «вычищенных» было поистине трагичным — они лишались заработка, хлебной карточки и вообще всех гражданских прав. Тут впервые русский язык обогатился словом «лишенец».

Рвение на местах доходило подчас до абсурда: в Эрмитаже, например, был «вычищен» зав. нумизматическим отделом Алексей Алексеевич Ильин, человек высокой эрудиции, только потому, что его отец был основателем и владельцем известного на всю Россию картографического издательства. В Москве «лишенцем» был Константин Сергеевич Станиславский, до тех пор пока Луначарский, поняв всю глупость положения, не привез ему с извинением хлебную карточку — символ реабилитации. На краю «лишенства» оказалась Наточка Оболенская — ее, как «бывшую княгиню», должны были не только лишить карточки, но и выселить из квартиры в Левшинском переулке. Шла уже переписка о том, что она, распродав вещи, приедет на Мойку — однако в последнюю минуту ей удалось доказать, что и до революции она была «трудящаяся». Очень помогли фотографии, где она была изображена среди детей из приютов, которыми она занималась, и раненых из лазаретов, где она работала. Таким объективным доказательствам члены комиссии не могли ничего противопоставить, и Наточку оставили в покое (ее матери в то время уже не было на свете — она среди полного здоровья умерла от случайного воспаления легких).

В Казахстане, так же как и по всей стране, проводилась «чистка», но Борис относился к этому вопросу спокойно — он не дорожил своим местом и ждал только истечения 3-х летнего срока, на который он завербовался, чтобы ехать в Ленинград. Комната на Мойке была такой просторной, что посредством большого попелевского трюмо и шторы можно было отделить для него удобное помещение. В начале лета 1931 года я получила телеграмму о том, что Борис и Кэди выехали из Алма-Аты; через неделю они приехали живыми и здоровыми. /.../ ⁵⁹

Осенью 1931 года мы узнали, что кроме «-6» бывает (правда, очень редко!) высылка «-1». Столь мягкому виду репрессии (после долгого пребывания на Лубянке, совершенно расшатавшего его нервную систему) был подвергнут муж Анны Ильиничны Толстой — Павел Сергеевич Попов. После обмена письмами, в один прекрасный день перед домом на Мойке, 91 остановился извозчик, на котором сидели «Толстопоповы», держа на коленях пишущую машинку, их орудие производства (они оба работали по заданиям Толстовской юбилейной комиссии). Оказавшаяся растяжимой, наша комната вместила приехавших ссыльных москвичей (хотя Анночка была в добровольной ссылке — «минус» ее не коснулся). И мы «в тесноте, но не в обиде» провели полтора месяца, пока гости не подыскали себе хорошую комнату на даче в Тярлеве — поселке, непосредственно примыкающем к Павловску. Пребывание у нас Поповых совпало с днем моих именин, по поводу чего был устроен «балишка». Пришли трое Львовых с гитарами, и Анночка пела все то, что когда-то пелось в Ясной Поляне и в Удельном доме на Пречистенском бульваре. Из новых знакомых была жена профессора Аствацатурова Надежда Платоновна, желавшая послушать пение Анны Ильиничны. Этот очень милый вечер несколько нарушился тем, что подсевший к столу Владимир Александрович Давыдов был за шиворот вытаснен от нас своей супругой, бывшей почему-то в бурном настроении. Владимир Александрович, наоборот, был настроен очень миролюбиво, слабо оборонялся и только повторял: «Ну, зачем так грубо!» Вскоре после этого он окончательно покинул Мойку.

Следующая зима ознаменовалась арестом Владимира Сергеевича Львова — арестом непродолжительным, но очень мучительным. Это мероприятие было (мягко говоря!) своеобразным: оно преследовало не политическую, а политико-экономическую цель — изъятие ценностей и валюты у людей, которые подозревались в обладании таковыми (кустари, врачи с широкой практикой и т.п.). Владимир Сергеевич попал в эту компанию «как кур во щи» — у него, кроме одного костюма, который он за это время сумел заказать, и сложенного на Охте своими руками горна для обжига фарфора, ничего не было. Однако те две недели на Нижегородской улице, которые понадобились для того, чтобы этому поверили, стоили ему здоровья: он вышел с воспалением легких и изводившим его потом долгое время фурункулезом.

Много хуже это дело закончилось для известного доктор-гинеколога Бориса Ивановича Ашхерумова⁶⁰, человека весьма

немолодого, женатого на моей знакомой калужских времен Татьяне Александровне Киндиновой. Ашхерумовы жили в Гусевом переулке и были в числе моих немногочисленных ленинградских друзей.

Удрученная сначала арестом, а потом болезнью Владимира Сергеевича, я некоторое время не заходила в Гусев переулок и не знала, что Борис Иванович подвергся тем же испытаниям. Поэтому я была крайне удивлена, когда в 7 часов утра раздался телефонный звонок, и Татьяна Александровна прерывающимся голосом сообщила мне, что ее муж только что покончил с собой. Я сразу поехала к ней, и вот что я узнала: после двухдневного пребывания на Нижегородской улице Борис Иванович пришел домой в сопровождении 2-х агентов и указал им на закрытую на зиму балконную дверь. Агенты эту дверь распечатали, взяли находившуюся замурованной на балконе шкатулку с ценными вещами и ушли. Ранее общительный и даже веселый Борис Иванович после этого стал неузнаваемым. Два дня он молчал, а потом сказал: «После того, что мне пришлось перенести, я жить больше не могу!» — и ночью отравился морфием. На этот раз его удалось спасти, немедленно доставив в Мариинскую больницу, но неделю спустя, воспользовавшись кратковременной отлучкой жены, он бросился вниз со злополучного балкона. Балкон этот, выходящий на Лиговскую улицу, находился на 4-м этаже, и смерть была мгновенной. Похоронили Бориса Ивановича на Малой Охте.

Что касается Владимира Сергеевича, то он сохранил не только здравый рассудок, но и несломленную энергию. Как только было ликвидировано его воспаление легких, он снова принялся за свой фарфор.

Иногда я, совершив долгое трамвайное путешествие, приезжала к нему в мастерскую, и он с гордостью показывал мне готовую продукцию: стеллажи, уставленные рядами белых маленьких деталей для ткацких машин и электрических установок. В ответственные дни, когда эти изделия обжигались в горне, он без сна дежурил у печи по двое суток, поддерживая нужную температуру, при этом он хвалился тем, что у него в мастерской всегда чисто, только немного белой пыли — нет ни ржавчины, ни смазочных масел, ни тряпок, как у металлистов. «Кроме того, — добавлял он, — в возне с глиной есть что-то уходящее в глубь веков».

Когда я представляю себе Владимира Сергеевича в спецовке за работой, я вспоминаю, что в Саратове его называли «балетным рабочим». Это слово пустила В.В. Анненкова, на-

ходившая, что Владимир Сергеевич в блузе и с инструментами в руках напоминает статиста, выступающего в «производственном» балете. /.../

В 1932 году сначала Борис, а потом и я подверглись вызову на Гороховую. Причиной был брат Бориса Сергей, который, как мы поняли, нелегально перешел границу. Никаких сведений о нем с 1926 года, когда я видела его в Париже, мы не имели, и это, по-видимому, было известно. Поэтому в центре внимания стояли мои разговоры с ним при встрече, то есть 7 лет назад. Я сказала, что он расспрашивал меня о жизни в СССР (что было вполне естественно) и что я отвечала на его вопросы в общих чертах — никаких сведений, выходящих за круг обывательских, я не давала и не могла давать, так как ими не обладала. Когда я увидела, что в протоколе мои слова сформулированы: «Я информировала его о жизни в СССР», — я восстала против глагола «информировала» и настояла, чтобы он был заменен глаголом «рассказывала ему». На этом аудиенция закончилась, но я, по всей вероятности, была взята на заметку. /.../

Время шло, истекли три зимы папиной ссылки на Енисее и еще одна, доставшаяся ему дополнительно из-за нерасторопности Красноярского ОГПУ. Летом 1933 года по открытии навигации он смог, наконец, выехать из села Ворогова — деревушки, расположенной между двумя рукавами Енисея, имея документ с ограничением «-6». Решено было, что он поселится в гор. Владими́ре, и его сестра Елизавета Александровна, у которой были знакомства в этом городе, встретила его там и устроила на квартиру.

Переезд и обоснование на новом месте, насколько мне помнится, длились довольно долго, потому что мой первый приезд во Владимир состоялся в начале зимы. Город был покрыт свежевыпавшим снегом, и папа встретил меня на вокзале одетым в коротенький подпоясанный ремнем полушубок. Я никогда не видела отца в такой одежде, но осталась вполне довольна его видом. Он похудел, его прекрасные, глубоко сидящие глаза стали как будто еще глубже, но он был бодр и абсолютно ничего не утратил из своей сущности — душевной, умственной и физической, а это, говоря современным жаргоном, «надо было суметь». Благодаря переписке с друзьями, присылавшими интересующие его журналы и издания, отец все время был в курсе происходящего не только на белом свете, но и в научном мире. На обратном пути в Енисейске папа видел Александра Игнатьевича Андреева, отбывавшего там ссылку и работавшего заведующим местным музеем.

Стараясь проникнуть во все подробности Туруханской жизни, я выяснила, что отец питался исключительно молоком и хлебом. Подобный режим, как самый простой и необременительный, он пытался продолжать и во Владимире, однако какой-то благоразумный врач посоветовал не нагружать сердца большим количеством жидкости, и отец перешел с молочного на обычное питание.

В 1933 году Владимир был средоточием большого количества лиц, имевших «-б». Калуга вскоре после нашего отъезда в Ленинград и в связи с каким-то новым административным делением, перестала быть разрешенным городом, и многие мои знакомые — в том числе Сабуровы и Котя Штер — должны были ее покинуть. Сабуровых я встретила во Владимире, а для Коти переезд в этот город был роковым. Он погиб в 1931 году во время какого-то непонятого и оставшегося необъясненным процесса. Натe пришлось лишь *post factum* приехать за его вещами и порадоваться, что их матери уже не было в живых.

Память о расстреле группы ничем не связанных между собою людей еще была жива среди владимирцев, и разговоры об этом событии наложили грустный отпечаток на мое первое пребывание у отца, прошедшее в нескончаемых беседах с ним — днем во время прогулок по городу, вечером при свете керосиновой лампы в небольшом и довольно убогом домике за рекой Лыбедью.

Ко времени моего второго приезда следующей весной у отца уже появились знакомые, и мы с ним вели светский образ жизни, принимая приглашения то туда, то сюда. Наиболее дружественные отношения у отца сложились с Ровинскими, окружавшими его трогательным вниманием. Константин Ипполитович Ровинский, племянник известного собирателя русских народных картинок и орнаментов, был и сам по себе человеком замечательным. Прослужив долгие годы на государственной службе в прибалтийских краях, он во время революции пошел в священники и, будучи настоятелем одной из московских церквей, имел очень большое число почитателей и приверженцев. (Об этом я слышала еще в 20-х годах). Во время моего знакомства с ним во Владимире К.И. был живым, приветливым человеком лет 60-ти, небольшого роста, с добрым лицом русского склада. Жил он на правах гражданина, имеющего «-б», ходил в штатской одежде и лишь изредка служил обедню в одной из владимирских церквей. Его жена, Юлия Павловна, была дамой с несколько капризным характером, но это не отражалось на ее отношении к моему отцу, которое всегда было

более чем любезным. Потерявшие и сына, и дочь, Ровинские обратились ко мне с просьбой разыскать их внучку, находившуюся, по их предположениям, в Ленинграде. Мне удалось через адресный стол найти указанную девицу и направить ее во Владимир. К сожалению, эта встреча старикам особой радости, как будто, не принесла. Несколькими годами позднее отец снова встретился с уже овдовевшим Ровинским в Тарусе, где они вместе переносили тяготы военного времени. Почувствовав приближение смерти, К.И. передал отцу разрозненные тетради дневников и воспоминаний. Отец похоронил своего приятеля на берегах Оки, а накануне своей смерти, будучи в полусознательном состоянии, вдруг совершенно твердо сказал мне: «Танюша, на верхней полке лежат тетради Ровинского — если будет время, приведи их в порядок».

Но возвращаюсь к весне 1934 года. Борис и Юрий Сабуровы нанесли моему отцу визит, и мы два раза вместе с ним были у Анны Сергеевны. Жизнь этой семьи, несмотря на старания Ксении Александровны ввести ее в какие-то разумные рамки, продолжала быть безалаберной. Анна Сергеевна пыталась давать уроки английского языка, Борис Александрович пытался рисовать, но все это носило какой-то эпизодический характер. «Мальчики» были очень бледны — по-видимому, плохо питались. Перед отъездом из Владимира я дала Борису Александровичу письмо к Левушке Бруни, который был в то время профессором ВХУТЕИНа и работал по иллюстрации книг. Насколько я помню, Борис Александрович получил через Бруни какие-то заказы.

В числе папиных владимирских знакомых были также Пазухины, родственники Шиповых⁶¹. Ольгу Александровну Пазухину я знала в годы моей ранней юности — с ее братом отец встречался в Петербурге. Это были, по существу, не новые, а старые знакомые, и я, проведя с отцом две недели, уезжала с сознанием, что он «прижился» на Владимирской почве... /.../ ⁶²

В одно из ближайших воскресений мы /с В.С. Львовым. — Публ./ совершили поездку в Тярлево к Толсто-Поповым. Весна, которую я застала в полном разгаре в Москве и Владимире, только наступала в окрестностях Ленинграда и, как всегда на севере, имела особую выразительность и поэтичность. Сойдя с поезда в Павловске, мы шли мимо плантаций цветущей клубники, потом попали в зеленую чащу, где под каждым кустом белели колокольчики крупных ландышей. Собирая цветы, Владимир Сергеевич вспоминал неизвестное мне стихотворение

Игоря Северянина, в котором говорится, что ландыш «раскрыл свой чепчик для птичек певчих». И так с цветами и стихами мы подошли к даче, где нас ждали с обедом и где потом весь вечер Анночка пела под гитару нам старинные романсы.

Я остановилась на описании этого по существу ничем не замечательного дня потому, что сейчас он мне представляется очень светлым и радостным, а таких дней в дальнейшем у меня будет все меньше и меньше!

Упомянув о том, что вскоре с Павла Сергеевича Попова был снят «-1» и они с Анночкой благополучно вернулись в Москву, перехожу к более существенным событиям моей жизни, чем прогулки по окрестностям Ленинграда (хотя тут, может быть, и была некоторая внутренняя связь!).

Две зимы, проведенные Борисом на Мойке (после его возвращения из Казахстана), доказали, что наши жизни, хотя и идут параллельно, но уже не соприкасаются. Летом 1933 года в Ленинград приехала Лидия Дмитриевна Некрасова (она даже один раз посетила меня на Мойке), и между нею и Борисом было решено, что в недалеком будущем он переедет к ней в Москву (решение весьма удачное, так как, даже не касаясь дел личных, оно спасло Бориса от катастрофы 1935 года, носившей территориально-ленинградский характер).

Осенью 1933 года произошел раздел имущества, Борис уволился из треста на Морской, где работал экономистом, и уехал в Москву. Официальный развод в ЗАГСе (который в ту пору стоил по три рубля с персоны) был оформлен годом позднее. Подробности этого юридического момента и рыцарские слова Бориса, столь удивившие барышню-регистраторшу, были мною приведены выше⁶³.

Итак, я снова осталась одна на Мойке в несколько опустевшей комнате, которая была сразу переведена на мое имя, и стала подумывать о службе. (Мои вышивки меня кормили, но не давали мне гражданского лица.) Помню, что я ходила наниматься переводчицей в какой-то Металлургический трест на Фурштатской, где меня встретили очень любезно. Однако, взяв на просмотр немецкий журнал «Die Gießerei» и увидев там кучу незнакомых технических терминов, я испугалась и решила пойти по линии наименьшего сопротивления.

Я попросила Татьяну Александровну Киндинову определить меня в качестве статистика в V пункт Охраны Материнства и Младенчества, находившийся в районе Старо-Невского в бывшем особняке мукомолов Полежаевых. И с половины зимы 1933-34 годов стала совслужащей. В восемь с половиной часов

я садилась у Адмиралтейства на трамвай, который вез меня вдоль Невского, и до 4-х часов терпеливо регистрировала новорожденных «Эрастов» (один раз даже попался «Эверест»!), Эльвир и Нинелей. Наше учреждение было показательным — его часто посещали иностранные экскурсии, и несколько раз я имела случай удивить американцев и французов (а еще более своих коллег!), заговорив с ними на их языке.

В конце лета 1934 года в моей служебной карьере произошло изменение. Сестра Ниночки Иваненко, с семьей которой я продолжала быть в тесной дружбе, вернулась из Донбасса, где она отбывала трехлетний врачебный стаж на периферии, и поступила ординатором в больницу им. Софьи Перовской. При этой больнице, находящейся, как известно, на М.Конюшенной (ныне ул. С.Перовской) в 10 минутах ходьбы от моей квартиры, было эпидемическое бюро, на должность статистика которого я и перешла при содействии Гали Иваненко. Работа здесь была менее нудной, чем в «Матимладе», кроме того, я не была связана с трамвайными переездами; занята я была лишь 4 часа и считала свое служебное устройство вполне удовлетворительным, хотя Нина Адрианова-Шуберт, с которой меня связывали гимназия, Строгановское училище и московские балы и которую я неожиданно обрела в Ленинграде, находила, что я могу делать что-нибудь более путное, чем быть медстатистиком. Сама Нина работала переводчицей в Электротресте на улице Гоголя и, по-видимому, была там на прекрасном счету. Много лет мы жили в Ленинграде и не знали о существовании друг друга. Надо было, чтобы мои алма-атинские знакомые Жихаревы, придя на Мойку, случайно упомянули об Адриановых (матери и дочери) и дали мне их адрес на Жуковской, чтобы наши отношения восстановились.

Глава «На Мойке» подходит к концу. Осенью 1934 года Мойка уходит из моей жизни, и в ней на очень короткое время появляется улица Красных зорь (бывш. Каменоостровский). О том, как это случилось и какие «зори» надвигались на Ленинград, будет сказано в следующей главе.

IX. НА УЛИЦЕ КРАСНЫХ ЗОРЬ

Как ни бурно переживала моя соседка Евгения Назарьевна Давыдова измену мужа, в конце концов она успокоилась и даже решила соединить свою судьбу с другим. Это и явилось причиной моего отъезда с Мойки. По просьбе заинтересованных

лиц я обменялась комнатами с Михаилом Федоровичем Васильевым, приятным и благовоспитанным «сухопутным моряком» лет 35-ти, специальностью которого было чтение лекций на географические и морские темы. Предоставленная мне комната на углу улицы Мира и улицы Красных Зорь была меньше моей — в ней было лишь 24 кв. метра, но она, находясь на 2-м этаже, была значительно теплее, к тому же с отъездом Бориса мне приходилось дорого платить за излишки жилплощади — количество мебели после раздела сократилось, и я считала, что ничего не теряю при таком обмене. С материальной точки зрения это так и было, но, переехав на Петроградскую сторону, в квартиру, населенную совершенно чуждыми мне людьми (среди которых был ответственный сотрудник НКВД), я вдруг почувствовала себя несчастной и одинокой. Даже улицы, окружающие мое новое жилище, были мне неизвестны; создалось впечатление, что я переехала в новый город.

Однажды, знакомясь с районом, я остановилась перед какой-то оградой и поняла, что это нижний конец лицейского сада. Я медленно и с грустью обошла владение, в стенах которого когда-то «безмятежно процветал» Шурик. Памятника Александру I перед фасадом здания, конечно, не было. Сохранился ли в саду бюст с надписью «Genio loci», я не могла узнать — вероятно, нет, так как до конца 30-х годов культ Пушкина был не в моде.

Вспоминая полугодовой период моей жизни, связанный с улицей Красных Зорь, я вижу, насколько для меня ценна была в ту пору неизменная, умная и сердечная поддержка со стороны моей матери. Я чувствовала, что мама никогда меня не забывает и пользуется малейшей возможностью, чтобы меня приласкать, ободрить и побаловать. Возможность такая представилась тогда, когда французским послом в Москву был назначен Charles Alfand, племянник той самой M-me Barrigand, на вилле которой в Ментоне мы гостили в дни моего детства. Через него мама прислала мне свое пальто, отделанное котиком (не «электрическим», а настоящим), два теплых шерстяных платья: черное с белым и светло-серое, коричневый вязаный шарф и другие мелочи. Пишу об этом потому, что эти вещи верой и правдой служили мне в моих дальнейших «хождениях по мукам» и составляли мой основной гардероб в тюремных камерах и в лагерных бараках. Но не буду «предвосхищать событий», а лучше кратко расскажу о том, что произошло с мамой, Димой и Аликом за годы, отделяющие осень 1926 года, когда я их покинула в Ницце, от описываемого мною времени.

Когда мальчики окончили среднюю школу в Каннах, возник вопрос об их дальнейшем образовании — вопрос сложный, так как высшая школа во Франции очень дорого стоит. Для Димы эта проблема разрешилась самым неожиданным образом: в одной из предыдущих глав я говорила, что моя тетка Валентина Гастонова заведовала общежитием для девочек-подростков в St. Cloud под Парижем, содержащимся за счет Анны Павловой. В начале 30-х годов эта знаменитая балерина ехала на гастроли в Гаагу, ночью произошло крушение поезда, пассажиры выскочили из вагонов, не успев одеться. Анна Павлова простудилась и в несколько дней умерла от воспаления легких, после чего все ее благотворительные *fondations* подверглись ликвидации. Вместо них была учреждена стипендия для русской молодежи, поступающей в высшие французские школы. Одну из таких стипендий получил Дима, и это дало ему возможность учиться в парижской *école Violet*. Что касается Алика, то с ним произошла совершенно необычная история. Будучи на полтора года моложе Димы, он окончил среднюю школу позднее, и здоровье его в ту пору внушало серьезные опасения. Насколько я слышала, у него начиналось какое-то заболевание коленного сустава и опасались более страшной вещи — белокровия. Его мать, Татьяна Николаевна, в то время была уже во Франции. Жилось ей трудно, и в один из летних сезонов она приняла предложение сопровождать в качестве воспитательницы группу девочек, едущих на побережье Атлантического океана. В ее условия входило, чтобы Алик, которому тогда было лет 15-16, был с ней. В один прекрасный день мать и сын, проходя по пустынной набережной, заметили, что в море тонет человек. Татьяна опытным глазом увидела, что бурное течение несет обессилевшего купальщика прямо на скалы и, вспомнив, что она саратовка и волжанка, бросилась в воду на его спасение. Алик последовал за матерью, и после больших трудов им удалось вытащить утопающего, оказавшегося нотариусом из Бордо, на берег. В это время набережная уже не была пустынной. Как из-под земли появились фотографы, корреспонденты газет и множество зрителей. Все они приветствовали спасителей, брали интервью, щелкали аппаратами. Нотариус был вытаснен из воды живым, но через несколько часов скончался от сердечной слабости. Это было прискорбно, но не уменьшило славы Татьянки и Алика. На следующий день американское общество спасения на водах прислало им медали и все дальнейшее образование Алика приняло на свой счет. Кроме того, Алик был отправлен той же организацией в один из швейцарских санаториев,

где провел шесть месяцев и откуда вернулся здоровым. Впоследствии он, как и Дима, окончил инженерную школу école Violet в Париже.

Что касается самой мамы, то через два года после моего отъезда из Ниццы она срочно ликвидировала свой ресторанчик и переселилась в Париж в район Булонского леса. Эта поспешная ломка жизни была вызвана не совсем красивым поступком Вяземского, который, увлекшись какой-то бельгийкой, уехал в Париж, где наделал ряд глупостей, но, к счастью, скоро в них раскаялся и вернулся к пенатам. Пока вся эта драма «утрачалась» и приходила к счастливому концу, мама, верная своей неизреченной и непонятной привязанности, пережила много горьких дней, а я, зная об этом из писем и не имея возможности помочь, терзалась угрызениями совести «за Biot».

Но все это в 1934 году уже относилось к области прошлого. Мир у Вяземских был восстановлен и никогда больше не нарушался. С удовлетворением засвидетельствовав это, я могу перейти к другим темам.

В главе, посвященной Калуге, я говорила о Софии Николаевне Столпаковой, о ее сыне Борисе, который воспитывался теткой Екатериной Николаевной Суворовой и в шутку назывался «кронпринцем», а также о ее других сыновьях, верой и правдой служивших матери, кто чем мог. Прерывая рассказ, относящийся к началу 20-х годов, я обещала еще раз вернуться к этой семье. И вот, через 12 лет Столпаковы, переехавшие за это время в Ленинград, снова появляются на страницах моих воспоминаний и вместе с ними врывается повесть, столь мрачная и столь таинственная, что несколько лет назад я бы не решилась заводить о ней и слова из боязни, что мне не поверят. Теперь — другое дело.

Брат матери Софии Николаевны, Бобрищев-Пушкин, был известным в Петербурге присяжным поверенным, а у сестры матери — были курсы французского языка. И вот к этой тете Соне Бобрищевой-Пушкиной, имевшей большую квартиру на Литейном, недалеко от Фурштатдтской, и переехали все Столпаковы. Я изредка с ними виделась, знала, что Борис окончил университет и поступил в Ленфильм, не то в качестве сценариста, не то постановщика (его братья до таких высот не дошли — работали монтерами и слесарями). Как-то раз я увидела Бориса Столпакова выходящим из «Астории» в сопровождении 2-х молодых людей — один из них был его троюродный брат Бобрищев-Пушкин, другой — сын профессора, фамилии ко-

того я сейчас не помню, и подумала: «Если в Калуге Бориса называли кронпринцем, то и теперь эти юноши своим внешним видом выделяются из общей массы». Было это, по всей вероятности, в 1933 году, а весной 1934 года я узнала, что Борис Столпаков и его три товарища арестованы. Родные терялись в догадках и ничего не могли узнать, так как заключенных сразу отправили в Москву. Наконец, ближе к осени, Софии Николаевне удалось получить свидание с сыном (кажется, в Бутырках). Через две решетки Борис ей сказал: «Мамочка! Не удивляйся и не осуждай — я должен был подписать, что собирался убить Кирова. Я не мог поступить иначе. Но это ничего — мне обещали: за то, что я подписал, мне дадут только три года, и все!» Через день всех четверых расстреляли. Надо добавить, что в ту пору С.М. Киров был жив и здоров, и потому вся эта инсценировка казалась чем-то выходящим за грани человеческого разума. Ошеломленная горем София Николаевна пришла мне поведать обо всем этом, когда я уже переехала на новую квартиру, и потому я включаю ее рассказ в главу «На улице Красных Зорь». (Весною 1935 года, насколько я слышала, София Николаевна, ее сыновья и сестра были высланы в западный Казахстан, но я с ними связь потеряла.) /.../ ⁶⁴

Новый год мы встретили с Володей вдвоем в моей тихой, красиво обставленной комнате. Сидя за столом, я смотрела на его осунувшееся лицо и чувствовала, что он страшно переутомлен. Незадолго до того Владимир Сергеевич перевел свою мастерскую на производство точильно-шлифовальных кругов, на которые был спрос; он работал сверх сил, питался как попало, ходил в трескучий мороз в курточке и потертой шапке гжельских времен — все деньги уходили в Тайцы, на оборудование мастерской и на уплату колоссальных налогов. Володя никогда не жаловался, но я его любила и понимала все без слов. Теперь мне кажется, что я одна из всего его окружения никогда ничего от него не требовала и применяла к нему то, что называется в медицине «щадящий режим». В этом, может быть, была моя ошибка!

Январь прошел тревожно: стали доходить слухи о начавшихся повальных арестах, а 1-го февраля я встретила на Невском Марию Александровну (Мариньку), которая сообщила, что ночью взяты Сергей и Юрий. Владимир пока уцелел. Примчавшись ко мне вечером, он сообщил о своем решении немедленно, пока не поздно, ехать в Москву. Этот проект встретил мое полное одобрение — поскольку аресты носили чисто территориальный характер и не были связаны ни с каким «делом», важно было

выиграть время и не попасть в общую кашу. Владимир Сергеевич уехал, и можно было надеяться, что он избегнет участи своих братьев, как избежал в 1924 году, выскочив в окно.

Но тут случилось нечто невероятное: незадолго до описываемых мною событий Сергей Евгеньевич Львов затеял тяжбу с хозяйкой занимаемой им в Тайцах дачи по вопросу квартирной платы (дело касалось суммы в 100 или 200 рублей) и передал дело в суд. Разбор дела назначен был на начало февраля, но поскольку дача была нанята на имя Владимира Сергеевича, а не Сергея Евгеньевича, личное присутствие первого оказалось нужным для того, чтобы судопроизводство состоялось в назначенный срок. Отец не нашел ничего умнее, как вызвать Владимира из Москвы телеграммой. Тот, воспитанный в рамках Домостроя, немедленно явился, но на суде фигурировать не мог, так как сразу по приезде в Ленинград очутился в ДПЗ по линии НКВД.

10-го февраля, т.е. двумя днями позднее, я получила повестку, приглашавшую меня явиться туда же на следующий день, т.е. 11-го февраля к 12 часам дня (№ комнаты был указан). Утром я успела съездить к нашей верной Александре Ивановне, сказать ей, куда я иду, дать кое-какие распоряжения, просить не оставлять меня в беде и сообщить отцу, если я в эту беду попаду. (Александра Ивановна точнейшим образом выполнила все мои просьбы.)

В 12 часов дня 11 февраля я вошла в двери того дома на углу Литейного и Шпалерной, по поводу которого существовала загадка: «Какое самое высокое здание в Ленинграде?»* И уже больше из этих дверей не вышла. /.../

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В камере ДПЗ Т.А. встретила с самыми разными лицами: от торговки серебром до известной летчицы Марины Преображенской. Спустя некоторое время и Т.А., и Львовы были освобождены под подписку о невыезде, а на следующий день получили распоряжение о высылке их в трехдневный срок из Ленинграда. Местом жительства Т.А. был назначен Саратов.

---

* На это следовал ответ: «Исаакиевский собор» и затем поправка: «Нет. Дом НКВД. С собора видно Ладожское озеро, а из дома на Шпалерной — Соловки».

По дороге туда Т.А. остановилась в Москве и посетила французского посла, передав через него различные памятные вещи для своих знакомых и родных во Франции.

В Саратове Т.А. с материальной стороны была обеспечена посылками от матери и заработком за рукодельные работы. После продолжительных мытарств ей удалось найти сносное жилье. 1937-й год она встречала в семье своих новых знакомых — Скобельцыных. Застольные разговоры на этом вечере и послужили поводом для ареста Т.А. и ее знакомых осенью 1937. Приговор — 8 лет ИТЛ по литере КРД. Весною 1938 она была этапирована в лагерь в районе Котласа.

Т.А. повезло: ей удалось устроиться на работу в санчасти, где она и провела почти все время заключения. В начале войны 1941 Т.А. была ненадолго арестована и заключена в лагерную тюрьму. После активировки в 1943 по приглашению бывшей сокамерницы она решила поселиться в г. Вятские Поляны Кировской области. Прибыв туда, Т.А. после ряда безуспешных попыток устроилась на работу в больницу, поселилась в общежитии (со временем получила комнату, а потом и квартиру) и, одновременно, стала преподавать немецкий язык в вечерней школе. Помимо «борьбы за существование», жизнь Т.А. наполняется перепиской с многочисленными знакомыми всей ее жизни, по большей части, сокамерниками, чтением книг; с конца 1940-х она регулярно слушает передачи «Голоса Америки».

Наличие в паспорте Т.А. при ее жизни в Вятских Полянах отметки о выдаче «на основании § 39» создавало ей разнообразные жизненные затруднения. Например, одна из ее поездок в Москву (с 1944 она ежегодно нелегально навещала там отца) едва не окончилась новым сроком заключения, а когда Т.А. отправилась по путевке на лечение в Кисловодск, то у нее также возник целый ряд осложнений с местными властями.

Особое значение для Т.А. имело появление в конце 1940-х в Кирове реэмигрантов Н.Г. Лермонтова и П.Г. Трубецкого. В один из своих нелегальных приездов в Москву она после долгого перерыва встретила с А.И. Толстой и ее братьями-реэмигрантами.

1949 год был отмечен для Т.А. двумя печальными событиями: ее приятель, главный врач вятско-полянской больницы А.В. Портных был снят с работы, переведен в глухой район севера области, там арестован и вскоре погиб в заключении; во-вторых, сама Т.А. была отстранена от работы в ШРМ, правда, вскоре ей удалось найти другую преподавательскую работу.

Смерть Сталина и начавшиеся вслед за ней политические перемены не сразу сказались на судьбе Т.А. Вообще, 1950-е для нее скорее годы потерь, чем приобретений: смерть матери, отца, Б.С. Аксакова, известие о смерти сына, а также смерть Н.П. Оболенской (Штер) оставляют Т.А. «одной на свете».

На эту череду несчастий накладывается для Т.А. трагическая судьба ее душевнобольной кузины Зинаиды Осколковой, вышедшей по амнистии в 1954 и в конце концов оказавшейся на попечении Т.А.

Как возмездие за недостаточность своего внимания к кузине, воспринимает Т.А. обрушившуюся на нее самое автомобильную катастрофу, вызвавшую необходимость мучительного многомесячного лечения. В конце 1950-х Т.А. прерывает свою работу над мемуарами и занимается переводом книги шведского врача Акселя Мунте *ПОВЕСТЬ О САН-МИКЕЛЕ*, которая привлекла ее своим автобиографическим характером, остроумием и простотой, «являвшейся подчас признаком гениальности». Впоследствии, после долгих хлопот и ожиданий, в 1969 году перевод удалось издать.

В 1957 Т.А. была окончательно реабилитирована, но уже почти со смерти Сталина она регулярно проводит свой отпуск в Москве или в поездках по старым друзьям и знакомым. Однако с каждым годом их становится все меньше: умирают поклонник ее юности А.Ф. Гравес, родные ее гимназической подруги М.К. Морозова и Е.К. Вострякова, А.И. Толстая, Зинаида Осколкова, Н.Г. Лермонтов, П.Г. Трубецкой.

С начала 1960-х Т.А. начала задумываться о возможном переезде в Ленинград. Наконец, в 1967 ей удалось осуществить это намерение с помощью своих новых друзей: выйдя на пенсию, Т.А. получила комнату на Петроградской стороне и поселилась там. Здесь она довела свои воспоминания до конца, описала свое общение с А.Т. Твардовским, отзывы современников на ее мемуарные занятия и на перевод книги А.Мунте.

В Ленинграде Т.А. прожила чуть более десятилетия. В этот период она иногда посещает Москву (а однажды даже Калугу), встречается там с О.Н. Базилевской, потомками своих родных и знакомых — Голицыными, Шереметевыми, Потоцкими, Шиповыми и др.; сотрудниками архивов и музеев, куда передает свои мемуары, бумаги отца, семейные реликвии, а также приведенные ею в порядок воспоминания К.И. Ровинского. Т.А. много читает, уделяя главное внимание французской мемуаристике XVIII-XIX вв. и тем русским воспоминаниям XX в., которые доходят до нее из тамиздата (гр. Клейнмихель,

прот. о. Г. Шавельский, В. П. Зубов, *ХРОНИКА СЕМЬИ ЗЕРНОВЫХ* и т. п.).

К концу 1970-х Т. А. настолько ослабела, что ее пришлось поместить в инвалидный дом, где она и скончалась в 1982.

Судьба других действующих в мемуарах Т. А. Аксаковой лиц сложилась следующим образом.

Переезд Б. С. Аксакова в Москву к новой жене Л. Д. Некрасовой спас его от неминуемой в противном случае высылки в 1935. Его дальнейшая жизнь сложилась благополучно, но о ней Т. А. ничего не было известно вплоть до начала 1954. Тогда, по инициативе Л. Д. Некрасовой, знавшей, что Б. С. болен раком и дни его сочтены, состоялось его последнее свидание с Т. А.

Сын Т. А., Дима, учась в Ecole Violet и живя в интернате, проводил праздничные дни в Ницце у Вяземских. В каникулы он обычно поступал слесарем на авиазавод, чтобы заработать деньги для отдыха на Ривьере. Получив диплом инженера, отбыл год воинской повинности в Алжире и в 1936 поступил в Версальскую офицерскую школу.

Затем, по доходившим до Т. А. окольным путем сведениям, жил в Ливане и «не всегда помнил все то, чем он был обязан Пафке» (так он в детстве звал А. Г. Вяземскую).

В. А. Вяземский за несколько лет до смерти ослеп, и А. Г. преданно ухаживала за ним до самого конца. Пережив его на семь лет, А. Г. до своих последних дней пользовалась вниманием многочисленных друзей.

Двоюродная тетка Т. А. — Н. П. Оболенская жила все время в Москве, выйдя под конец жизни замуж за И. В. Захватаева, который пережил ее только на несколько месяцев.

Отец, А. А. Сиверс, в конце 1935 женился на Ольге Геннадиевне Шереметевой (урожд. Чубаровой), вдове Б. Б. Шереметева. Еще живя во Владимире, он стал сотрудничать в «Лит. наследстве», по делам которого иногда приезжал в Москву. В 1936 он прописался у сестры в Можайске (в Москве, где жила О. Г. с 4-мя детьми от первого брака и престарелой матерью, С. не прописывали из-за отметки в паспорте «выдан на основе § 39»). Осенью 1941 О. Г. погибла при прямом попадании бомбы во двор шереметевского дома. Когда немцы заняли Смоленск и Вязьму, С. эвакуировался по железной дороге на восток. Поезд попал под бомбежку, и от Алексина до Тарусы С. пришлось идти пешком 40 верст. Там он поселился поблизости от К. И. Ровинского. В Тарусе С. прожил до 1944, когда он возглавил нумизматический отдел Исторического музея и

(после долгих мытарств) поселился в Москве: в квартире детей Шереметевых. Последние относились к нему очень хорошо, но квартира была уплотнена до предела, и для С. в одной из комнат была выгорожена «полутемная каморка, в которой поместились походная кровать, письменный стол, кресло и комод, одновременно служивший постаментом для генеалогических картотек». Почти до самой смерти ходил на работу в Исторический музей. Умер от рака желудка.

Т.Н. Сиверс некоторое время до завершения сыном образования (он стал летчиком) работала в антикварном магазине. В 1940 во время всеобщего бегства из Парижа осталась в доме одна со стариком-хозяином, о котором заботилась по мере сил. После войны приняла постриг под именем матери Марии и поступила в один из монастырей на Луаре, где и умерла.

В.С. Львов был (как и Т.А.) арестован в 1935, но выслан вместе со своей семьей в Куйбышев. После долгих хлопот ему удалось добиться перевода в Саратов к Т.А. Однако, уступив давлению родителей, он поклялся им не венчаться с Т.А. в церкви. Хотя это и не имело практического значения (Т.А. не была церковно разведена со своим первым мужем), но было расценено Т.А. как предательство. Отношения ее с В.С. дали трещину, и вскоре они расстались. Осенью 1937 В.С. был вновь арестован и погиб в заключении (официальная дата и причина смерти: «1943, от рака печени»).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Борис* — Аксаков Борис Сергеевич (1886-1954), с 1914 — муж Т.А. Сын небогатых помещиков Козельского уезда Калужской губ. (владели сельцом Антиповым). Окончив 2-й Петербургский кадетский корпус, вышел в Павловское юнкерское училище, из которого в 1907 (с потерей года из-за болезни) был выпущен в Лейб-гвардии Московский полк. В связи с женитьбой перешел в запас, получив назначение на должность земского начальника 4-го участка Тарусского уезда. С началом Первой мировой войны Б.А. стал коммендантом санитарного поезда. С зимы 1914/15 переведен в распоряжение Московского военного округа и стал командиром роты 56-го запасного полка, стоявшего в Москве. С лета 1916 Аксаковы живут в Кремле, где находятся казармы роты. Тяготясь пребыванием в тылу, Б.А. добивался отправки в действующую армию. Во время Февральской революции постоянно

находился с солдатами, охранявшими золотой фонд России. Весной 1917 уехал на румынский фронт, где стал комендантом 26-го корпуса (около Черновиц). Дальнейшую его судьбу см. в основном тексте, примечаниях и послесловии.

Дима — сын Т.А. — Дмитрий Борисович Аксаков (1915, Москва — конец 1950-х, Ливан?). Дальнейшую судьбу см. в основном тексте, примечаниях и послесловии.

Попелево — село в Козельском уезде (близ города). В XIX в. принадлежало Бибиковым, у которых (после их разорения) было куплено кн. Алексеем Алексеевичем Вяземским. По смерти последнего (1902) перешло к его сыну Владимиру. «Главное богатство Попелева — 40-десятичный фруктовый сад — был весьма невыгодно сдан в долгосрочную аренду. Остальное хозяйство перешло в руки А.В. Блохина /дяди В.А. Вяземского. — Публ./, а молодой хозяин проводил время на охоте /.../ и в разездах по округе. На деревне ни одна свадьба, ни один престольный праздник не обходился без него. Крестьяне любили «простого» барина, шли к нему во двор и за веревкой, и за бороной, как в собственный сарай, и не обижались, если он, по пьяному делу, давал кому-нибудь по шее». В 1914 перед своей женитьбой на матери Т.А. (см. ниже) В.А. Вяземский перевел Попелево (свое единственное владение) на ее имя.

² *Мама* — кн. Вяземская (урожд. Эшен, в 1-м браке — Сиверс, во 2-м — Шереметева) Александра Гастонова (ок. 1870 - 1952). Детство провела на родине своего отца во Франции, будучи изредка привозима на летние месяцы в наследственное имение матери — Аладино (см. ниже). Получила домашнее образование, среди ее учителей был Л.А. Тихомиров (тогда политэмигрант). Однако «усадить Сашеньку за книжку, при всей ее природной сообразительности, было делом нелегким. Ей казалось, что в Париже, да и вообще на свете, есть много вещей, гораздо более интересных, чем учебники. /.../ воспитывали строго и с приложением той не совсем удачной французской системы, которая путем бесконечных разговоров о "долге" /.../ низводила это понятие до повседневных мелочей и, вместо внедрения моральной ответственности, достигала обратного: дети пропускали эти внушения мимо ушей и понятие "долга" совершенно дискредитировалось». «Другая сторона воспитания /.../ была более удачной: девочкам /т.е. А.Г. и ее сестре. — Публ./ старались привить ту французскую любезность, которая заставляла их быть приветливыми со всеми без различия, уметь в равной степени поддерживать разговор с интересующим их человеком и с какой-нибудь старой, глухой дамой, не выказывая при этом никаких признаков скуки». В 1888 семья А.Г. переехала в Россию, а в 1891 сама она вышла замуж за А.А. Сиверса. Кроме Т.А., у А.Г. от этого брака был еще сын Александр. «Все утверждали, — пишет автор, — что моя мать очень похорошела после замужества. Что делало ее внешность особенно привлекательной, так это седая прядь на фоне темных вьющихся волос, которая появилась в возрасте 18-19 лет и составляла интересный контраст с ее молодым, подвижным лицом».

В 1898-99 А.Г. развелась с мужем и вышла замуж за его сослуживца по Главному Управлению уделов Н.Б. Шереметева. Молодые поселились в казенной квартирке Удельного ведомства на Пречистенском бульваре. Это место в силу характера увлечений хозяина вскоре стало одним из центров театральной жизни города. Сама А.Г. благодаря как новым родственным связям, так и — едва ли не в большей степени — своему обаянию и легкости характера стала весьма заметной фигурой в светской жизни Москвы (давыдовские «четверги», морозовские «субботы» и т.п.). С 1903 вместе с А.Г. живет и ее дочь. К 1913 счастье в семье А.Г. и Н.Б. Шереметевых приходит к финалу: Н.Б. бурно и безответно влюбляется в актрису Е.И. Найдену, покидает службу и поступает на сцену Малого театра; А.Г. увлекается молодым помещиком Козельского уезда кн. В.А. Вяземским. В 1914 совершается новый развод А.Г. и летом того же года она становится кн. Вяземской. О ее дальнейшей судьбе см. основной текст.

³ *Аладино* — сельцо Козельского уезда Калужской губ. — наследственное имение Чебышевых — предков автора со стороны матери.

«В середине 1820-х гг. был закончен этот столь типичный для средней полосы России помещичий дом с 4-мя белыми колоннами, мезонином, полукруглым окном на фронте и террасой, которая широкой лестницей спускалась в сад, вся обвитая хмелем и диким виноградом. Этот дом простоял 100 лет, видел в своих стенах пять поколений одной семьи и погиб в огне, когда, после революции, нас там уже не было. /.../ Калуга со всеми своими уездами вполне оправдывала название, данное ей имп. Николаем I — "Бесприданная красавица". Суглинистая почва давала скудные урожаи, и единственное богатство края составляли яблоневые сады.

Однако, для всех аладинцев эта скромная природа имела неизъяснимую прелесть — обилие зелени всевозможных оттенков, от пепельной ракиты до бархатисто-изумрудной ели, придавало ландшафту разнообразный и приятный колорит. Небольшие речки, пересеченные плотинами с вертящимися колесами водяных мельниц, образовывали тихие запруды, к берегам которых спускались густые конопляники с покосившимися плетнями. Там всегда было прохладно, заливались лягушки, кричали утки и стоял дурманящий запах конопли. Екатерининские дороги, посаженные березами, прорезали волнистую долину, связывая Калугу с ее уездами и заштатными городами /.../. По этим дорогам на протяжении ста лет с одинаково радостным замиранием сердца подъезжали к Аладину все те, кому оно было родным. В стенах осажденного Севастополя, на берегах Средиземного моря, на улицах Парижа, на волнах Тихого океана, всюду, куда только судьба их ни закидывала, они чувствовали, что есть кусочек земли, который им дороже всех прекрасных мест на свете.

Мне это настроение было передано моей бабушкой Александрой Петровной, которая, несмотря на свой французский брак, сумела, если не все, то многие иностранные влияния подчинить русским, круто держа, как дочь моряка, курс на Россию и Аладино».

Упомянутые ниже (в основном тексте) бабушка и дедушка Т.А. — родители ее матери: Александра Петровна (урожд. Чебышева, 1848 - 1919) и Гастон Александрович Эшен (Euchêne, ум. 1919), «выходец из патриархальной и состоятельной французской семьи (бельгийского происхождения)». Эшены с 1888 жили в СПб, где Г.А. служил в правлении Брянских металлургических заводов.

⁴ *Тетя Лина Штер* — сестра А.П. Эшен, Валентина Петровна (урожд. Чебышева, 1850 - 1930?); *Наточка Оболенская* — ее дочь, Наталия Петровна (урожд. Штер, 1877 - 1961). Муж последней — кн. Василий Васильевич Оболенский («один из сыновей многочисленной, но обедневшей семьи московских Оболенских, так называемых Кореневских»). С момента свадьбы (1899) О. жили в Москве. О дальнейшей судьбе тети Лины и Наточки см. в примечаниях и послесловии.

⁵ На опущенных страницах: соседи по дому Собенникова — кн. Мария Владимировна Вяземская, ее младшие дети, их приживал-француз Валентин Девойод, обстоятельства репатриации последнего в 1923; возвращение В.А. Вяземского с фронта (конец 1917); накаление общественной атмосферы в Козельске; слухи о предстоящем избиении дворян; бегство семьи Т.А. в Москву (февр. 1918) при помощи Л.М. Кавелина и жизнь в московской квартире последнего (материальные трудности, распродажа вещей, поездка Т.А. за продуктами в Козельск, арест Бориса и его освобождение с помощью правозащитника Якулова), отъезд матери Т.А. в Гатчину с Н.С. Брасовой; характеристика домочадцев Н.П. Оболенской — среди них: судьба камергера Ивана Леонтьевича Томашевского.

⁶ Кн. Вяземский Владимир Алексеевич (ок. 1875 - 1945) — третий муж матери Т.А., из семьи калужских помещиков. Учился в Орловском кадетском корпусе, откуда «был исключен за какую-то шалость». Отбывал воинскую повинность в Моск. драгунском полку. С конца 1890-х жил с отцом и сестрой в Попелеве, в то время как его мать (кн. М.В. Вяземская, урожд. Блохина) переехала к фактическому отцу своих младших детей А.Н. Ергольскому в имение Отрада на правом берегу Жиздры. «После смерти отца (1902) В. всецело попал под влияние дядюшек Блохиных, что отнюдь не способствовало упорядочению его жизни», «проводил время на охоте у матери в "Отраде" и в разъездах по округе. /.../ Внешне В. в ту пору был типичным "добрым молодцем". Громадного роста — всегда на полголовы выше самых высоких окружающих, с волосами, расчесанными на прямой пробор, низким лбом, круглым овалом лица, серыми оттененными темными ресницами глазами, он не мог назваться красивым, но был во всяком случае видным малым».

Вскоре после своей женитьбы на матери Т.А. — В. получил повестку о мобилизации его в армию с направлением в Острогжскую школу прапорщиков (Воронежская губ.), так как не имел офицерского звания. Навестившая его там А.Г. застала В. в компании грубых

и кутящих военных. Будучи озабочена тем, что В. чувствует себя в этой среде «совсем неплохо», она стала всеми силами стремиться к тому, чтобы участие В. в войне приобрело «более благородный вид». (О полном избавлении от службы ввиду «неглубокого, но пылкого патриотизма» В. речи идти не могло).

В доме известной московской художницы-модельера Н.П. Ламановой-Каютовой А.Г. познакомилась с мorganатической женой Великого князя Михаила Александровича — Н.С. Брасовой (урожд. Шереметевой, в первом браке Мамонтовой, во втором — Вульферт). Это знакомство перешло в дружеские отношения, в которых преданность и самоотверженность А.Г. сочетались с капризной любезностью Н.С. По ироническому замечанию А.А. Сиверса, А.Г. стала «статс-дамой мorganатического двора».

По протекции Брасовой В. был назначен ординарцем к Вел. кн., только что получившему командование Дикой дивизией. «Мама, которая никогда не забывала то хорошее, что делали для нее люди, руководилась этим чувством благодарности в своих дальнейших отношениях с Брасовой». Вел. кн. Михаил Александрович в 1918 разделил судьбу своего старшего брата, а Н.С. впоследствии умерла в эмиграции. О дальнейшей судьбе кн. В.А. Вяземского см. основной текст и примечания.

⁷ На опущенных страницах: переезд семьи Т.А. к сестрам М.К. Морозовой и Е.К. Востряковой; судьба сына М.К. — Юрия; отношения Е.К. с В.С. Гадоном.

⁸ Б.Б. Шереметев — старший брат первого отчима Т.А. — Николая Борисовича.

⁹ *Тата Мамонтова* — дочь Н.С. Брасовой от ее первого брака с сыном московского мецената С.С. Мамонтовым.

¹⁰ *Отец Т.А.* — Александр Александрович Сиверс (1866 - 1954), — известный впоследствии генеалог и нумизмат, происходил по отцу из лифляндского матрикулированного дворянства. Мужчины рода Сиверсов с екатерининских времен состояли на русской военной службе, преимущественно в гвардейской артиллерии. Семейное предание указывает на возможное родство С. с Екатериной II. (Прабабка С. с материнской стороны — Е.Г. Калагеорги /урожд. «Темлицына»/ — дочь св. кн. Г.А. Потемкина). Отец С., Александр Александрович, в отличие от своих братьев, не сумел сделать военной карьеры из-за полученного в детстве увечья и, прослужив более 30 лет в Удельном ведомстве, в конце жизни вел имущественные дела своего друга В.Ф. Лугинина. Мать С. — Надежда Петровна (урожд. Мартос) «принадлежала к тому роду людей, которые, причислив себя раз навсегда к натурам избранным, умеют внушить эту идею окружающим. /.../ В молодые годы врачи констатировали у нее туберкулез легких и с тех пор вокруг ее здоровья был создан целый культ».

С. в 1888 окончил СПб университет и служил в Главном Управлении Уделов. Друзьями его молодых лет были сослуживец Н.Н. Муханов и чиновники Министерства финансов И.П. Шипов и Я.И. Элиасберг. После развода дети остались при С. (сын — навсегда, а дочь до 1903, когда она была передана в новую семью матери).

В 1890-е — 1900-е С. заведовал «седьмым делопроизводством» ГУУ, т.е. отделом, руководившим виноделием, хлопководством и чайными плантациями.

В 1911 С. был назначен начальником Самарского Удельного округа и переехал туда. Спустя два года С. был отозван в СПб и включен в Комитет по опеке над имуществом Вел. кн. Михаила Александровича, находившегося в опале в связи с морганатической женитьбой на Н.С. Брасовой. После начала войны (1914) опека с Вел. кн. была снята и ему был разрешен въезд на родину. С. был назначен помощником начальника ГУУ (кн. В.С. Кочубея) и переехал в казенную квартиру на Моховой ул.

Член Английского клуба и камергер двора, С. стал очевидцем разгрома (10 марта 1917) погреба с удельными винами, находившегося под его жилищем. Летом 1917 ГУУ прекратило свое существование и С. переехал на частную квартиру. Спустя несколько месяцев он поступил на службу в Главархив, а потом в Эрмитаж, ставший Государственным.

С начала 1890-х у С. пробуждается интерес к истории, археологии, нумизматике и генеалогии: он собирает библиотеку по этим дисциплинам, коллекцию монет и документов, работает в архивах. С каждым годом все больше времени уделяет научным занятиям. Первые его научные работы посвящены изучению родословий и публикации поколенных росписей дворян Батвиньевых, Граве, Каховских, Масловых, Манасеиных, Мордвиновых, Мухановых, Озеровых, Юрасовых. Перед революцией С. обращается к истории движения декабристов: редактирует (совм. с Е.А. Ляцким и Б.Л. Модзалевским) историко-литературный альманах «Огни», публикует там материалы об А.И. Вегелине, участвует в подготовке к печати очередного издания кн. А.Н. Пыпина **ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ ПРИ АЛЕКСАНДРЕ I.**

В 1920-22 сотрудничает в журнале «Дела и дни», где кроме публикаций по движению декабристов печатает также переписку Александра II за 1862-63. В 1925 выходит в свет главный труд его жизни — подготовленный к печати совм. с Б.Л. Модзалевским **АЛФАВИТ ДЕКАБРИСТОВ**, остающийся по сей день незаменимым пособием для историков русского освободительного движения. В том же (юбилейном) году С. публикует и другие материалы о декабристах в различных журналах и сборниках.

В 1922 и 1927 выходят две нумизматические работы С.: о топографии кладов с пражскими грошами и о медальере Б.Скотте.

Публикацией новых материалов (1927-28) о семье Ризнич и письма гр. М.С. Воронцова к П.Д. Киселеву С. оказал ценную услугу отечественной пушкинистике. В 1940-х — 1950-х С. осуществлял редакционно-публикаторскую работу в «Литературном наследстве» и «Звеньях».

Биографические сведения об С. в период 1917-54 см. в основном тексте и послесловии.

Упомянутая ниже в тексте *Александра Ивановна* — домохозяйка С., жившая в его доме с 1906 и верно служившая ему и членам его семьи в самые тяжелые для них времена (1917-20; 1935). Уроженка новгородской деревни.

¹¹ *Шурик* — брат Т.А., Александр Александрович Сиверс (1894 - 1929). Восемь лет был помещен в подготовительный класс Тенишевского училища. В 1905-09 неизменно сопровождал отца в поездках того по Европе. В 1908, будучи неудовлетворен постановкой учебного дела в Тенишевском училище и убедившись в отсутствии у сына склонности к точным наукам, отец перевел его в VI гимназии, где Ш. доучился до 8 класса. Весною 1911 он поступил в IV (последний гимназический) класс Александровского лицея. Летом 1912 совершил (вместе с сестрой) первое самостоятельное путешествие (по Волге). Начало войны 1914 застало Ш. в Англии, куда отец отправил его для совершенствования в английском языке, и в Петроград ему удалось попасть только в сентябре через Берген и Торнео. Вопреки желанию Ш. немедленно идти добровольцем на фронт, отец настоял на том, чтобы сначала был окончен Лицей. Когда выпуск (весной 1915) состоялся, «воинственный пыл Ш. поостыл» и он был зачислен в МИД, в канцелярию министра. Весною 1916 он женился на дочери саратовских помещиков Татьяне Николаевне Юматовой (1900 - 1970). Спустя год у них родился сын Александр (Алик).

Царевщина — Вольского уезда Саратовской губ. — имение Юматовых и основное место их жительства. Летом 1915 — половина барского дома была занята лазаретом для раненых, организованным матерью Т.Н. На другой половине вместе с хозяйскими детьми росли 8-10 крестьянских девочек. После революции патриархальные отношения крестьян с членами помещичьей семьи еще сохранялись некоторое время.

¹² Бокний Глеб Иванович (1879 - 1940) — с сент. 1918 — председатель Петроградской ЧК.

¹³ Рошина-Инсарова (наст. фам. Пашенная) Екатерина Николаевна (1883 - 1970) — драматическая актриса. Два сезона (1911-13) играла в Малом театре, многие актеры которого «часто и запросто бывали в просторной казенной квартире Н.Б. Шереметева на Пречистенском бульваре». К этому времени, вероятно, относится знакомство с нею матери Т.А. Умерла в эмиграции.

¹⁴ На опущенных страницах: Киев времен Скоропадского; отъезд А.Г. Вяземской и Н.С. Брасовой через Одессу в Англию; решение А.Г. отправиться на розыски мужа; жизнь брата Т.А. в Саратовской губ. в 1918-22, его последующее возвращение в Петроград.

¹⁵ На опущенных страницах: жизнь Т.А. с сыном в Козельске, увлечение жителей театральным искусством, руководители местной труппы Б.А. Россов и его жена, Военный комиссариат и его служащие (бывшие офицеры) — покровители Т.А.: В.А. Влодзимирский, В.А. Глебов, И.А. Коротков.

¹⁶ На опущенных страницах: козельская приятельница Т.А. — заведующая аптекой Евгения Моисеевна Рожкова, перевод фермы в Нижн. Прыски и переезд туда Т.А., описание усадьбы Кашкиных в Нижн. Прысках, прогулки автора по окрестностям, знакомство с местным священником о. Преображенским, увольнение Т.А. с фермы (май 1919), возвращение в Козельск, жизнь в доме А.Ф. Посниковой, семья хозяев, занятие Т.А. шитьем повойников, материальные трудности, воспитание сына.

¹⁷ На опущенных страницах: семья Россет, их родословная, приехавший в отпуск из Красной Армии их сын Н.Н. Россет (внучатый племянник А.О. Россет), его растущая привязанность к Т.А., их совместные походы за продуктами по деревням; письмо от невестки Т.А. Н.С. Смирновой (урожд. Аксаковой) с требованием забрать хранившиеся у той вещи Б.С. Аксакова и В.А. Вяземского; муж Н.С. — Н.И. Смирнов (редактор «Бедноты»). Поездка Т.А. в Москву в конце 1919, дорожные невзгоды, посещение тетки В.П. Штер, жизнь Смирновых в доме Нирензее, московские хлопоты Т.А. об оставлении Н.Н. Россета на службе в Козельске, посещение ею своих сокурсниц по Строгановскому училищу С.Балашовой и А.Солдаткиной, смерть приятеля юношеских лет Т.А. — Д.К. Дерюжинского, возвращение в Козельск (12 января 1920), встреча Нового года в семье Россет, объяснение Н.Н. Россета в любви к Т.А., эпидемия тифа, смерть Н.Н. Россета (20 января / 2 февраля 1920), свадьба Е.М. Рожковой и В.А. Глебова, болезнь Т.А., уход за нею писательницы Анны Александровны Исаковой (урожд. Соколовой, в первом браке Бруни), рассказы последней о сыновьях от первого брака — Николае и Льве, литературные связи А.А. Исаковой; m-me Кладо и фальсификация «дневника фрейлины Вырубовой»; поход Т.А. в Оптину пустынь на Благовещение 1920; позднее стихотворение Т.А. о жизни в Козельске; известия о Б.С. Аксакове и поездка Т.А. в Москву за их получением.

¹⁸ На опущенных страницах: устройство Б.С. Аксакова на квартиру в Калуге, жизнь Т.А. зимой 1920-21 на два дома (в Козельске и в Калуге).

Приложение к настоящей главе: о С.А. Нилусе, авторе книги о *ПРОТОКОЛАХ СИОНСКИХ МУДРЕЦОВ*, его спокойной жизни в 1920-е близ Оптиной (умер в сер. 1920-х).

В опущенной далее гл. III *В КАЛУГЕ*: Калуга в 1920-21 (запущение и оскудение), идеологическая атмосфера, расцвет эстрады и дра-

матического искусства, архитектурные памятники города; семья давних знакомых Т.А. — Запольских, актер В.П. Базилевский, ученые К.Э. Циолковский и А.Л. Чижевский, поездка Т.А. к отцу в Петроград (декабрь 1920), летом 1921 — в Москву; флирт Б.С. Аксакова с Л.Д. Некрасовой, калужские соседи автора — Леонутовы, знакомство Т.А. с Н.А. и Л.А. Бруни.

Приводим следующий затем отрывок о конце Оптиной пустыни:

«Оптина пустынь просуществовала до конца 1923 года. Ликвидация ее почему-то сопровождалась сложными операциями военного характера. Монастырь был оцеплен каким-то отрядом и его брали приступом, хотя никто и не думал сопротивляться. Молодые монахи давно были взяты в армию, оставались только старики, работавшие на лесопилке и в племхозе, да схимники: отец Нектарий и отец Анатолий. После обыска в их кельях, им было предписано в 24 часа покинуть не только стены монастыря, но и пределы Калужской губернии. К 9 часам на следующее утро они должны были явиться в комендатуру за документами. Отец Нектарий выехал и поселился в Болховском уезде Орловской губернии в деревне Холмищи, в 40 верстах от Козельска. Отца Анатолия эта чаша миновала — он молился всю ночь, а когда утром пришли, чтобы вести его в комендатуру, он лежал мертвый в своей келье, из которой на протяжении стольких лет исходили слова утешения и умиротворения. Похоронили его в ногах у отца Амвросия, келейником которого он был долгие годы.

На территории Оптиной был учрежден музей, которым ведала одна из приверженных к этому месту дам по фамилии, если не ошибаюсь, Зорич. /Скорее всего, речь идет о Н.А. Павлович. См. «Прометей», М., 1980, т.12, с.88. — Публ./ Затем музей был ликвидирован. Остались детский дом с нашим разбитым роялем и племхоз под управлением С.Н. Косникова. Что там теперь — я не знаю».

•

Далее опущено: голод 1921, объявление НЭПа, реакция на него Д.Бедного, окончательный переезд в Калугу Т.А.; воспитание сына, церковное влияние на него двоюродной бабки О.Н. Аксаковой — старосты Одигитриевской церкви; знакомство Т.А. с С.Н. Столпаковой (урожд. Суворовой) и ее семьей; поездка Т.А. в Тарусский уезд к своим революционным знакомым сестрам Ртищевым; новая поездка к отцу в Петроград (лето 1922); нэповский Петроград, жизнь в Петрограде семьи брата, вернувшегося из саратовских краев; приятель А.А. Сиверса — А.Н. Макаров; встреча Т.А. с Л.А. Бруни в Академии художеств; посещение на обратном пути в Москве Сельскохозяйственной выставки; знакомство в Калуге с Анной Ильиничной Толстой (старшей внучкой Л.Н.); организация ею и Т.А. артели «Кустари», крах предприятия; родственник А.И. С.М. Сухотин, его судьба; семья А.И. Толстой (Хольмберг), их приживалка О.В. Храповицкая; калужский знакомый Н.К. Полтев, его самоубийство.

¹⁹ В опущенном начале этой главы: получение Т.А. в конце 1922 первых известий о матери, находящейся в Висбадене; подготовка поездки Т.А. с сыном в Германию; путешествие по маршруту Калуга - Петроград - Таллин - Штеттин - Берлин - Франкфурт - Висбаден; экономико-политическое положение в Рейнланде (конец 1923), русская колония в Висбадене; моды 1923, предположение Т.А. об их связи с новейшими археологическими сенсациями в Египте; знакомство с семьей Нахичеванских.

²⁰ Глава из 1-й части воспоминаний.

Кашкарова Марионелла Моисеевна — владелица соседней с Аладиным деревни Опаленки, гадалка и знахарка. Зиму проводила в г. Козлове Тамбовской губ.

²¹ См. прим. 6.

²² Татьяна Родионовна Вострякова (р.1893) — гимназическая подруга Т.А., учившаяся на год позже нее. Из купеческой семьи. После развода родителей Т.В. воспитывалась в доме матери Елены Кирилловны (урожд. Мамонтовой, сестры М.К. Морозовой), одной из блестящих московских дам начала XX в. С 1918 — в эмиграции (Франция).

²³ Е.Я. Сумцов — 40-летний кавалерийский полковник, с которым Т.Р. Вострякова жила в 1923 на небольшой меблированной дачке под Парижем. Т.В. его очень любила и тяготилась неоформленностью своего положения (жена С. не давала ему развода). Каждое утро С. уезжал в Париж, где у него были комиссионные дела, а Т.В. целыми днями вязала женские кофточки на продажу. Около 1925 ему удалось получить развод и обвенчаться с Т.В., но спустя полгода, взяв на продажу чьи-то бриллианты, С. проиграл их в карты и застрелился на скамейке Булонского леса.

Т.В., с трудом преодолев вызванный этим шок, поступила чтицей к слепому старику. Спустя некоторое время Т.В. вышла замуж за приятеля В.А. Вяземского — Теймура Наврузова (бывшего офицера Дикой дивизии). Через несколько лет им удалось купить небольшую ферму в Марокко, где они и поселились. В 1960-е — 1970-е Т.А. переписывалась с Т.В., узнавая через нее о судьбе своих близких во Франции.

²⁴ Чебышёв Николай Николаевич — первый муж сестры отца Т.А., Елизаветы Александровны. Приятель А.А. Сивера по СПб университету. Имел весьма отдаленное отношение к аладинским Чебыщевым. В 1890-е — товарищ прокурора во Владимире. Затем служил по судебному ведомству в Москве, с 1914 — прокурор Московской судебной палаты. В 1916/17 Т.А. жила поблизости от него в Кремле, где помещалось здание Судебных Установлений.

²⁵ Т.е. к семье Нахичеванских, с которой Т.А. встретилась в Висбадене.

²⁶ На опущенных страницах: семейная жизнь Нахичеванских, сохранение Машей своей непосредственности; поездка Т.А. в Париж (декабрь 1923), посещение ею своей тетки гр. В.Г. де Герн, знакомство последней с балериной А.П. Павловой через своего бывшего поклонника В.Э. Дандре; руководство В.Г. де Герн основанным Павловой интернатом для русских девочек в St. Cloud; обстановка квартиры де Гернов, судьбы сыновей В.Г. (двоюродных братьев Т.А.) — Николая и Сергея Курнаковых; парижские магазины, положение русских эмигрантов, В.Н. Коковцов, Н.С. Трубецкой; встречи Т.А. с Т.Р. Востряковой, с подругой гимназических лет Ольгой Кампанари (урожд. Матвеевой), работа последней в качестве приемщицы в maison de couture; посещение Т.А. свояченицы брата Лизы Муравьевой (урожд. Юматовой), жизнь последней в эмиграции; возвращение в Висбаден; известие о смерти Ленина; финансовые меры правительств Германии и СССР; сведения об арестах дворян в Москве; семья кн. Львовых; адмиральша Макарова; семья Ниродов; возвращение Т.А. с сыном в Россию.

²⁷ Т.е. у Сухаревой башни в Москве, в доме родителей первого отчима Т.А. — Н.Б. Шереметева.

²⁸ На опущенных страницах: калужские ссыльные — баронесса А.Н. Нолькен с дочерью Натой и Ю.С. Львов, судьба его братьев Сергея и Владимира; калужанки сестры Каннинг (бывшие владелицы аптекарского магазина), их отношения с К.Э. Циолковским и Ю.С. Львовым.

²⁹ *Тетя Оля Аксакова* — незамужняя тетка мужа Т.А. — Ольга Николаевна.

Ляля Базилевская — (урожд. Запольская) Ольга Николаевна (р.1892) — подруга всей жизни автора, дочь калужского помещика. Училась в Московском Дворянском институте. В начале 1920-х жила в Калуге, преподавала в школе немецкий язык и физкультуру. Вскоре вышла замуж за В.П. Базилевского, бывшего до войны артистом МХТ, а во время войны офицером Дикой дивизии. Вскоре они уехали в Минск, а затем в Москву, где О.Н. продолжала преподавать немецкий, а В.П. работал в ЦАДИ (в 1932 — умер). В 1948 О.Н. по квартирному доносу была арестована и осуждена на 25 лет. Проведя 7 лет в Мордовских лагерях, вышла и жила в Москве.

Леонутовы — калужские соседи Т.А. Отношения с их сыном Павлом (ок. 1905 - 1928) оставили глубокий след в ее душе.

³⁰ На опущенных страницах: калужская учительница музыки О.Н. Юртаева, ее постановка «Царевны-лягушки», участие Димы Аксакова в спектакле Городского театра, отношения Димы с девочками Леонутowymi.

³¹ На опущенных страницах: обучение Димы бывшим генералом-артиллеристом Н.Н. Фиалковским, друзья Димы Евгений Бузескул и Патя Ренне; занятия Т.А. вышивкой; посещение Т.А. в Москве подруги юношеских лет Таточки Воейковой (урожд. Дрентельн), судьба ее отца А.А. Дрентельна; судьба поклонника Т.А. времен ее девичества Андрея Гравеса; эмиграция мужа Таточки — Н.С. Воейкова, его разрыв с Таточкой, последующий отъезд Таточки за границу; положение в 1920-е и дальнейшая судьба Н.Б. Шереметева (его жизнь в доме актрисы Е.И. Найденовой, затем — после паралича на сцене Харьковского театра — в доме престарелых актеров в Измайлове, смерть в 1935); ссылка в 1924 двоюродного дяди Т.А. Н.П. (Коти) Штера, бывшего офицера-преображенца и церемониймейстера придворных балов, в Парабель.

³² Прочтя в конце 1960-х роман-хронику Л.Никулина *МЕРТВАЯ ЗЫБЬ*, Т.А. записала в дневнике (23 ноября 1968): «...я поняла, что брат каким-то образом был затянута грандиозной провокацией с бывшим лицеистом выпуска 1907 г. А.А. Якушевым во главе. /.../ У меня лично было чувство, что я взяла в руки гадюку». Свои впечатления от созданного на основе этого романа телефильма (*ОПЕРАЦИЯ «ТРЕСТ»*) автор описывает словами «моральная пытка».

В 1974 в руки Т.А. попала повесть А.Сапарова *ОПАСНЫЕ КОМЕДИАНТЫ* («Звезда», 1972, №4 и 5). Вот что она пишет об этом произведении: «Дело идет о лицейском процессе 1925 г., в ходе которого мой брат получил 10 лет Соловков (имя его, к счастью, не упоминается). Я заставила себя прочесть этот опус, написанный на обычном для таких произведений жаргоне, и сделала из него те выписки, по которым, откинув словесную пропаганду, можно узнать фактическую сторону дела /.../. Многие оказались для меня неожиданностью. Например, все, что касается самоубийства или убийства Иннокентия Замятина».

³³ На опущенных страницах: хлопоты жены брата Т.Н. Сиверс об арестованном муже; сын брата Алик в семье Т.А., конфликты между детьми (Димой и Аликом); переезд матери Т.А. из Висбадена в Ниццу и покупка ею ресторана, приглашение привезти мальчиков на Лазурное побережье, подготовка к отъезду, путь в Ниццу с остановками у родственников и знакомых в Риге, Берлине и Париже; поведение мальчиков в дороге, судьба семьи Юматовых (родных Т.Н. Сиверс) в эмиграции, посещение брата мужа С.С. Аксакова (история его эмиграции и жизнь во Франции).

Приложение к главе: шуточное стихотворение о «деле фокстрота», написанное дочерью генерала Данилова в Тюменской тюрьме.

³⁴ На опущенных страницах: посещение пляжа с детьми; гибель Айседоры Дункан незадолго до приезда Т.А., экстравагантный брат танцовщицы; забастовка лета 1926 (описанная в *САГЕ О ФОРСАЙТАХ*); мать Т.А. становится жертвой мошенника Массиса.

³⁵ На опущенных страницах: приятель В.А. Вяземского — полковник Теймур Наврузов, его женитьба на Т.Р. Востряковой (подруге Т.А.), покупка ими фермы в Марокко; игра Т.А. в рулетку в Монте-Карло, ее знакомый Гвоздаво-Голенко, его жизнь в России и в эмиграции; встречи Т.А. с московскими сверстницами Мариной Шереметевой (Гагариной) и Эллой Клейнмихель (Трубецкой); конфликты между эмигрантскими группировками «кирилловцев» и «николаевцев», Вел. кн. Андрей Владимирович и его морганатическая жена кн. Красинская (М.Ф. Кшесинская), ироническое отношение Т.А. к эмигрантским распрям.

³⁶ О М.И. Бенкендорф см. Н.Н. Берберова. *ЖЕЛЕЗНАЯ ЖЕНЩИНА*. Нью-Йорк, 1981.

³⁷ На опущенных страницах: приезд в гости к матери Т.А. из Англии — 16-летнего Георгия Брасова (сына Вел. кн. Михаила Александровича и Н.С. Брасовой), его последующая гибель в автомобильной катастрофе.

³⁸ Речь идет о родной сестре матери Т.А. гр. Валентине Гастоновне де Герн. Первым браком (1891) она была замужем за казачьим офицером Н.Н. Курнаковым, от которого имела двух сыновей Николая и Сергея. В 1906 В.Г. развелась с Курнаковым и вышла замуж за «типичного представителя провинциального французского дворянства» графа Альберта де Герна. Последний, потерпев финансовую катастрофу и лишившись личных средств, в 1900-е представлял французский капитал, вложенный в Макеевские металлургические заводы. После революции де Герны жили в Париже (см. прим. 26). После смерти В.А. Вяземского В.Г. переселилась к сестре, которую пережила на несколько лет.

³⁹ На опущенных страницах: предотъездный визит Т.А. в семью Ниродов, договоренность с ними о материальной поддержке Т.А. их родственницы Сухотиной в обмен на помощь Ниродов матери Т.А., аналогичная договоренность с Н.С. Брасовой о переводе денег ее отцу в Гжатск; выписка мальчиков из заграничного паспорта Т.А. в советском консульстве, посещение дочерей С.Е. Львова, последний вечер в Париже с С.С. Аксаковым, таможенные строгости в Себеже, встреча с мужем на Виндавском вокзале, перевод Б.С. Аксакова на работу в Москву.

К главе приложены: некролог В.И. Искуль фон Гильденбрандт, написанный П.Н. Милюковым; выписка из воспоминаний А.И. Цветаевой, касающаяся М.И. Закревской; рассказ автора о причудливом сплетении судеб своего дяди Н.Н. Чебышева, баронессы В.И. Искуль, г-жи Тарновской (урожд. гр. О'Рур), ставшей в 1911 героиней международного скандального процесса, и известного киносценариста А.Я. Каплера.

⁴⁰ Цявловский Мстислав Александрович (1883 - 1947) — литературовед. Упомянутая статья Ц. о Есенине в библиографиях работ Ц. и литературы о Есенине нами не обнаружена.

⁴¹ Морозов Михаил Михайлович (1897 - 1952) — знаменитый «Мика Морозов» с портрета В.А. Серова, сын М.К. Морозовой, приятель гимназических лет Т.А., впоследствии шекспировед, проф. МГУ и ГИТИС.

⁴² Так он назывался в отличие от своих братьев: главы первого Временного правительства — Георгия Евгеньевича («Львова-политика») и директора Училища Живописи и Ваяния Алексея Евгеньевича («Львова-художника»).

⁴³ Общество имени А.И. Куинджи было основано в 1909. Имело целью «популяризацию изобразительного искусства, единение художественных сил». Обладало собранием картин и рисунков Куинджи (св. 400), библиотекой по вопросам изобразительного искусства (ок. 3000 томов). В 1920-е помещалось на ул. Гоголя, 17. Председателями его в это время были последовательно К.К. Вроблевский, А.А. Рылов, А.И. Кудрявцев.

⁴⁴ Опущены два приложения к главе:

1. Выписка из воспоминаний герцогини д'Абрантес о т.н. «балах жертв» во времена Директории во Франции (1795).

2. Стихотворение Т.А. о судьбе сына («Дима»).

⁴⁵ Аствацатуров М.И. (1877 - 1936) — невропатолог. В 1916-36 — зав. кафедрой нервных болезней Военно-медицинской академии.

⁴⁶ Яремич Степан Петрович (1869 - 1939) — художник и искусствовед. С 1918 возглавлял в Эрмитаже Отдел рисунка, а с 1930 — Реставрационную мастерскую картин.

⁴⁷ Бенешевич Владимир Николаевич (1874 - 1943) — историк-византист, чл.-корр. АН с 1924.

⁴⁸ Головань Владимир Александрович (1870 - ?) — искусствовед. Одно время — проф. Ин-та истории искусств, затем — гл. библиотекарь Эрмитажа.

⁴⁹ Вероятно, речь идет о Татьяне *Васильевне* Сапожниковой, научн. сотр. Эрмитажа.

Пунин Николай Николаевич (1888 - 1953) — искусствовед, в нач. 1930-х возглавлял отделение новейшего искусства в Русском музее.

⁵⁰ Академики-историки Сергей Федорович Платонов (1860 - 1933), Николай Петрович Лихачев (1862 - 1936), Матвей Кузьмич Любавский (1860 - 1936) и Евгений Викторович Тарле (1875 - 1955) были исключены из АН после их ареста в связи с т.н. «делом АН».

⁵¹ На опущенных страницах: устройство Т.Н. Сиверс на слюдяную фабрику, ее жизнь в семье Нелидовых, переезд Леонутовых в Ленинград (осенью 1928), их дальнейшая судьба.

⁵² На опущенных страницах: поездка Т.А. с мужем в Алма-Ату (лето 1929), дорожные приключения, описание Алма-Аты, трудности с керсином.

⁵³ Томсинский Семен Григорьевич (1894 - 1938) — историк, возглавлял кафедры в Лен. отделении Комакадемии, Лен. гос. историко-лингвистическом институте, Всесоюзном Лен. коммунистическом ун-те. Впоследствии арестован и погиб в заключении.

⁵⁴ Вероятно, речь идет о библиотеке чл.-корр. АН, археографа и расколоведа Василия Григорьевича Дружинина (1859 - 1937), пострадавшего по «делу АН».

⁵⁵ Комаров Владимир Леонтьевич (1869 - 1945) — ботаник и географ, в 1930-36 — вице-президент АН. Волгин Вячеслав Петрович (1879 - 1962) — историк, в 1930-35 — непреременный секретарь АН.

⁵⁶ Т.е. к родственникам первого отчима Т.А.

⁵⁷ На опущенных страницах: известие об аресте Б.С. Аксакова в Алма-Ате, поездка Т.А. туда (март 1930), попытка продать собаку; слом алма-атинского жилья Т.А. и переезд на новое место; встречи в Алма-Ате с Н.В. Жихаревой и гимназической подругой С.Р. Кёлер.

⁵⁸ На опущенных страницах: «золотой век» отношений Т.А. с В.С. Львовым, попытки его братьев разрушить эти отношения; семья С.С. Львова, роман Ю.С. Львова с работницей почтамта, переезд родителей Львовых под Ленинград, насильственная женитьба ими сына Юрия на княжне О.И. Ратиевой, юмористическое отношение Т.А. к «домостроевским традициям семьи Львовых», ее недипломатические высказывания в адрес главы семьи.

⁵⁹ На опущенных страницах: дорожные приключения Б.С. Аксакова.

⁶⁰ Вероятно, речь идет о докторе медицины Б.И. Ахшарумове (1860 - 1931).

⁶¹ Шиповы Дмитрий, Филипп и Николай Николаевичи, а также неоднократно упоминаемая в тексте воспоминаний Дарья Николаевна («Довочка Давыдова») приходились также родственниками Н.Б. Шереметеву.

⁶² На опущенных страницах: возвращение Т.А. в Ленинград, интриги С.С. Львова против нее.

⁶³ Ср. в первой части воспоминаний: «Регистраторша, по правилам, спросила Бориса: "Не возражаете ли Вы против того, что Ваша бывшая жена и впредь будет носить Вашу фамилию?" Борис встал, поклонившись в мою сторону, и сказал: "Это будет для меня честью!". Регистраторша, не привыкшая к такому рыцарству, раскрыла широко глаза, а я вспомнила Сергея Николаевича /отца Бориса. — Публ./, которого давно уже не было в живых, и подумала: "Тень Грозного меня усыновила"».

⁶⁴ На опущенных страницах: известие об убийстве С.М. Кирова, реакция населения на это событие, расстрел заложников в ДПЗ, продолжающиеся попытки родных В.С. Львова разрушить его отношения с Т.А.

***ИССЛЕДОВАНИЯ
И СТАТЬИ***

Ричард Пайпс
СОЗДАНИЕ ОДНОПАРТИЙНОГО ГОСУДАРСТВА
В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917-1918)

Окончание*

Чтобы окончательно освободиться от демократических сил общества, большевикам необходимо было избавиться от Учредительного собрания, созыв которого, по словам современника, оставался для них «костью в горле»¹.

К середине ноября ленинской партии удалось оттянуть созыв законного Всероссийского съезда советов и фактически лишить власти его Исполнительный Комитет; избавиться от контроля со стороны высших исполнительных органов страны над законодательной деятельностью Совнаркома и назначениями на высшие государственные должности; расколоть Крестьянский съезд, заместив его организацией, состоявшей из специально подобранных большевиками солдат и матросов. Добиться такого успеха они смогли лишь благодаря тому, что творили беззаконие в Петрограде, относительная удаленность которого от главных жизненных центров страны затрудняла ответную реакцию населения.

Однако применить эту тактику к Учредительному собранию было гораздо труднее, хотя бы уже потому, что оно избиралось всей нацией и являлось первым в русской истории подлинно представительным высшим органом власти. Отказ от созыва Учредительного собрания или разгон его означали бы прямой вызов все-

---

* Начало см. в третьем выпуске альманаха.

¹ J.Steinberg. *ALS ICH VOLKSKOMISSAR WAR*. Munich, 1929, p.42.

му населению России, лишение гражданских прав десятков миллионов избирателей и откровенный государственный переворот. С другой стороны, не избавившись от Всероссийского парламента, большевики не могли чувствовать себя в безопасности, поскольку законность их власти, опиравшейся на решения Второго съезда советов, зависела от одобрения Учредительным собранием. Совершенно очевидно было, что такого одобрения им получить не удастся. В то же время все революционные постановления, принятые Вторым съездом, носили условный характер. Съезд разрешил Ленину создать Совнарком лишь на одном условии: его правительство являлось «временным», и после созыва Учредительного собрания могло остаться у власти лишь при согласии Всероссийского парламента. Точно так же декреты о земле и мире получали окончательный характер лишь после их утверждения новым верховным органом страны.

Еще хуже было то, что большевики сами неоднократно добивались созыва Учредительного собрания. Исторически идея такого представительного органа была связана с партией социалистов-революционеров, сделавшей ее центральным пунктом своей политической программы. Эсеры считали, что их влияние на крестьянство, составлявшее основную массу избирателей, позволит им получить в будущем парламенте подавляющее большинство мест и преобразовать Россию в республику трудящихся. Будь у них больше политического чутья, — социалисты-революционеры вынудили бы Временное правительство провести выборы как можно скорее, даже при несовершенном избирательном законе. Но, как и все остальные партии, эсеры затянули созыв Учредительного собрания, и тем самым позволили большевикам перехватить у них репутацию основных защитников всероссийских свободных выборов. С конца лета 1917 года большевики постоянно обвиняли Временное правительство в сознательном оттягивании выборов, утверждая, что «буржуазная» власть боится революционных настроений народных масс. Выбросив лозунг «Вся власть советам», они оправдывали его тем, что Временное правительство никогда не исполнит своих обещаний, и только советы могут гарантировать созыв Учредительного собрания. В сентябре и октябре 1917 большевистская пропаганда громко и назойливо кричала о том, что спасти Всероссийский парламент может лишь немедленная передача власти советам². Готовя переворот, ленинцы продолжали твердить, что единст-

---

² См., например, выступление Троцкого в Петроградском совете, о котором сообщила «Новая жизнь», № 138/132, 27 сентября 1917, с.3.

венной их целью остается защита Учредительного собрания от коварных намерений «буржуазии» и других «контрреволюционеров». И даже после захвата власти, 27 октября, «Правда» убеждала своих читателей:

Никаких колебаний не допустит новая революционная власть, которая одна, в условиях социальной гегемонии интересов широких народных масс способна довести страну до Учредительного собрания³.

Таким образом, Ленин и его партия были обречены на проведение выборов и созыв Учредительного собрания, перед судом которого они должны были предстать. Но поскольку можно было почти с полной уверенностью предполагать, что Всероссийский парламент отстранит их от власти, большевики колебались между двумя решениями стоявшей перед ними проблемы: они и хотели избавиться от него, и в то же время боялись его разогнать. В конце концов они пошли на риск и выиграли. Только после разгона Учредительного собрания они смогли почувствовать себя спокойно, уверенные, что никогда впредь им не придется оспаривать власть у демократических сил страны.

Оправдание своих действий большевики могли найти в теории социал-демократической партии. Программа РСДРП, принятая в 1903 году, предусматривала созыв «Законодательного собрания», избранного всем населением страны на основе «всеобщего, равного и прямого избирательного права»; однако свободные выборы не были самоцелью ни для большевиков, ни для меньшевиков. Задолго до революции они утверждали, что избирательный бюллетень вовсе не обязательно лучше всего отражает «истинные» интересы народа. На Втором съезде партии в 1903 году основатель русской социал-демократии Г.В. Плеханов высказал несколько замечаний по этому поводу, замечаний, которые впоследствии любили вспоминать сторонники Ленина, издеваясь над меньшевиками:

Каждый данный демократический принцип должен быть рассматриваем не сам по себе в своей отвлеченности, а в его отношении к тому принципу, который может быть назван основным принципом демократии, именно к принципу, гласящему, что *salus populi suprema lex*. В переводе на язык революционера это значит, что успех революции — высший закон. И если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить дей-

³ «Правда», № 170/101, 27 октября 1917, с.1.

стве того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться. Как личное свое мнение, я скажу, что даже на принцип всеобщего избирательного права надо смотреть с точки зрения указанного мною основного принципа демократии. Гипотетически мыслим случай, когда мы, социал-демократы, высказались бы против всеобщего избирательного права. /.../ Если бы в порыве революционного энтузиазма народ выбрал очень хороший парламент — своего рода *chambre introuvable*, то нам следовало бы стараться сделать его *долгим парламентом*, а если бы выборы оказались неудачными, то нам нужно было бы стараться разогнать его не через два года, а, если можно, то через две недели⁴.

Ленин полностью разделял это высказывание в 1903 году и с удовольствием ссылаясь на него в 1918-м, разгоняя Учредительное собрание⁵.

В конце концов Временное правительство назначило выборы на 12 ноября 1917 года. Немного поколебавшись, большевики оставили эту дату, и уже через день после октябрьского переворота выпустили соответствующий декрет о выборах (составленный Юрием Лариным)⁶. Обдумывая, как следует вести себя дальше, коммунисты старались всячески мешать предвыборной активности конкурирующих политических партий. Возможно, именно это и послужило основной причиной декрета о печати и одновременного распоряжения Военно-Революционного комитета (1 ноября 1917) о введении в Петрограде военного положения. Один из параграфов этого распоряжения запрещал предвыборные митинги под открытым небом⁷.

Голосование в Петрограде началось 12 ноября и продолжалось в течение трех дней. В Москве выборы проходили с 19-го по 21-е. Во второй половине ноября проголосовала вся страна, т.е. территории, входившие некогда в состав Российской империи, за исключением оккупированных районов: Польши, западных и северозападных областей России. Состоялись выборы и в Средней Азии, однако их результаты не вошли в окончательную сводку; то же произошло и с несколькими окраинными районами. Наиболее надежные источники указывают, что в выборах приняло участие 44,4 миллиона человек. Избирательный закон, разрабо-

⁴ ВТОРОЙ СЪЕЗД РСДРП: ПРОТОКОЛЫ. М., 1959, с.181-182.

⁵ Н.Крупская. ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕНИНЕ. М., 1957, с.74; В.И. Ленин. Полное собрание сочинений, т.35, с.185.

⁶ ДЕКРЕТЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ, т.1, М., 1957, с.25-26.

⁷ «Известия», № 213, 1 ноября 1917, с.2.

танный еще Временным правительством, предоставлял право голоса всем гражданам, достигшим двадцатилетнего возраста, без различия пола; строился он на четырех традиционных принципах, принятых демократическими партиями: голосование было всеобщим, равным, прямым и тайным.

Участие населения в выборах оказалось достаточно массовым: в Петрограде и Москве проголосовало около 70% избирателей. В некоторых сельских районах страны было отмечено практически стопроцентное участие населения. Крестьяне часто голосовали единогласно за один и тот же список, обычно за список партии социалистов-революционеров. В некоторых местах обозреватели отметили незначительные нарушения закона, например, во время предвыборных митингов солдаты местных гарнизонов, которые поддерживали большевиков, обещавших им скорый мир, — запугивали ораторов от других политических партий. Но в целом выборы в Учредительное собрание прошли вполне гладко, особенно если учесть трудности условий, при которых они проводились. Ленин, вовсе не склонный переоценивать их значение, утверждал 1 декабря 1917: «Если брат Учредительное собрание вне обстановки классовой борьбы, дошедшей до гражданской войны, то мы не знаем пока учреждения более совершенного для выявления воли народа»⁸.

Голосование было чрезвычайно сложным, поскольку множество мелких партий часто выступало в союзе с более крупными. Картина выборов менялась от района к району, особенно усложняясь в пограничных областях, таких как Украина, где наряду с общерусскими партиями появилось много местных списков.

Из всех социалистических партий большевики были единственной, не выставившей во время предвыборной кампании никакой четкой программы. Они явно рассчитывали привлечь голоса избирателей общими и туманно сформулированными призывами к рабочим, солдатам и крестьянам, используя лозунг «Вся власть советам», обещание немедленного мира и конфискации помещичьей собственности. Пытаясь расширить классовый состав своей избирательной базы, большевики заимствовали у своих конкурентов немарксистский эсеровский термин «трудящихся масс». В итоге, оценивая результаты выборов, можно предположить, что многие, если не большинство избирателей, отдавших свои голоса большевикам, выражали одобрение не столько ленинской платформе, никому не известной, да по сути и не существовавшей, за исключением его единственной и скры-

---

⁸ В.И. Ленин. ПСС, т.35, с.135.

той цели — создание однопартийной диктатуры, — но выступали за власть советов, окончание войны, отмену частной земельной собственности и общинный передел земли. Ни одно из этих требований не являлось конечной целью большевиков.

Ленин, надеясь вопреки очевидности, в сентябре еще полагал, что левые эсеры смогут оторвать от ПСР часть ее избирателей и обеспечить большевикам победу на выборах⁹. В определенной мере такую надежду поддерживала видимость силы, которую левые эсеры продемонстрировали на последней партийной конференции в Петрограде¹⁰. Но расчетам Ленина не суждено было оправдаться: хотя большевики и смогли добиться серьезного успеха, особенно в крупных городах и воинских частях, по результатам выборов партия вышла на второе место, значительно отстав от социалистов-революционеров. Такой исход голосования и решил судьбу Всероссийского парламента.

Точно определить результаты выборов не представляется возможным, прежде всего из-за многочисленных, иногда чрезвычайно сложных коалиций, в которые вступали различные партии и их ответвления в разных районах. Еще более усиливает трудности практика подсчета голосов, которую использовали коммунистические власти, смешивая в одну кучу под общей этикеткой «буржуазных» и «мелкобуржуазных» партии и группировки, выставившие отдельные списки. С наибольшим приближением окончательные итоги голосования могут быть представлены следующим образом (в тысячах чел.)¹¹:

Социалистические партии:	68,3%
Социалисты-революционеры:	17,943 (40,5%)
Большевики:	10,661 (24,0%)
Меньшевики:	1,145 (2,6%)
Другие социалистические партии:	506 (1,1%)
Либеральные и консервативные партии:	7,5%
Конституционные демократы:	2,088 (4,7%)
Другие русские несоциалистические партии:	1,261 (2,8%)
Партии национальных меньшинств:	17,1%
Национальные и др. украинские партии:	ок.5,000 (11,3%)
Мусульманские партии:	943 (2,1%)
Другие партии нац. меньшинств:	1,678 (3,7%)
Без политической принадлежности:	7,3%.

⁹ В.И. Ленин. ПСС, т.34, с.266.

¹⁰ P.Scheibert. *LENIN AN DER MACHT*. Weinheim, 1984, p.418.

¹¹ См.: Л.М. Спирин. *КЛАССЫ И ПАРТИИ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ (1917-20 гг.)*. М., 1968, с.416-425. Дополнено по: O.Radkey. *THE ELECTIONS TO THE CONSTITUENT ASSEMBLY*. Cambridge, MA, 1950, p.16-17.

По итогам выборов большевики получили в Учредительном собрании 175 мест из 715. Вместе с эсеровскими депутатами, относившими себя к левым эсерам, у них оказалось 30% общего числа мандатов¹².

Результаты выборов Ленин расценивал как поражение. Одной из его причин было крушение надежд, которые большевики возлагали на русское крестьянство, пытаясь привлечь его на свою сторону украденной у эсеров аграрной программой. Но крестьяне не проголосовали даже за левых эсеров, в то время чрезвычайно заигрывавших с деревней. Среди аргументов, с помощью которых большевики оспаривали впоследствии законность выборов, был и тот, что раскол эсеровской партии произошел слишком поздно, чтобы ПЛСР могла выставить отдельный список, а потому крестьяне, дескать, просто не могли проголосовать за левых эсеров. Бездоказательность такого довода подтверждает тот факт, что в нескольких избирательных округах (Воронеж, Вятка, Тобольск) ПЛСР и ПСР выступали по отдельным спискам. Ни в одном из этих округов левым эсерам не удалось получить серьезной поддержки: подсчет голосов показал, что 1839000 бюллетеней было подано за партию социалистов-революционеров и менее 26000 — за ПЛСР¹³.

Столь же досадным и тревожным для большевиков оказался успех оппозиционной кадетской партии, которой Ленин опасался больше других. Хотя кадеты в целом набрали менее 5% голосов, большевики считали их своими главными противниками: кадетская партия обладала самым крупным числом активистов, в ее руках находилось множество газет, она была организована и финансировалась значительно лучше ПСР, и, в отличие от социалистических партий, не чувствовала себя связанной с большевиками узами личной дружбы, преданностью общему социальному идеалу и страхом перед «контрреволюцией». Будучи единственной крупной несоциалистической партией, оставшейся в России к концу 1917 года, кадеты могли стать полюсом притяжения для всего политического спектра правее центра, включая консервативные и монархические слои общества. Глядя на общие результаты выборов, можно прийти к выводу, что партия народной свободы испытала сокрушительное поражение.

---

¹² О.Н.Знаменский. *ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ*. Л., 1976, с.338. Большую поддержку получили левые эсеры от петроградских рабочих и крайне радикализованных матросов Балтийского и Черноморского флотов.

¹³ «Дело народа», № 2/247, 4 января 1918, с.1.

ние¹⁴. Однако поверхностность подобного заключения видна уже из того, с какой серьезностью отнеслись к результатам кадетской партии большевики. За общенациональными цифрами скрывался тот факт, что партия народной свободы добилась громадного успеха в крупных городах, т.е. именно там, где коммунисты особенно нуждались в твердой победе. Именно городские центры должны были компенсировать их слабость в деревне и стать опорными пунктами в приближающейся гражданской войне. В обеих столицах кадеты прочно занимали следующее за большевиками место, собрав в Петрограде 26,2% голосов, а в Москве — 34,2%. А если отнять от результата большевиков в Москве голоса солдатской массы, которая начинала все больше разлагаться, — то на коммунистов приходилось 45,3%, в то время как на кадетов — 36,4%¹⁵. Более того, партия народной свободы обогнала большевиков в 11 из 38 губернских городов, а во множестве других прочно занимала второе место, наступая коммунистам на пятки. Таким образом, кадеты представляли собою гораздо более серьезную политическую силу, чем это следовало из сводных цифр результатов голосования.

И все-таки итоги выборов принесли большевикам некоторое удовлетворение. Анализируя цифры с беспристрастием полководца, наблюдающего за ходом сражения (и даже называя «армиями» различные политические объединения¹⁶), Ленин, несмотря на все разочарования, мог утешаться уже тем, что его партия добилась наибольшего успеха в центральных областях страны: в крупных городах, промышленных центрах и военных гарнизонах¹⁷. Реальные победители выборов — социалисты-революционеры — черпали свои силы в Черноземной полосе и в Сибири. Как впоследствии заметил сам Ленин, это географическое распределение избирателей предопределило направление основных фронтов в гражданской войне между белыми и красными¹⁸, где большевики контролировали центральные, а их противники — окраинные части России.

Другим поводом для утешения Ленин мог считать поддержку матросов и солдат, особенно в городских гарнизонах. Эти воинские соединения хотели лишь одного: как можно скорее от-

---

¹⁴ O.Radkey, op. cit., p.15.

¹⁵ О.Н. Знаменский. *УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ...*, таблицы 1 и 2.

¹⁶ В.И. Ленин. ПСС, т.40, с.7

¹⁷ O.Radkey, op. cit., p.38.

¹⁸ В.И. Ленин. ПСС. т.40, с.16-18.

правиться по домам, чтобы принять участие в проходившем земельном переделе. Поскольку большевики были единственной из всех партий, которая обещала немедленные мирные переговоры, «человек с ружьем» отдал предпочтение им. В московском и петроградском гарнизонах большевики получили соответственно 74,3% и 71,3% голосов. Массивной поддержки добились они и во фронтовых частях на северо-западе, т.е. недалеко от Петрограда. Что же касается более отдаленных фронтов, то здесь большевистская пропаганда действовала не столь активно, и успехи коммунистов были скромнее, но несмотря на это, в четырех армиях, сведения о которых содержатся в доступных источниках, они смогли получить 56% голосов¹⁹. Ленин вовсе не обольщался относительно солидности такой поддержки. Она была связана с развалом русской армии, таявшей на глазах: солдаты устремлялись по домам. Но в данный момент главным было иметь за собой любую армию. При всей своей ненадежности и малочисленности, пробольшевистские войска представляли собой силу, способную устроить демократическую оппозицию. Анализируя результаты выборов, Ленин с удовлетворением отметил, что солдаты и матросы дали большевикам тот «политический "ударный кулак", который обеспечивал им подавляющий перевес сил в решающем пункте в решающий момент»²⁰.

Вопрос об Учредительном собрании Совнарком обсуждал 20 ноября, на заседании, в ходе которого было принято несколько важных решений²¹. Открытие Всероссийского парламента, которое Временное правительство назначило на 28 ноября, было отложено на неопределенный срок. Официальной причиной задержки большевики объявили транспортные трудности, не позволявшие кворуму депутатов собраться к этой дате²². Действительная же причина состояла в том, что Ленину необходимо было время, чтобы собраться с силами и решить, что делать дальше. В губернские советы были посланы распоряжения, требующие от них сообщить все «нарушения законности», отмеченные при голосовании. Эти «злоупотребления» могли дать повод к «перевыборам»²³. Комиссар по морским делам Дыбенко

¹⁹ О.Н. Знаменский. *УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ*, с.275, 358.

²⁰ В.И. Ленин. ПСС, т.40, с.10.

²¹ А.Л. Фрайман. *ФОРПОСТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ*. Л., 1969, с.163. Автор цитирует архивные источники.

²² *ДЕКРЕТЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ*, т.1, с.159.

²³ И.Н. Любимов. *РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА: ХРОНИКА СОБЫТИЙ*. М.-Л., 1930, с.187.

получил приказ стянуть в Петроград от 10 до 12 тысяч вооруженных матросов²⁴. Но может быть самым значительным было решение созвать 8 января Третий съезд советов. Как показали последующие события, большевики рассматривали этот съезд, который они предполагали заполнить сторонниками своей партии и ПЛСР, — как «заменитель» Учредительного собрания, коему предстояло окончательно узаконить их власть, т.е. сделать то, чего им не суждено было добиться от Всероссийского парламента. Хотя в доступных источниках и нет подробного описания обстоятельств, при которых все эти решения были приняты, — в целом они не сулили Учредительному собранию ничего хорошего.

Правительственный декрет об отсрочке Учредительного собрания вызвал резкий протест социалистических партий и депутатов Крестьянского съезда. Многие пришли к заключению, что большевики, проиграв выборы, вообще не позволят Собранию открыться. Вполне вероятно, так и произошло бы, если б не давление левых эсеров. 22-23 ноября был образован Союз защиты Учредительного собрания, в который вошли представители Петроградского совета, профсоюзов и всех социалистических партий, за исключением коммунистов и левых эсеров²⁵.

Развивая наступление, большевики сосредоточились теперь на «Всевыборе» — комиссии по выборам в Учредительное собрание. 23 ноября по приказу Совнаркома Сталин и Петровский потребовали от комиссии передачи всех документов, находящихся в ее распоряжении. Когда «Всевыбор» отказался подчиниться этому приказу, его членов арестовали. Столь же зловещим стало одновременное назначение новым председателем комиссии М.С. Урицкого — будущего руководителя петроградской ЧК. Этот пост давал Урицкому право определять состав комиссии²⁶.

Все эти действия властей предсказывали дальнейшую судьбу Всероссийского парламента. В ответ на них Союз защиты Учредительного собрания решил не подчиняться требованиям большевиков и открыть заседания в ранее назначенный день, 28 ноября²⁷. В то утро в Таврическом дворце собрались журналисты.

²⁴ А.Л. Фрайман. *ФОРПОСТ...*, с. 163.

²⁵ И.Н. Любимов. *РЕВОЛЮЦИЯ...*, с.192.

²⁶ И.Н. Любимов. *РЕВОЛЮЦИЯ...*, с.199.

²⁷ «Наш век», №1, 30 ноября 1917, с.1-2; №2, 1 декабря 1917, с.2; «Правда», №91, 20 апреля 1924, с.3; О.Н. Знаменский. *УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ*, с.309-310.

На появление Урицкого никто не обращал внимания. В час дня в Таврический прибыли освобожденные к тому времени члены комиссии по выборам, и заседания начались. Урицкий объявил собравшимся, что комиссия может вести дебаты лишь в его присутствии, однако на его слова никто не реагировал. С часу дня перед дворцом стали собираться сторонники Учредительного собрания. К вечеру у Таврического стояла уже огромная толпа студентов, рабочих с Обуховского и других петроградских заводов, солдат, бастующих государственных служащих. Демонстранты держали лозунги «Вся власть Учредительному собранию». По оценке одной из петроградских газет, манифестация собрала более 200000 человек²⁸.

Большевики приказали латышским стрелкам окружить Таврический дворец, однако пока не вмешиваться в события. Солдаты заявили демонстрантам, что присланы для охраны Учредительного собрания. Между тем, в самом дворце 45 депутатов, в большинстве своем от Петрограда и его окрестностей, выбрали президиум заседаний.

На следующий день пробольшевистские войска окружили Таврический плотным кольцом. К латышским стрелкам прибавились теперь солдаты Литовского резервного полка, отряд вооруженных матросов и рота из пулеметной команды. Они сдерживали толпу, разрешая проход в здание только делегатам и аккредитованным журналистам. К вечеру матросы приказали депутатам покинуть помещение, а на следующий день, 2 декабря, отказались пропустить во дворец кого бы то ни было. Таким образом, сторонники Учредительного собрания продемонстрировали властям свою решимость добиться его открытия, а большевики показали населению, что только от них зависит созыв и нормальная работа Всероссийского парламента. События 28 ноября — 2 декабря стали репетицией к настоящему противостоянию власти и общества 5/18 января 1918 года.

В эти дни большевики запретили партию народной свободы. Уже с начала петроградских выборов их вооруженные отряды разгромили редакционные помещения кадетской газеты «Речь»; правда, к концу ноября газета вновь стала выходить под названием «Наш век». 28 ноября власти издали подготовленный Лениным декрет с типично пропагандистским названием: «Об аресте вождей гражданской войны против революции»²⁹. Он объявлял «врагами народа» лидеров партии конституционных

²⁸ «Наш век», №1, 30 ноября 1917, с.2.

²⁹ *ДЕКРЕТЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ*, т.1, с.162.

демократов и требовал их немедленного ареста и преданию суду революционного трибунала. Ночью и утром 29 ноября матросы и красногвардейцы хватали всех членов кадетской партии, кто только попадался им под руку. Среди арестованных оказалось и несколько депутатов Учредительного собрания (А.И. Шингарев, П.Д. Долгооруков, Ф.Ф. Кокоскин, С.В. Панина, А.И. Родичев и др.). Впоследствии все они, за исключением Шингарева и Кокоскина, убитых матросами в тюремной больнице, — были освобождены (Панина после короткого судебного фарса). Отныне кадеты, официально объявленные «врагами народа», не могли вести открытой партийной работы, равно как и заседать в Учредительном собрании. Они сделались первой политической партией, поставленной большевиками вне закона. Что же до меньшевиков и социалистов-революционеров, то они не слишком печалились о судьбе своих конкурентов, прежде всего потому, что, заодно с большевиками, видели в кадетах представителей «контрреволюционной буржуазии», обреченной на исчезновение.

**

Однако все это еще не решало проблемы Учредительного собрания. Некоторые большевики предлагали применить силу. Уже 8 ноября Володарский, член большевистского Центрального комитета, заявлял товарищам по партии, что «народные массы никогда не страдали парламентским кретинизмом, особенно в России», намекая на то, что Учредительное собрание следует просто разогнать³⁰. Бухарин выдвинул лучшую, на его взгляд, идею. На заседании ЦК 29 ноября он предложил выбросить кадетских депутатов из Учредительного собрания, вслед за чем большевистская и левозероверская фракции объявят себя революционным конвентом. Бухарин ссылаясь при этом на французский Конвент 1792 года, заменивший собою законодательную Ассамблею и проложивший дорогу террору. А «если открывают [свой орган власти] и другие, то мы арестуем их», — объяснял Бухарин. Однако Сталин отверг эту идею из-за ее практической неосуществимости³¹.

Ленин предложил другое решение: позволить созыв Учредительного собрания, для того чтобы успокоить левых эсеров,

³⁰ О.Н. Знаменский. *УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ*, с.231.

³¹ *ПРОТОКОЛЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА РСДРП(б): АВГУСТ 1917 — ФЕВРАЛЬ 1918*. М., 1958, с.149-150.

а затем попытаться изменить его состав таким образом, чтобы добиться более сговорчивого парламента. Этого можно было достичь с помощью так называемого «отзыва» депутатов. По мнению Ленина, право избирателей «отзывать» своих депутатов — «основное, принципиальное положение истинного демократизма»³². С помощью такой уловки избирателей на местах можно было «убедить» отозвать того или иного нежелательного «мелкобуржуазного» делегата и заменить его сторонником большевиков и левых эсеров. Однако такая процедура требовала длительного времени, а между тем Учредительное собрание могло принять массу всевозможных решений, враждебных коммунистической власти.

И все-таки Ленин решился на этот выход. 12 декабря, сразу же после заключения договора с левыми эсерами, «Правда» опубликовала «Тезисы об Учредительном собрании»³³. По существу, они выносили смертный приговор Всероссийскому парламенту. Главным ленинским аргументом было то, что произошедшие с 25-26 октября партийные перемены (прежде всего, раскол ПСР), изменения классовой структуры и начавшаяся «контрреволюционная» деятельность — привели к тому, что прошедшие выборы уже не отражают реальных народных чаяний:

Ход событий и развитие классовой борьбы в революции привели к тому, что лозунг «Вся власть Учредительному собранию» /.../ стал на деле лозунгом кадетов и калединцев и их пособников. Для всего народа становится ясным, что этот лозунг фактически означает борьбу за устранение Советской власти и что Учредительное собрание, если бы оно разошлось с Советской властью, было бы неминуемо осуждено на политическую смерть. /.../ Всякая попытка, прямая или косвенная, рассматривать вопрос об Учредительном собрании с формальной юридической стороны, в рамках обычной буржуазной демократии, вне учета классовой борьбы и гражданской войны является изменой делу пролетариата и переходом на точку зрения буржуазии.

Ни одно из этих утверждений не имело смысла. Выборы в Учредительное собрание проходили не до 26 октября, а во второй половине ноября, т.е. всего за две недели до ленинских «Тезисов», и никаких крупных изменений за это время не произошло. Основными победителями на выборах были не кадеты, и

³² В.И. Ленин. ПСС, т.35, с.106.

³³ Там же, т.35, с.164-165, 166.

уж тем более не калединцы, хотевшие сбросить большевистский режим силой оружия, — но партия социалистов-революционеров. «Весь народ», от имени которого якобы выступал Ленин, — ясно показал, что не считает Учредительное собрание анти-советским органом, а своим массовым участием в голосовании подтвердил стремление к созыву Всероссийского парламента. Что же до утверждения о несовместимости Учредительного собрания и власти Советов, — нужно было обладать поистине короткой памятью, чтобы забыть о том, что всего лишь семь недель назад, едва захватив власть, те же самые большевики уверяли, что только Советы способны гарантировать созыв Учредительного собрания.

Однако смысл ленинских аргументов был вовсе не в убеждении кого-либо, но в откровенной угрозе противникам. Ключевая фраза находилась в самом конце его рассуждений, ясно давая понять, что отныне поддержка Учредительного собрания рассматривается как государственная измена.

Ленин утверждал, что Всероссийский парламент будет собран лишь в том случае, если депутатов его можно будет «отзывать». Это означало, что народное представительство должно согласиться на незаконное изменение своего состава и безоговорочно признать «советскую власть», т.е. диктатуру большевиков:

Вне этих условий кризис в связи с Учредительным собранием может быть разрешен только революционным путем, путем наиболее энергичных, быстрых, твердых и решительных мер со стороны Советской власти /.../ Всякая попытка связать руки Советской власти в этой борьбе была бы пособничеством контр-революции.

Таким образом, некоммунистическому парламентскому большинству предлагалось по собственной воле сократиться до меньшинства, а затем одобрить большевистскую диктатуру. В противном случае Учредительное собрание будет объявлено органом «контрреволюции» и разогнано силой.

Лишь на таких условиях большевики согласились на открытие Всероссийского парламента 5/18 января 1918 года в присутствии по крайней мере 400 депутатов. В то же самое время они распорядились собрать 8 января (т.е. всего лишь тремя днями позже) Третий съезд советов.

Теперь настало время пропагандистской артподготовки. Большевики начали ее вокруг заявления, которое Зиновьев сделал 22 декабря на заседании ЦИКа: «Мы отлично знаем, что

под предлогом созыва Учредительного собрания, под знаменитым лозунгом "Вся власть Учредительному собранию" кроется лелеемый лозунг "Долой Советы"»³⁴. Это высказывание полностью противоречило всему, что те же большевики говорили до Октябрьского переворота и в ходе него. Однако Центральный Исполнительный Комитет 3 января 1918 года принял зиновьевский тезис, сделав его тем самым выражением официальной позиции советской власти³⁵.

Таким образом, предупреждение демократическим силам страны было сделано, и линия фронта определилась. В ответ на большевистские угрозы защитники Учредительного собрания решили объединить свои силы. Однако тактика их страдала громадным, поистине роковым изъяном. Они были убеждены, что коммунисты уничтожили демократию и тем самым потеряли моральное право управлять страной, но отстранить их от власти они хотели только давлением общественного мнения, но никак не силой, поскольку выгоду из конфликта социалистических партий извлекла бы лишь «контрреволюция». К декабрю в Петрограде уже было известно о создании на Дону русской «Вандей», о том, что генералы собирают силы для свержения революции, роспуска Советов, ареста их лидеров и, кто знает, возможно, восстановления монархии в России. Большевики же, при всех их отрицательных качествах, представлялись русским социалистам пусть заблудившимися, но подлинными революционерами. Конечно, они были слишком импульсивны, слишком жестоки, слишком стремились к власти, — но даже и в таком случае они оставались «товарищами» по борьбе за общие социальные идеалы. Невозможно было отрицать и поддержку, которой они все еще пользовались у «народных масс». Демократические левые силы были убеждены, что рано или поздно здравый смысл возьмет верх, и большевики поймут, что не могут в одиночестве управлять Россией. Когда это произойдет, они будут вынуждены разделить власть с другими партиями, а демократия и социализм вновь восторжествуют. Процесс возмужания потребует времени, но он неизбежен. Поэтому сопротивление большевикам должно ограничиваться агитацией и пропагандой среди широких масс и мирными демонстрациями, но ни при каких обстоятельствах не может принять форму вооруженной борьбы,

---

³⁴ ПРОТОКОЛЫ ЗАСЕДАНИЙ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА РАБОЧИХ, СОЛДАТСКИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ И КАЗАЧЬИХ ДЕПУТАТОВ. М., 1918, с.175.

³⁵ «Знамя труда», № 111, 5/18 января 1918, с.3.

которая развязала бы братоубийственную войну и открыла дорогу «контрреволюции». Мысль о том, что именно большевики и были настоящими контрреволюционерами, разделяла лишь маленькая группа левой интеллигенции. Руководители же эсеров и меньшевиков никогда не переставали считать ленинцев заблудшими товарищами по оружию, и в последующие месяцы и даже годы всякий раз, когда появлялась внешняя угроза власти большевиков, социалисты старались отбросить свои расхождения с ними и неизменно выступали на их защиту. Эта позиция была ничем иным, как рациональным выражением нерешительности и страха. Но каковы бы ни были корни ее поведения, отказавшись ответить силой на силу, левая интеллигенция обрекла на смерть демократический путь развития России.

Союз защиты Учредительного собрания также проводил свою пропагандистскую кампанию. Он выпускал и распространял по всей стране сотни тысяч брошюр и ежедневных изданий³⁶, в которых объяснял, почему Всероссийский парламент не противостоит власти Советов и почему только он имеет право дать стране конституцию. Союз организовывал демонстрации в столице и губернских городах под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию». Он направлял агитаторов в воинские гарнизоны и на фабрики, где им удавалось заручиться поддержкой и подписями множества солдат и рабочих под воззванием в защиту Учредительного собрания, в том числе и тех, кто ранее голосовал за большевиков. Всю эту кипучую деятельность меньшевики, эсеры, профсоюзы и бастующие государственные служащие развернули в надежде, что столь явная массовая поддержка Учредительного собрания удержит власти от применения силы.

Некоторые социалисты считали такую работу недостаточной. Это были ветераны эсеровского революционного подполья, полагавшие, что лишь возобновление традиционных методов борьбы с деспотизмом — террора и уличных боев — способно восстановить демократию в России. Лидером этой группы был Федор Михайлович Оникко, эсеровский делегат от Ставрополя и член Военной комиссии Союза защиты Учредительного собрания. С помощью других опытных конспираторов Оникко удалось проникнуть в Смольный и ввести туда четырех своих людей под видом чиновников и шоферов. Наблюдая за передвижениями

---

³⁶ Н.Рубинштейн. *БОЛЬШЕВИКИ И УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ*. М., 1938, с.76.

Ленина, они обнаружили, что председатель Совнаркома почти ежедневно покидает Смольный, навещая свою сестру. Сделав это открытие, группа устроила своего человека швейцаром в доме, куда приезжал Ленин. Онипко планировал захватить или убить Ленина, а затем Троцкого. Проведение операции назначено было на Рождество. Но когда Онипко обратился за одобрением в ЦК эсеровской партии, члены Центрального комитета пришли в ужас от самой идеи покушения, доказывая, что убийство эсерами Ленина и Троцкого обрушит на партию ярость рабочих и поможет лишь контрреволюции. После этого Онипко немедленно распустил свою террористическую группу³⁷. В то же время несколько офицеров, не связанных с эсеровской партией, предприняли неловкую попытку покушения на жизнь Ленина. 1 января они обстреляли его автомобиль, пересекавший мост через Неву. Единственной жертвой неудавшегося покушения стал швейцарский радикал Фриц Платтен, находившийся в машине Ленина и легко раненный в руку³⁸.

В дальнейшем Онипко занялся организацией вооруженного сопротивления ожидавшемуся разгону большевиками Учредительного собрания. Разработанный им совместно с Военной комиссией Союза план предполагал вооруженную демонстрацию перед Таврическим дворцом 5 января, которая должна была произвести впечатление на пробольшевистские воинские части и тем самым обеспечить спокойное проведение работ Всероссийского парламента. Онипко и его помощникам удалось заручиться широкой поддержкой среди солдат петроградского гарнизона. В Преображенском и Семеновском гвардейских полках (тех самых, которые 4 июля 1917 г. спасли Временное правительство и Совет от большевистского переворота) от 8 до 10 тысяч человек вызвались участвовать в вооруженной демонстрации 5 января и даже применить в случае столкновений оружие. Обещал свою помощь и бронедивизион Измайловского гвардейского полка. Готовность присоединиться к демонстрации выразили около двух тысяч рабочих, главным образом Обуховского завода и Государственного печатного двора. Эта была крупная сила, которой большевики вряд ли могли что-либо противопоставить.

Когда все было готово для приведения задуманного плана в действие, Военная комиссия обратилась к Центральному комитету эсеровской партии за разрешением на проведение вооруженной

---

³⁷ Б.Ф. Соколов в: *АРХИВ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ*, т. XIII (Берлин, 1924), с. 48; А.Л. Фрайман. *ФОРПОСТ...*, с. 201.

³⁸ В.Д. Бонч-Бруевич. *ТРИ ПОКУШЕНИЯ НА В.И. ЛЕНИНА*. М. 1930, с. 3-77.

демонстрации. Но ЦК вновь наотрез отказался, оправдывая свою позицию множеством доводов, за которыми в конечном счете стоял все тот же страх. По мнению членов ЦК, Временное правительство не нашло защитников, и с тех пор мало что изменилось. Большевизм — это болезнь, которую народные массы должны преодолеть внутренне, а потому не время для рискованных авантюр³⁹.

ЦК вновь подтвердил свое решение провести 5 января мирную невооруженную демонстрацию. Он был убежден, что большевики не посмеют открыть огонь. Такая манифестация, поддержанная одновременным прекращением работы на петроградских предприятиях, должна была, по мнению ЦК, парализовать власти. Однако когда Онинко и его помощники принесли эту новость в казармы и предложили солдатам присоединиться к мирной демонстрации, — те подняли их на смех:

Что вы, смеетесь над нами, товарищи? Вы приглашаете нас на демонстрацию, но велите не брать с собой оружия. А большевики? Разве они малые дети? Ведь будут, небось, непременно стрелять в безоружных людей. Что же мы, разинув рты, должны будем им подставлять наши головы или же прикажете нам улепетывать тогда, как зайцам? ⁴⁰

Солдаты отказались идти с пустыми руками на большевистские ружья и пулеметы и предпочли остаться 5 января в казармах. Таким образом, не решившись прибегнуть к оружию, сторонники Учредительного собрания сами предопределили провал демонстрации.

Догадываясь о том, что левые партии собираются выступить 5 января, большевики предпочли не рисковать и готовились к этому дню, как к настоящему сражению. Руководил подготовкой сам Ленин.

Первой его задачей было привлечь на свою сторону или по крайней мере нейтрализовать петроградский гарнизон. Большевистские агитаторы бросились в казармы. Не смея открыто нападать на Учредительное собрание из-за его широкой популярности, они предпочитали убеждать солдат, что демонстрацией, намеченной на 5 января, руководят «контрреволюционеры». С помощью этого довода им удалось нейтрализовать Финляндский пехотный полк, принявший резолюцию, которая отвергала лозунг «Вся власть Учредительному собранию» и

³⁹ Б.Ф. Соколов в: *АРХИВ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ*, т. XIII, с. 50, 60-61.

⁴⁰ Там же, с. 61.

выражала поддержку Всероссийскому парламенту только при условии его тесного сотрудничества с Советами. Вольнский и Литовский полки также решили поддержать Учредительное собрание лишь на этих условиях⁴¹.

И все же ни одно из воинских соединений петроградского гарнизона не согласилось осудить Учредительное собрание, как «контрреволюционную» организацию. Таким образом, большевикам явно не удалось достичь успеха и привлечь на свою сторону солдат, которые либо продолжали поддерживать «Учредилку», либо предпочитали сохранять нейтралитет. В связи с этим Ленину пришлось срочно организовать отряды красногвардейцев и матросов. Однако сам он не слишком им доверял: «Мужик может колебнуться в случае чего, — говорил Ленин. — Тут нужна пролетарская решимость»⁴². И председатель Совнаркома распорядился срочно вызвать в город латышских стрелков. Это стало началом их активного участия в революции на стороне большевиков, которым они не раз оказывали неоценимые услуги, спасая их от разгрома.

4 января Ленин приказал Н.И. Подвойскому, бывшему председателю большевистского ВРК, который захватил Петроград в октябре, сформировать Чрезвычайную военную комиссию⁴³. Подвойский снова ввел в Петрограде военное положение и запретил под угрозой немедленного применения силы любые публичные демонстрации и собрания. Прокламации с его приказом были расклеены по всему городу. 5 января Урицкий объявил в «Правде», что любые митинги в окрестностях Таврического дворца запрещены и будут разгоняться — в случае необходимости с применением оружия.

В поисках рабочей поддержки ленинские агитаторы отправились на петроградские заводы, но встретили здесь враждебность и непонимание. На самых крупных предприятиях, таких как Путиловский, Обуховский и Балтийский заводы, мануфактура Лесснера и Невская судовой верфь, — рабочие подписали петицию Союза защиты Учредительного собрания и не могли понять, почему большевики, которым многие из них сочувствовали, неожиданно выступают против Всероссийского парламента⁴⁴.

⁴¹ «Правда», № 3/230, 5/18 января 1918, с.4.

⁴² См. статью Троцкого в «Правде», № 91, 20 апреля 1924, с.3.

⁴³ О.Н. Знаменский. *УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ*, с.334-335; А.Л. Фрайман. *ФОРПОСТ...*, с.204.

⁴⁴ Е.Игнатов в: «Пролетарская революция», № 5/76, 1928, с.37. Автор заявляет, что подписи рабочих были подделаны, однако не приводит никаких доказательств своего утверждения.

С приближением решающего дня большевики усиливали поток угроз и предупреждений населению. 3 января Петроградский совет обратился к рабочим с требованием не покидать в течение 5-го января своих заводов, а к солдатам — оставаться в казармах. В тот же день Урицкий объявил об угрозе контрреволюционного переворота, который приписывался Керенскому и Савинкову, якобы вернувшимся тайно в Петроград для подготовки заговора⁴⁵. 5 января «Правда» вышла под громадным заголовком: «СЕГОДНЯ ГИЕНЫ КАПИТАЛА И ИХ НАЕМНИКИ ХОТЯТ ВЫРВАТЬ ВЛАСТЬ ИЗ РУК СОВЕТОВ».

**

В пятницу 5 января весь Петроград и особенно район вокруг Таврического дворца напоминал военный лагерь. Эсер Марк Вишняк, находившийся у Таврического с процессией депутатов, так описывает происходившее:

В начале двенадцатого выступили. Идут растянутой колонной, человек в двести, посреди улицы. С членами Учредительного собрания небольшое число журналистов, знакомых, жен, запасшихся входными билетами в Таврический. До дворца не больше версты. И чем ближе к нему, тем реже прохожие, тем чаще — солдаты, красноармейцы, матросы. Они вооружены до зубов: за спиной винтовка, на груди и по бокам ручные бомбы, гранаты, револьверы и патроны, патроны без конца, всюду, где только можно их прицепить или всунуть. На тротуарах одинокие прохожие при встрече с необычайной процессией останавливаются, изредка приветствуют восклицаниями, а чаще, сочувственно проводив глазами, спешат пройти дальше. Вооруженные подходят, справляются, кто и куда идут, и возвращаются на свои стоянки и бивуаки, под ворота и во дворы.

/.../ Перед фасадом Таврического вся площадка уставлена пушками, пулеметами, походными кухнями. Беспорядочно свалены в кучу пулеметные ленты. Все ворота заперты. Только крайняя калитка слева приотворена, и в нее пропускают по билетам. Вооруженная стража пристально глядится в лицо прежде, чем пропустить; оглядывает сзади, прошупывает спину, после того, как пропустит.

/.../ Пропускают в левую дверь. Снова контроль, внутренний. Проверяют люди уже не в шинелях, а во френчах и гимнастерках. Через вестибюль и екатерининский зал направляют в залу заседаний. Повсюду вооруженные люди. Больше всего матросов и латышей. Вооружены, как на улице, с винтовками, гра-

---

⁴⁵ «Правда», № 2/229, 4/17 января 1918, с.1, 3.

натами, патронными сумками, револьверами. Количество вооруженных и самое оружие, звуки его бряцания, производят впечатление лагеря, готовящегося не то к обороне, не то к нападению⁴⁶.

Делегация большевиков, возглавляемая Лениным, прибыла в Таврический дворец к часу дня. Ленин хотел лично видеть происходящее, чтобы быстро принять решение, если ситуация того потребует. Находясь в ложе, которая в годы думской работы считалась «правительственной», он в продолжение последующих девяти часов лично руководил действиями большевиков. По воспоминаниям Бонч-Бруевича, Ленин «волновался и был мертвенно бледен, так бледен, как никогда. От этой совершенно белой бледности лица и шеи его голова казалась еще большей, глаза расширились и горели стальным огнем... Он сел, сжал судорожно руки и стал обводить пылающими, сделавшимися громадными глазами всю залу от края и до края ее»⁴⁷.

Сессия Учредительного собрания должна была открыться в полдень, но Ленин через Урицкого запретил начинать заседания до тех пор, пока не станет точно известно, что творится на петроградских улицах, где, вопреки распоряжению большевиков, все утро проходили массовые демонстрации. Хотя организаторы шествия подчеркивали его мирный характер и призывали избегать любых столкновений⁴⁸, Ленин вовсе не был уверен, что день закончится без кровопролития, а главное — что его отряды не отступят, если дело дойдет до серьезного вооруженного сопротивления. Поэтому он вынужден был подготовить запасной план, на случай, если демонстранты одержат верх. Детали этого плана неизвестны, но эсер Соколов утверждал, что при таком развитии событий председатель Совнаркома намеревался вступить в сотрудничество с депутатами⁴⁹.

Союз защиты Учредительного собрания призвал демонстрантов организовать к 10 часам утра девять отдельных шествий, которые должны были соединиться на Марсовом поле. Около полудня общее шествие под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию» должно было направиться по Пантелеймоновской к Литейному проспекту, затем повернуть направо и по

⁴⁶ М. В. Вишняк. *ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ*. Париж, 1932, с. 99-100.

⁴⁷ В. Д. Бонч-Бруевич. *НА БОЕВЫХ ПОСТАХ ФЕВРАЛЬСКОЙ И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ*. М., 1931, с. 248.

⁴⁸ «Дело народа», № 2/247, 4 января 1918, с. 2.

⁴⁹ Б. Ф. Соколов. — «Архив русской революции», т. XIII, с. 66.

Кирочной и Потемкинской выйти к Шпалерной перед Таврическим дворцом. Затем манифестанты должны были пройти мимо здания дворца, свернуть на Таврическую и выйти на Невский, где демонстрация и завершалась.

Число собравшихся в это утро по всему городу было довольно велико (некоторые источники называют цифру в 50 тысяч манифестантов), но в целом демонстрация оказалась менее внушительной, нежели предполагали ее устроители. Солдаты оставались в казармах, на улицы вышло гораздо меньше рабочих, чем ожидалось. В результате шествие состояло главным образом из студентов, государственных служащих и интеллигенции. Да и в настроении участников не было того энтузиазма, на который рассчитывали устроители манифестации. Большевистские угрозы и наглядная демонстрация военной силы явно произвели впечатление на жителей Петрограда⁵⁰.

Поскольку маршрут процессии был заранее известен, Подвойский расположил свои части таким образом, чтобы преградить демонстрантам дорогу уже в районе Марсова поля. Солдаты с заряженными ружьями и пулеметами заблаговременно заняли улицы и крыши зданий на пересечении Пантелеймоновской и Литейного проспекта. Когда шествие приблизилось к Литейному, его участники натолкнулись на солдат и начали кричать им «Да здравствует Учредительное собрание!» В этот момент большевистские войска открыли с крыш пулеметный огонь. Несколько демонстрантов упало, другие бросились бежать. Однако процессия вскоре перестроилась и продолжала свой путь к Таврическому дворцу. Поскольку выход на Кирочную оказался перекрыт войсками, демонстрация двинулась к северу вдоль Литейного. Здесь она вновь очутилась под огнем пулеметов Подвойского и вынуждена была повернуть на Шпалерную, где и была окончательно разогнана. Большевистские солдаты преследовали манифестантов, вырывали у них из рук лозунги, которые тут же рвали на куски или швыряли в огонь костров. Рабочие манифестации в других районах города, равно как и несколько более мелких демонстраций, также были встречены пулеметным огнем⁵¹.

Русская армия не стреляла в безоружных демонстрантов с того рокового дня в феврале 1917 года, когда по приказу петроградского губернатора она разогнала толпу манифестантов,

---

⁵⁰ А.С. Изгоев в: «Архив русской революции», т.Х, с.24-25; О.Н. Знаменский. *УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ*, с.340.

⁵¹ Описание этих событий см. в: «Дело народа», №4, 7 января 1918; «Грядущий день», 6 января 1918, с.4; «Правда», №5, 6/19 января 1918, с.2.

вышедших на улицу несмотря на запрет властей. События того дня послужили началом волнений и мятежей, вылившихся в Революцию. Но ни тогда, ни раньше русская армия, насколько известно, не применяла против безоружных людей пулеметов. Так что естественно допустить, что жертвы расстрела 5 января 1918 года полагали, что насилие большевиков породит ответное насилие народного гнева. Вместе с тем люди не могли удержаться от сравнения событий этого дня с Кровавым воскресеньем, 9 января 1905 года, когда расстрел мирной демонстрации в Санкт-Петербурге привел в движение всю страну и в конце концов вынудил царя отказаться от самодержавной власти.

В зависимости от источников, число жертв расстрела 5 января 1918 года колеблется от 8 до 21 человека⁵². Все они были торжественно похоронены 9 января в годовщину Кровавого воскресенья, на Преображенском кладбище, рядом с могилой погибших в 1905 году. На одном из венков от делегации петроградских рабочих была надпись: «Жертвам произвола самодержцев из Смольного»⁵³.

Отношение большинства своих соотечественников к этому расстрелу выразил Максим Горький в обличительной статье в газете «Новая жизнь»:

9-го января 1905 г., когда забитые, замордованные солдаты расстреливали, по приказу царской власти, безоружные и мирные толпы рабочих — к солдатам — невольным убийцам — подбегали интеллигенты, рабочие и в упор, в лицо — кричали им:

— Что вы делаете, проклятые? Кого убиваете? Ведь это ваши братья, они безоружны, они не имеют зла против вас, — они идут к царю просить его внимания к их нужде. Они даже не требуют, а просят, без угроз, беззлобно и покорно! Помните, что вы делаете, идиоты!

Казалось, что эти простые, ясные слова, вызванные тоской и болью за безвинно убиваемых рабочих, должны были найти дорогу к сердцу «кроткого» русского мужичка, одетого в серую шинель.

Но кроткий мужичок или бил прикладом совестливых людей, или колот их штыком, или же орал, вздрагивая от злобы:

— Расходись, стрелять будем! — Не расходились, и тогда он метко стрелял, укладывая на мостовую десятки и сотни трупов.

Большинство же солдат царя отвечало на упреки и уговоры унылым, рабским словом:

⁵² «Новая жизнь», № 7/23, 11/24 января 1918, с.2; см. также: P.Scheibert, *op. cit.*, p.19.

⁵³ «Новая жизнь», № 7/23, 11/24 января 1918, с.2.

— Приказано. Мы ничего не знаем, — нам приказано...

И, как машины, они стреляли в толпы людей. Неохотно, может быть, — скрепя сердце, но — стреляли.

5-го января 1918 года безоружная петербургская демократия — рабочие, служащие, — мирно манифестировала в честь Учредительного собрания.

Лучшие русские люди почти сто лет жили идеей Учредительного собрания — политического органа, который дал бы всей демократии русской возможность свободно выразить свою волю. В борьбе за эту идею погибли в тюрьмах, в ссылке и каторге, на виселицах и под пулями солдат тысячи интеллигентов, десятки тысяч рабочих и крестьян. На жертвенник этой священной идеи пролиты реки крови — и вот «народные комиссары» приказали расстрелять демократию, которая манифестировала в честь этой идеи. Напомню, что многие из «народных комиссаров» сами же на протяжении всей политической деятельности своей внушали рабочим массам необходимость борьбы за созыв Учредительного собрания. «Правда» лжет, когда она пишет, что манифестация 5 января была организована буржуями, банкирами и т.д. и что к Таврическому дворцу шли именно «буржуи» и «калединцы».

«Правда» лжет, — она прекрасно знает, что «буржуям» нечему радоваться по поводу открытия Учредительного собрания, им нечего делать в среде 246 социалистов одной партии и 140 — большевиков.

«Правда» знает, что в манифестации принимали участие рабочие Обуховского, Патронного и других заводов, что под красными знаменами российской с.-д. партии к Таврическому дворцу шли рабочие Василеостровского, Выборгского и других районов.

Именно этих рабочих и расстреливали, и сколько бы ни лгала «Правда», она не скроет позорного факта.

«Буржуи» может быть радовались, когда они видели, как солдаты и красная гвардия вырывают революционные знамена из рук рабочих, топчут их ногами и жгут на кострах. Но, возможно, что и это приятное зрелище уже не радовало всех «буржуев», ибо ведь и среди них есть честные люди, искренно любящие свой народ, свою страну.

Одним из таких был Андрей Иванович Шингарев, подло убитый какими-то зверями.

Итак, 5 января расстреливали рабочих Петрограда, безоружных. Расстреливали без предупреждения о том, что будут стрелять, расстреливали из засад, сквозь щели заборов, трусливо, как настоящие убийцы.

И точно так же, как 9 января 1905 года, люди, не потерявшие совесть и разум, спрашивали стрелявших:

— Что вы делаете, идиоты? Ведь это свои идут! Видите — везде красные знамена, и нет ни одного плаката, враждебного рабочему классу, ни одного возгласа, враждебного вам!

И так же, как царские солдаты — убийцы по приказу, отвечают:

— Приказано! Нам приказано стрелять.

И так же, как 9 января 1905 года, обыватель, равнодушный ко всему и всегда являющийся только зрителем трагедии жизни, восхищался:

— Здорово садят!

И догадливо соображал:

— Эдак они скоро друг друга перехлопают!

Да, скоро. Среди рабочих ходят слухи, что красная гвардия с завода Эриксона стреляла по рабочим Лесного, а рабочие Эриксона подверглись обстрелу красной гвардии какой-то другой фабрики.

Этих слухов — много. Может быть, они — не верны, но это не мешает им действовать на психологию рабочей массы совершенно определенно.

Я спрашиваю «народных» комиссаров, среди которых должны же быть порядочные и разумные люди:

Понимают ли они, что, надевая петлю на свои шеи, они неизбежно удавят всю русскую демократию, погубят все завоевания революции?

Понимают ли они это? Или они думают так: или мы — власть, или — пускай все и всё погибают? ⁵⁴

Как только Ленину сообщили, что демонстрация разогнана и петроградские улицы контролируются большевистскими войсками (это произошло около четырех часов дня), — он распорядился начать заседание. В зале присутствовало 463 делегата — немногим более половины всего избранного состава Учредительного собрания. Среди них было 259 социалистов-революционеров, 136 большевиков и 40 левых эсеров⁵⁵. С первого же момента большевики устроили настоящее столпотворение. Их депутаты, а также вооруженная охрана орали, выкрикивали угрозы и глумились над всеми небольшевистскими ораторами. Множе-

⁵⁴ «Новая жизнь», № 6/220, 9 января 1918, с.1. Опасаясь возможной реакции населения, большевики приказали провести расследование этих событий. В ходе его выяснилось, что войска Литовского полка стреляли по демонстрантам в уверенности, что они защищают Учредительное собрание от «саботажников» («Новая жизнь», № 15/229, 3 февраля 1918, с.11). Следственная комиссия прекратила работы в конце января, так и не представив, как, впрочем, и можно было ожидать, никакого заключительного отчета.

⁵⁵ О.Н. Знаменский. *УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ*, с.339. Точное число присутствовавших депутатов не указано, их могло быть меньше 410.

ство вооруженных солдат и красногвардейцев толпились в коридорах и на балконе дворца и довершали всеобщую какофонию. При этом их даже не нужно было побуждать к нарушению порядка, поскольку они с избытком подогревали себя водкой, свободно отпускаясь в буфете. Официальный протокол сессии Учредительного собрания открывается следующей сценой:

Один из членов Учредительного собрания (фракции с.-р.) с места:

— Товарищи, теперь 4 часа, предлагаем старейшему из членов открыть заседание Учредительного собрания. *(Шум сильный слева; рукоплескания в центре и справа, свист слева... не слышно... продолжается сильный шум и свист слева и рукоплескания центра. На кафедру подымается старейший из членов Учредительного собрания — Михайлов).*

Михайлов. *(Звонит. Шум слева. Голоса: Долой, самозванец! Продолжительный шум и свист слева; рукоплескания справа).* Объявляю перерыв ⁵⁶.

Большевистская фракция заранее разработала довольно простую стратегию. Она представила депутатам программный документ, в котором требовала от Учредительного собрания отказаться от законодательной власти. Совершенно очевидно было, что депутаты отклонят это предложение. В таком случае большевики собирались покинуть зал, а затем, формально не разгоняя Учредительного собрания, сделать его дальнейшие работы невозможными. Следуя этому плану, Раскольников сразу же внес резолюцию большевистской партии. Она называлась «Декларация прав трудящихся и эксплуатируемых масс», однако, в отличие от своей французской модели 1789 года, больше говорила об обязанностях, нежели о правах. Именно в этом документе большевики впервые ввели понятие всеобщей трудовой повинности. Резолюция объявляла Россию «республикой Советов» и подтверждала целый ряд мер, уже принятых Совнаркомом, включая декрет о земле, рабочий контроль на предприятиях, национализацию банков и аннулирование государственных займов. Главный пункт резолюции предлагал собранию отказаться от его законодательной власти, т.е. от той самой власти, ради которой Всероссийский парламент и был избран: «Учредительное собрание признает, что его задачи исчерпываются общей разработкой коренных оснований социалистического переустройства

⁵⁶ И.В. Мальчевский, ред. ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ. М.-Л., 1930, с.3.

общества». Наконец резолюция предлагала депутатам ратифицировать все уже принятые Совнаркомом декреты и на этом разойтись⁵⁷.

Поставленная на голосование, резолюция Раскольниковова была забаллотирована 237 голосами против 136. Этот результат показывает, что за нее голосовали все большевистские делегаты, но только они. Левые эсеры, по-видимому, воздержались. После голосования большевистская фракция заявила, что Учредительное собрание находится в руках «контрреволюционеров» и гордо удалилась. Левые эсеры предпочли повременить и пока остались в зале.

Ленин покинул свою ложу около десяти вечера. Перед собравшимися он не выступал, поскольку обращение главы правительства к депутатам могло быть воспринято как признание законности Учредительного собрания. Покинув зал заседаний, ЦК большевиков собрался в одной из комнат дворца и принял резолюцию о роспуске Всероссийского парламента. При этом, из уважения к левым эсерам, Ленин распорядился, чтобы охрана Таврического, разгоняя депутатов, не применяла насилия. Он приказал беспрепятственно выпускать из зала любого, кто захочет выйти, но никого не впускать обратно⁵⁸. В два часа ночи, вполне довольный положением, которое полностью находилось под его контролем, Ленин вернулся в Смольный.

Между тем в зале заседаний Таврического дворца звучали бесконечные депутатские речи, нарушаемые шумным поведением охраны, которая толкалась на балконе, свободно прохаживалась по залу, рассаживалась на места, оставшиеся свободными после ухода большевиков. Множество охранников были вдребезги пьяны. Часть солдат развлекалась тем, что направляла оружие на ораторов и прицеливалась в них. В половине третьего ночи покинули зал левые эсеры. После их ухода Дыбенко, отвечавший за безопасность, приказал командиру красногвардейцев матросу Анатолию Железнякову закрыть заседание. Около четырех утра, когда председатель Учредительного собрания Виктор Чернов провозглашал отмену собственности на землю, Железняков поднялся на сцену и тронул оратора за плечо. Последовавший диалог описывается в протоколе заседаний таким образом:

⁵⁷ *ДЕКРЕТЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ*, т.1, с.321-323.

⁵⁸ *ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН. БИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА*, т.5, М., 1974, с.180-181; И.С. Мальчевский, ред. *ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ*, с.217.

Гражданин матрос. Я получил инструкцию, чтобы довести до Вашего сведения, чтобы все присутствующие покинули зал заседания, потому что караул устал. (*Голоса:* Нам не нужно караула.)

Председатель. Какую инструкцию? От кого?

Гражданин матрос. Я являюсь начальником охраны Таврического дворца, имею инструкцию от комиссара.

Председатель. Все члены Учредительного собрания также очень устали, но никакая усталость не может прервать оглашения земельного закона, которого ждет Россия. (*Страшный шум. Крики:* Довольно, довольно!) Учредительное собрание может разойтись лишь в том случае, если будет употреблена сила! (*Шум.*) Вы заявляете это. (*Голоса:* Долой Чернова!)

Начальник охраны... (*Не слышно.*) Я прошу покинуть зал заседания⁵⁹.

Пока шел этот обмен репликами, зал заседаний заполнился красногвардейцами, имевшими весьма угрожающий вид. Чернову удалось отложить закрытие собрания еще на 20 минут, и около пяти утра 6 января Учредительное собрание закончило свою работу. Больше оно не созывалось, поскольку в то же утро Свердлов и пробольшевистский Центральный Исполнительный Комитет приняли и опубликовали ленинскую резолюцию, распускающую Всероссийский парламент⁶⁰. В тот день «Правда» вышла под громадной шапкой:

ПРИСЛУЖНИКИ БАНКИРОВ, КАПИТАЛИСТОВ И ПОМЕЩИКОВ, СОЮЗНИКИ КАЛЕДИНА, ДУТОВА, ХОЛОПЫ АМЕРИКАНСКОГО ДОЛЛАРА, УБИЙЦЫ ИЗ-ЗА УГЛА ПРАВЫЕ ЭС-ЕРЫ ТРЕБУЮТ В УЧР. СОБРАНИИ ВСЕЙ ВЛАСТИ СЕБЕ И СВОИМ ХОЗЯЕВАМ — ВРАГАМ НАРОДА.

НА СЛОВАХ БУДТО БЫ ПРИСОЕДИНЯЯСЬ К НАРОДНЫМ ТРЕБОВАНИЯМ: ЗЕМЛИ, МИРА И КОНТРОЛЯ, НА ДЕЛЕ ПЫТАЮТСЯ ЗАХЛЕСТНУТЬ ПЕТЛЮ НА ШЕЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ И РЕВОЛЮЦИИ.

НО РАБОЧИЕ, КРЕСТЬЯНЕ И СОЛДАТЫ НЕ ПОПАДУТСЯ НА ПРИМАНКУ ЛЖИВЫХ СЛОВ ЗЛЕЙШИХ ВРАГОВ СОЦИАЛИЗМА. ВО ИМЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ОНИ СМЕТУТ ВСЕХ ЕЕ ЯВНЫХ И СКРЫТЫХ УБИЙЦ⁶¹.

⁵⁹ И.В. Мальчевский, ред. *ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ*, с.110. Впоследствии Железняков участвовал в махновском движении и погиб в 1919.

⁶⁰ James Bunyan and H.H. Fisher. *THE BOLSHEVIK REVOLUTION*. Stanford, Cal., 1934, p.384-386.

⁶¹ «Правда», № 4/231, 6/19 января 1918, с.1.

Большевики и раньше постоянно объединяли демократические силы страны с «капиталистами», «помещиками» и «контрреволюционерами». В этой статье «Правды» они впервые связали их с иностранным капиталом.

Два дня спустя (8 января) большевики открыли собственное законодательное собрание, назвав его «Третий съезд советов». Здесь они уже могли делать что хотят, поскольку партии Ленина и его союзникам левым эсерам было обеспечено 94% депутатских мандатов⁶², т.е. в три раза больше мест, чем полагалось им, судя по результатам выборов в Учредительное собрание. Крошечную часть мандатов они оставили для социалистической оппозиции — ровно столько, сколько необходимо было, чтобы сделать ее удобной мишенью для издевательств и оскорблений всякий раз, когда демократические партии пытались протестовать. Третий съезд натуральным образом одобрил все представленные Совнаркомом резолюции, включая «Декларацию прав». Он объявил Россию «Федерацией советских республик», до 1924 года известной под именем «Советской Российской республики», или РСФСР, а затем переименованной в «Союз советских социалистических республик». Съезд признал Совнарком законным правительством страны, сняв в его названии определение «временное». Одобрил он и принцип всеобщей трудовой повинности, содержащийся в «Декларации».

**

Роспуск Учредительного собрания страна встретила с редким безразличием, и уж во всяком случае, разгром парламента не вызвал той ярости, какую породили во Франции 1789 года слухи о намерении короля распустить Национальную Ассамблею, — ярости, которая привела к штурму Бастилии. Русские устали от года бесконечной анархии, страдали от голода и холода, жаждали мира и порядка, все равно какой ценой. Именно на это безразличие ставили большевики — и выиграли. После 5 января никто в России уже не мог всерьез надеяться на то, что ленинская партия добровольно уступит власть или хотя бы поделит ее с кем-либо. А поскольку отказ социалистической интеллигенции применить силу против большевиков обусловил отсутствие настоящей вооруженной борьбы с ними в центральной России, — здравый смысл убеждал население, что коммунистическая диктатура установилась в стране надолго.

⁶² «Наш век», № 7, 12/25 января 1918, с.3; J.Bunyan and H.H. Fisher, p.389.

Первым результатом такого осознания стал развал забастовки служащих, которые до этих событий проявляли поразительную стойкость. После 5 января они начали возвращаться на службу — одни из необходимости зарабатывать на жизнь, другие — в надежде, что изнутри советской системы им легче удастся влиять на ход событий. Психологическое состояние оппозиции характеризовалось теперь полным разбродом, как если бы безжалостная свирепость большевиков узаконила их диктатуру, убедив население, что после года хаоса и бесконечных речей страна наконец имеет «настоящую» власть, вне зависимости от того, нравится она или не нравится. Парадоксальным образом презрение большевиков к воле широких народных масс привлекало к ним состоятельные и консервативные элементы общества — тех, кого «Правда» называла «гиенами капитала» и «врагами народа» и кто презирал социалистическую интеллигенцию и уличную толпу едва ли не больше, чем самых большевиков⁶³. В определенном смысле можно сказать, что коммунистическая партия начала управлять Россией не столько в октябре 1917, сколько в январе 1918 года. По словам одного из современников, близко наблюдавшего созыв и разгон Учредительного собрания, «большевизм, подлинный, настоящий, большевизм широких масс пришел только после 5 января»⁶⁴.

События этого дня, и правда, во многих отношениях были гораздо важнее для будущего России, нежели октябрьский переворот, совершенный под прикрытием лозунга «Вся власть советам». Если значение Октября оставалось скрытым для всех, или почти для всех, включая даже подавляющую часть правоверных большевиков, то после 5 января, когда Ленин совершенно ясно показал, что не будет считаться с народными чаяниями «формальной демократии», — его намерения ни у кого уже не вызвали сомнений. Большевики не прислушивались к народному мнению уже потому, что в буквальном смысле слова чувствовали себя этим самым «народом», а следовательно могли говорить от

---

⁶³ В мае 1918 года Владимир Пуришкевич, один из самых реакционных политиков царской России и убежденный антисемит, опубликовал «открытое письмо», в котором заявлял, что после шести месяцев, проведенных в советской тюрьме он остается монархистом и не может простить советской власти превращения России в немецкую колонию. Однако, продолжал Пуришкевич, «Советская власть — это твердая власть, — увы, не с того лишь боку, с которого я хотел видеть твердую власть над Россией, жалкая и трусливая интеллигенция коей является одною из главных виновниц нашего позора и неспособности русского общества выдвинуть здоровую, государственного размаха, твердую правительственную власть». — «Вечерние огни», № 36, 3 мая 1918, с. 4.

⁶⁴ Б.Ф. Соколов. — «Архив русской революции», т. XIII, с. 54.

его имени⁶⁵. Как позже сформулировал сам Ленин: «Разгон Учредительного собрания советской властью есть полная и открытая ликвидация формальной демократии во имя революционной диктатуры»⁶⁶.

Реакция большинства населения и интеллигенции на это поистине историческое событие во многом предсказывала будущее всей страны. России не хватило сознания национальной общности, способного побудить все население на жертву личными интересами ради демократии, законности и защиты основных человеческих прав. «Народные массы» показали, что им гораздо ближе частные и местные интересы, пьянящее наслаждение разделом добычи, которому предавались в то время советы и фабричные комитеты. И по старой русской поговорке «Кто палку взял — тот и капрал», — эти массы с готовностью оставили сферу политики первому, кто выказал достаточную решимость в стремлении к власти и в осуществлении ее такими методами, которые не оставляли сомнений, что властвует над страной именно он.

Существует немало свидетельств того, что промышленные рабочие Петрограда, даже голосуя за большевистский список, надеялись, что Учредительное собрание сможет наконец определить социальную и политическую систему страны. Подтверждают это и подписи их представителей под воззванием Союза защиты Учредительного собрания, и недовольство «Правды» по поводу его поддержки рабочими⁶⁷, и лихорадочные угрозы большевиков накануне открытия Всероссийского парламента. И все-таки, когда власть проявила твердую волю разогнать Учредительное собрание, волю, подкрепленную силой оружия и готовностью стрелять в мирную толпу, — рабочие покорно отступили. Правда, они были преданы интеллигенцией, отказавшейся ответить силой на силу. Но могли ли они отвергнуть нерешительность интеллигентов и взять дело защиты демократии в свои руки? Ведь столь же робко они будут вести

---

⁶⁵ Эту убежденность большевиков сформулировал Мартов весной 1918 года. Сталин, обвинив Мартова в клевете, возбудил против него процесс Революционного Трибунала. Отмечая, что подобные трибуналы предназначены судить «преступления против народа», Мартов спрашивал: «Каким образом обида, нанесенная Сталину, может считаться преступлением против народа?» — И сам же отвечал: «Только в том случае, если считать, что Сталин и есть народ». (НАРОД — ЭТО Я. — «Вперед», 1/14 апреля 1918, с.1).

⁶⁶ Л.Троцкий. — «Правда», № 91, 20 апреля 1924, с.3.

⁶⁷ Е.Игнатов. ТАКТИКА БОЛЬШЕВИКОВ И УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ. — «Пролетарская революция», № 5/76, май 1928, с.28-29.

себя вновь и вновь в продолжение последующих трех лет: сокрушаться о гибели демократии, протестовать против большевистского беззакония и жестокости и кротко подчиняться силе. Можно ли объяснить их поведение, столь отличное от 1905 или 1917 гг., только предательством социалистов, которые из страха перед контрреволюцией больше не звали пролетариат к борьбе? Или тем, что большевики выказали гораздо больше решимости в защите своей власти, чем царское или Временное правительства? — Ответить на эти вопросы не так просто.

Что касается крестьян, то они мало интересовались происходящим в крупных городах. Эсеровские агитаторы уговаривали их голосовать — они голосовали. И если к власти в стране приходила очередная группа барчуков и белоручек, — им это было безразлично. Интересы крестьян не выходили за пределы их собственной волости.

Что же до левой интеллигенции, т.е. социалистов, которые, одержав крупную победу на выборах, могли действовать, ощущая за собой поддержку всей страны, — то отказ от применения силы при любых обстоятельствах обрек их на поражение. Впоследствии Троцкий издевался над ними, говоря, что в Таврический дворец они пришли со свечами — на случай, если большевики отключат свет, и с бутербродами — на случай, если проголодаются⁶⁸. Они не решились взять с собой лишь оружие. Накануне открытия Учредительного собрания эсер Питирим Сорокин (впоследствии профессор социологии Гарвардского университета), рассуждая о возможности разгона парламента силой, заявил: «Если первое заседание будет 'с пулеметами', — обратимся об этом с воззванием к стране и отдадим себя под защиту всего народа»⁶⁹. Социалистам не хватило смелости даже для такого шага. Когда вслед за разгоном Учредительного собрания группа солдат предложила нескольким социалистическим депутатам восстановить парламент силой оружия, перепуганные интеллигенты умоляли их не предпринимать ничего подобного, а меньшевик Церетели и вовсе заявил, что уж лучше Учредительному собранию тихо скончаться, нежели развязать этим выступлением гражданскую войну⁷⁰. Естественно, никто не рисковал идти за такими вождями. Они бесконечно рассуждали о революции и демократии,

⁶⁸ Л.Троцкий. — «Правда», № 91, 20 апреля 1924, с.3.

⁶⁹ О.Н. Знаменский. *ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ*, с. 323.

⁷⁰ В.И. Игнатъев. *НЕКОТОРЫЕ ФАКТЫ И ИТОГИ ЧЕТЫРЕХ ЛЕТ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917-1921 гг.)*. Государственное издательство, 1922, с.8.

но защищать собственные идеалы были способны лишь теми же пустыми словами и жестами. Позаимствовав определение у Клемансо, их можно было бы назвать «тиграми-вегетарианцами». Нелегко объяснить их противоречивое поведение, их фатализм, представленный как «уважение исторических сил», их нежелание драться и победить. Может быть, рациональное объяснение всему этому стоит искать в сфере психологии, прежде всего, в традиционных взглядах старой русской интеллигенции, столь хорошо описанных А.П. Чеховым, — в откровенной боязни успеха и скрытой вере в то, что бездеятельность — «высшая добродетель, а поражение окружено ореолом святости»⁷¹.

Поражение социалистической интеллигенции стало началом ее конца. По замечанию одного из редких эсеров, отстаивавших необходимость вооруженного сопротивления, — «неумение защитить Учредительное собрание знаменовало собой глубочайший кризис русской демократии. Это был поворотный пункт. После 5-го января для прежней идеалистически настроенной российской интеллигенции не стало места в истории, в русской истории. Ей принадлежало прошлое»⁷².

В отличие от своих противников, большевики извлекли из этих событий великий урок. Они поняли, что в тех областях России, над которыми они властвуют, им нечего бояться организованного вооруженного сопротивления. Несмотря на то, что три четверти населения поддерживало социалистов, последние были разобщены, не имели настоящего лидера, а главное — не желали драться. Этот опыт приучил коммунистов к постоянному использованию силы всякий раз, когда они оказывались в меньшинстве, и к «разрешению» возникших проблем путем физического уничтожения своих противников. Отныне пулемет сделался главным средством политического убеждения. Корни той беспримерной жестокости, с которой они управляли Россией, следует искать именно в осознании собственной безнаказанности, пришедшем после 5 января 1918 года.

**

Силу большевикам приходилось применять все чаще и чаще, поскольку уже через несколько месяцев после их прихода к власти число их сторонников стало сокращаться. Промышленные рабочие, которые еще осенью вместе с гарнизонными войсками были самыми верными их союзниками, быстро разочаровы-

---

⁷¹ D.S. Mirsky. *MODERN RUSSIAN LITERATURE*. London, 1925, p. 89.

⁷² Б.Ф. Соколов. — «Архив Русской революции», т. XIII, с. 6.

вались в большевистском правлении. Эти перемены в настроениях масс имели множество причин, но главным было ухудшение продовольственной ситуации в городах, особенно в Петрограде. Большевики ввели монополию хлебной торговли, но при этом платили крестьянам абсурдно мало, и те предпочитали прятать продукты или продавать их на черном рынке. Введение монополии помогло правительству получить лишь незначительное количество продовольствия, которого едва хватало, чтобы обеспечить население по самой минимальной норме. Зимой 1917-1918 гг. хлебный паек в Петрограде составлял от 120 до 180 граммов в день. На черном рынке фунт хлеба стоил от 3 до 5 рублей, что делало его совершенно недоступным для рядового горожанина. Усиливала эти трудности и массовая безработица, поскольку множество предприятий остановилось из-за нехватки топлива. В мае 1918 года лишь 12-13% петроградского пролетариата было обеспечено работой⁷³.

Спасаясь от голода и холода, тысячи горожан потянулись в деревню, где многие из них имели родственников и где положение с продуктами и топливом было значительно лучше. Этот исход обусловил резкое сокращение рабочей силы в Петрограде. По оценкам доступных источников, в апреле 1918 года общая численность петроградского пролетариата составляла 57% от числа рабочих столицы накануне Февральской революции⁷⁴. Оставшиеся — голодные, замерзшие и чаще всего безработные — бурно выражали недовольство. Рабочие возмущались большевистской экономической политикой, приведшей к полному хаосу, осуждали разгон Учредительного собрания, унижительный мирный договор, заключенный в марте 1918 года, самоуправство большевистских комиссаров, скандальную коррупцию коммунистических чиновников на всех уровнях, разве что кроме правительственного.

Для большевиков подобные настроения могли иметь чрезвычайно опасные последствия, тем более, что войска, на которые они полагались, с приближением весны стремительно таяли: солдаты возвращались в деревню. Те же, кто оставался, все больше превращались в банды мародеров, наводя страх на население, а иногда нападая даже на советских чиновников.

Рост недовольства и осознание невозвратимости того, на что большевики уже наложили руку, вынуждали петроградских рабочих принять собственные меры и попытаться создать но-

⁷³ M.Dewar. *LABOUR POLICY IN THE USSR*, London, 1956, p.37.

⁷⁴ А.С. Изгоев. — «Наш век», № 94/118, 16 июня 1918, с.1.

вые органы, независимые от государственной власти и от тех учреждений, которые уже находились под ее контролем (советы, профсоюзы, фабричные комитеты). 5/18 января 1918 года, в тот самый день, когда власти разогнали Учредительное собрание, «уполномоченные» петроградских фабрик созвали совещание, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. Некоторые из выступавших говорили о «перемене» в рабочих настроениях⁷⁵. В феврале эти «уполномоченные» начали собираться регулярно, постоянно вынося на своих встречах резолюции, требовавшие созыва Учредительного собрания, восстановления свобод и прекращения террора. По неполным сведениям, одна такая встреча была проведена в марте, четыре — в апреле, три — в мае и три — в июне 1918 года. Протоколы мартовского совещания делегатов от 56 заводов показывают твердую антибольшевистскую позицию участников встречи⁷⁶. Они приняли резкую резолюцию протеста, обвинявшую Совнарком в том, что, выступая от имени рабочих и крестьян, он фактически осуществляет самодержавную власть и отказывается разрешить пере-выборы в советы. Резолюция призывала расторгнуть Брест-Литовский мирный договор, распустить Совнарком и немедленно созвать вновь Учредительное собрание.

31 марта большевики приказали ЧК произвести обыск в помещении Бюро рабочих уполномоченных и конфисковать найденную там литературу. От более жестких действий власти воздержались, по-видимому, из страха вызвать рабочие волнения.

Между тем подошло время перевыборов в советы, и, если бы большевики всерьез считали их верховным органом власти в стране, они провели бы новые выборы в назначенный срок. Однако, опасаясь потерять свое предоктябрьское большинство в городских советах, они предпочитали затягивать время. А когда местные советы проводили новые выборы по собственной инициативе, власти разгоняли их силой. Это лишь усугубляло у рабочих чувство крушения всех надежд, поскольку даже советы оказывались неспособными выразить народные чаяния. К началу мая многие рабочие пришли к выводу, что бессмысленно ожидать каких-либо изменений со стороны власти, и что им придется взять инициативу в свои руки.

---

⁷⁵ Г. Аронсон. *НА ПЕРЕЛОМЕ*. Рукопись находится в архиве Б.И. Николаевского в Гуверовском ин-те (DK.265.89/L2A76). В сокращенном виде приводится в кн.: М.С. Бернштам, ред. *НЕЗАВИСИМОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В 1918 ГОДУ*. Париж, 1981 (по экз. рукописи из Чикагского ун-та).

⁷⁶ «Континент», №2, 1975, с.385-419.

8 мая на двух крупнейших петроградских заводах, Путиловском и Обуховском, собрались многолюдные митинги, чтобы обсудить самые горячие вопросы: продовольственный и политический. Перед десятитысячной толпой рабочих Путиловского завода один за другим выступали ораторы, разоблачавшие правительственную политику. Большевиков, попытавшихся защищать Совнарком, встретили враждебно, а предложенные ими резолюции были отклонены. Рабочие настаивали на «безотложном и решительном объединении всех социалистических и демократических сил», на отмене запрета свободной торговли хлебом, новых выборах в Учредительное собрание и Петроградский совет — при тайном голосовании⁷⁷. Такую же резолюцию единогласно приняли и рабочие Обуховского завода⁷⁸.

На следующий день, 9 мая, в Колпине, одном из промышленных городов к югу от Петрограда, произошли события, подлившие масла в огонь рабочего недовольства. Колпино особенно плохо снабжалось, город был переполнен безработными, лишь 300 из 10000 колпинских рабочих оставались на службе. Затянувшаяся нехватка продовольствия побудила нескольких женщин призвать городское население собраться на митинг протеста. От страха большевистский комиссар потерял голову и приказал войскам открыть огонь по безоружной толпе. Расстрел вызвал панику, распространились слухи о большом числе жертв. Впоследствии стало известно, что убит был только один человек и ранено шестеро⁷⁹, — по масштабам того времени явление вполне заурядное. Однако после того, как делегаты из Колпина описали петроградским рабочим, что произошло, очередное проявление большевистской жестокости вызвало взрыв негодования на петроградских предприятиях.

В тот день большинство заводов остановили работу и созвали массовые митинги. Рабочие с Обухова, выслушав рассказ о колпинских событиях, приняли решение, осуждающее правительство, потребовали положить конец «комиссародержавию» и немедленно созвать Учредительное собрание. На митинге Путиловского завода появился хозяин Петрограда Зиновьев (правительство еще в марте переехало в Москву). «Я слышал, — заявил Зиновьев, — будто здесь принимались резолюции, что советская власть ведет неверную политику. Но ведь советскую власть в любой момент можно сменить». — В ответ раздались

⁷⁷ «Наш век», № 91/115, 9 мая 1918, с.3.

⁷⁸ «Наш век», № 92/116, 10 мая 1918, с.3.

⁷⁹ «Наше слово», № 23, 15 мая 1918, с.3.

возгласы негодования, крики «Ложь!». Путиловец Измайлов обвинил большевиков в том, что, выступая от имени русского пролетариата, коммунисты в то же время унижают его в глазах всего цивилизованного мира⁸⁰. В тот же день рабочий митинг на Арсенале 1500 голосами против двух и при 11 воздержавшихся принял резолюцию, требующую немедленного созыва Учредительного собрания⁸¹.

Все это время большевики предусмотрительно оставались в тени, давая событиям развиваться без их вмешательства. Однако они воспользовались случаем, чтобы временно или навсегда закрыть целый ряд газет — пытаясь тем самым помешать распространению по всей стране сведений о возмущении петроградских рабочих. В Москве было запрещено четыре газеты. Кадетский «Наш век», представивший на своих страницах полный отчет об этих событиях, был закрыт с 10 мая по 16 июня.

Поскольку следующий, 5-й съезд советов был назначен на начало июля, большевикам ничего не оставалось, как разрешить перевыборы в городские советы. Происходили они в мае-июне, и результат перевыборов превзошел самые худшие ожидания коммунистов. Если бы они уважали «волю пролетариата», им пришлось бы немедленно отдать и центральную и губернскую власть. В одном городе за другим большевики теряли места в советах, уступая депутатские мандаты меньшевикам и социалистам-революционерам: «Во всех губернских городах Европейской России, где состоялись выборы и результаты их стали известны, — большинство в городских советах получили меньшевики и эсеры»⁸². В Московском совете коммунистам удалось добиться псевдобольшинства лишь с помощью прямого нарушения избирательных законов и откровенного мошенничества. Наблюдатели предсказывали, что и при перевыборах в Петроградский совет коммунисты окажутся в меньшинстве⁸³, а Зиновьев потеряет пост председателя Петросовета, дававший ему право на управление городом. По-видимому, большевики разделяли этот мрачный прогноз, поскольку выборы в Петрограде оттягивались до последнего момента — до конца июня.

Этот оглушительный разгром означал не столько поддержку меньшевиков и эсеров, сколько неприятие страной большевизма.

⁸⁰ «Наш век», № 92/116, 10 мая 1918, с.3.

⁸¹ Там же.

⁸² В.Бровкин в: «Russian Review», January 1983, p.47. См. также: Г.Аронсон. *НА ПЕРЕЛОМЕ*, с.23-24, где автор подтверждает эту оценку.

⁸³ Б.Авилов. — «Новая жизнь», № 96/311, 22 мая 1918, с.1.

Избиратели, хотевшие отстранить от власти правящую партию, по существу, не имели иной альтернативы, как голосовать за другие социалистические партии, ибо только они могли выставить оппозиционных кандидатов. Трудно сказать, за кого проголосовала бы страна — имей она настоящий выбор.

Теперь большевикам представлялась великолепная возможность воспользоваться принципом «отзыва» депутатов, который Ленин еще недавно определял, как «основное, принципиальное положение истинного демократизма», — и вывести своих представителей из советов. Однако коммунисты предпочли фальсифицировать результаты выборов, для того чтобы удержать в советах собственное большинство. Они добились этого с помощью контроля над «мандатными комиссиями», которые беззастенчиво аннулировали неблагоприятные для большевиков результаты, объявляя голосование незаконным и на этом основании распуская новый состав советов. Эта практика окончательно разрушила остатки советской власти, которую новая конституция только что провозгласила высшей управляющей силой страны.

Чтобы отвлечь внимание рабочих от творимого ими беззакония, власти прибегли к испытанному способу разжигания «классовой ненависти» — на этот раз против «сельской буржуазии». 20 мая Совнарком выпустил декрет об образовании «продовольственных отрядов», набранных из вооруженных рабочих, которым следовало отправиться в деревню и отнять зерно у «кулаков» и крестьян, скрывающих хлеб. Своим декретом власти пытались достичь одновременно двух целей: перенести гнев рабочих из-за продовольственных трудностей с правительства на крестьянство, и в то же время расширить свою политическую базу в деревне, по-прежнему находившейся под влиянием эсеров.

Петроградские рабочие отнеслись к новому закону отрицательно. 24 мая собрание уполномоченных подавляющим большинством голосов отвергло декрет о создании продотрядов на том основании, что такая политика лишь «углубит пропасть» между пролетариатом и крестьянством. Некоторые ораторы требовали исключить из рядов рабочего класса всех, кто добровольно запишется в продотряды. В своей резолюции собрание уполномоченных осудило декрет от 20 мая и призвало рабочих не обращать на него внимания⁸⁴.

---

⁸⁴ «Новая жизнь», № 104/319, 31 мая 1918, с. 1.

28 мая волнения, будоражившие петроградские предприятия, выросли до такой степени, что рабочие Путиловского завода потребовали немедленной отмены государственной зерновой монополии. Они выступили также за свободу слова, право на организацию независимых профсоюзов и новые выборы в советы. Такие же митинги протеста прошли в Москве и во многих губернских городах, включая Тулу, Нижний Новгород, Орел и Тверь.

Зиновьев попытался успокоить население города экономическими уступками. По-видимому, ему удалось убедить Москву улучшить продовольственное снабжение Петрограда, и 30 мая он смог объявить, что ежедневная хлебная норма рабочих будет поднята до 250 граммов. Что же касается «буржуазии», то для нее паек будет уменьшен до 30 граммов хлеба. Обращаясь к рабочим, Зиновьев злобно добавил: «Мы предоставим им [«буржуазии»] по 1/16 фунта в день для того, чтобы они не забыли запаха хлеба. Но если нам придется перейти на перемолотую солому, то в первую очередь мы переведем на нее буржуазию»⁸⁵.

Однако эти меры не достигли цели. 1 июня совещание уполномоченных приняло резолюцию, призывающую к общегородской политической стачке:

Заслушав доклад представителей фабрик и заводов Петрограда о настроениях и требованиях рабочих масс, Собрание уполномоченных с удовлетворением устанавливает, что отход рабочих масс от власти, ложно именующей себя рабочей, все усиливается. Собрание уполномоченных приветствует готовность рабочих последовать призыву Собрания уполномоченных к политической стачке. Собрание уполномоченных призывает рабочих Петрограда усиленно готовить рабочую массу к политической стачке против современного режима, который именем рабочего класса расстреливает его, бросает в тюрьмы, душит свободу слова, печати, союзов, стачек, задушил народное представительство. Эта стачка будет иметь своими лозунгами переход власти к Учредительному Собранию, восстановление органов местного самоуправления, борьбу за единство и независимость российской республики ⁸⁶.

Выступление уполномоченных означало как раз то, чего ждали меньшевики: рост рабочего недовольства, выход пролетариата из-под контроля большевистской партии и начало мирных выступлений за возрождение социалистической демократии. В пер-

⁸⁵ «Новая жизнь», № 104/319, 31 мая 1918, с.1.

⁸⁶ «Утро», 3 июня 1918, цитируется в: Г.Аронсон. *НА ПЕРЕЛОМЕ*, с.15-16.

вый момент они не слишком обрадовались движению уполномоченных, поскольку рабочие стремились к независимости от любых политических партий. Но к апрелю, увидев силу нового движения, меньшевистский Центральный комитет решил поддержать его, и 16 мая призвал к созыву Всероссийской конференции рабочих представителей⁸⁷. За меньшевиками последовали и эсеры.

В обратной ситуации — находишься социалисты у власти, а коммунисты в оппозиции, — большевики несомненно принялись бы раздувать пламя рабочего недовольства и сделали бы все возможное, чтобы потопить правительство. Но эсеры и меньшевики, в отличие от своих противников, следовали твердым моральным принципам. Отрицая коммунистическую диктатуру, они при этом все-таки ощущали свою связь с большевиками. Постоянно критикуя политику властей, меньшевистская газета «Новая жизнь» пыталась, тем не менее, убедить своих читателей в необходимости сохранения большевизма. Она открыто сформулировала такую позицию уже через день после большевистского переворота в Петрограде:

Необходимо считаться прежде всего с тем трагическим фактом, что всякая насильственная ликвидация большевистского переворота неизбежно явится вместе с тем ликвидацией всех завоеваний русской революции⁸⁸.

Уже после разгона Учредительного собрания «Новая жизнь» сокрушалась:

Мы не принадлежали и не принадлежим к числу поклонников большевистского режима и всегда предсказывали ему и внешнее и внутреннее банкротство. Но мы не забывали и не забываем ни на минуту, что с большевистским движением тесно связаны судьбы нашей революции. Большевистское движение — это искаженные, выродившиеся революционные стремления широких народных масс...⁸⁹

Эта позиция не только парализовала волю к действию, но и делала меньшевиков невольными соучастниками властей, поскольку вместо поддержки народного недовольства, они помогали коммунистам подавить его⁹⁰.

⁸⁷ Г. Аронсон. *НА ПЕРЕЛОМЕ*, с. 7-8.

⁸⁸ «Новая жизнь», № 164/158, 27 октября 1917, с. 1.

⁸⁹ «Новая жизнь», № 20/234, 27 января 1918, с. 1.

⁹⁰ Справедливости ради следует отметить, что небольшая группа старых меньшевиков, среди которых были основатели русской (см. след. стр.)

Когда 3 июня Совет уполномоченных собрался вновь, меньшевистско-эсеровская интеллигенция выступила против идеи политической стачки на том основании, что она сыграла бы на руку «контрреволюции». Социалисты убеждали рабочих представителей отказаться от призыва к забастовке и вместо этого послать делегацию в Москву для выяснения перспектив создания в столице независимых рабочих организаций, родственных движению уполномоченных.

7 июня делегат из Петрограда выступил на митинге представителей московских фабрик. Он обвинил большевистское правительство в проведении антирабочей контрреволюционной политики. После октябрьского переворота таких выступлений Россия еще не слышала. Наиболее серьезно отнеслось к этим словам ведомство Дзержинского: рабочие волнения в Москве, ставшей теперь столицей государства, представлялись ЧК гораздо более опасными, чем брожение в «колыбели революции». Сразу же после своего выступления петроградский делегат был арестован присутствовавшими на митинге сотрудниками ЧК, однако под давлением рабочих его все же пришлось вскоре освободить. Собрание показало, что московский пролетариат, хотя и относился сочувственно к движению уполномоченных, еще не готов к созданию собственного Совета рабочих представителей⁹¹. Возможно, это было связано с тем, что в Москве и ее окрестностях насчитывалось гораздо меньше квалифицированных рабочих, нежели в Петрограде, да и традиции синдикализма здесь были слабее.

Процесс отхода рабочего класса от советов, начавшийся в Петрограде, развертывался по всей стране. Постепенно втянулась в него и Москва. Во многих городах, где местные советы либо вообще не переизбирались, либо результаты голосования были объявлены незаконными, — создавались «рабочие советы», «рабочие конференции» или «собрания рабочих пред-

---

социал-демократии — Плеханов, Аксельрод, Потресов и Вера Засулич — считали, что большевики не представляют революцию. Так, Аксельрод писал в августе 1918, что большевистский режим выродился в «отвратительную» контрреволюцию. Однако и сам Аксельрод, и его товарищи по женеvской эмиграции, были против активного сопротивления Ленину на том основании, что это может помочь возврату к власти реакционных элементов страны. См. об этом: A. Ascher. *PAVEL AXELROD AND THE DEVELOPMENT OF MENSHEVISM*. Cambridge, Mass., 1972, p.344-346. О позиции Плеханова: Samuel H. Baron. *PLEKHANOV*. Stanford, Cal., 1963, p.352-361. Потресов, и в те дни, и позже критиковавший своих соратников по партии (см. его *В ПЛЕНУ У ИЛЛЮЗИИ*, Париж, 1927), также не считал возможным присоединиться к активной оппозиции режиму.

⁹¹ «Новая жизнь», № 111/326, 8 июня 1918, с.3.

ставителей», свободные от правительственного контроля и от принадлежности к какой-либо политической партии.

Таким образом, большевики оказались перед лицом недовольства, которое неудержимо росло даже в их собственной избирательной среде. Необходимо было предпринять решительные меры. 13 июня они провели массовые аресты в Москве, задержав 56 человек, связанных с движением уполномоченных, при этом лишь шестеро или семеро из задержанных не были рабочими⁹². 16 июня правительство объявило о созыве через две недели Пятого съезда советов и в связи с этим распорядилось еще раз провести выборы во всех местных советах. Поскольку победителями на них несомненно вновь стали бы меньшевики и эсеры, а коммунисты на открывающемся съезде оказались бы в позиции меньшинства, Совнарком, одновременно с декретом о созыве съезда издал еще один декрет. В соответствии с ним меньшевики и социалисты-революционеры были попросту выброшены из всех советов, равно как и из Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета⁹³. На закрытом собрании большевистской фракции ЦИКа, состоявшемся перед принятием этого декрета, Л.С. Сосновский оправдывал подобную меру тем, что меньшевики и эсеры могут «опрокинуть» большевистскую власть точно так же, как большевики свергли некогда Временное правительство⁹⁴. В результате стране теперь предлагалось выбирать лишь между официальными представителями большевиков, левыми эсерами и широкой категорией кандидатов без какой-либо партийной принадлежности, известных как «сочувствующие коммунистам».

Этот закон означал конец независимых политических объединений в России. Монархические партии — октябристы, Союз русского народа, националисты — были распущены еще в продолжение 1917 года и в октябре уже не существовали как самостоятельные организации. Кадеты, поставленные вне закона в ноябре 1917 года, вынуждены были перенести свою деятельность в пограничные области, где они оказывались вне досягаемости ЧК, но зато и не могли влиять на русское население.

⁹² Г.Аронсон. *НА ПЕРЕЛОМЕ*, с.21.

⁹³ *ДЕКРЕТЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ*, т.2, с.430-431; см. также: В.И. Ленин. ПСС, т.37, с.599.

⁹⁴ «Новая жизнь», № 115/330, 16 июня 1918, с.3. По сообщению газ. «Наш век» (№ 96/120, 19 июня 1918, с.3), большевистская фракция ЦИКа отвергла предложение выбросить меньшевиков и эсеров из местных советов, поскольку их присутствие отражало пожелания рабочих. Она согласилась, однако, исключить их из ЦИКа.

В центральных районах они продолжали вести подпольную работу и создали антибольшевистскую коалиционную организацию, называвшуюся Национальный Центр⁹⁵.

Декрет от 16 июня не ставил открыто партии меньшевиков и эсеров вне закона, но делал их абсолютно беспомощными. И хотя, в награду за поддержку в борьбе с белыми, коммунисты впоследствии восстановили обе социалистические партии и даже позволили им вновь занять скромное место в советах, — это был лишь временный и сугубо тактический ход. После 16 июня 1918 года Россия фактически превратилась в однопартийное государство, где любым организациям, кроме большевистской партии, было запрещено заниматься всякой политической деятельностью.

16 июня, в тот самый день, когда коммунисты объявили о созыве Пятого съезда советов — уже без меньшевиков и эсеров — Петроградское Бюро совета рабочих уполномоченных постановило созвать Всероссийскую рабочую конференцию⁹⁶. Она должна была обсудить и найти решение наиболее срочных проблем, стоявших перед страной: продовольственное положение, безработица, развал законодательной системы, упадок рабочих организаций. Постановление совета уполномоченных по существу являлось прямым вызовом правящему режиму, поскольку Всероссийская рабочая конференция фактически стала бы органом, альтернативным пробольшевистскому Съезду советов.

20 июня был застрелен Петроградский комиссар по делам печати, пропаганды и агитации В.Володарский. Разыскивая его убийц, чекисты задержали нескольких рабочих, что вызвало резкие протесты на заводах Петрограда. Тогда большевики ввели войска на территорию Невского рабочего района и объявили военное положение. Таким образом, наиболее беспокойный Обуховский завод оказался отрезанным от города⁹⁷.

В этой незлектризованной атмосфере в конце июня прошли перевыборы в Петроградский совет. Во время избирательной кампании рабочие Путиловского и Обуховского заводов осмелились Зиновьева и даже не дали ему выступить. Одно за другим предприятия города отвергали новый закон, запрещавший двум социалистическим партиям участвовать в советах, и отдавали

---

⁹⁵ W.G. Rosenberg. *LIBERALS IN THE RUSSIAN REVOLUTION*. Princeton, 1974, p.263-300.

⁹⁶ «Новая жизнь», № 115/330, 16 июня 1918, с.3.

⁹⁷ W.G. Rosenberg в: «Slavic Review» (летний выпуск 1985), с.235.

свои голоса меньшевикам и эсерам. На Обуховском рабочие выбрали в Петросовет пятерых эсеров, троих беспартийных и одного большевика. На Семянниковской мануфактуре эсеры получили 64% голосов, меньшевики — 10%, а блок коммунистов и левых эсеров — 26%. Сходными результатами закончились выборы и на других предприятиях⁹⁸.

Однако коммунисты недаром отказывались подчиниться воле избирателей и отвергали «формальную демократию». Они хотели получить большинство в Петросовете, и — они добились его. Для этого они попросту изменили обычный избирательный принцип: один человек — один голос, и предоставляли некоторым большевикам — от двух до пяти голосов⁹⁹.

2 июля были объявлены результаты «выборов». Из 650 новых депутатов Петросовета — 610 мандатов приходилось на большевиков и левых эсеров; 40 мест было оставлено социалистам-революционерам и меньшевикам, которых официальная пресса именовала не иначе как «иудами»¹⁰⁰. В таком виде Петросовет принял решение о роспуске Совета рабочих представителей, а когда делегат последних попытался обратиться к депутатам Петросовета, ему не только не дали говорить, но еще и избili.

В это время Совет уполномоченных собирался почти ежедневно. 26 июня он единогласно проголосовал за однодневную политическую стачку под лозунгами «Долой смертную казнь», «Долой расстрелы и гражданскую войну», «Да здравствует свобода забастовок»¹⁰¹. Стачка была назначена на 2 июля, однако эсеровско-меньшевистская интеллигенция даже на этот раз воспротивилась ее проведению¹⁰².

Коммунистические власти расклеили по всему городу плакаты, в которых именовали организаторов стачки «наймитами белогвардейцев» и угрожали предать всех участников заба-

⁹⁸ «Новая жизнь», № 122/337, 26 июня 1918, с.3.

⁹⁹ В.Строев в газ. «Новая жизнь», № 119/334, 21 июня 1918, с.1. По данным газ. «Новый луч», которые приводятся в «Новой жизни», № 121/336, 23 июня 1918, с.1-2, из 130 депутатов, первоначально «выбранных» в состав Петросовета, 77 были специально подобраны коммунистами: 26 — из красноармейцев, 8 — из продотрядников и 43 — из большевистских функционеров.

¹⁰⁰ «Новая жизнь», № 127/342, 2 июля 1918, с.1. Несколько отличные цифры приводятся в кн. В.И. Ленин. *СОЧИНЕНИЯ*, 2-е изд. М.-Л., 1930, т. XXIII, с.547, где дается следующее распределение мест: общее число депутатов — 582, из них 405 большевиков, 75 левых эсеров, 59 меньшевиков и социалистов-революционеров и 43 «беспартийных».

¹⁰¹ См.: В.Строев в газ. «Новая жизнь», № 127/342, 2 июля 1918, с.1

¹⁰² «Наш век», № 106/130, 2 июля 1918, с.3.

ставки суду революционного трибунала¹⁰³. А пока они на всякий случай расставили пулеметы во всех ключевых местах города.

Газеты, сочувственно относившиеся к движению уполномоченных, описывали колебания рабочей массы. Орган кадетского направления «Наш век» сообщал 22 июня, что рабочие настроены против советов, однако чувствуют себя потерянными. Трудности внутреннего и международного положения, нехватка продовольствия и отсутствие ясного выхода из этой ситуации, — вызывали у рабочих «крайнюю неуравновешенность, какую-то подавленность и даже растерянность».

2 июля прекращение работы на петроградских предприятиях подтвердило это оценку. Первая политическая стачка после падения царизма в России вспыхнула лишь на мгновение — и тут же угасла. Рабочие, обескураженные поведением социалистической интеллигенции, запуганные большевистским террором, неуверенные в своей силе и даже в целях своего движения, — пали духом. Организаторы оценивали участие в стачке в 18-20 тысяч человек, что составляло не более 1/7 общей численности петроградских рабочих. Бастовали Обуховский, завод Максвелла и Паля, однако большинство предприятий, включая Путиловский, так и не присоединилось к забастовке.

Эта неудача окончательно решила судьбу независимых рабочих организаций в России. Вскоре ЧК закрыла Совет уполномоченных и его отделения в других городах страны, а наиболее известные лидеры рабочего движения были брошены в тюрьмы.

Таким образом, одним ударом большевики положили конец независимости советов, праву рабочих на их собственные представительные организации и всему, что еще оставалось в России от многопартийной системы. События, разыгравшиеся в июне и начале июля 1918 года, завершили создание в России однопартийной диктатуры.

---

¹⁰³ «Наш век», № 107/131, 3 июля 1918, с.3 и № 108/132, 4 июля 1918, с.4; «Новая жизнь», № 128/343, 3 июля 1918, с.1.

М. Агурский
У ИСТОКОВ НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИЗМА

Только сейчас Н.В. Устрялов начинает занимать давно полагающееся ему место в русской истории — место, которое он заслужил не только как выдающийся политический мыслитель, но и как человек, оказавший ощутимое воздействие на ход исторического процесса в бурные двадцатые годы¹. Среди активных политических противников большевизма Устрялов одним из первых осознал, что советская общественно-политическая система в том виде, в каком она оформилась в России к началу 1920-х, имеет глубокие национальные корни. Он понял, что система эта, как бы ни была она жестока в отношении собственного народа, имеет достаточно широкую социальную базу внутри страны и на долгие годы будет определять ее судьбу. Наконец, и это для Устрялова было самым главным, — большевики вернули России ее былую государственную мощь, утраченную в 1917-м.

Устрялов торопил исторические события, ошибочно полагая, что уже тогда, в 1920-22 годах, Россия отказалась от коммунистической идеологии, используя ее лишь в качестве внешне-политического инструмента. В действительности этого так и не произошло, и даже сегодня идеологии в Советском Союзе принадлежит огромная роль, причем не только внешне-, но и внутривластная. Тем не менее, Устрялов был достаточно зорек, чтобы уже тогда увидеть, что сама коммунистическая идеология оказывается предметом прагматической манипуляции со стороны всех большевистских лидеров, включая Ленина.

В Советской России не возродился частный рынок, как надеялся Устрялов, не произошло либерализации, которую он предрекал в 1920-х. Более того, самые большие испытания и трагедии России еще только ожидали. Устрялову пришлось, хотя и со стороны, быть свидетелем массового террора во время коллективизации. Через три года после своего возвращения в СССР он и сам был поглощен сталинской репрессивной машиной. И все же как никто другой Устрялов угадал тенденции исторического развития России. Ошибся он лишь во времени.

Его идеи сразу были подхвачены советским политическим руководством, хотя, как это часто случается, официально они были осуждены, а сам Устрялов превратился для коммунистических теоретиков в *bête noire*. С другой стороны, основные мысли Устрялова, хотя и в существенно измененном виде, были взяты на вооружение некоторыми видными деятелями русской эмиграции, которые также не спешили признаваться в своем интеллектуальном долге перед ним².

У автора нет намерения излагать здесь политические взгляды Устрялова, которые достаточно полно разобраны в других работах. Начав как идеолог русского империализма, трагически перенес поражение России в войне 1914-18 гг., Устрялов в своих национал-большевистских построениях был категорически против всякой идеи русской экспансии как на Западе, так и на Востоке. Столь же резко выступал он против самой идеи вооруженной интервенции Запада в России. В отличие от определенной части русской эмиграции, Устрялов осуждал немецкий национал-социализм и всегда оставался противником антисемитизма. Устоял он и перед соблазном ненависти к собственной стране и народу, соблазном, которому поддались многие русские эмигранты. Вместе с тем он никогда не пытался оправдывать преступлений, творившихся тогда в Советской России.

Если политические взгляды Устрялова рассмотрены в научной литературе, то вопрос об истоках его национал-большевизма по сей день остается слабо изученным. Выводить их только из его общефилософских взглядов — представляется теперь автору мало продуктивным. Истоки национал-большевизма следует, по его мнению, искать также и в системе взглядов влиятельного русского политического течения, которое включало в себя так называемых «прогрессистов», являвшихся, по ленинскому выражению, «национал-либералами»³, и у правых кадетов. Но если лидеры русского национал-либерализма ушли в сторону, напуганные размахом исторических событий, то Устрялов,

да и не он один, развил то, что органически вытекало из идеологической и политической позиции этого течения. Возникло оно незадолго до Первой мировой войны, заняв промежуточную позицию между октябристами и кадетами. Во главе его находились представители крупной русской буржуазии — Павел Рябушинский⁴ и Александр Коновалов⁵.

Во внешней политике национал-либералы ориентировались на союз с Англией и Францией и резко враждебно относились к Германии. Они призывали к активной экспансии на Балканах, стремясь к уничтожению как Оттоманской, так и Австро-Венгерской империй. Главным внешнеполитическим их лозунгом было освобождение славян от турецкого и австрийского господства, хотя они и не требовали включения западных славян в состав Российского государства. Систему международных отношений они видели в гармоничном сосуществовании русской, французской и английской империй.

Национал-либералы выдвинули концепцию неославянофильства, или, точнее, неославизма, который отвергал старое славянофильство как панрусизм. Они также стремились включить в свою традицию русский революционный национализм, во всяком случае в той мере, в какой он был направлен против Германии. В частности, они взяли на вооружение имя Герцена. Но, как будет видно из дальнейшего, национал-либералы шли в своих практических действиях гораздо дальше.

С самого начала своей публицистической деятельности Устрялов выступает в рамках именно этого течения, которое в значительной степени и определило его взгляды. Поэтому без знания концепции русских национал-либералов невозможно понять и устряловский национал-большевизм.

Прогрессисты имели два главных органа печати — «Русская молва» в Петербурге и «Утро России» в Москве. Мы коснемся здесь только «Утра России», поскольку именно с этой газетой связана публицистическая деятельность Устрялова в 1917-18 гг. История этого издания детально исследована Хильдой Хардеман⁶. «Утро России» было основано в 1909 году, и его тираж достигал 40 тысяч экземпляров⁷, что по тем временам было очень солидной цифрой. Тем не менее, газета оставалась убыточной, что, однако, не мешало ее публикации, ибо все время своего издания она поддерживалась Рябушинским и Коноваловым, а также другими богатыми русскими предпринимателями.

Об идеологической позиции «Утра России» дает представление программная статья И.Накатова «Славянофильство наших дней»⁸. Под псевдонимом Накатов скрывается И.Василевский-

Не-Буква⁹, впоследствии, и это важно подчеркнуть, ставший одним из видных представителей сменовеховства и вернувшийся из эмиграции в СССР в 1923 г.¹⁰ В статье говорилось:

«Национализм возрожденного славянофильства не зоологичен по своей природе... Славянофильство — вот громкий и неотложный зов дня... Мы славянофилы! Этот лозунг не должен пугать ни русских людей, ни русских друзей».

Интересно, что И. Василевский был евреем, и это весьма характерный симптом, ибо национал-либерализм охотно принимал в свои ряды всех, независимо от национального происхождения. Как мы увидим, видную роль в нем играли и русифицированные армяне.

Академик Ф.Е. Корш¹¹ опубликовал в «Утре России» похвальную рецензию на книгу П.Перцова¹² «Панруссизм или панславизм?» (кстати, П.П. Перцов после революции также вполне интегрировался в советскую культуру). Корш следующим образом характеризует отличительные признаки неославянофильства. По его словам, старые славянофилы по существу были панруситами. «Прочее славянство было в их глазах лишь блудным сыном», — замечает Корш. Но сейчас «ясно, что славянский вопрос не может быть решен в пользу одного государства». Корш говорит, что «осуществление общеславянской культуры может быть только *равнодействующей* всех частных культур и психологий, впадающих в общее русло».

Германия и, в более общем виде, немцы — главный враг неославизма. В международном плане это, в первую очередь, — Австро-Венгрия. По этому поводу Корш утверждает: «Монархия Габсбургов есть самое яркое, самое наглядное проявление вассальных отношений славянства к германцам»¹³.

Хотя в анкете «Утра России» на новый 1912 год профессор А.А. Кизеветтер¹⁴ говорил: «Россия переживала и будет переживать те же самые стадии политического и общественного развития, через которые проходят и все другие страны европейской культуры»¹⁵, — национал-либералы были склонны к более радикальным идеям. В статье к 100-летию А.И. Герцена В.Ермилов¹⁶ выражал открытый восторг по поводу национализма последнего. Автор статьи провозглашал, что Герцен был первым «по беззаветно-уверенной, сердцем прочувствованной, всеми страданиями выношенной вере в Россию, — той вере, которая создала из него пророка, провозвестившего родине нашей грядущую славу. Запомним же ныне пророчество его: Россия является последним народом, полным юношеских стремлений в

жизни, в то время, когда другие чувствуют себя усталыми и отжившими»¹⁷.

Эта идея была усилена графом Ф. Де-ла-Бартом¹⁸, который в упомянутой новогодней анкете по существу воскресил идею Достоевского о «всечеловечестве» русских, чему нетрудно было придать далеко идущую внешнеполитическую интерпретацию: «воспринимая идеи Востока и Запада, Россия перерабатывала их, создавая из старых элементов новые комбинации, примиряла противоречие разнородных культурных наций. Ее роль — служить посредником не только между Востоком и Западом, как думал Соловьев¹⁹, но и между *отдельными народностями Западной Европы*»²⁰.

Московский городской голова Н.Гучков²¹ несомненно высказывал сокровенную идею многих национал-либералов, когда утверждал: «Петербург создан искусственно, и рост и развитие его также искусственны. Будущее всецело принадлежит Москве, а отнюдь не Петербургу»²². Это полностью совпадало и со старым пророчеством Герцена²³.

Национал-либералы резко осуждали антисемитизм и выступали за еврейское равноправие. Ведущий публицист «Утра России» Т.Ардов²⁴ обрушился на Н.А. Бердяева за его концепцию трагической непримиримости еврейства и христианства²⁵. По словам Ардова, это «апокалипсис собственного изобретения» Бердяева. Прогрессисты выступали за широкую интеграцию евреев в русскую жизнь, однако вряд ли видели их в будущей России как автономную, равноправную национальную группу. Они не скрывали своих симпатий к добровольной ассимиляции евреев. Ардов очень высоко отзывался о позиции, занятой В.Таном²⁶ в его полемике с сионистом В.Жаботинским²⁷: «Тан разлился настоящим воплем по России, — писал он. — В вопле этом прозвучало подлинное чувство того настоящего *русского еврея*, кому родны и близки не только страдания Израиля, но и страдания русского, который сам стал настолько же русский, насколько еврей, так что и сам не может решить: что ему ближе и дороже — еврейское или русское, библейские мечты и талмудические надежды и вся стихия еврейского мирозерцания, или вот эта "родина", чужая, порою такая чуждая родина, родина-мачеха, — вот этот русский склад жизни, понятий, культурных дел и политических грез! Не может решить, не хочет решать и вечно ходит с надрывом в душе, носит в себе весь ужас "трагических антиномий", вытекающих из его положения»²⁸. Не следует забывать, что Тан был крещеным евреем, и Ардов это прекрасно знал.

Своей непримиримой и воинственной позицией по вопросу о славянах Оттоманской и Австро-Венгерской империй, по вопросу о проливах, национал-либералы немало внесли в тот политический процесс, что завершился Первой мировой войной со всеми ее последствиями. Они развивали идею Балканской славянской федерации, мысль о которой публично выдвинул уже в 1947 году болгарский коммунистический лидер Г.Димитров и которая, по-видимому, имела определенную поддержку в советском руководстве²⁹.

А.Погодин³⁰ писал во время Первой Балканской войны³¹: «Не будь теперь России, готовой как бы то ни было заступиться за своих братьев — германский мир давно вступился бы в эту войну, и Австрия пошла бы против Сербии, а Румыния не постеснялась бы предъявить требования Болгарии». Он призывал Россию поддержать победу балканских славян над Турцией: «Только тогда Россия может совсем освободиться от немецкой угрозы на Балканском полуострове, только тогда она пройдет в Средиземное море, только тогда и самая Австрия перестанет быть угрозой для России, когда Балканы станут достоянием сильной и свободной славянской федерации»³². Вопрос ставится ребром: «Кто объединит *около себя* славянство, кто привлечет его к себе, кто подготовит будущее единение славян — Вена или Петербург?»³³

В передовой статье «Утра России» (их часто писал сам Рябушинский) говорилось: «Пусть знают в Вене, что на этот раз и официальная, и общественная Россия объединены в единодушном порыве — не дать Австрии вновь восторжествовать над балканским славянством... Слабая, неуверенная в себе, лишенная нравственной поддержки общественного мнения Европы в своем заведомо несправедном деле, Австрия нам не страшна... И если Австрия открыто заговорит о войне, то пусть официальная Россия оглянется на Россию неофициальную и бросит Австрии решительно и гордо: Да будет война! И это будет наиболее верный, единственный путь к сохранению мира»³⁴.

Был ли Рябушинский столь наивен, чтобы не видеть, что Германия никогда не оставит Австрию наедине с Россией в военном столкновении? Так или иначе, но прогрессисты так же, как кадеты и октябристы, делали все возможное, чтобы подтолкнуть русское правительство к войне и подвергали его резкой критике, если видели со стороны властей уступчивость по отношению к Австрии.

В передовой от 3 января 1913 года «Утро России» писало, что Россией вновь перестали интересоваться в Европе, на нее «пренебрежительно махнули рукой... На первом плане стоит сейчас Австрия, вновь обретшая милостью бездарных, безвольных и трусливых противников своих былую гегемонию над европейской политикой... Достойную картину представляет сейчас наша внешняя политика! Недурные горизонты открывает она перед Россией».

Прогрессисты требовали контроля над черноморскими проливами, утверждая, что «переложить черноморский ключ в русский карман может помешать нам одна Австрия. От нее, следовательно, будет зависеть вопрос о войне»³⁵. Германии во внешнеполитических расчетах русских национал-либералов как бы вовсе не существовало.

Со страниц «Утра России» усиливались призывы к уничтожению Австро-Венгерской империи. В июле 1913 года газета писала, имея в виду результат балканских войн: «Последние победы Сербии создали ей огромный престиж в глазах австрийских славян и особенно в глазах тех шести миллионов сербов, которые стонут под немецким и мадьярским игом. Сильная и демократическая Сербия является тем магнитом, который неизбежно притягивает к себе все сербские провинции Австрии. В Австрии отлично понимают грозящую опасность и этим и объясняется особая злобность австрийской политики по отношению к Сербии». Газета призывала «вступить с Сербией в тесный, открытый союз»³⁶.

**

Выше уже говорилось о восторженном отношении национал-либералов к Герцену. Но оно не ограничивалось признанием лишь его революционного национализма. На страницах «Утра России» можно обнаружить признаки явного сочувствия русской социал-демократии. Так, здесь с огорчением говорится о расколе между большевиками и меньшевиками. «Утро России» с сочувствием цитирует социал-демократическую газету «Наша заря»³⁷, где, в частности, говорилось: «Рабочие более широко понимают свои классовые интересы и поэтому не выразили ни малейшего желания идти за партийными вожаками, преследующими не интересы рабочих масс, а свои узкие кружковые сектантские цели»³⁸.

Однако не все, что думали и делали Рябушинский и Коновалов, находило отражение в прессе.

В марте 1914 года Ленин получил необычное письмо³⁹ от левого большевика И.Скворцова-Степанова⁴⁰, который оставался в России. Эзоповым языком тот сообщал Ленину, что примерно в конце 1910 года он вступил в контакт с Коноваловым, который сообщил ему, что круги прогрессистов потеряли все надежды на то, что они называют «органическим» решением русских общественно-политических проблем, т.е. надежду на их мирное, эволюционное разрешение. Поэтому они начинают склоняться к тому, чтобы поддержать «надорганическое решение»⁴¹, т.е., иными словами, революцию, хотя трудно сказать, как именно понимали эту революцию Рябушинский и Коновалов. Так или иначе, Ленин одобрил контакты с прогрессистами, в результате чего Скворцов-Степанов и депутат Думы Г.И. Петровский⁴² отправились к Коновалову за деньгами для планировавшегося большевистского партсъезда⁴³.

**

Теперь можно понять, в рамках какой идеологии и политического мировоззрения складывались взгляды Устрялова. Впервые он выступил с публичным докладом 25 марта 1916 года в Московском Религиозно-философском обществе⁴⁴ на тему «Национальные проблемы у первых славянофилов»⁴⁵. В этом докладе Устрялов предстал идеологом весьма воинственного национализма, в котором чувствуется сильное влияние идей Данилевского⁴⁶. «История нас учит, — заявил Устрялов, — что народы не вечны, что они рождаются, старятся и умирают, подобно отдельным человеческим индивидуальностям». Это полностью взято у Данилевского. Однако Устрялов развивает его мысль дальше, говоря о ненужных нациях: «Иногда происходит одно любопытное явление: тело известной нации на некоторый промежуток времени переживает ее душу. Иначе говоря, возможно эмпирическое существование нации, уже осуществившей свою мировую миссию и тем самым уже утратившей смысл своего бытия. Отсюда с несомненностью следует, что один лишь голый факт пребывания на земле определенной народности отнюдь еще не оправдывает этого пребывания перед лицом истины. Наличие "пустых", "безидейных", "мертвых" народов вполне совместима с учением национального мессианизма»⁴⁷.

Для Устрялова мирное сотрудничество в общем деле — иллюзия, так что необходимо отказаться «от оптимистической веры в своего рода предустановленную гармонию между нациями»⁴⁸. Более того, по его словам, «бывают нации, которые во имя

своего идейного или материального самоопределения вполне последовательно требуют уничтожения некоторых других наций... История требует жертв и, быть может, погибающие народы своею гибелью приносят на алтарь человечества более ценностей, чем им удалось бы принести продолжением своей жизни». Здесь Устрялов уточняет, что конкретно он имеет в виду, говоря: «Запад должен переродиться или погибнуть»⁴⁹. Впрочем, как бы предчувствуя, что будущее может поставить Россию перед новыми испытаниями, он заявляет: «Жизненные испытания не подрывают веры в мировое призвание родины, но изменяют взгляд на формы его конкретного воплощения»⁵⁰.

Этот доклад был опубликован в октябре 1916 года, что, по-видимому, оказалось причиной для приглашения Устрялову выступить на страницах журнала «Проблемы Великой России»⁵¹, финансирувавшегося теми же прогрессистами. Здесь он публикует статью «К вопросу о русском империализме», настолько вызывающую, что редакция сочла необходимым уведомить читателей, что не полностью разделяет взгляды автора.

«Нам нужна Великая Россия», — заявляет Устрялов, — а вера в нее есть прежде всего вера в русское государство, которое, однако, не должно носить чисто племенного характера⁵². Государство для Устрялова превыше всего. «Государства те же организмы, одаренные душою и телом, духовными и физическими качествами»⁵³. Государство, а не народ — высший организм на земле. «Оно объемлет собою все, что есть в человечестве ценного, все достояние культуры, накопленное веками творчества». «Каждый государственный организм, — продолжает Устрялов, — призван таким образом по-своему оплодотворить собою историческую жизнь человечества, сказать миру свое особое слово»⁵⁴. Великая культура может принадлежать только могущественному национально-государственному целому.

Отсюда следует вывод: «Международная политика Великой России должна быть великодержавной политикой, политикой империализма»⁵⁵. Все живое должно рождаться в муках, так что «война — это суд над народами». Война опровергает сложившийся миропорядок. Лучшие люди России, говорит Устрялов, звали в Константинополь. При этом он ссылается на Достоевского и Тютчева⁵⁶.

Уже эта статья обнаруживает, что Устрялов не отвергает социализм, как одно из внешнеполитических орудий русского империализма. Он положительно отзывался об известном открытом письме Герцена Мишле (1851 г.)⁵⁷, где высказывается

взгляд на социализм, как на порядок, который должен быть принесен в Европу славянами⁵⁸.

Статья вызвала критические отзывы, где, в частности, говорилось, что нельзя ставить государство выше права, как это делает Устрялов⁵⁹. В одном из ответов утверждалось также, что у России нет надобности к расширению, что она не стремится к нему, а русский народ — это народ мирный⁶⁰.

Вскоре Устрялов публикует новую статью — «К вопросу о сущности национализма», где, следуя Д.Муретову⁶¹, трактует национализм как эрос в политике⁶². Патриотизм для него заведомо иррационален. Есть просто факт — любовь к родине, но нет ясного ответа на вопрос, — утверждает Устрялов, — почему мы жаждем победы России и поражения Германии, так что «вопрос о правой и виновной стороне становится комически неуместным». «Родина — есть эстетическая категория... Факт любви к отечеству, необъяснимый с точки зрения этики, может быть умозрительно выведен при помощи категорий эстетического познания»⁶³. Этика может применяться по отношению к национальному эросу, но она из него не вытекает.

Хотя Устрялов начинает выступать в прогрессистской прессе, он формально принадлежит к партии кадетов. Стоит отметить при этом, что грань, отделявшая правых кадетов от прогрессистов, была очень зыбкой. Известно, например, что сам Коновалов в августе 1917 г. примкнул формально к кадетам⁶⁴.

После Февральской революции Устрялов оказывается во главе калужской организации партии кадетов. В бурные дни 1917 года он начинает публиковаться в «Утре России» и вскоре становится одним из ее ведущих публицистов, иногда печатаясь под своим именем, но чаще используя псевдоним «П. Сурмин»⁶⁵.

Большевики оказываются в центре его внимания уже в августе 1917 года. «Над большевиками, — пишет он, — еще так недавно "униженными и оскорбленными", как будто восходит звезда исторического успеха». Для Устрялова — большевики не иностранные агенты и не бандиты, а идеалисты, которых воодушевляет «вера в земной рай, неизбежный и близкий». Они, по его словам, «ужасно хотят поторопить историю». Их взгляды — это лубок, их нельзя убедить доводами разума⁶⁶.

В сентябре он продолжает говорить о большевиках как о растущей силе, причем об «истинно русской силе»⁶⁷. «И замашки-то все старые, — пишет Устрялов, — привычные, истинно-русские. Разве вот только вывеска другая: прежде — "православие, самодержавие", ну, а теперь — "пролетарии всех стран".

А сущность все та же: заставить, арестовать, сослать, казнить». «Большевики, — продолжает Устрялов, — и прочие "углубители революции" — родные братья царя Николая, как бы они к нему ни относились. Их ненависть к нему есть жгучая ненависть соперников, борющихся равными средствами и обладающих одинаковым кругозором». «Мы явно идем к якобинству», — предупреждает он⁶⁸.

Как видно из этих слов, фундамент будущего национал-большевизма был заложен у Устрялова еще до большевистской революции в признании русского народного характера большевизма. Впоследствии этот мотив лишь усилится.

Но какова бы ни была его тревога о происходящем, он твердо верит в будущее Великой России. Да, «среди тьмы мелькает лишь огненно-красный плащ большевиков», но если и победят якобинцы, — предсказывает Устрялов, — «если мы все же пройдем через трагедию войны социальной, все равно не погибнет страна, не станет Великая свободная Россия малой Великороссией»⁶⁹. Да, в нижнем слое русского народа еще всего лишь XVI век, да, «история сулит нам, как библейскому Египту, семь тощих годов», но «все-таки не надо спускать флаги... и услышат народы голос русской нации. Юный народ может пережить даже смертельную болезнь»⁷⁰.

Иногда Устрялова обуревают сомнения, но он всегда находит в себе силы побороть их.

4 октября он пишет: «Победит вера в Россию, сбудутся чаяния, оправдаются надежды на ее величие! — так говорит один голос, а другой тревожно шепчет: читайте "Величие и падение Рима"⁷¹, — книга интересная и злободневная! Но читать не стану: "Верую в Русь, Господи, помоги моему неверию!"»⁷².

Худшее все же наступает. Через три недели большевики приходят к власти. Но, читая устряловские статьи, с растущим удивлением отмечаешь, что его критика большевизма сводится, по существу, к одному лишь центральному обвинению, а именно к тому, что они ослабили русскую государственную мощь и обрекают русское государство на распад и уничтожение. Все элементы его будущего национал-большевизма уже налицо. Большевистская революция — это чисто русское явление, большевики — это русская стихия, но преодолеть все это может только сам русский народ. Иностранное иго хуже большевиков.

16 ноября он говорит о призрачной мощи большевиков. По его словам, большевистская революция «не политическая, не буржуазная и не социалистическая». Это — революция «биологическая», следствие голода. Здесь также отчетливо виден важ-

ный элемент будущего национал-большевизма: с первых дней большевистской революции Устрялов упорно отказывается замечать в ней коммунистическую идеологию.

«Мы в девятом круге», — пишет он 7 декабря. «Большевики подобны плесени, неизбежно появляющейся на гнилом дереве», а «интернационализм — ядовитый грибок национально-государственного организма» (23 декабря). С возмущением приводит Устрялов слова видного большевика М.Покровского⁷³ о России: «Пусть она рассыпется, разделится, станет Великобританией, — это будет желанный и для народных масс выгодный конец ее» (24 декабря).

Но Устрялов упрямо продолжает верить в будущее не Великобритании, а *Великой России*.

7 декабря: «Россия переживет революцию, но революция не переживет Россию».

23 декабря: «Патриотизм не разменяется на маленькие сепаратные национализмы, а станет общерусским государственным лозунгом. Патриотизм спасет Россию».

24 декабря: «Россия теперь рождается, как коллектив, как национальное целое... России, как всенародного дома, еще не было... Да, Россия рождается, повторяю, как всенародное целое. Через отрицание ее мы придем лишь к ее настойчивому утверждению. Нас ждет еще великий праздник, торжественные и ясные исторические дни».

Здесь начинает работать могущественная гегелевская диалектика, столь ярко проявившаяся всего через два-три года, когда Устрялов решил, что праздник этот уже настал. Торжество интернационализма в России лишь иллюзорно. «Надо не только вернуться в Россию, надо ее и создать, как феникс — она должна возникнуть из пепла — теперь или никогда... Народ, распятый историей, еще не погибший народ... Не Лениным и Троцким, но Пушкиным, Скрябиным, Толстым, Достоевским, Тютчевым и Мусоргским измеряется Россия»⁷⁴.

В тот же день — в канун Рождества 1917 года — Устрялов публикует статью, которая наиболее ярко предвосхищает его будущий национал-большевизм⁷⁵.

Переживаемые события, говорит он, «органически связаны со всей историей нашего освободительного движения. Они подлинны, они национальны. Они — плоть от плоти нашей, кровь от крови. Вся русская интеллигенция и весь русский народ непосредственно ответственны за текущую революцию. В том, что ныне происходит, нет ни грана случайности. Это не *finis Russia*...

Пусть даже нет сейчас Великой России — она возродится, она воскреснет. Болезнь бесспорно глубока, но все же это — болезнь великого организма... При всем своем ужасе... все-таки величайшее явление мировой истории».

Впервые Устрялов говорит о «современном славянофильстве большевиков», идущем от Герцена. «Время славянского мира настало». «Другой акцент (не на России, а на социализме), другая "рамка", но элементы той же концепции, тот же дух утопии и та же вера в себя. Россия первая дает миру социализм... Пусть это бред, но это старый и подлинный русский бред, в котором Герцен встречается с Хомяковым и народничество с марксизмом... А теперь из подполья, из французских книг Бакунина, от лондонского станка и парижских кофеен, бред этот перенесся к Зимним Дворцам и кремлевским стенам».

Устрялов даже цитирует ткачевский «Набат»⁷⁶: «Только мы, революционное меньшинство, можем это сделать, и мы должны это сделать как можно скорее». Именно здесь, как отмечает Устрялов, краеугольный камень большевизма.

«Мы имеем перед собою настоящую подлинную русскую революцию... Реализуется известный комплекс идей, пусть ошибочных, пусть ложных, пусть диких, но все же издавна присутствующих нашему национальному самосознанию... Летний период русской революции — эра господства меньшевиков и эсеров — меньше нам дал, чем дадут нынешние дни. Поистине, то был какой-то слякотный период, выявление русской аморфности, пассивности, женственности... Теперь мы обрели, наконец, начало активное».

Устрялов признает, что Ленин, Троцкий и Крыленко — подлинные русские интеллигенты!

Уже теперь чувствуется будущее увлечение Устрялова большевиками. Он еще не готов признать это. Пока что программа их — это бред, но «бред больной Родины, больной России».

Однако уже сейчас предсказывает он, что «революция породит расцвет национального творчества... Родится новая национальная культура, накаленная революционным пламенем... *Великая Россия умерла. Да здравствует Великая Россия!*»

После начала Брест-Литовских переговоров⁷⁷ нападки Устрялова на большевиков усиливаются.

«Русская революция, — с ожесточением пишет он, — покорно склоняется перед волею Великой Германии». Он говорит уже о

«великом преступлении большевиков-временщиков»⁷⁸. Как только, однако, выяснилось, что большевистская делегация во главе с Троцким отказывается принять грабительские немецкие условия, Устрялов не без гордости заявляет: «Большевики вдруг оказываются патриотами... В крестных муках добывает Россия право на новую жизнь»⁷⁹.

Теперь он говорит о непримиримости большевиков и Германии, о непримиримости политики Троцкого и Кюльмана⁸⁰. Более того, для Устрялова именно политика Троцкого — «наилучший выход из того положения», в которое попали большевики. «При настоящем же исходе переговоров чистота большевистской догмы остается как бы в полной неприкосновенности»⁸¹.

Когда началось немецкое наступление, Устрялов всячески призывал к сопротивлению. Иначе, по его словам, возникнет новая «двуединая монархия: Гермаño-Россия», а «власть Германии страшнее всякой советской власти»⁸².

По словам Устрялова, «можно ненавидеть красный флаг, но нельзя изменять национальному знамени». Задача же Германии — разрушить Россию⁸³.

Негодованию Устрялова не было границ, когда большевики все же подписали Брестский мир. Позиция Троцкого была правильной, — считает он, — большевики предали собственную идеологию. «Мир с Германией — моральное самоубийство русской революции»⁸⁴. Но и здесь он не переходит определенной грани. Устрялов не радуется поражению большевиков: «Крушение их дела — не наша победа, не свободу, не успокоение и счастье несет оно России», — пишет он. Устрялов приветствовал бы гибель большевиков, но только от русской руки⁸⁵.

Тем не менее, после первого шока, вызванного Брестским миром, нотка устряловского оптимизма вновь возникает в его статьях. «Мы, русские — нация великих подъемов и великих падений! Ритмическое их чередование — вот наш исторический путь!.. Творчество свободной России отныне только начинается: пусть кует цепи германский Зигфрид, — волей русского народа эти оковы спадут!» — пишет Устрялов⁸⁶.

Начинает он обсуждать и социальные вопросы. Здесь Устрялов признает, что угнетаемые классы становятся господствующими, но полагает, что творческие силы пролетариата «оказались убогими до ничтожества». Таким образом, твердой почвы для диктатуры пролетариата, по его мнению, нет. Но и буржуазия, считает Устрялов, не справилась с задачами, которые перед нею стояли⁸⁷.

В мае Устрялов выступает с критикой Ленина, утверждавшего, что только рабочий класс должен восстанавливать Россию. По мнению Устрялова, «республика — это общее дело», так что не одним рабочим «восстанавливать и развивать великое дело...». Он призывает к сотрудничеству всех классов, «а не к диктатуре пролетариата»⁸⁸. Здесь отчетливо видно, как Устрялов начинает примиряться с новой реальностью, хотя, разумеется, еще не принимает ее полностью. Сквозь полемику с большевиками опять проглядывает его будущий национал-большевизм. В конце мая он уже говорит о социализме, как о религии будущего в духе богостроительства Горького и Луначарского. Он размышляет о церкви социализма в России, которая «требует от верующего подвига, жертвы». «Быть может, — спрашивает Устрялов, — социализм — новая религия. Тогда все жертвы окажутся оправданными. Голодающая и нищая Россия не будет лишь историческим "удобрением", нужным для того, чтобы на полях всего мира взошли красные цветы социализма». И тут же, противореча себе, он приходит к выводу, что «социализм» — не является благой вестью для России⁸⁹.

Амбивалентность в отношении к большевизму проявляется у Устрялова и в его положительной оценке «Двенадцати» Блока, уже в марте 1918 г. Напомним, что впоследствии это произведение стало для него моделью правильного отношения к революции. Более того, Устрялов предвещает эпоху большого русского искусства. «Кризис мировой жизни, кризис России — не может не повлиять на кризис в литературе. Мы накануне большого искусства»⁹⁰.

**

Теперь нам остается подчеркнуть, что все статьи Устрялова, о которых говорилось выше, публиковались в «Утре России», — газете, закрытой большевиками после 30 марта 1918 года, но которая, спустя некоторое время, была возобновлена под названием «Заря России» и выходила до июля 1918 года, оставаясь одной из последних легальных буржуазных газет, публиковавшихся в Москве после большевистской революции.

Рябушинский покинул Москву в начале 1918 года⁹¹. Коновалов оставался там позже Рябушинского. Несомненно, что газета могла выходить лишь на их средства, ибо и в лучшие годы ее приходилось постоянно субсидировать.

Политические и идейные позиции «Утра России» несколько не изменились ни по сравнению с летом 1917 года, ни по срав-

нению с первыми месяцами большевистской революции. Это были позиции, которые всегда одобряли Рябушинский и Коновалов. Таким образом, самый факт того, что Устрялов в последнее время существования газеты был, по сути, ведущим ее публицистом, говорит о том, что он выражал мысли, близкие ее издателям.

Так это и воспринималось в то время. Например, известный анархист Махайский⁹² в одной из своих статей начала 1918 года прямо приписывает самому Рябушинскому рождественскую статью Устрялова. По его словам, именно Рябушинский заявил в «Утре России», что «большевизм опасная болезнь, которую, однако, надо терпеливо изжить, ибо он несет их возлюбленному грабительскому отечеству спасительное перерождение и могущество»⁹³.

Необходимо отметить, что Устрялов вместе со своими будущими соратниками по национал-большевизму — Ключниковым⁹⁴ и Потехиным⁹⁵ — издавал также журнал «Накануне»⁹⁶. Выходил он в период после запрета «Утра России» до того момента, как была разрешена «Заря России», точка зрения журнала ничем не отличалась от обеих газет и сотрудничали в нем одни и те же авторы. С большой долей уверенности можно полагать, что и этот журнал финансировался прогрессистами или правыми кадетами. В первом его номере Устрялов публикует важную статью «Судьба Петербурга», в которой, с одной стороны, мечтает о национальном возрождении России, а с другой — не отрывает ее от Европы.

В противоположность, например, Н.Гучкову (см. выше), Устрялов утверждает, что «Великая Россия самоопределилась именно в Петербурге. Тяга на Запад связана с исконными традициями русской истории... Петербург — подлинно русский город... Через Петербург превратилась Русь в Великую Россию... Если суждено опять возродиться России, она прежде всего должна принять правду петербургского периода своей истории... Не бояться великодержавия должна она, а смело став под его знамя, итти в мир как великое и единое государство, как нация, многоплеменная по своему составу, по целостности, по своим державным устремлениям и по своему культурному облику»⁹⁷.

Эта статья Устрялова явно произвела впечатление на известного ученого-ботаника К.Тимирязева, который вскоре опубликовал в горьковской «Новой жизни»⁹⁸ статью «Петербург и Москва». «Я патриот, — писал Тимирязев, — горячо, инстинктивно и сознательно люблю свою родину. Но моя родина — Петербург... Я патриот петербургский... Исход в Москву из Пе-

тербурга, — говорит далее Тимирязев, — конечно, вызван не отрицанием его роли. Этот исход нельзя считать чем-то вроде попятного движения "назад домой"»⁹⁹.

В настоящем положении России Устрялов не видит никакого тупика. Есть лишь определенный момент исторического процесса. И здесь снова явственно становление того, что спустя два-три года станет краеугольным камнем национал-большевизма. «Неслышную, но верною поступью, — говорит Устрялов, — приближается национальный ренессанс. Худший момент, вероятно, уже пройден, уже позади. И лишь грозовые тучи с Запада, действительно, зловещей тенью ложатся на русской земле... Революционный кризис вызовет в народном организме небывалый подъем». Уже тогда он говорит об «обанкротившейся, выродившейся, умершей революции»¹⁰⁰. Он осуждает культурный нигилизм и упоение стихией разрушения. В крайне резкой рецензии на брошюру М.О.Гершензона «Тройственный образ совершенства» он характеризует ее как «озлобленный памфлет против культуры, ... безграничный, необузданный нигилизм, причудливо смешанный с каким-то наивным преклонением перед блаженной простотой первобытности и святостью девственной природы»¹⁰¹.

**

Итак, из всего, что утверждал Устрялов в 1916-1918 годах, отчетливо видно, что его «уравнение» содержало лишь одну переменную, от которой зависело его принятие большевизма. Это — оценка государственной мощи большевистской России. Вначале, как и большинство противников большевизма, он был убежден в том, что коммунисты ведут страну к национальной катастрофе. Прошло два с половиной года, и Устрялову пришлось убедиться, что большевики в государственном отношении вовсе не так слабы, как сначала казалось. При этом «уравнение» решалось однозначно в пользу большевизма. Но это было не только уравнение Устрялова. Это было уравнение Рябушинского, Коновалова и многих других представителей русского национал-либерализма. Стоит отметить что большая часть авторского коллектива «Утра России» не только осталась в стране Советов, но впоследствии в значительной своей части вошла в армию советских идеологов, и даже пережила Сталина. Достаточно привести имена Е.Коровина¹⁰², С.Котляревского¹⁰³, В.Устинова¹⁰⁴, В.Муравьева¹⁰⁵, С.Чалхушьяна¹⁰⁶, С.Кечекьяна¹⁰⁷, Р.Виппера¹⁰⁸. Кечекьян, например, ставший впоследствии одним

из столпов советской теории государства и права, писал в мае 1918 года о сходстве Ленина и Бакунина, называя большевиков «якобинцами русской социал-демократии». Он противопоставлял марксизм большевизму. По его словам, общие черты Ленина и Бакунина — это партийный централизм, в рамках которого действует небольшая кучка преданных революционеров. Для того и другого революция носит внезапный, катастрофический характер, в то время как марксизм демократичен и верит в силы народа¹⁰⁹.

Нет никакой случайности в том, что русские национал-либералы, которые лучше других понимали национальные корни большевизма и тенденции его развития, быстрее всех среди противников Октябрьской революции признали советскую систему и не только выжили в ней, но и в значительной мере способствовали ее формированию. В этом смысле можно сказать, что гибель самого Устрялова — исторически достаточно случайна. Она больше связана с его пребыванием в эмиграции и его старым ярлыком «противника» советской власти. Однако наследие национал-большевизма пережило и Устрялова, и его идеологических прародителей — русских национал-либералов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Устрялов Николай Васильевич (1890-1938) — основатель идеологии национал-большевизма. Приват-доцент Московского ун-та. В 1918-1920 видный деятель правительства адм. Колчака. С 1920 — в Харбине. В 1935 вернулся в СССР, был профессором Московского ун-та. Погиб во время чисток. См. о нем: М.Агурский. *ИДЕОЛОГИЯ НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИЗМА*. YMCA-Press, Париж, 1980; M.Agursky. *THE THIRD ROME. NATIONAL BOLSHEVISM IN THE USSR*. Westview Press, Boulder, 1987; D.Hammer. *RUSSIAN NATIONALISM AND SOVIET POLITICS*. Westview Press, Boulder, 1987.

² К ним следует в первую очередь отнести движение младороссов, а также Н.А. Бердяева, П.Н. Милюкова и в некоторой степени генерала А.И. Деникина. Уже во второй половине двадцатых годов Милюков исходил из той точки зрения, что внешнеполитические интересы России, как национального государства, и Советской России полностью совпадают. Он резко осуждал те круги эмиграции, которые возлагали свои надежды на распад Советского Союза и на интервенцию, также осуж-

дая советский режим того времени. Близка к нему была и точка зрения Деникина, отвергавшего взгляды тех кругов русской эмиграции, которые симпатизировали нацистской Германии и Японии. Дело свержения советской власти, по его словам, могло быть только делом самих русских. См., например: Н.Бердяев. *ИСТОКИ И СМЫСЛ РУССКОГО КОММУНИЗМА*. YMCA-Press, Париж, 1955; P.Milioukov. *LA POLITIQUE EXTERIEURE DES SOVIETS*, Paris, 1936; А.Деникин. *МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, РОССИЯ И ЭМИГРАЦИЯ*. Париж, 1934; А.Деникин. *МИРОВЫЕ СОБЫТИЯ И РУССКИЙ ВОПРОС*. Париж, 1939.

³ В.И. Ленин. Полное собрание сочинений, Изд. 5, т.22, с.244-246.

⁴ Рябушинский Павел Павлович (1871-1924), крупный фабрикант и банкир. Эмигрировал в 1918. В эмиграции занимал умеренную позицию в отношении к СССР.

⁵ Коновалов Александр Иванович (1875-1948), крупный фабрикант, депутат IV Государственной Думы от Костромской губернии. В 1915-16 зам. председателя Центрального всенно-промышленного комитета. В 1917 — министр торговли и промышленности в первых двух составах Временного правительства и заместитель председателя совета министров в его последнем составе.

⁶ Hardeman Hilde. *A «BOURGEOUS» NEWSPAPER IN THE RUSSIAN REVOLUTION. «UTRO ROSSII», MOSCOW, 1917-1918*. Stanford University, June 1986. [Рукопись]. Обширная информация содержится также в кн.: R.Pipes. *STRUVE, LIBERAL ON THE RIGHT*. Harvard University Press, 1980.

⁷ Hardeman Hilde, *op. cit.*, p.7.

⁸ «Утро России», 4 апреля 1913.

⁹ Василевский-Не-Буква Илья Маркович (1882-1938), известный журналист, после большевистской революции эмигрировал, но в 1922 примкнул к сменовеховству и в 1923 возвратился в СССР. Продолжал журналистскую деятельность и в СССР, выпустил ряд книг. По-видимому, погиб во время чисток.

¹⁰ См. об этом: M.Agursky. *THE THIRD ROME*.

¹¹ Корш Федор Евгеньевич (1843-1915) — филолог, преподавал классическую филологию в Московском и Новороссийском ун-тах, а затем персидскую филологию в Лазаревском ин-те восточных языков. В лингвистике занимался типологией языков.

¹² Перцов Петр Петрович (1868-1947), публицист, литературный критик. Один из зачинателей символизма. Редактор-издатель религиозно-философского журнала «Новый путь» (1903-1904), участник религиозно-философских собраний в Петербурге (1901-1903). Продолжал публиковаться и в советское время.

¹³ «Утро России», 20 июля 1913.

¹⁴ Кизеветтер Александр Александрович (1866-1933), историк и публицист, ученик Ключевского, профессор Московского ун-та до 1911. Видный деятель партии кадетов, член II Государственной Думы от Москвы. Умер в эмиграции.

¹⁵ «Утро России», 1 января 1912.

¹⁶ Ермилов Владимир Евграфович (1861-1918), журналист и педагог, автор книг о Белинском, Новикове, Щепкине, Некрасове, Ушинском и др.

¹⁷ *БЛАГОВЕСТ РУССКОГО «КОЛОКОЛА»*. — «Утро России», 25 марта 1912.

¹⁸ Де-ла-Барт Фердинанд Георгиевич (1870-1915), приват-доцент Московского ун-та, историк литературы. Родился во Франции. Автор многих работ по французской литературе.

¹⁹ Речь идет об известном историке С.М. Соловьеве.

²⁰ «Утро России», 1 января 1912. Курсив наш.

²¹ Гучков Николай Иванович, московский городской голова в 1905-1913.

²² «Утро России», 1 января 1912.

²³ См.: А.И. Герцен. *О РАЗВИТИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИДЕЙ В РОССИИ*. — Собр. соч., т.7, М., 1956, с.253.

²⁴ Псевдоним Тардова Владимира Геннадиевича (1879 - ?).

²⁵ Речь идет о статье Н.А. Бердяева *НАЦИОНАЛИЗМ И АНТИСЕМИТИЗМ*. — «Русская мысль», 1912, №2.

²⁶ Тан-Богораз Владимир Германович (1865-1936), известный писатель, публицист и этнограф. В молодости крестился, примкнул к революционному движению, был сослан. После освобождения стал одним из основателей партии народных социалистов. Активный идеолог раннего национал-большевизма. В последние годы жизни директор антирелигиозного музея в Ленинграде.

²⁷ Жаботинский Владимир (Зеев) (1880-1940), известный журналист и писатель. Один из лидеров сионистского движения, глава его так называемого «ревизионистского» крыла.

²⁸ «Утро России», 24 апреля 1912.

²⁹ Идея Балканской федерации, публично высказанная Димитровым, была 28 января 1948 официально осуждена в «Правде». См., например: P.Semerjiev. *DIMITROV AND THE COMINTERN: MYTH AND REALITY*. Research Paper n.7, «Soviet Institution Series». The Soviet and East European Research Center, The Hebrew University of Jerusalem, 1976.

³⁰ Погодин Александр Львович (1872 - ?), славяновед.

³¹ Первая Балканская война началась 9 октября 1912, когда Черногория, а затем Болгария, Греция и Сербия напали на Турцию. Война закончилась поражением Турции.

³² «Утро России», 1 ноября 1912.

³³ Там же, 25 октября 1912.

³⁴ *ДА БУДЕТ!* — «Утро России», 8 ноября 1912.

³⁵ *ЧЕРНОМОРСКИЙ КЛЮЧ*. — «Утро России», 9 января 1913.

³⁶ Е.Л. Мартынов. *РОССИЯ И СЕРБИЯ*. — «Утро России», 17 июля 1913.

³⁷ «Наша заря» — легальный журнал меньшевиков, Пб, 1910-1914.

³⁸ *ЗА КУЛИСАМИ КРУЖКОВЩИНЫ*. — «Утро России», 4 января 1913. Приведенная цитата взята из статьи Леонтьева (псевдоним Хейсина Минея Леонтьевича, 1871-1924).

³⁹ См.: «Исторический архив», 1959, №2, с.14.

⁴⁰ Скворцов-Степанов Иван Иванович (1870-1928), известный большевистский деятель, до революции примыкал к группе «Вперед» и был близок к А.Богданову. В последние годы жизни редактор «Известий».

⁴¹ «Исторический архив», 1959, №2, с.14.

⁴² Петровский Григорий Иванович (1878-1958), большевистский деятель. Депутат IV Государственной Думы от Екатеринославской губернии. В ноябре 1914 арестован вместе с другими большевиками-депутатами

Думы и сослан. После Октябрьской революции видный гос.-парт. деятель, нарком внутренних дел РСФСР в 1918-19; председатель Всеукраинского ЦИКа в 1919-38; в 1926-39 кандидат в члены Политбюро ЦК. С 1940 зам. директора музея Революции.

⁴³ «Исторический архив», 1959, №2, с.14.

⁴⁴ Московское религиозно-философское общество им. Владимира Соловьева было создано в 1906. В нем принимали участие В.Эрн, В.Свенцицкий, П.Флоренский, Г.Рачинский, Д.Муретов, Н.Фиолетов и др.

⁴⁵ Опубликован в «Русской мысли», 1916, №10.

⁴⁶ Данилевский Николай Яковлевич (1822-1885), известный русский философ и биолог, автор книги *РОССИЯ И ЕВРОПА*, в которой развивал теорию культурно-исторических типов человечества, имеющих жизненные циклы, как индивидуальные организмы.

⁴⁷ «Русская мысль», 1916, №10, с.8.

⁴⁸ Там же, с.9.

⁴⁹ Там же, с.10, 16.

⁵⁰ Там же, с.19.

⁵¹ Журнал «Проблемы Великой России» издавался Д.Маковским. Его редакторами были А.Л. Байков и И.М. Гольдштейн. В 1916 вышло 18 номеров журнала.

⁵² «Проблемы Великой России», №15, 1916, 15/28 октября, с.1.

⁵³ Там же, с.2.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же, с.3.

⁵⁶ См., например: Ф.М. Достоевский. *ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ ЗА 1877 год*. — Собр. соч., т.11, СПб, 1895, с.73; Ф.Тютчев. *РУССКАЯ ГЕОГРАФИЯ; РАССВЕТ* и т.д. — в сб.: Ф.Тютчев. *ЛИРИКА*. М., «Наука», 1966, с.118-120.

⁵⁷ А.И. Герцен. Полное собрание сочинений, т.7, М., 1956, с.307-339.

⁵⁸ См. об этом: М.Агурский. *THE THIRD ROME*.

⁵⁹ А.Ладыженский. *ИДЕЯ ВЕЛИКОЙ РОССИИ И АГРЕССИВНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ*. — «Проблемы Великой России», 1916, №16, с.2-3.

⁶⁰ В.Л. *НУЖЕН ЛИ РОССИИ ИМПЕРИАЛИЗМ?* — «Проблемы Великой России», 1916, №17.

⁶¹ В данном случае речь идет о его статье *ЭТЮДЫ О НАЦИОНАЛИЗМЕ*. — «Русская мысль», 1916, №1.

⁶² «Проблемы Великой России», №18, 10/23 декабря 1916.

⁶³ Там же, 1916, №18, с.10-12.

⁶⁴ Hardeman Hilde, *op. cit.*

⁶⁵ См. об этом: *УСТРЯЛОВ Н.В.* — Большая Советская Энциклопедия, изд. 3, т.27, 1977, с.133.

⁶⁶ П.Сурмин. *МАНИФЕСТ БОЛЬШЕВИКОВ*. — «Утро России», 20 августа 1917.

⁶⁷ П.Сурмин. *СИЛА И СЛАБОСТЬ РЕВОЛЮЦИИ*. — «Утро России», 3 сентября 1917.

⁶⁸ Н.Устрялов. *НАРОД И ВЛАСТЬ*. — «Утро России», 9 сентября 1917.

⁶⁹ П.Сурмин. *СУМЕРКИ РОССИИ*. — «Утро России», 14 сентября 1917.

⁷⁰ П.Сурмин. *В ТУМАНЕ БУДУЩЕГО*. — «Утро России», 24 сентября 1917.

⁷¹ Речь идет о кн. итальянского историка Гильельмо Ферреро (Ferrero) *ВЕЛИЧИЕ И ПАДЕНИЕ РИМА*, т.1-4, М., 1915-1923.

⁷² П.Сурмин. *НЕВИДЯЩИЕ РОССИЮ*. — «Утро России», 4 октября 1917.

⁷³ Покровский Михаил Николаевич (1868-1932), видный большевик, историк. После революции зам. народного комиссара просвещения. Глава советской исторической школы, через несколько лет после его смерти подвергся «развенчанию» в ходе шумной кампании против «антиисторической школы» Покровского. С 60-х реабилитирован как историк.

⁷⁴ П.Сурмин. *РУССКАЯ ЗВЕЗДА*. — «Утро России».

⁷⁵ Н.Устрялов. *В РОЖДЕСТВЕНСКУЮ НОЧЬ*. — Там же.

⁷⁶ Журнал основан П.Н. Ткачевым в Женеве в 1875.

⁷⁷ Брест-Литовские переговоры начались 22 декабря 1917.

- ⁷⁸ Н.Устрялов. *У ВРАТ МИРА*. — «Утро России», 17 января 1918.
- ⁷⁹ Н.Устрялов. *У ПЕРЕВАЛА*. — «Утро России», 21 января 1918.
- ⁸⁰ Кюльман Рихард (1873-1948), в августе 1917 — июле 1918 статс-секретарь иностранных дел Германии, возглавлял германскую делегацию на Брест-Литовских переговорах.
- ⁸¹ Н.Устрялов. *ИТОГИ*. — «Утро России», 15 февраля 1918.
- ⁸² П.Сурмин. *НОВАЯ ВОЙНА*. — «Утро России», 20 февраля 1918.
- ⁸³ П.Сурмин. *НЕМЦЫ И МЫ*. — «Утро России», 21 февраля 1918.
- ⁸⁴ Н.Устрялов. *ИДЕЙНАЯ СМЕРТЬ*. — «Утро России», 22 февраля 1918.
- ⁸⁵ Н.Устрялов. *КОНЕЦ БОЛЬШЕВИЗМА*. — «Утро России», 28 февраля 1918.
- ⁸⁶ П.Сурмин. *ЧТО НАС ЖДЕТ?* — «Утро России», 27 февраля 1918.
- ⁸⁷ Н.Устрялов. *КЛАССЫ И НАЦИЯ В РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ*. — «Утро России», 3 марта 1918.
- ⁸⁸ П.Сурмин. *КОМУ СТРОИТЬ?* — «Заря России», 25 мая 1918.
- ⁸⁹ П.Сурмин. *ЦЕРКОВЬ СОЦИАЛИЗМА*. — «Заря России», 24 мая 1918.
- ⁹⁰ Н.Устрялов. Рецензия на книгу Ю.Ключникова *ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ*. — «Утро России», 23 марта 1918.
- ⁹¹ Hardeman Hilde, op. cit., p.27.
- ⁹² Махайский Иван Константинович (Вольский Ян Вацлав) (1867-1926), социолог и экономист, теоретик русского анархизма.
- ⁹³ Перепечатано в сб.: А.Вольский. *УМСТВЕННЫЙ РАБОЧИЙ*. Международное литературное содружество, 1968, с.376. Вероятно, Махайский имеет в виду статью Устрялова *В РОЖДЕСТВЕНСКУЮ НОЧЬ*.
- ⁹⁴ Ключников Юрий Вениаминович (1888-1938), приват-доцент Московского ун-та, кадет. После революции министр иностранных дел в правительстве адм. Колчака. Участник сб. *СМЕНА ВЕХ*, первый редактор газеты «Накануне», издававшейся в Берлине в 1922-24. Вернулся в СССР в 1923, преподавал, работал консультантом в наркомате иностранных дел. Погиб во время чисток.

⁹⁵ Потехин Юрий Николаевич (1888-1927?), приват-доцент Московского ун-та, кадет. После революции примкнул к белому движению. Участник сб. *СМЕНА ВЕХ*. Вернулся в СССР в 1923. Издал несколько литературных произведений. По-видимому, покончил с собой.

⁹⁶ По-видимому, всего вышло пять номеров журнала в апреле-мае 1918. В журнале сотрудничали Н.Бердяев, Е.Коровин, С.Котляревский, В.Устинов, В.Муравьев, Н.Фиолетов, Г.Чулков, С.Кечекьян и др.

⁹⁷ «Накануне», №1, 7 апреля 1918, с.5-6.

⁹⁸ «Новая жизнь» издавалась М.Горьким в 1917-18 и была закрыта одновременно с другими оппозиционными газетами. Критиковала политику большевиков, но поддерживала революцию.

⁹⁹ «Новая жизнь», 1 июня 1918. См. также: К.Тимирязев. *НАУКА И ДЕМОКРАТИЯ*. М., 1920, с.411-415.

¹⁰⁰ Н.Устрялов. *МНИМЫЙ ТУПИК*. «Накануне», №2, 14 апреля 1918, с.6.

¹⁰¹ «Накануне», №5, май 1918. Книга М.О. Гершензона *ТРОЙСТВЕННЫЙ ОБРАЗ СОВЕРШЕНСТВА* была опубликована в начале 1918.

¹⁰² Коровин Евгений Александрович (1892-1964), до революции приват-доцент Московского ун-та, кадет. Профессор с 1923. Преподавал в Московском ун-те и в Ин-те Востоковедения. С 1946 член-корреспондент АН СССР. Член советских делегаций на многочисленных международных конференциях. Советник советской делегации по выработке устава ООН. С 1959 — председатель комиссии АН СССР по правовым вопросам межпланетного пространства. Автор многих учебников по международному праву.

¹⁰³ Котляревский Сергей Андреевич (1873-1941), один из основателей партии кадетов. Депутат I Государственной Думы от Саратова. В 1917 профессор права Московского ун-та. Участник сборника *ИЗ ГЛУБИНЫ*. За принадлежность к нелегальному Тактическому Центру был осужден к смертной казни, но затем помилован. С 1920 снова преподает в Московском ун-те. Консультант наркомата юстиции.

¹⁰⁴ Устинов Владимир Михайлович (1870 - ?), правовед, кадет. Так же, как и Котляревский, судился по делу Тактического Центра, но не был приговорен к смертной казни; вскоре амнистирован. С 1920 преподавал право в Московском ун-те.

¹⁰⁵ Муравьев Валериан Николаевич (1884-1937), дипломат, публицист, заведовал международным отделом «Утра России». Участник сборника *ИЗ ГЛУБИНЫ*. Был осужден по делу о Тактическом Центре к смертной казни, но затем помилован. Последние годы был академическим секретарем Центрального ин-та Труда. Умер в ссылке (?).

¹⁰⁶ Чалхушьян Серовбэ Григорьевич (1890 - ?), экономист, близкий к Рябушинскому. После революции занимал видные экономические посты. В 1926 был заведующим центрального финансово-экономического бюро Госбанка.

¹⁰⁷ Кечекьян Степан Федорович (1890 - ?), приват-доцент Московского ун-та. После революции адвокат, впоследствии профессор различных ун-тов, в т.ч. Московского и Бакинского. Автор многих советских учебников по теории государства и права.

¹⁰⁸ Виппер Роберт Юрьевич (1859-1954), крупный историк, профессор Московского ун-та. Эмигрировал в 1924 в Латвию, где преподавал в Рижском ун-те. После присоединения Латвии к СССР в 1940 был возвращен в Московский ун-т. С 1943 — академик. Занимал ключевые позиции в советской исторической науке сталинского времени.

¹⁰⁹ С.Кечекьян. *ЛЕНИН И БАКУНИН*. — «Накануне», №5, май 1918.

***ИЗ ИСТОРИИ
КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ***

С.Максудов

НЕКОТОРЫЕ ДОКУМЕНТЫ СМОЛЕНСКОГО АРХИВА О РАСКУЛАЧИВАНИИ И ВЫСЫЛКЕ КУЛАКОВ

— Что за помин?

— Помин общий.

— Кто гуляет?

— Кулаки!

Поминаем душ усопших,

Что пошли на Соловки.

Их не били, не вязали,

Не пытали пытками,

Их везли, везли возами

С детьми и пожитками.

А кто сам не шел из хаты,

Кто кидался в обмороки, —

Милицейские ребята

Выводили под руки.

Твардовский.

«Страна Муравия»

Седьмого ноября 1929 года в «Правде» была опубликована статья Сталина «Год великого перелома». Перечислив доводы правых оппортунистов: «а) крестьяне не пойдут в колхозы, б) усиленный темп развития колхозов может вызвать лишь массовое недовольство, в) "столбовой дорогой" социалистического развития в деревне являются не колхозы, а кооперация, г) развитие колхозов и наступление на капиталистические элементы деревни может оставить страну без хлеба», — Иосиф Виссарионович решительно их опроверг, заявив, что «в колхозы идут крестьяне не от-

дельными группами, как это имело место раньше, а целыми селами, волостями, районами, даже округами.

А что это значит? Это значит, что в колхозы пошел середняк»¹.

Статья Сталина явилась сигналом «великого перелома» в сельском хозяйстве и в жизни страны. Ее идеи были многократно повторены на пленуме ЦК ВКП(б), состоявшемся в ноябре. Все участники стремились как можно убедительней подтвердить или хотя бы повторить слова вождя. Так например, председатель исполкома Центрально-Черноземной области Е.Рябинин говорил, что «середняк всей массой пошел в колхозы». Как отмечают современные советские историки, из 1600 тыс. хозяйств области в колхозах в это время состояло 60 тыс. семей, то есть 4%². В резолюции пленума говорилось:

Вопреки фальшивым «теориям» лидеров правой оппозиции о «деградации» сельского хозяйства, мы имеем на деле ускоряющийся рост производительных сил в сельском хозяйстве, партия проводит и будет проводить курс на решительную борьбу с кулаком, на выкорчевывание корней капитализма в сельском хозяйстве, на быстрейшее объединение индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств в крупные коллективные хозяйства, на подготовку условий для развития планового продуктообмена между городом и деревней.

Итоги развернувшегося коллективного строительства выявляют гигантские возможности подъема производительных сил сельского хозяйства, заложенные в условиях советского строя. Начинается новый исторический этап социалистического преобразования сельского хозяйства³.

Правая оппозиция⁴ была окончательно разгромлена, и новый этап преобразования начался. Обещания счастливой жизни, машин и тракторов, льгот и снижения налогов, угрозы, запугивание, отнятие земли, исключение отовсюду, откуда можно, аресты,

---

¹ И.В. Сталин. Сочинения, т.12, с.131-132.

² *ОЧЕРКИ ИСТОРИИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИКАХ*. М., 1963, с.97.

³ *КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА. ВАЖНЕЙШИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ И СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА. 1927-1935*. АН СССР, 1957, с.229.

⁴ У Андрея Синяевского есть интересная мысль, что одним из преимуществ большевиков была семантика используемых названий: большевики (их больше, они сильнее), красная армия (красивая, прекрасная) и т.д. Я хочу обратить внимание на обратный пример. Ни объективная, подтвержденная ходом истории правота утверждений, ни лингвистическое название не помогли правой оппозиции добиться победы.

избиения, а главное, страшная судьба разоряемых соседей — все это понемногу ослабляло сопротивление сельского жителя и втягивало его в непонятную и бессмысленную, с его точки зрения, систему. Он чесал в затылке, резал потихоньку корову или овцу, говорил что-нибудь самоутешительное вроде: «Против рожна не попрешь» — и записывался. Практически от этого немного менялось. Почти нигде не было больших скотных дворов, так что лошадь и корова, «записанные» в колхоз, оставались под расписку дома до будущих времен; инвентарь, перенесенный на общие площадки, не очень печалил, а обязанность ходить на собрания и слушать приезжее начальство всегда признавалась сельским населением.

Совсем иначе воспринималось это согласие в партийных верхах. Это была победа, прежде всего победа уполномоченного по коллективизации — он ставил в своем списке галочку и увеличивал цифру охвата. Цифра тут же входила в сводки области, края, республики и вскоре ложилась на широкие столы членов Политбюро. Они рассматривали эти цифры, следили за темпами роста, хвалили передовых и ругали отстающих.

По всей стране шло отчаянное соревнование партийного аппарата районов, областей, республик, краев, — всем хотелось оказаться в передовых, отличиться в изнасиловании тугодумного крестьянина, заслужить похвалу, награду, повышение. Г.Н. Каминский, председатель агитпропа ЦК, так напутствовал будущих организаторов колхозов 14 января 1930 г.: «Если в некотором деле вы перегнете и вас арестуют, то помните, что вас арестовали за революционное дело»¹.

«Вам же лучше будет!» — чередующееся с «Ну, смотрите, пеняйте на себя», — можно было услышать в каждом захолустье. А в ушах у самого произносившего эти бессмысленные фразы, звучало: «Или 100%, или партбилет».

На всех без исключения партийных уровнях коллективизация проводилась по известной пословице: «Аппетит приходит во время еды», и Политбюро, и крайкомы, и республики в первые месяцы 1930 года постоянно сокращали сроки первоначальных планов. Например, по плану, разработанному в Москве в декабре 1929 года, к осени 1932 г. в колхозах должно было быть 80% крестьян Белоруссии, в январе 1930 года ЦК КП(б) Белоруссии предписывает завершить коллективизацию к концу 1931 года, а в феврале

---

¹ М.А. Вышлан, Н.А. Ивницкий, Ю.П. Поляков. *НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В СССР*. — «Вопросы истории», 1965, №3, с.7.

постановили коллективизировать все те же 75-80% хозяйств к весне 1930 г., то есть за один-два месяца.

Если вступление в колхозы за 4 месяца 930 тысяч хозяйств (по 7,7 тысяч семей в день) было названо товарищем Сталиным: «Середняк пошел в колхозы», то после Ноябрьского пленума середняк побежал. Меньше чем за четыре месяца, к 20 января, в колхозы вступило 3500 тысяч хозяйств, то есть скорость увеличилась в четыре раза. Но именно в этот момент начинается настоящая гонка. Бег переходит в какой-то бешеный, невысказанный галоп. По 10% сельского населения в каждую декаду, по 250 тысяч семей в день. Крестьянин бежал к своему светлому будущему с вытаращенными от ужаса глазами, теряя по дороге хозяйственный инвентарь, домашних животных, членов своей семьи. По бокам, подстегивая это и без того стремительное движение, бежали сельские активисты и рабочие двадцатипятидесятники. Сзади, подталкивая его в спину, семенили представители райкома, в воротах областные и краевые руководители едва успевали ставить галочки.

До середины февраля впереди был Северный Кавказ, не случайно ему первому разрешена высылка кулаков на Север. Но в 20-х числах положение в лидирующей группе начинает стремительно меняться. Вперед вырывается Центрально-Черноземная область, за ней по пятам несется Башкирия, дальше Северный Кавказ, настигаемый Татарией и Московской областью. Все первоначальные фавориты — зерновые районы страны: Нижняя Волга, Украина, Сибирь — безнадежно отстали. На финишной прямой 10 марта 1930 г. впереди Башкирия. Это забегание вперед национальных территорий и незерновых районов очень раздражает современных историков, и они единодушно его осуждают. И действительно, партия наметила другую очередность, она указала, что крестьяне зерновых областей более подготовлены к общественному труду, ну, и надо было бежать в предусмотренном порядке. Но и местных руководителей несельскохозяйственных бедных районов тоже нужно понять. Большим зерновым областям и так все достается — и кредиты, и техника, и места в ЦК. А тут, наконец, честное соревнование, как не проявить себя, как не постараться доказать, что и ты не верблюд, тоже кое-что умеешь.

И вдруг движение останавливается. По инерции самые непонятливые еще делают несколько шагов вперед, но другие топчутся на месте или поворачивают обратно. В суматохе, в начале апреля, на первое место чуть не выскочил Казахстан, руководители которого, видно, никак не могли понять, что же случилось.

Но все остальные территории катятся к этому времени вниз. Отбой, результаты соревнования отменяются. Вместо медалей победителям раздают выговоры и публичные оскорбления за «перегибы», крестьянам разрешено не бежать дальше и даже покинуть колхозы. Не веря своему счастью, они бросаются обратно. Двое из трех колхозников изменяют своему светлому будущему почти повсеместно, а в таких районах, как Татария или Центрально-Черноземная область, разбежались 9 из 10. Около 10 миллионов из 15 уже организованных вышли из рядов. Можно отметить, что после завершения коллективизации в 1937 г. численность колхозных хозяйств была не намного больше, чем в марте 1930 г. — 18,5 млн. (см. табл. 1).

Одновременно с коллективизацией в стране разворачивалась не менее грандиозная и трагическая кампания — уничтожение кулаков «как класса». Проблема кулака постоянно обсуждалась в советской экономической и политической литературе в конце 20-х годов. Как правило, дискутировался вопрос, следует ли принимать кулака в колхоз, если же не принимать, то допустимо ли переселение за границы колхоза или даже экспроприация у них средств производства. Ортодоксальный марксизм в лице Ленина утверждал, что следует делать различие между помещиками, капиталистами и кулаком, так как кулак часть собственности нажил своим трудом, отнимать ее подобно фабрикам и заводам нельзя¹.

В декабре 1929 года комиссия ЦК по подготовке всеобщей коллективизации предлагала по отношению к кулакам следующие меры²:

В округах сплошной коллективизации необходимо было, наряду с отведением кулакам отдаленных и худших земель, по решению сходов и местных съездов Советов, применять также и прямую конфискацию средств производства кулацких хозяйств и передачу их в неделимые фонды колхозов. В отношении кулаков, оказывающих сопротивление установлению нового порядка ведения сельского хозяйства на социалистических началах, необходимо в дальнейшем применять меры выселения по постановлению сельских сходов и сельских Советов, допуская включение в состав колхозов, как рабочей силы, без предоставления как активного, так и пассивного избирательного права только той части семьи кулака, которая на деле докажет готовность

¹ В.И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 38, с. 19, 194-195.

² Н.А. Ивницкий. *КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ДЕРЕВНЕ И ЛИКВИДАЦИЯ КУЛАЧЕСТВА КАК КЛАССА*. М., «Наука», 1972, с. 173.

Таблица 1
Темпы коллективизации сельского хозяйства
(в % от числа хозяйств) в некоторых районах страны.

Районы	Вес- на 1929	На 20 янва- ря 1930	На 1 фев- раля 1930	На 20 фев- раля 1930	На 1 мар- та 1930	На 10 мар- та 1930	На 1 апре- ля 1930	Ию- нь 1930	Май 1931	Де- кабрь 1931	Ян- варь 1933
РСФСР	3,7	23,5	34,7	54,4	57,6	57,8	34,7	20,3	46,4	62,1	59,3**
Северный Кав- каз	7,3	46,5	60,7	75,5	76,8	85,0	85,8	61,0	81,6	81,5	71,3
Нижняя Волга	5,9	56,0*	58,7	66,1	67,8	71,3	72,2	37,5	80,0	81,5	82,5
Средняя Волга	3,9	39,0	48,4	54,3	56,4	62,0	45,1	20,5	62,9	82,5	77,5
Центрально- Черноземная область	3,2	40,0	50,0	79,4	81,8	86,6	41,2	15,8	51,5	70,2	67,9
Урал	5,2	35,4	47,4	65,9	68,8	71,8	54,9	27,3	52,1	67,5	67,8
Сибирь	4,5	14,0	19,0	40,6	46,8	50,3	45,3	19,8	39,4	60,1	63,2
Казахстан	5,3	20,5*	24,0	35,3	42,1	45,8	61,2	28,5	48,8	62,9	69,1
Башкирия	5,5	24,0	49,5	76,5	81,2	87,1	51,9	20,9	23,0	68,2	66,0
Татария	1,5	3,6	42,2	73,9	77,3	81,1	83,8	8,8	34,2	63,2	63,8
Московская область	1,8	14,1	36,5	73,6	73,0	72,8	12,3	7,2	25,0	50,2	53,3
Нижегородский край	2,5	7,1	18,9	45,3	48,7	50,4	19,3	10,1	26,2	45,2	45,1
Западная обл.	1,0	6,3	11,8	35,2	38,8	35,1	13,3	6,7	35,7	51,5	46,9
УССР	5,6	15,4	29,2	54,1	62,8	64,4	44,8	38,2	62,2	69,3	69,9
БССР	1,4	27,0	38,2	56,4	57,9	-	-	11,5	25,5	49,8	41,9
ЗСФСР	2,6	-	8,3	-	49,8	-	-	15,0	34,8	41,2	41,2
Узбекская ССР	2,6	-	-	26,7	45,5	47,3	-	27,1	56,8	71,4	70,5
Туркменская ССР	2,1	14,8*	23,6	38,0	36,7	-	-	22,8	51,3	65,9	66,3

* Сведения на 1-е января 1930 г.

** Сведения на июль 1932.

Н.А. Ивницкий. *КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ДЕРЕВНЕ И ЛИКВИДАЦИЯ КУЛАЧЕСТВА КАК КЛАССА*. М., 1972, с.81, 82, 199.

М.Л. Богденко. *К ИСТОРИИ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ*. — «Вопросы истории», №5, 1963, с.22.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО СССР. М., 1935, с.153.

Н.И. Зеленин. *РЕШАЮЩИЕ УСПЕХИ КОЛХОЗНОГО ДВИЖЕНИЯ В ПЕРИОД СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ. Осень 1930-1932*. — «История СССР», №4, 1980, с.3-25.

подчиниться и добросовестно исполнять все постановления колхоза, беспощадно изгоняя из колхоза без всякой компенсации из средств колхоза классово чуждые элементы, пытающиеся взорвать колхозное движение изнутри.

М.Калинин на вопрос крестьян Средне-Волжского края: «что делать с кулаком?» — отвечал: «Выселять на отдельные участки с плохими землями и отчуждать у них лишние орудия производства в пользу колхозов»¹.

Пропагандистская кампания против кулаков шла по нарастающей. Постепенно из зажиточной группы крестьян, в распоряжении которой находится повышенная доля средств производства, кулаки превращались в жадных жестоких коварных убийц и насильников, заслуживающих любого, самого позорного наказания. Эта пропаганда оказывала влияние и на партийно-государственных деятелей, которые начинали предлагать по отношению к кулаку все более жестокие меры воздействия.

Сами кулаки, неожиданно оказавшиеся под этим стремительным непонятным ударом, пытались как-то приспособиться к новым требованиям, старались по-человечески выжить. Они продавали и выбрасывали машины, сокращали поголовье скота, переставали возделывать землю, не нанимали батраков, бежали в другие деревни и города. Они стремились вступить в колхозы, сдавая туда свое имущество. Они хотели быть как все.

Вот о чем с возмущением рассказывала украинская газета «Коммунист»: 26 сентября 1929 года в селе Лозоватка в колхоз вступил богатейший кулак, передавший, как он высказался «за спасибо», весь свой инвентарь и мельницу беднякам. Кулак оказался таким хитрым, что написал специальное заявление про свое отречение от своего «куркульского сану». Ни автор статьи, ни современные историки, цитирующие документ, не сообщают, что же такого преступного в том, что кулак вступил в колхоз и отрекся от своего прошлого. По их мнению, вероятно, перестать быть кулаком невозможно. Каинова печать не позволяла этого сделать. Не обвиненные ни в каких политических преступлениях кулаки наказывались хуже государственных преступников. Возвращающийся домой после ночной попойки зажавшийся партийный активист мог с полным основанием бросить в лицо семилетнему ребенку, стоящему у дверей с протянутой рукой: «У, кулацкое отродье, не сдох еще». Для советской литературы кулак и плохой работник — невозможное словосочетание, а вот кулак и нищий, кулак, умирающий с голоду, — явление

¹ «Село и станица» (газ.) от 11.01.1930.

вполне допустимое. Сошлюсь на стихотворение известного в свое время поэта Дм. Кедрина, который, испытав сострадание к нищему, корит себя за это, ведь, вероятно, этот человек — кулак, а значит вредитель, враг строя. Похожая история рассказана в поэме Твардовского «Страна Муравия».

При конфискации имущества воров, бандитов и растратчиков, некоторые необходимые семье осужденного вещи по ограниченному списку не подлежали изъятию. Этот пункт закона был отменен по отношению к кулакам. У них можно и нужно было отбирать все.

Для окончательного решения кулацкой проблемы 15 января 1930 года была создана специальная комиссия ЦК ВКП(б). В состав комиссии вошли:

В.М. Молотов (председатель), А.А. Андреев (Северный Кавказ, но он скоро окажется в ЦК), С.А. Бергавинов (Северный край), И.М. Варейкис (ЦЧО), Ф.И. Голощекин (Казахстан), И.Д. Кабаков (Урал), М.И. Калманович (?), С.В. Косиор (Украина), М.И. Хатаевич (Средняя Волга), Б.П. Шеболдаев (Нижняя Волга), Р.И. Эйхе (Сибирь), Т.А. Юркин (Колхозцентр), Г.Г. Ягода (ОГПУ), Я.А. Яковлев (Наркомзем), Ф.Г. Леонов (?), М.И. Муралов (Наркомзем РСФСР), С.И. Сырцов (СНК РСФСР).

Всего 21 человек. Кроме того, 16-23 января в комиссию были дополнительно включены: Н.М. Анцелович (Всеработземлес), К.Я. Бауман (Московская обл.), Г.Н. Каминский (Колхозцентр РСФСР, зам. пред.).

Таким образом, в комиссию входили секретари зерновых районов, северных районов, ОГПУ, Колхозцентр, были представлены также Союз союзов сельскохозяйственной кооперации и профсоюз сельскохозяйственных рабочих¹.

Комиссия Молотова разработала план тотального уничтожения кулака. Имущество всех кулацких семей подлежало полной конфискации (скот, постройки, инвентарь, семенные запасы, вклады в сберегательные кассы и т.д.). Всех кулаков разделили на три категории:

---

¹ Н.А. Ивницкий. *КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ДЕРЕВНЕ И ЛИКВИДАЦИЯ КУЛАЧЕСТВА КАК КЛАССА*. М., «Наука», 1972; Б.А. Абрамов. *О РАБОТЕ КОМИССИИ ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б) ПО ВОПРОСАМ СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ*. — «Вопросы истории КПСС», 1964, №1; В.А. Сидоров. *ЛИКВИДАЦИЯ КУЛАЧЕСТВА КАК КЛАССА*. — «Вопросы истории», 1968, №7; М.А. Вышлан, Н.А. Ивницкий, Ю.П. Поляков. *НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В СССР*. — «Вопросы истории», 1965, №3; 1962, №4. См. также: М.Л. Богденко. *К ИСТОРИИ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ*. — «Вопросы истории», 1963, №5.

«Первую категорию — контрреволюционный актив [было решено] немедленно изолировать путем заключения в исправительно-трудовые лагеря, не останавливаясь в отношении организаторов террористических актов, контрреволюционных выступлений и повстанческих организаций перед применением высшей меры наказания»¹.

Семьи этих людей выслались в отдаленные районы. Советские исследователи не сообщают, предусматривались ли при этих арестах обычные юридические процедуры: ордер прокурора, обвинение, суд и т.д. Если нет, кто должен был решать вопрос о сроках или применении к ним высшей меры наказания (социальной защиты, как говорилось в те годы). По тому, как обходится этот вопрос авторами, и по свидетельствам уцелевших людей, юридическая машина не была задействована, и все решения принимались ОГПУ.

«Вторую категорию — кулацкий актив, особенно наиболее богатых кулаков, выселять в отдаленные местности СССР».

На практике иногда применялся предварительный арест и отдельная транспортировка глав семей, но непонятно, было это предусмотрено решением комиссии или являлось местной инициативой. Списки кулацких хозяйств второй категории составлялись райисполкомами и утверждались окрисполкомами, при этом принимались во внимание решения собраний колхозников, батрацко-бедняцкого актива и т.п.

«Высылаемым кулакам при конфискации у них имущества должны быть оставлены самые необходимые предметы домашнего обихода, некоторые средства производства и необходимый минимум продовольствия. Кроме того, разрешалось оставлять на каждую семью до 500 рублей денег»².

Понятия необходимого минимума продовольствия и предметов обихода были недостаточно ясны, и, как правило, они не конкретизировались в дальнейших инструкциях округов. Партийных руководителей и администрацию больше волновали вопросы что и у кого отбирать. Загадочным является сообщение о возможности оставлять до 500 рублей денег. Это очень большая сумма, и непонятно, как согласуется это решение с конфискацией кулацких денег в сберкассах и запретом на продажу имущества под угрозой уголовного преследования. Запрещение кулакам продавать хозяйство и покидать место жительства было вынесено

¹ Н.А. Ивницкий, ук. соч., с.178-180.

² Там же.

правительством даже раньше, чем формальная инструкция о раскулачивании (1 февраля 1930 г.).

Вызывает сомнение и сообщение о том, что членам семей кулаков разрешалось с согласия местных райисполкомов оставаться постоянно или временно в прежнем районе (округе). Несомненно, это была бы очень разумная мера, но нет фактов, подтверждающих, что такие разрешения давались на практике. Известны, правда, случаи, когда родственникам удавалось вернуть с севера и из Сибири больных родителей или малолетних детей.

Выселение предполагалось осуществить в Северный край, на Урал, в Казахстан и Сибирь. На переселение отводилось 3-4 месяца: февраль-май, причем требовалось увязывать его с темпами коллективизации, но так, чтобы не менее половины было переселено до 15 апреля¹.

Почему же переселение направлялось главным образом в районы малопригодные для земледелия?

Если кулаки были опасны в родных деревнях, почему было не переселить их в степи Алтая или Казахстана? На этих огромных полупустых просторах (особенно после уничтожения казахских кочевников), как показали мероприятия Хрущева, по крайней мере 30 млн. га лежали не вспаханными. Советские историки упоминают (конечно, неодобрительно), что какие-то предложения о сдаче кулакам в аренду на 24 года земель на Востоке делали крупные экономисты того времени — профессора Кондратьев, Юровский, Челинцев. Но их советы были с презрением отвергнуты. Более того, распространив раскулачивание и на малонаселенные земли Сибири, Казахстана, Дальнего Востока, советские руководители тут же добились заметного сокращения посевных площадей в этих районах, так как каждые рабочие руки были там незаменимы. Экономически объяснить это невозможно. Здравый смысл и соображения государственной пользы отступали здесь, вероятно, перед чисто эмоциональным желанием: сделать кулакам хуже.

К третьей категории относили всех остальных кулаков. Предполагалась конфискация их имущества по решению местной администрации и переселение внутри того же района. Трактовался термин «тот же район» по-разному. В некоторых случаях район в прямом смысле, в других — округ, в третьих — край. Этим хозяйствам следовало выделить плохие земли за пределами колхоз-

---

¹ М.Л. Богденко, ук. соч., с.32.

ных полей не более 1 га на душу. Они должны выполнять задания по сдаче продукции государству¹.

Следует отметить, что и эта рекомендация не была продумана. Работа на земле в ином месте предполагает наличие жилья, инвентаря, лошади, семян, проведение землеустройства и т.п. Постановление не предусматривало ничего подобного. Скорее всего это решение было данью прошлому — подобные меры раньше много раз предлагались партийными руководителями разного ранга. Кроме того, не было реальной возможности переселить всех кулаков сразу. Многие раскулаченные, но не высланные на Север, устроились в городах, пошли работать на стройки. Некоторые продолжали скитаться вокруг разоренного очага и в конце концов были все-таки вывезены в северные районы, как объясняют советские историки, в связи с обострением классово-вой борьбы, а фактически — в связи с запретом принимать кулаков в колхозы и, следовательно, невозможностью для них вести нормальную жизнь на родине.

Выселению и конфискации имущества не подлежали семьи красноармейцев и командного состава РККА. В отношении кулаков, члены семьи которых длительное время работали на фабриках и заводах, ЦК предлагал проявить особо осторожный подход, выясняя положение этих лиц не только в деревне, но и в соответствующих заводских организациях².

Много внимания уделяется в решениях комиссии вопросу о кулацком имуществе.

Проведение конфискаций возлагалось на уполномоченных райисполкомов с обязательным участием в этом сельских Советов, представителей колхозов, батрацко-бедняцких групп и батрачковых, т.е. с привлечением широкой общественности. При конфискации должна была быть произведена точная опись и оценка имущества, ответственность за сохранность которого возлагалась на сельские Советы.

Средства производства и имущество, конфискованные у кулаков, подлежали передаче в неделимые фонды колхозов в качестве вступительных взносов бедняков.

¹ Н.А. Ивницкий, ук. соч., с.179.

² М.Л. Богденко, ук. соч., с.32. Это были чисто полицейские опасения волнений в городе и армии. Семьи только что демобилизованных красноармейцев не пользовались никакими льготами и могли быть репрессированы вместе с самим защитником родины. Напр., А.Федоров, участвовавший в боевых действиях на Китайской границе в составе 1-го Сибирского кавкорпуса, был арестован в марте 1930 г. — См.: ГОЛОД 1933 РОКУ В УКРАЇНИ. Мюнхен, 1963, с.11.

Паи и вклады кулаков в кооперацию передавались в фонд коллективизации бедноты и батрачества, а сами кулаки исключались из кооперации. Конфискации подлежали также и вклады в сберегательные кассы. Выдача кулакам вкладов по сберегательным книжкам в районах сплошной коллективизации прекращалась¹.

Для местной сельской администрации открывшаяся кампания предоставляла неповторимые возможности. Она бесконечно увеличивала власть, позволяла сводить личные счеты с врагами, широко открывала двери для наживы. Это был праздник. Вторая революция. И советские историки с осуждением отмечают, что многие сразу забросили коллективизацию и занялись раскулачиванием. В самых отсталых и отдаленных районах, которые еще и не приступали к коллективизации, раскулачивание проводилось вопреки всем запрещениям.

Так, 8 февраля Ойротский обком, несмотря на решение Сибирского крайкома партии о том, что политика раскулачивания на Ойротскую область не распространяется, принял решение о немедленном раскулачивании. Ненецкий окружком, не имея ни одного района сплошной коллективизации, проводил раскулачивание в широком масштабе².

Руководители страны ставили себе однако совсем другие цели. Раскулачивание должно было дать имущество колхозам и стать главным звеном в их организации. К этому вопросу постоянно возвращаются партийные постановления. «Что делать, чтобы не дать кулаку разбазарить свое имущество?» — спрашивают у Сталина хозяйственные свердловцы. И 20 февраля он им отвечает: «Против растраниживания кулацкого имущества есть только одно средство — ускорить коллективизацию»³.

Опасения, что кулаки сумеют как-то воспользоваться собственным добром, высказывались и в печати и в высоких партийных кругах. 15 января 1930 г. СНК УССР принимает постановление «О запрещении убоя скота», угрожая в таких случаях конфискацией имущества и уголовным преследованием. С большим пониманием описывают эти меры современные историки⁴.

Присвоение чужого было важнейшей составной частью коллективизации. Оно должно было заменить трактора, которые

¹ Н.А. Ивницкий, ук. соч., с.181.

² В.А. Сидоров, ук. соч., с.31.

³ И.В. Сталин. Сочинения, т.12, с.184-190.

⁴ В.В. Бондаренко. *РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ХОЗЯЙСТВА КОЛХОЗОВ УКРАИНЫ В ГОДЫ ДОВОЕННЫХ ПЯТИЛЕТОК*. АН УССР, Киев, 1965, с.108.

государство не могло дать колхозам. Оно практически было первым шагом и главной приманкой для селян.

Рассмотрим кратко цифровые рекомендации комиссии Молотова. Следует иметь в виду, что комиссия состояла из руководителей большого масштаба, не склонных к скрупулезности, и готовила материал для большого любителя круглых цифр И.В. Сталина. Поэтому все данные, как в процентах, так и в абсолютных значениях, были округлены. Современные историки, пытаясь получить сведения для отдельных территорий, считают точно и в результате возникают погрешности. Основой работы комиссии была, вероятно, докладная записка работников Госплана (Струмилин и др.). Это было специальное исследование марксистских ученых социального состава сельских жителей, опиравшееся на гнездовую перепись 1927 года. Результаты этой работы как раз были опубликованы в 1929 году¹ и, несомненно, докладывались в ЦК еще раньше. Численность кулаков в этих материалах оценивалась в 3,9%.

Следует отметить, что принятие решений органами власти не носило в тот период строго формальный характер. Политбюро издает постановления от имени ЦК; Наркомзем рассылает директивы от имени СНК; СНК, в свою очередь, отменяет законы, принятые съездом Советов. Про соблюдение юридических формальностей порой просто забывали. Никто так и не отменил «Декрет о земле» и закон «О социализации земли», согласно которым трудовое хозяйство являлось неприкосновенным. Просто де факто эти законы перестали соблюдаться.

Советские историки, как правило, восхищаются скромностью масштабов раскулачивания и продуманностью мер:

Выселению в отдаленные районы СССР подлежало не более четверти кулацких хозяйств, т.е. менее одного процента общего числа крестьянских хозяйств.

Все это свидетельствует о том, что Коммунистическая партия и Советская власть, принимая решение о ликвидации кулачества как класса, проявили максимум осторожности, чтобы эти мероприятия ни в коей мере не задели середняков. Больше того, даже часть кулаков (в зависимости от положения членов их семей, отношения к мероприятиям Советской власти и т.п.) не подлежала раскулачиванию. В отношении остальной части — подавляющего большинства кулачества, осуществлялся дифферен-

---

¹ *ТЯЖЕСТЬ ОБЛОЖЕНИЯ В СССР. СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ, ДОХОДЫ И НАЛОГОВЫЕ ПЛАТЕЖИ НАСЕЛЕНИЯ СОЮЗА ССР В 1924/25, 1925/26, 1926/27 гг.* Доклад комиссии Совета Народных Комиссаров Союза ССР по изучению тяжести обложения населения Союза. М., 1929.

цированный подход, при котором учитывалась степень опасности для колхозного строительства той или иной группы кулаков¹.

Насилие, сопровождавшее кампанию раскулачивания, осуждают сегодня все без исключения авторы. В каждой работе есть специальный раздел, в котором говорится о перегибах. Виноваты левые перегибщики, враги, пробравшиеся в комиссии по раскулачиванию, троцкисты, а порой сами кулаки, замаскировавшиеся и грабившие друг друга, бедняков и середняков.

Объяснением перегибов обычно служит стихийный порыв народных масс, стремившихся свести с кулаком свои счеты. Секретарь обкома партии ЦЧО И.Варейкис в докладной записке в ЦК так описывает происходившее:

Раскулачивание проходит при активном участии бедноты, а в ряде районов и середняка. Беднота большими группами ходит вместе с комиссиями по кулацким дворам, отбирает имущество. По ночам, по своей инициативе сторожат на дорогах при выездах из селений, с целью задержания убегающих кулаков; на общих собраниях выносятся решения, требующие немедленного выселения из области особо злостных кулаков².

Но известны и другие случаи. В той же ЦЧО обком принял летом 1929 г. решение направлять имущество раскулаченных в другие районы, так как односельчане не желают пользоваться отобранным у соседей добром.

Исследователи любят приводить слова М.И. Калинина, который весной 1930 г. говорил, что «органам власти в 95 случаях из 100 приходится в области раскулачивания играть сдерживающую роль»³. Следует заметить, что в печати до марта 1930 г. советские руководители выступали с прямо противоположными призывами. «Врага уничтожают» — Горький; «нанести действительно уничтожающий удар» — Косиор; «тракторные колонны роют могилы кулакам» — Киров и т.п. Ограничивать приходилось самих партийных руководителей разного ранга и местных активистов, которые, если бы их хоть как-то не сдерживали, могли бы довести раскулачивание до 100%, раскулачив и друг друга. Как пишут со ссылкой на партархивы украинские историки: «Случалось, что у середняка, проводившего в составе комиссии опись кулацкого имущества в одном конце села, другая комиссия описывала его имущество»⁴.

¹ Н.А. Ивницкий, ук. соч., с.184.

² Там же, с.221.

³ «Правда», 3 марта 1930 (цит. по: ..... , с.240).

⁴ *ОЧЕРКИ ИСТОРИИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ...*, с.185.

Ниже публикуются несколько документов из «Смоленского архива», рассказывающие о ходе кампании раскулачивания в Западной области. Некоторые из них уже были использованы западными историками для описания происходивших событий. Так, часто ссылаются на протоколы заседания окружного партийного комитета Великих Лук и рапорт начальника Рославльского ОГПУ, впервые рассмотренные в классической книге Мерля Фейнсоды «Smolensk under Soviet Rule». Однако, на русском языке эти документы не публиковались. Некоторые материалы включены в подборку как типовые (письма крестьян, материалы прокуратуры и т.п.). Таких сведений в «Смоленском архиве» множество, но объем публикации позволяет привести лишь некоторые из них. Другие материалы уникальны, и только они позволяют составить правильное представление о течении событий.

В целом, приводимая группа документов показывает ход раскулачивания на маленьком участке: в деревне, в районе, в округе. Похожие события происходили повсюду. «Так это было на земле». На смоленской земле. На земле калужской, московской, российской, украинской. На всей советской земле.

1

Секретно

ПРОТОКОЛ № 6

Закрытого заседания бюро Смоленского Губкома ВКП(б)
и Президиума ГKK от 30 июня 1928 г.

Присутствуют: Члены бюро ГК — Борисов, Симонов, Охлопков, Вирганский, Зирнис, Ланда, Белозерский, Богданов, Отрошенко, Лисс.

Члены през. ГKK — Егоров, Балыченко, Иванов, Унгур, Борзов, Пуйга.

Другие т.т. — Яковлев (ЦК), Ломинадзе (ЦК), Анцелович (ЦК), Ляксуткин (ЦКК), Фомичев, Архипов, Тхоржевский, Киреев, Крупин, Кибирев, Симочкин, Макушкин, Карлик.

Председатель — Борисов.

Секретарь — Степанцов.

Повестка дня:

1. Доклад комиссии по выселению помещиков.
2. О ходе новобранческих сборов и политических настроениях красноармейцев тердивизий.
3. Разное.

СЛУШАЛИ:

1. Доклад комиссии по выселению помещиков — докл. т. Охлопков.

ВЦИК постановил выселять только дворян. Наша комиссия рассмотрела тех, которые оставлены комиссией в 25 году и кроме них еще несколько человек. Мы считаем, что надо независимо от сословия выселять всех, имевших крупные поместья и эксплуатировавших крестьян.

Нами рассмотрено из представленных к выселению 758 дел и постановлено выселить 470, т.е. 58%, в том числе 172 из бывших помещиков не дворян, выселения которых необходимо добиться перед ЦК и ВЦИК'ом.

П Р Е Н И Я:

Борчанинов (Представитель ВЦИК'а) — Моя точка зрения определена директивой — строго придерживаться постановления ВЦИК'а от 21 июня с.г. Но не вредно составить к выселению и список помещиков, которые не являются дворянами и ходатайствовать о выселении их, но эти выселения должны быть как исключения. По Кардымовской волости надо эти исключения сделать и выселить кое-кого из бывших помещиков не дворян.

Зирнис — Представленный список помещиков к выселению по Кардымовской волости необходимо осуществить. Этот вопрос надо ставить особо и на нем особо настаивать. Необходимо выселять и многоземельных помещиков не дворян.

Яковлев — Юридическая сторона должна быть соблюдена, но и сторону революционной целесообразности необходимо сохранить. Придется, очевидно, некоторых дворян оставить, а некоторых бывш. помещиков не дворян — выселить. Необходимо, чтобы комиссия вместе с представителем ВЦИК'а ходатайствовала перед ВЦИК'ом о выселении последней категории бывш. помещиков, т.е. тех, которые ничем не отличались от помещиков дворян и которые вызывают ненависть крестьянства.

Егоров — За месяц мы не выселили еще ни одного помещика. Это никуда не годится. Дело не в том, чтобы здесь договориться,

а в том, чтобы ВЦИК выселял. ВЦИК невнимательно относится к нашим мероприятиям. Директива Политбюро о выселении помещиков во ВЦИК'е искажается. Разве мужику не все равно, какой помещик его эксплуатирует — капиталист или дворянин. В отношении Кардымовской волости надо поставить вопрос о немедленном выселении всех помещиков, представленных комиссией ГИК'а к выселению.

Лисс — Мы попали в чрезвычайно тяжелое положение. Уже выражается недовольство на новое руководство за то, что мы слишком затягиваем выселение помещиков. Надо принять предложение Охлопкова и добиться немедленного проведения его в жизнь. Нельзя ограничиваться при выселении формально-сословным подходом к выселяемым помещикам.

Бек — По Кардымовской волости намечено к выселению бывших крупных помещиков 80 человек, а из них только 12 дворян. Надо добиться обязательного выселения всех их. Это большой важности политический вопрос.

Ломинадзе — Надо всех 470 чел., намеченных к выселению, выселить и этого надо добиться в ЦК. Дух постановления Политбюро не противоречит их выселению. Комиссия подошла очень осторожно, оставив 42% помещиков из рассмотренных ею дел. Если пойти по линии т. Борчанинова и оставить не дворян, то в губернии получится крупный политический скандал.

Борчанинов — Если бы я не оказывал давление на комиссию ГИК'а, то она очень немногих из 720 помещиков оставила бы.

Симонов — Если после той работы, которая в губернии в отношении выселения помещиков проделана, да еще в условиях прифронтовой полосы, мы помещиков не выселим, то получится подрыв доверия не только к губернским, но и к центральным организациям. К вопросу о выселении помещиков надо подойти не формально только, но по-революционному.

Лякуткин — Я наблюдал в Смоленской губернии одного помещика, которого все крестьяне проклинаят, но беднота, встречаясь, кланяется ему. Это потому, что там у нас нет партийного влияния и беднота находится в зависимости от него.

Тов. Борчанинов рассуждает как государственный чиновник. Мне кажется, что список, намеченный комиссией, надо еще увеличить. Надо смотреть не формально, к какому сословию помещик принадлежал, а с точки зрения революционного существа дела.

Егоров — Если мы можем ставить и ставить перед ЦК вопрос, то почему фракция ВЦИК не могла поставить вопрос об изменении редакции постановления по данному вопросу. Надо сейчас обращаться не во ВЦИК, а в Политбюро ЦК.

Борисов — ВЦИК воспользовался буквой постановления Политбюро, где говорится о выселении дворян. Надо обратиться по этому вопросу в ЦК и сообщить, в какое положение мы поставлены в связи с выселением помещиков.

Охлопков — На губпарт конференции надо сказать, что ГК решил просить ЦК о применении 2-ого пункта декрета о выселении помещиков.

ПО С Т А Н О В И Л И:

1. Ходатайствовать перед ЦК ВКП(б) о выселении наряду с дворянами и бывших крупных землевладельцев не дворян.

2. Одобрить ходатайство ГИК'а перед ВЦИК'ом о выселении бывших крупных землевладельцев — не являющихся дворянами.

С Л У Ш А Л И:

2. О ходе новобранческих сборов и политических настроениях красноармейцев тердивизий — докл. т. Литтебрандт.

В связи с недостатком хлеба, смоленским делом, задержками с выселением помещиков и проч. наблюдается ухудшение настроений терармейцев, которое выливается иногда в антисоветскую агитацию, имеется большая изменчивость и неустойчивость настроений. Комсомольские организации захлестываются этими настроениями и плетутся в хвосте красноармейской массы. Эти настроения идут по линии неверия в действия парторганизаций и недоверия сов. власти. Тут большую роль играет и выселение помещиков. Пускаются такие слухи, что надо ввозить хлеб из-за границы, надо бросать учебу в армии и идти домой.

Здесь имеется большое воздействие деревни с ее настроениями. Эти настроения идут, главным образом, за счет кулацких и зажиточных прослоек, к которым присоединяется часть середняков и бедноты. Они берут под свое влияние значительную часть красноармейцев. Под влиянием этих настроений некоторая часть руководящих военных партийцев поддается паническим настроениям. В парторганизации увеличилось количество нездоровых явлений. В общем же состояние тердивизий удовлетворительное.

В прениях выступают тт. Ланда и Иванов.

ПОСТАНОВИЛИ:

Признавая общее состояние тердивизий удовлетворительным и учитывая настроения красноармейцев в связи с хлебными затруднениями и смоленским делом, бюро Губкома постановляет:

1. Всем парткомам усилить внимание к повседневной жизни частей и проходящим сборам, оказывать полное содействие частям, укрепить связь с политорганами и парторганизациями Красной Армии.

2. Принять меры к полной и своевременной информации политорганов и парторганизаций дивизий о мероприятиях совпарторганов. Ввести в практику регулярный выезд уездных и волостных парт. и советских работников в терчасти.

3. Укомам, волкомам, организациям кооперативных органов — принять меры к оказанию хозяйственной помощи семьям красноармейцев, к снабжению беднейших семей красноармейцев хлебом в первую очередь. Военные организации должны оказывать содействие гражданским организациям в работе по снабжению хлебом семей красноармейцев.

4. Шире использовать военных партработников в общей работе по чистке соваппарата, по обследованию учреждений и предприятий и при пере выборах советов, в качестве докладчиков от совпарторганов.

СЛУШАЛИ:

3. Разное:

а) Сообщение т. Охлопкова о завозе хлеба в губернию и снабжении им населения.

ПОСТАНОВИЛИ:

Сообщение т. Охлопкова принять к сведению.

СЛУШАЛИ:

б) Об оплате рабочих, работавших в качестве председателей вол. избиркомиссий — докл. т. Симонов.

ПОСТАНОВИЛИ:

Поручить фракции ГИК'а разрешить вопрос об оплате рабочих с предприятий, работавших в качестве председателей волостных избирательных комиссий.

Председатель (Борисов)

п/п

Секретарь (Степанцов)

ВЕРНО: Секретарь Бюро ГК ВКП(б) (Степанцов)

ПРИМЕЧАНИЯ

(ПАСО, д.149, лл.507-509, маш. копия подписана Степанцовым). Штамп и исходящий номер Смоленского губкома ВКП(б) 109/с. В левом верхнем углу от руки надпись: «Ельнинскому». Имеется в виду Ельнинский уездный партийный комитет, в материалах которого сохранился документ. Там же другим почерком запись: «Обяз[ательно] ознакомить членов бюро. Волин, Потапов». Подпись неразборчива. На полях рядом с третьим пунктом написано: «Нам тоже надо на это обрат[ить] вним[ание]». Некоторые слова в тексте подчеркнуты от руки, очевидно, кем-то из читателей документа.

**

Проблема землепользования бывших помещиков возникла сразу после Октябрьской революции. Циркуляром Наркомата земледелия (НКЗ) № 13 1918 года часть помещиков, не замешанная в контрреволюционной деятельности, получила право землепользования на общих трудовых основаниях. Многие из них продолжали жить в своих прежних имениях.

По распоряжениям НКЗ от 21 мая 1924 г. и от 27 января 1925 г. был проведен специальный учет помещиков. Земельное отделение Смоленской губ. зарегистрировало в 1924 г. 876 бывших помещиков, в том числе 440 из дворян, 185 из крестьян, 246 мещане, купцы, чиновники. У них было 13 730 десятин земли на 5552 едока, стоимость живого и мертвого инвентаря составила около 524 тыс. руб. Было выселено 215 семей, из них 174 дворяне, а у оставшихся произведена урезка земли по средней уездной и губернской норме. (Доклад Губземуправления 27 октября 1926 г. ПАСО, д.28, лл.83-84). В литературе встречаются немного отличающиеся сведения — 202 выселенных помещика по Смоленской губ. к концу 1927 г. из 882 зарегистрированных (Н.И. Немаков. *К ВОПРОСУ О ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИИ БЫВШИХ ПОМЕЩИКОВ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ*. — «Вестник МГУ», №2, 1961, с.21-27). Сведения автора взяты из центральных архивов, чем, видимо, и объясняется расхождение. По данным Немакова по РСФСР было учтено 10756 помещиков, из которых 4112 семей были выселены. У них было конфисковано 38600 га земли, то есть по 9 га на семью, жилых построек на сумму 2141 тыс., хозяйственных построек на сумму 1303 тыс., скота — на 111 тыс., инвентаря и прочего имущества — 1405 тыс. Следовательно, не считая строений, у семьи помещика было конфисковано имущество стоимостью 270 руб.

Выселение помещиков противоречило законодательству о земле, однако по сравнению с депортацией кулаков 1930 г. оно проводилось намного гуманнее и осторожнее. У помещиков конфисковывались излишки имущества, но часть, «обеспечивающая потребности в жилье и потребности сельского хозяйства, приобретенная трудом после февраля 1918 года, считается собственностью вышеупомянутых лиц и изъятию от них не подлежит». (Из Постановления Президиума ВЦИК от 4 апреля 1927 г., цит. по: «Вестник МГУ», №2, 1961, с.27).

В начале 1928 года ВЦИК приказал местным руководителям вернуться к вопросу о выселении помещиков, руководствуясь имеющимися постановлениями. В Смоленской губ. была создана специальная комиссия, которая доложила о своей работе на заседании Смоленского губкома 1 июня 1928 г. (ПАСО, д.149, лл.411-413). Выступавшие партийные работники упрекали в робости, требовали выселения всех. Секретарь губкома Борисов говорил:

Надо выселить всех за редкими исключениями. Не надо снимать ответственности за выселение помещиков с прошлого руководства организации, говоря, что оставлены все по декрету. При выселении помещиков действовать решительно, без излишней осторожности. При выселении семей военнослужащих нам приходится больше дорожить голосом крестьянства и красноармейцев, чем некоторых командиров — выходцев из помещиков. (Там же).

Кардымовская волость (1924-29) принадлежала к Смоленскому уезду. Она вызывала особое беспокойство руководителей, поскольку недалеко проходила государственная граница.

Новое руководство губернии во главе с Борисовым было выбрано в мае 1928 года в связи со скандальным разоблачением прежних лидеров, обвиненных в коррупции и разложении. «Смоленский нарыв» был шумным показательным делом, обсуждавшимся на страницах печати. Комиссия ЦК, принявшая решение о снятии провинившихся руководителей, продолжала еще некоторое время оставаться в губернии, проводя разъяснительную работу на предприятиях и участвуя в выборах руководителей. Этим объясняется присутствие на заседании бюро Я.Яковлева и других членов ЦК и ЦКК. Интересно, что лишь представитель ВЦИК требует выполнения решения Политбюро и государственной власти о выселении помещиков-дворян. Высшие партийные руководители (Яковлев, Ломинадзе, Ляксуткин) поддерживают агрессивно настроенных местных товарищей в намерениях не подчиняться постановлению ВЦИК, выселить всех помещиков, говоря о «революционной целесообразности», о «духе постановления», позволяющем не придерживаться его буквы, и т.д.

Территориальные дивизии, расположенные в Смоленской губ., подчинялись Белорусскому военному округу. Они имели постоянный кадровый состав и переменный состав из местных жителей, призываемых на военные ученья (сборы). В армию брали только надежных людей — рабочих, служащих и крестьян-бедняков. За их подготовку и политическое воспитание отвечали равно и военные, и местные партийные власти. Сотрудничество партийных и военных руководителей было очень тесным, армия продолжала участвовать в политической жизни деревни, порой довольно активно вмешиваясь в нее. Так, красноармейцы привлекались для проведения раскулачивания. Настроения красноармейцев

постоянно интересовали партийных руководителей — армия должна быть надежной. В связи с этим во время коллективизации постоянно повторялось указание: не раскулачивать семьи красноармейцев. Однако местные активисты нарушали его.

С дореволюционных времен Смоленская губ. относилась к так называемой «потребляющей полосе», то есть не обеспечивала себя зерном, а привозила его из южных районов. Эти закупки хлеба в 1928 году еще не были полностью централизованы, и многое зависело от инициативы на местах.

С.В. Борисов — секретарь Орловского, а с 1928 года Смоленского губкома. После организации Западной области — второй секретарь, в сентябре 1929 г. переведен из Западной области. Участник 16-й партийной конференции.

Я.А. Яковлев (Эпштейн) (1896-1938) — член ЦК, зам. наркома РКИ с декабря 1929 года. Народный комиссар земледелия, руководитель комиссии по коллективизации, автор *УСТАВА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ АРТЕЛИ* (См.: *ПАМЯТЬ*, вып.2, Париж, 1978, с.371; «Формум», №9, с.175-176). Возглавлял комиссию ЦК по расследованию «Смоленского дела».

А.Литтебрандт — армейский политработник, затем переходит на партийную работу в Западной области. Осенью 1929 г. уполномоченный обкома по заготовкам в Погарском районе, где проводит жесткую («военную», как он выражается) линию по отношению к кулаку.

Я.Г. Егоров — председатель Губернской Контрольной комиссии (в 1929 КК-РКИ Западной области).

В.В. Ломинадзе (1897-1935) — партийный работник, член ВКП(б) с марта 1917, член ЦК ВКП(б), в 1925-29 работал в Коминтерне. В 1930 входил во фракционную группу Сырцова-Ломинадзе и, по словам «Правды» (2 декабря 1930), выступал против «барски-феодальной эксплуатации крестьян». Вероятно покончил жизнь самоубийством.

Н.М. Анцелович (1888-1952) — партийный и профсоюзный работник. Член РСДРП с 1905, в 1927-34 кандидат в члены ЦК ВКП(б), в 1923-31 председатель ЦК Союза работников земли и леса, с 1938 — член ЦК ВКП(б).

И.П. Румянцев (1886-1937) — член РСДРП с 1905, секретарь Владимирского губкома в 1927-28, в 1929 — секретарь бюро Западной области. Арестован по обвинению в связях с командующим Белорусским военным округом И.П. Уборевичем, после ареста последнего по делу военных.

ПРОТОКОЛ № 1

закрытого совещания при Великолуцком Окружкоме ВКП(б)
от 28/I-30 г.

Присутствуют: т.т. Рушанов, Панченко, Селиверстов, Неймар, Даболин, Колосов.

§1. О предстоящем выселении кулаков из пределов Великолуцкого округа с конфискацией имущества последних.
(т.т. Даболин, Колосов, Селиверстов, Рушанов, Панченко).

1. Считать данное мероприятие вполне целесообразным и своевременным.

2. Предложить т.т. Колосову и Даболину в 2-х дневный срок проработать детальный план этого мероприятия и представить его на рассмотрение закрытого заседания Бюро Окружкома 30/I-30 года в 12 часов дня.

П.п. Зам. Секретаря Окружкома ВКП(б) (Рушанов)

В е р н о:

Управделами ОК (Лац)

ПРИМЕЧАНИЯ

(ПАСО, д.53, л.11, маш., подписано управделами Лац). В левом верхнем углу от руки: «т. Р-ву» и «П.Р.». Очевидно, пометки Румянцева. В нижнем левом углу входные данные Запобкома: «5/III-30 г. № 492, т. Румянцеву».

П.п. — подлинная подпись.

**

Великолуцкий округ был передан Западной области из Ленинградской области в 1929 году, состоял в начале 1930 из 26 районов с населением 30-60 тыс. человек в каждом. В 1930 округа были упразднены, а в 1935 большинство районов бывшего Великолуцкого округа отошли к вновь образованной области.

Первая фраза документа, одобряющая мероприятие, указывает, что окружком получил какое-то указание о выселении кулаков. Однако, решение Политбюро, утвердившее предложение комиссии Молотова (*О КУЛАКЕ*) было принято только 30 января 1930 года, а постановление ЦИК и СНК СССР *О МЕРОПРИЯТИЯХ ПО УКРЕПЛЕНИЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПЕРЕУСТРОЙСТВА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В РАЙОНАХ СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ И ПО БОРЬБЕ С КУЛАЧЕСТВОМ* датировано 1 февраля. После этого Наркомзем разработал и разослал на места инструкцию *О ПОРЯДКЕ ПРОВЕДЕНИЯ МЕРОПРИЯТИЙ ПО ЛИКВИДАЦИИ КУЛАЧЕСТВА*. Документ, однако, показывает, что местные власти не дожидались указаний. Так поступали и в других концах страны. Известно, что секретарь Уральского обкома И.Д. Кабаков, находясь в Москве и принимая участие в работе комиссии, послал 21 января домой развернутую телеграмму, на основании которой обком принял постановление *О МЕРОПРИЯТИЯХ БОРЬБЫ С КУЛАКАМИ*. Опереждали партийные решения и на Украине, и в Белоруссии; такое забегание вперед было впоследствии осуждено, так как местная инициатива распространяла раскулачивание не только на деревенских жителей, но и на нэпманов, и вообще на всех лишенцев, что не соответствовало поступившим в дальнейшем партийным директивам.

Видимо, поздняя отправка документа в область (получен 5 марта, в то время, как протокол от 30/1 получен 4 февр.) как-то связана с расследованием перегибов (в частности, разграблением нэпманов), начавшимся в начале марта. По материалам расследования И.Румянцев написал письмо с многочисленными примерами из практики раскулачивания.

Даболин и Колосов — работники ОГПУ округа.

Рушанов — член бюро Великолуцкого окружкома.

Панченко — член Контрольной Комиссии округа.

Селиверстов — Председатель окружного суда.

3

Совершенно секретно

ПРОТОКОЛ № 8

Закрытого заседания Бюро Великолуцкого Окружкома ВКП(б)
от 30/1-30 г.

Присутствовали: Члены Бюро ВК тт. Локтев,
Рушанов, Черный.

Приглашенные: т.т. Колосов — ОТ ОГПУ, Даболин — Окр. ОГПУ, Андреев — Особдив, Кийо — ОИК, Павлов — ОИК, Кудрявцев — Окружком.

§1. Об изъятии кулацко-нэпманских и др. чуждых элементов из пределов Великолуцкого округа.

1. Считать совершенно правильным и своевременным проведение операций по изъятию кулацко-нэпманских, помещичьих и др. чуждых элементов из пределов округа, как пограничного, и намерение этого изъятия в срок до начала весенней посевной кампании, т.е. 1 марта с.г. Разработанный план проведения операции считать правильным.

Вся кампания по изъятию кулацко-нэпманских и др. чуждых элементов из округа является составной частью успешного проведения с.хоз. посевной кампании и кампании по коллективизации с.х. округа, поэтому изъятие кулацко-нэпманских и др. чуждых элементов должно сопровождаться проведением работы среди батрацко-бедняцких и середняцких масс с разъяснением необходимости проведения этого мероприятия с точки зрения ликвидации кулака как класса. На проводимых батрацко-бедняцких и середняцких собраниях необходимо добиться вынесения постановлений не только о правильности изъятия кулаков, но и конфискации средств, орудий производства, земли и передачи этого имущества в колхозы.

Для практического проведения этой операции признать необходимым:

1. На время проведения работы по изъятию кулачества увеличить аппарат Окр. ОГПУ на 4 чел. и мобилизовать 11 т.г. из запаса, состоящих на спец. учете в ОГПУ.

2. Поручить фракции ОИК'а на проведение операции ассигновать [в] распоряжение ОГПУ 10000 рубл., в последующем поставив перед Обл. Исполкомом вопрос о возмещении указанной суммы.

3. В целях подготовки этого мероприятия всей парторганизации округа, поручить секретариату ОК написать специальное письмо Секретарям Райкомов, в котором осветить мероприятия, которые должны провести Райкомы в обеспечение произведения операции в районе.

4. Имея в виду срочность и важность кампании, считать необходимым освободить работников милиции округа от нагрузок, не связанных с работами по милиции, на время проведения кампании по изъятию кулацко-нэпманских элементов (посылка на весеннюю посевную кампанию, бригады и т.д.).

5. В целях обеспечения оружием работников на время проведения кампании, провести снабжение, за счет мобзапаса, име-

ющихся в распоряжении Окрадмотдела, с последующим разрешением и пополнением мобзапаса.

6. Считать необходимым отложить на время проведения операции приведение в исполнение постановления ОКРИК'а о снятии колоколов и закрытии церковей г. Вел. Лук.

7. В письме Секретариата — Секретарям Райкомов ВКП(б) указать на необходимость максимально внимательного отношения ко всякого рода постановлениям о снятии колоколов и закрытии церковей в деревне, считая, что работа всех парт-организаций округа в данный момент должна быть направлена на успешное проведение работы по коллективизации и проведение весенней с.х. кампании.

8. Для проведения выселения кулацких семейств в Великолуцком округе к весенней с.х. кампании создать комиссию в составе т.г. Овчинникова (Председателя), Даболина, Неймар и Селиверстова.

Предложить комиссии составить конкретный план работы и представить на рассмотрение ОК ВКП(б).

Секретарь ОК ВКП(б) (Локтев)

ПРИМЕЧАНИЯ

(ПАСО, д.53, л.1, маш., очевидно, копия, хотя это и не указано). Подписано управделами окружного комитета ВКП(б) Лацем. Заверено штампом: «С подлинным верно». В левом верхнем углу штамп Запобкома «входящий номер 398, от 4 февраля 1930 г. (инф[ормация]»).

**

Как и предыдущий протокол заседания, этот документ представляет из себя самостоятельное развитие общей уже известной идеи: «Кулака надо выселять».

Запас ОГПУ, который предлагается мобилизовать, состоит из бывших работников ЧК, уволенных в отставку при реорганизации этого учреждения. Уже в мае 1925 года поступило распоряжение о возвращении этих лиц в ряды ОГПУ. (См.: *ДОКУМЕНТЫ АРХИВА ОГПУ ЧЕРНУХСКОГО РАЙОНА ЛУБЕНСКОГО ОКРУГА УССР*. — «СССР: Внутренние противоречия», №14, с.173-174).

При проведении кампании все уполномоченные, все члены партии и многие комсомольцы получили револьверы.

Кампания по изъятию церковных колоколов началась еще в 1927 году (см.: «СССР: Внутренние противоречия», №14, с.180-181). Осенью 1929

наступление на религию (заккрытие церквей, взятие их под склады и зернохранилища) развернулось с особой силой. Решение Великолуцкого окружкома приостановить это наступление, чтобы сосредоточить силы на раскулачивании, свидетельствует о предусмотрительности, которую, однако, не удалось воплотить в жизнь. При разоблачении перегибов приводилось много случаев расстрела икон, издевательства над верующими, священниками, разграбления церквей.

Окрасмотдел — административный отдел при окружном исполнительном комитете советов, возглавлял милицию.

Особдив — особая дивизия, территориальная дивизия, расположенная в Западной области. Ее красноармейцы привлекались при проведении раскулачивания, что впоследствии рассматривалось, как недопустимый перегиб.

ОТ-ОГПУ — ответственный уполномоченный ОГПУ.

ОИК — Окружной исполнительный комитет советов.

ВК — Великолуцкий окружной комитет ВКП(б).

Этот и предыдущий протоколы заседания бюро Великолуцкого окружкома были впервые рассмотрены и описаны М.Фейнсодем и после этого вошли в научную литературу как типичный пример мероприятий при проведении коллективизации. Это естественно, поскольку мы не располагаем другими материалами. Но следует отметить, что до начала февраля местные власти занимались самодеятельностью, поскольку не имели на руках решений высших партийных инстанций, а в то же время не хотели и не могли ждать. Так что деятельность руководителей в Великих Луках была характерной для времени, но вряд ли слишком типичной.

4

Копия.

Совершенно секретно

ПРОТОКОЛ № 2

Закрытого заседания Бюро Великолуцкого Окружкома ВКП(б)
от 6-го февраля 1930 года.

Присутствовали: члены и кандидаты бюро ОК
ВКП(б) т.т. Локтев, Филиппов, Рушанов, Се-
менов, Григорьев, Статникова, Британ.

Члены ОКК ВКП(б) т.т. Панченко, Пильман, Кар-
пов.

Представ. Запобкома ВКП(б) — т.т. Шильман, Жданкин.

Приглашенные т.т. Даболин — Окр. ОГПУ, Некрасов — Велижск. РК ВКП(б), Маханьков — Торопецкий РК, Лац — Окружком ВКП(б).

§1. О мероприятиях по ликвидации кулачества в округе,
(т. ШИЛЬМАН)

Высказываются т.т. Даболин, Статникова, Маханьков, Локтев.

1. Создать окружную тройку в составе т.т. Локтева, Иванова Даниила и Даболина — для руководства работой по ликвидации кулачества в округе.

2. Предложить райкомам ВКП(б) создать в районах райтройки в составе: Секретарь Райкома ВКП(б), Председатель Райисполкома и уполномоченный ОкрОГПУ.

3. Поручить Оргинструкторскому Отделу ОК ВКП(б) выделить 26 товарищей для посылки в районы для проведения этой работы.

Секретарь ОК ВКП(б) (Локтев)

ВЕРНО :

Управделами (Лац)

ПРИМЕЧАНИЯ

(ПАСО, д.53, л.5, маш., копия, подписана Лацем, без даты). Слеваверху штамп обкома Западной области, входящий номер 493, от 5/III-1930 «т. Румянцеву». В углу еще раз от руки: «т. Р[умянцеву]».

••

Заседание бюро от 6 февраля уже не носит характера самостоятельности. Решение о создании специальной тройки в округе (Локтев — секретарь Окружного комитета ВКП(б), Даниил Иванов — Исполком советов депутатов трудящихся округа, Даболин — полномочный представитель ОГПУ) — было общим для всей Западной области и для всей страны. Повсюду было предписано создавать аналогичные тройки (в каждом округе, в каждом районе).

Шильман — член бюро обкома Западной области, выехал в округ как уполномоченный по проведению кампании.

Председатель Торопецкого Райкома присутствует на заседании, так как этот был район выделен в качестве первоочередного для сплошной коллективизации, а решения центрального руководства требовали проведения кампании раскулачивания параллельно с коллективизацией. Практически, однако, это мало учитывалось. Раскулачивание выливалось в самостоятельный увлекательный процесс, и никто из местных руководителей не мог и не хотел от него отказаться даже под угрозой партийного наказания. Великолуцкий округ не был исключением. Мы видим, что уполномоченные посылаются во все районы, везде создаются тройки, без всякой связи с темпом коллективизации.

5

Экземп.
№ 11/СС
12/II-30 г.

*Совершенно секретно
Подлежит возврату в 2-х недельный
срок.*

О ЛИКВИДАЦИИ КУЛАКА, КАК КЛАССА.

Товарищи!

«Проведение мероприятий по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации, — говорит решение ЦК, — должно находиться в органической связи с действительным массовым колхозным движением бедноты и середняков и является неразрывной составной частью процесса сплошной коллективизации».

Запобком предостерегает местные организации против подмены, как это имело место в ряде районов, работы по массовой коллективизации голым раскулачиванием. Лишь в сочетании с самой широкой организацией батрачества и бедноты и при сплочении бедняцко-средняцких масс на основе коллективизации, проводимые административные меры по раскулачиванию могут привести к успешному разрешению поставленных партией задач в отношении социалистического переустройства деревни и ликвидации кулачества.

Окружком считает необходимым, чтобы начавшийся в районах сплошной коллективизации процесс ликвидации кулацких хозяйств был проведен наиболее организованным путем, что особенно необходимо в Великолуцком округе, как пограничном. Причем проводимыми мероприятиями мы должны решительно

подавить попытки контрреволюционного противодействия кулачества колхозному движению, вырвать средства эксплуатации у кулака и отнять у него всякую возможность организации против партии и советской власти.

Для проведения мероприятий по ликвидации кулачества Округом предлагает:

1. Районным тройкам немедленно дать указания через Райисполкомы, сельсоветы о взятии на учет всего имущества кулаков, с целью прекращения разбазаривания имущества этими хозяйствами. К составлению описей сельсоветы в помощь должны привлечь батрацко-бедняцкий и середняцкий актив. Сельсоветы должны немедленно предупредить кулацкие хозяйства, что к хозяйствам, разбазаривающим имущество, бегущим будет применяться конфискация всего имущества.

2. В двухнедельный срок провести по всему району учет и довыявление кулацких хозяйств и разбивку всех их на три группы: а) первая категория — контрреволюционный кулацкий актив, арестовываемый в настоящее время ОГПУ. В отношении этой категории тройки могут дополнять список на основе решения батрацко-бедняцких и середняцких собраний, с передачей (имущества) материалам Органам ОГПУ; б) вторая категория — отдельные элементы кулацкого актива, особенно из наиболее богатых кулаков и полупомещиков, которые будут выселяться в отдаленные местности Советского Союза.

Семьи первой группы и вторая группа будут выселяться из пределов округа по распоряжению окружной тройки. Имущество первой группы конфискуется и передается в колхозы (там, где колхозов нет, принять меры к организации колхозов с передачей в них конфискуемого имущества, или передать в ближайший колхоз). Имущество второй группы конфискуется по мере выселения их, по распоряжению окружной тройки; при создании колхозов вторая группа переселяется на тех же основаниях, что и первая группа, на участки, или во временные помещения из пределов колхозов; в) третья категория, оставляется в пределах округа — кулаки, которые подлежат выселению из пределов колхозов и районов сплошной коллективизации и расселению на участках, за пределами колхозных хозяйств, отводимых им РИК'ами, после утверждения окружной тройки.

Всякие аресты могут быть произведены лишь карательно-судебными следственными органами.

Райтройки обязываются в 2-х недельный срок представить в окружную тройку сведения о количестве кулацких хозяйств 3-й категории. Окружная тройка, после получения из районов указан-

ных данных, даст на места точную разверстку расселения по районам кулацких хозяйств III категории.

3. В целях лучшей ориентировки районов при составлении цифр по выселению из пределов кулацких хозяйств II категории окружная тройка дает по вашему району следующую ориентировочную цифру — *тридцать (30)* х-ств.

Окружная тройка указывает, что в ориентировочные цифры по районам семьи арестованных кулацких элементов по I-ой категории входят в число кулацких элементов II категории.

4. Кулацким хозяйствам первой и второй группы при конфискации у них имущества должны быть оставлены лишь самые необходимые предметы домашнего обихода, некоторые элементарные средства производства и необходимые продовольственные запасы до нового урожая (примерно, из расчета 4 клгр. хлеба на едока в месяц, 8 клгр. картофеля в месяц, овощи и т.д. Семьям, имеющим детей, оставлять корову до выселения, оставить пилы, топоры, лопаты, мотыги, один комплект сбури). Денежные средства выселяемых кулаков конфискуются с оставлением в руках кулака минимальной суммы (до 500 руб.) на семью, необходимой для проезда и устройства на новом месте.

5. В отношении кулацких хозяйств третьей группы, которые выселяются из пределов колхозов и районов сплошной коллективизации на отводимые РИК'ами участки, Окружная тройка предлагает: а) средства производства оставлять в размерах, минимально необходимых для ведения с/х на вновь отводимых участках, б) срочно проработать райтройкам и фракц. ОИК'а вопрос о способах использования расселяемых кулаков, как рабочей силы в особых трудовых дружинах и на лесоразработках (дорожных, мелиоративных и др. работах), в) в поселках, куда будут выселены кулаки, управление будет осуществляться специальными тройками или уполномоченными, назначаемыми РИК'ами и утверждаемыми Окрисполкомами.

6. Всем кулацким хозяйствам, находящимся вне колхозов, немедленно даются с/советами определенные производственные задания по сельскому хозяйству и обязательства по сдаче товарной продукции государственным и кооперативным органам и принимаются меры, которые обязывали бы (под угрозой конфискации всего имущества и уголовной ответственности) кулацкие хозяйства, которые не выселяются, к полному посеву своих площадей.

7. Выделение участков для расселения кулацких хозяйств третьей категории произвести районным тройкам в 16-ти районах:

Великолуцком, Насвинском, Рыковском, Невельском, Ловатском, Холмском, Бологовском, Советском, Ленинском, Октябрьском, Ново-Сокольницком, Невельском, Усть-Долысском, Пеновском, Поречьевском.

Районные тройки должны немедленно подыскать бросовые земли, заболоченные участки из-под леса и др., требующие улучшения, и сообщить обо всех таких участках в Окртройку в недельный срок (примерный размер участков, характер почвы, местонахождение и т.п.).

Разверстка на переселяемые в указанные шестнадцать районов кулацкие хозяйства III категории будет дана дополнительно, с учетом также районов комплектования частей 43 дивизии.

8. Безусловно воспрещается распространять мероприятия по выселению, переселению и конфискации к бедняцким и середняцким хозяйствам. Об этом надо предупредить потому, что некоторые работники, исходя из объяснений, что из бедняков и середняков есть подкулачники «по идеологии кулаки» и т.д., арестовывают и отдельных бедняков и середняков. В вопросе ликвидации кулаков, как класса, должна быть проведена четкая классовая линия. Мы ликвидируем, арестовываем и конфискуем имущество у нашего классового врага. Но нужно против этого врага мобилизовать бедняцко-середняцкие массы — вот наша задача, нужно добиться от бедняка и середняка отмежевания его от кулака и понимания задачи ликвидации кулачества.

Запрещается распространять указанные мероприятия и на семьи красноармейцев и командного состава Красной Армии, хотя бы это были и кулацкие. Обо всех случаях выявления кулацких хозяйств, имевших в хозяйстве красноармейцев, нужно немедленно ставить в известность Округную тройку.

9. Всем партийным организациям необходимо совместно с профорганизациями немедленно принять меры по очистке промышленных предприятий от кулацких элементов, не допуская какой-либо общей чистки, и в дальнейшем принять меры к недопущению таких элементов на производство. Кулак сейчас бежит из деревни в город, пытается пробраться на производство, на другие работы, вот почему сейчас необходимо всем партийным и профсоюзным организациям принять все меры к недопущению кулацких элементов на предприятия и заводы, особенно в союзы строителей, деревообделочников и т.д..

В отношении кулацких семейств, члены которых продолжительное время работают на фабриках и заводах, должен быть проявлен особо осторожный подход и решаться каждый раз

Окружной тройкой, по согласованию с соответствующими заводскими организациями.

10. В отношении порядка конфискации и использования конфискованного имущества руководствоваться следующим: а) конфискация имущества кулаков производится особо уполномоченными Райисполкомом с обязательным участием сельсовета, представителей колхозов, батрацко-бедняцких групп и батрачковых; б) при конфискации производится точная опись и оценка конфискуемого имущества, с возложением на сельсоветы ответственности за полную сохранность конфискованного; в) конфискуемые у кулаков средства производства и имущество передаются РИК'ами в колхозы в качестве взноса за батраков и бедняков, с зачислением конфискованного в неделимый фонд колхозов с полным погашением из конфискуемого имущества, причитающихся с ликвидируемого кулацкого хозяйства обязательств государственным и кооперативным органам; г) колхозы, получившие земли и конфискуемое имущество, должны обеспечить полный засев передаваемой земли и сдачу государству всей товарной продукции; д) конфискуемые жилые кулацкие постройки используются на общественные нужды сельсоветов и колхозов, или для общежития вступающих в колхоз и не имеющих собственного жилья батраков; е) сберкнижки и облигации госзаймов у кулаков всех трех категорий отбираются и заносятся в опись с выдачей расписки о направлении их на хранение в соответствующие органы Наркомфина. Всякая выдача выселяемым кулацким хозяйствам из взносов в сберегательные кассы, а также выдача ссуд под залог облигаций в районах сплошной коллективизации безусловно прекращается; ж) паи и вклады кулаков всех трех категорий в кооперативные объединения передаются в фонд коллективизации бедноты и батрачества, а владельцы их исключаются из всех видов кооперации.

11. По сведениям, имеющимся в ОК, в отдельных районах (напр., Идрицкий, Великолуцкий, Куньинский), производится конфискация имущества и выселение кулаков без всякого плана и подготовки, что является совершенно недопустимым. Необходимо Райкомам сначала провести все необходимые мероприятия по подготовке (в сроки, указанные настоящим письмом), после утверждения необходимых мероприятий Окртройкой и затем приступить к выселению и расселению. При выселении и конфискации имущества у кулацких хозяйств, постройки их немедленно должны передаваться в колхозы и кулацкие семьи переселены в другие, вне колхозов. Однако, сейчас немедленно должна быть развернута работа среди батрацко-бедняцких и серед-

няцких масс, проведены описи имущества, подыскание участков, учет и довыявление кулацких хозяйств и другие указанные в настоящем письме мероприятия.

12. Партийные организации должны немедленно широко развернуть работу среди батрацко-бедняцких и середняцких масс по обсуждению о выселении, расселении и конфискации имущества. Такая работа, с одной стороны, будет проводить более глубокое классовое размежевание от кулака в деревне и мобилизовать батрацко-бедняцкие и середняцкие массы на борьбу с кулаком, под руководством партии, с другой стороны, эта работа даст конкретные материалы районным тройкам по учету и разбивке кулаков на группы (дополнительно к первой категории, вторую категорию).

Окружная тройка еще раз с особой настойчивостью подчеркивает, что ликвидация кулачества должна происходить при самой широкой мобилизации батрацко-бедняцких и середняцких масс. Необходимо добиться, чтобы каждый батрак, каждый бедняк и каждый середняк уяснил необходимость проводимых партией и советской властью мероприятий.

Никаких колебаний, никаких потачек право-уклонистским настроениям и примиренчеству.

Развертывание строительства колхозов и ликвидация кулачества — вот задачи, которые должны быть разрешены партией в самый кратчайший период.

По всем вопросам, которые Вам недостаточно ясны, немедленно запрашивайте в Округ т.т. Локтева или Д.Иванова или Даболова.

П.п. Председ. Окртройки (Локтев)

Снятие копий строго воспрещается.

В Е Р Н О :

ПРИМЕЧАНИЯ

(ПАСО, д.53, лл.6-8, маш. копия от 12 февраля 1930 г., подписано управляющим делами Великолуцкого окружного комитета ВКП(б) Лацем). Вверху на первой странице от руки: «всем РККомам». Номер экземпляра не проставлен. В тексте в пункте 3 слова «тридцать (30)» хозяйств вписаны от руки на месте многоточия.

♦♦

Документ представляет собой развернутые рекомендации по раскулачиванию для местных районных работников. Автор, очевидно, исходил из решения ЦК и постановления Запобкома. Документ, таким образом, отражает намерения центрального партийного руководства. В общем виде они заключались в устранении кулака как опасного противника, мешающего коллективизации и «использовывания» его имущества как экономической базы организуемых колхозов.

Ориентировочная цифра — 30 хозяйств на район, то есть 150-200 человек, несколько меньше одного процента сельских жителей, намеренных к принудительному изгнанию по плану Молотова. Дело, видимо, в том, что Западная область не относилась к зерновым, то есть на нее вообще не должно было распространяться в первый период выселение кулаков, однако, местные руководители не могут позволить себе не участвовать в проводимой кампании.

Обращает на себя внимание близость некоторых формулировок письма к изложению партийных решений советскими историками (см., напр., приведенные во введении слова Ивницкого об изъятии вкладов со сберкнижек и паевых взносов в кооперацию). Скорее всего, это свидетельствует о том, что оба документа пересказывают близко к тексту какой-то третий источник. Хотя возможно, что Ивницкий был знаком с содержанием письма по книге М.Фейнсода и заимствовал оттуда некоторые сведения. В частности, он не дает обычных ссылок на архивы, рассказывая об оставлении 500 рублей, что заставляет предположить, что источник информации ему указывать не хочется. В этом случае можно считать, что оставление денег было окружной или областной инициативой, не нашедшей, как отмечалось, применения на практике. Среди 16 названных р-нов Невельский попадает дважды, видимо, имеется в виду Цевельский; Пеновский назван ошибочно, скорее всего — это Поповский.

6

Совершенно секретно

ПРОТОКОЛ № 5

Заседания окружной тройки при Великолуцком Окружком
ВКП(б) от 19 февраля 1930 года.

Присутствуют: Филиппов, Даболин, Иванов Д., Рушанов, Лурье, Лац.

§1. О прохождении в округе кулацких эшелонов. (Даболин).

1. Предложить Невельскому, Великолуцкому, Торопецкому, Осташковскому Райкомам ВКП(б) и т. Барабанову (коллектив ВКП(б) паровозно-вагонно-ремонтного завода) принять необходимые меры к обеспечению надлежащей охраны на станциях во

время прохождения и стоянки кулацких эшелонов, не допуская никаких эксцессов, организацию проводов и т.д., для чего мобилизуя часть наиболее выдержанных членов партии.

2. Поручить тов. Лурье принять меры к обеспечению проходящих эшелонов продуктами первой необходимости, особенно молоком для детей в пунктах стоянки эшелонов.

21/II проверить выполнение настоящего пункта на заседании тройки.

§2. О появлении банды в Велижском районе (т. Даболин).

1. Написать всем Райкомам ВКП(б) специальное письмо с указанием на всемерную помощь органам ОГПУ в борьбе с бандитизмом и об организации в районах ядер из бывших красных партизан.

§3. О предстоящей сплавной кампании (т. Даболин).

Имея в виду засоренность лесозаготовительных организаций Округа, предложить всем Райкомам ВКП(б) принять немедленные меры к очистке последних от чуждого элемента.

Вместе с тем обратить внимание всех Райкомов, для принятия соответствующих мер, о тщательном подборе лиц сплавщиков, особенно на сплаве заграничном, не допуская на таковой чуждых элементов-кулаков, могущих использовать сплав для переправления за границу. При наборе сплавщиков для заграничного сплава тщательно проверять их через органы ОГПУ.

Председатель тройки.

Секретарь

(Даболин)

(Лац)

ПРИМЕЧАНИЯ

(ПАСО, д.53, л.11, маш., копия подписана Лацем и штамп, заверяющий подпись Даболена). В верхнем углу: «т. Р[умянце]ву».

**

Протокол тройки подписан Уполномоченным ОГПУ Даболениным в качестве председателя, очевидно, потому, что секретарь окружкома ВКП(б) Локтев смнен на посту, а новый секретарь еще не полностью принял дела.

Эшелоны с кулаками двигались через Великие Луки скорее всего из степной Украины и Северного Кавказа, в самой Смоленской области выселения не были еще разрешены, так как она не входила в число зерновых районов.

Снабжение молоком детей в проходящих эшелонах — мера, несомненно, гуманная, свидетельствующая, что высылаемых не рассматривали как обреченных на уничтожение. Непонятно, насколько такая позиция была типичной. В воспоминаниях выславшихся ничего похожего на снабжение молоком или хотя бы хлебом не отмечается. Вот несколько типичных описаний:

«Из 10 раскулаченных хозяйств хутора Гусарского в феврале 1930 года всех мужчин арестовали, а через пять дней погнали на станцию Демурино и посадили в вагоны. Товарные вагоны были уже приготовлены: окошки закручены колючей проволокой и заперты. Скоро открыли двери и посадили в вагоны наши семьи. Теснота творилась такая, что не пройти, не проползти. В вагон дали три ведра и сказали: "Одно на парашу (для природных человеческих нужд), одно на суп и одно — для воды"». (Н.Вербицкий. *НАЙБИЛЬШИЙ ЗЛОЧИН КРЕМЛЯ*. Лондон, 1952, с.48).

«За всю дорогу лишь дважды открывали двери вагонов на безлюдных станциях» (там же, с.44).

«В каждом вагоне ехало 50-55 человек с вещами. Окна были переплетены колючей проволокой, двери заперты. Нас сопровождал многочисленный конвой. Поезд редко останавливался. Из вагонов никого не выпускали. В Москве дали сырой воды» (*ГОЛОД 1933 РОКУ НА УКРАИНИ*. Мюнхен, 1963, с.19).

Среди ссылаемых, особенно у малолетних детей и стариков, была высокая смертность от простуды и плохого питания. Для жизни на новых местах также ничего не было подготовлено, чтобы хоть как-то разместить депортированных, в церквях Вологды были построены 5-8 этажные нары.

Практически весь сплав леса из округа шел в северном направлении в сторону Балтийского моря, в республики Прибалтики и оказывался заграничным.

В 1930 году в Западной области возник целый ряд банд, которые пополнялись бежавшими от арестов и раскулачиваний. В борьбе с бандами ОГПУ опиралось на широкую сеть секретных осведомителей и вооруженных партийно-комсомольских работников.

ПРОТОКОЛ № 6

Заседания Тройки при Великолуцком Окружном ВКП(б)
от 27/II-30 г.

Присутствуют: Члены тройки т.т. Филиппов, Варначев, Даболин.

Приглашенные т.т. Панченев, Лац.

§1. О выселении и переселении кулаков.

1. Поручить районным тройкам 16-ти районов лично выехать на места, отводимые для переселения кулаков с целью выяснения размеров и характера земельных участков, определения примерной стоимости необходимых к возведению и переносу построек, учитывая бесплатную рабтрудгужсилу кулаков.

Сведения о земельных участках, примерную смету стоимости, немедленно представить в Окотройку.

2. Обязать районные тройки впредь до особых распоряжений Окотройки выселение кулацких семей I кат. и кулаков II и III категорий, при отсутствии помещений и возможности переселения в бедняцко-батрацкие помещения и переселение в другие районы — не производить.

3. Обязать тов. Варначева (ОИК) немедленно издать обязательное постановление ОКРИК'а, обязывающее кулацкие х-ства обсеменить свои зем. участки с семматериалом самих кулаков.

Вместе с тем для обсеменения и обработки земельных участков кулацких семей I-ой кат., не имеющих трудоспособных, привлечь кулацкие хозяйства II и III категории.

4. Поручить т.Варначеву договориться и привлечь для работ по определению и отводу земельных участков для переселяемых кулаков из ОКРЗУ агронома-партийца.

Председатель (Филиппов)
Секретарь (Лац)

ПРИМЕЧАНИЯ

(ПАСО, д.53, л.12, маш., копия подписана Лацем и штамп, заверяющий подпись Филиппова). Вверху пометка: «т. Р[умянцеву».

В округе продолжают перемены в руководстве. Филиппов стал партийным секретарем и также председателем тройки по раскулачиванию, а на место председателя окружного исполкома советов пришел Варначев.

Пункт два практически запрещает выселение кулацких семей на улицу, к чему стремились особенно активные работники на местах.

Пункт три не отвечает на вопрос, как быть кулакам, у которых семенные материалы конфискованы, а таких к тому времени было большинство.

В целом документ показывает, что окружные руководители серьезно собираются выполнять решение о расселении кулаков за границами колхозов, решение, которое очень редко где удалось практически осуществить, как из-за нехватки средств, так и из-за политических проблем, возникавших в связи с существованием не подлежащих коллективизации хозяйств рядом с колхозами.

8

Совершенно секретно

Секретарю Запобкома ВКП(б) т. Румянцеву
копия тов. Шелехесу

ИНФОРМАЦИОННАЯ СВОДКА № 1.

О ходе работ по ликвидации в Великолуцком округе кулачества.

По состоянию на 28 февраля 30 г.

По округу на 28/II-30 г., по еще не полным данным, состоит кулацких хозяйств подлежащих ликвидации 3551, из коих по I катег. 947 чел., по II-ой катег. 1307 и по III-й катег. 1297.

Изъято органами ОГПУ, также по состоянию на это число, 800 ч.

В связи с ликвидацией кулачества, по данным ОГПУ, сбежало 50 человек.

В большинстве районов имущество кулаков I категории уже изъято и передано в колхозы. Имущество же II-й и III-й катег. описано, причем в большинстве случаев все раскулаченные хозяйства остаются жить на месте, а частью переселены в постройки бедняков-батраков, а последние в их постройки.

Точной информации о кулацком имуществе, его использовании, оценке стоимости имущества районные тройки еще не представляли.

Вопрос о ликвидации кулачества по всем районам предварительно прорабатывается на бедняцко-батрацких средняцких собраниях, собраниях колхозников, каковые одобряют мероприятия партии и советской власти в этом отношении и выносят постановления о ликвидации кулака.

В работе по ликвидации кулака, однако, отмечены ряды случаев искривления классовой линии, так: в Идрицком р-не имел место случай ареста сельской интеллигенции, в Локнянском р-не произведена опись кулацкого хозяйства, имеющих 2-х сыновей красн. командиров, в Торопецком р-не имеет место случай приговора бедноты, что кулаки арестовываются неправильно, что кулаки хорошие, постановление батрак.-бедняков против семфондов, в Усмынском р-не имел место безобразный факт ареста 1 бедняка и двух середняков уполномоченным по проведению собрания по раскулачиванию, а уполномоченным Райтройки самим арестованы 2 кулака и 3 середняка. В Велижском р-не в Октябрьском с/совете бригадой при участии с/совета произведена конфискация дома и прочего имущества счетовода Селезневского лесзавода, в Городецком с/совете бригадой были арестованы 5 середняков и бедняков, в Тивонцевском с/совете у индивидуалов Андреева, Михайлова, Федорова и Антонова отобраны комсомольцами под руководством секретаря ячейки ВЛКСМ охотничьи ружья, в то время как находящиеся у кулаков сортировки и веялки не изъяты и таковые бездействуют.

Со стороны Окружкома ВКП(б) своевременно даны на места указания о недопущении искривления классовой линии и о привлечении виновных в искривлении к ответственности. По конкретным фактам приняты меры раймилицией.

Для расселения ликвидированных кулацких хозяйств по округу из 26 районов отведено 16: Великолуцкий, Насвинский, Рыковский, Локнянский, Невельский, Ловатовский, Холмский, Бологовский, Советский, Ленинский, Октябрьский, Ново-Сокольницкий, Невельский, Усть-Долынский, Пеновский, Поречьевский. Всем районным тройкам указанных районов даны задания по подысканию земельных площадей для расселения. По неполным данным на 28/II таких земельных площадей подыскано 7505 га, которые из себя представляют: бросовые земли, заболоченные, пустоши, кустарники. Следует отметить, что на указанных участках, за редким исключением, отсутствуют всякие постройки, в связи с чем затрудняется переселение.

Вместе с тем Окружная тройка отмечает, что до сего времени от Областной тройки не последовало указаний о сроках и

порядке выселения кулацких хозяйств II-й категории, а также неясный вопрос о лишенных избирательных прав.

Окружной тройкой через Окрисполком приняты меры по обеспечению весен. посевной кампании засева кулацкими хозяйствами земельных участков.

В связи с ликвидацией кулачества в округе отмечены случаи появления бандитизма (Велижский р-н). Через Окр. ОГПУ приняты меры по ликвидации бандитизма и вместе с тем в целях предотвращения бандитизма в округе вообще — всем районным тройкам и Райкомам ВКП(б) даны указания о принятии ряда мероприятий, предупреждающих возможность организации бандитизма. Предложено срочно провести в жизнь мероприятия о военном обучении и организации партийцев и комсомольцев, дана директива о выявлении и взятии на учет бывш. партизан.

Председатель Окр. Тройки (Филиппов)

ПРИМЕЧАНИЯ

(ПАСО, д.53, лл.13-14, маш., подлинник, подписан Филипповым, без даты). Входящий номер Запобкома 794 от 5 марта 1930. В углу пометка: «5/III т. Р[умянцеву».

В тексте фразы: «По конкретным фактам приняты меры раймилицией» и «...а также неясный вопрос о лишенных избирательных прав» — вписаны от руки, вероятно, Филипповым.

**

Шелехес был членом бюро обкома Западной области и председателем Исполкома.

Данные о раскулачиваемых неполны. Слишком велика пропорция между I, II и III категориями по стране, как отмечалось в введении, I и II категории должны были составлять около 20-25% от всех раскулачиваемых. Очевидно, сведения неполны большей частью за счет не столь заметной и не столь враждебной третьей категории. Следует отметить, что по решению правительства кулаков III категории вне районов сплошной коллективизации вообще не следовало трогать. Удивительно мал процент скрывшихся от раскулачивания: всего 50 человек при 800 арестованных. Это свидетельствует об оперативности работы ОГПУ и о том, что сельские жители не ожидали нападения, не ощущали себя виноватыми.

Случаи искривления и перегибов Окружком отмечает до постановления ЦК и статьи Сталина *ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ ОТ УСПЕХОВ*.

Среди 16 перечисленных районов Невельский попадает дважды, возможно, имеется в виду Цевельский, Пеновский назван ошибочно, скорее всего это опечатка и имеется в виду Поповский.

Указания о выселении кулаков II категории поступили лишь в следующем году, так как Западная область не принадлежала к первоочередным районам коллективизации.

9

З.Л. отп. 5 экз.

Секретно

Прокурору Республики.

Копия: Секретарю Обкома ВКП(б) тов. Румянцеву.
Уполн. по весенней с/х кампании т.Шелехес.
Командующему БВО тов. Егорову.

Д о к л а д н а я   з а п и с к а

1 и 4 февраля с.г. в Петровский сельсовет прибыл Райуполномоченный и на заседании Пленума сельского совета преподнес список граждан в количестве 18-ть человек, платящих с/х налог от 14-ти до 27-ми рублей и предложил их обложить индивидуально, признаки к этому выдвинул аренда земли. Указанные хозяйства были обложены индивидуально от 250 до 800 рублей. Список обложенных хозяйств сельсоветом был представлен районному уполномоченному Средицкому для проверки, который рассмотрел и предложил понизить до 200 и до 100 рублей. В число этих 18-ти хозяйств попали две семьи красноармейцев. Такие же действия Средицкого были проделаны им и при появлении его в других сельсоветах.

7-го февраля с.г. на Пленуме Петровского сельсовета стоял вопрос о ликвидации кулачества как класса, в число ликвидируемых подвели все указанные выше 18 хозяйств, как индивидуально обложенные, хотя это обложение районной налоговой комиссией еще не было утверждено. Имущество всех этих хозяйств было немедленно конфисковано и все выселены из квартир, в том числе и семьи красноармейцев.

В момент ареста появилась группа красноармейцев, которые вместе с командным составом были вовлечены в эту ликвидацию кулака, производили арест и конфискацию имущества.

При изъятии имущества и аресте гражданина Костина Захара, отца красноармейца, платившего с/х налог 19 р. 36 коп., по-

следний был связан и доставлен в избу-читальню, где находился Пред. РИК'а Чижиков, Военком полка Ветлугин. Несмотря на то, что Чижиков убедился в документах Костина, что он является середняком, все же не был освобожден из-под стражи и на утро со служебной запиской был направлен в ОГПУ как контрреволюционер, эксплуататор, идущий против колхозного строительства.

Из ГПУ Костин был освобожден со справкой, чтобы его не трогали. Сельсовет и Райуполномоченный Токарев, не обращая внимания, арестовывают вторично. Такие аресты продолжались до пяти раз.

Для расследования этого безобразного факта на месте была создана комиссия из Помпрокурора, Упол. ГПУ и представителя от Красной Армии.

Комиссией было установлено, что Костин никогда не занимался агитацией против Советской власти и колхозного строительства, никогда не применял наемный труд.

Забранный хлеб и овес в этих хозяйствах ссыпался без веса.

Вторая семья — красноармейца Тюлина, служившего в войсках ОГПУ, платившая налог 17 рублей, имущество конфисковано и выселены из квартиры.

Кроме того, выяснено, что в районе сельсовета, под давлением одного командира военной части, была закрыта церковь. В тот же день вечером в закрытой церкви устроили танцы. Несколько женщин по поводу такого события плакали. Командир взвода Токарев на вопрос комиссии о том, как была закрыта церковь, заявил, что она была закрыта по постановлению самих масс, но расследованием установлено, что этот вопрос решился голосованием только молодежи.

Местными партийными органами округа приняты меры, снят с работы Председатель РИК'а Чижиков, как принимавший участие в раскулачивании середняков и аресте гр-на Костина. В отношении всех остальных лиц, виновных в этом деле, предложено Помпрокурору по Карачевскому району расследовать и привлечь в уголовном порядке. Мною дано распоряжение Окрпрокурору Уполномоченного Середицкого немедленно взять под стражу.

Прокурор области

(Куликов)

17 февраля 30 г.
г. Смоленск.

ПРИМЕЧАНИЯ

(ПАСО, д.53, л.113, маш., подписано Куликовым, 17 февраля 1930). Вероятно, это — копия, направленная Румянцеву. Вверху штамп Запобкома, входящий № 440, от 18/II-1930. Там же надпись: «т. Румянец читал» и другая: «Копию Брянскому Окружкому». В тексте слова об аресте отца красноармейца Костина, начиная со слов «Захара, отца...» до слов: «Пред. РИК'а», подчеркнуты от руки. Внизу листа пометки лица, составившего опись документов в 1933 г.

••

Рассказ об обложении индивидуальным налогом на основании аренды земли демонстрирует, какой высокой властью обладали уполномоченные и сельская администрация. Они могли обычный налог, отражающий доходность хозяйства (у середняков обычно около 10% доходов), увеличить в 40-50 раз. Этот произвол был следствием отсутствия четкого определения, кто такие кулаки, кто подлежит индивидуальному обложению, каковы его размеры. Все эти важнейшие вопросы, практически определяющие жизнь и смерть сельского жителя, были оставлены на усмотрение местной администрации.

Даже и там, где указания были абсолютно четкие: «Не трогать семьи красноармейцев», — местные власти не могли с ними смириться. Они хотели чувствовать себя не просто исполнителями, а вершителями судеб. Центральная власть, однако, не желала терять контроля над происходящим. Когда нарушители буквы постановления попадали в поле зрения, они сурово наказывались.

10

В с о с о ю з н а я   к о м м у н и с т и ч е с к а я   п а р т и я
(большеви́ков)

Запобком ВКП(б)

по вопросу:

П о ч т о - т е л е г р а м м а

Секретарям ОК ВКП(б)

Фракции Облесполкома — т.т. Шелехесу, Клявину, Мартынову.

Колхозсоюз — т. Новобытову.

Редакторам газет — «Рабочий путь», «Наша деревня», «Больше-
вистский молодняк».

К О П И Я :   т о в .   З а л и н у .

Во избежание огласки материалов и обобщенных сведений о ходе работ по раскулачиванию, вследствие собирания этих сведений (запросы по телеграфу, привлечение к проработке материалов беспартийных сотрудников аппаратов и т.п.) через аппарат рядом учреждения и организаций — предлагается:

1. Прекратить сбор и обобщение материалов по раскулачиванию в учреждениях и организациях (в аппаратах), соприкасающихся с этой работой — и

2. Сосредоточить эту работу исключительно в органах парткомов (тройках) и органах ОГПУ, проводя ее в строго секретном порядке.

Секретарь Обкома ВКП(б)

(Румянцев)

ПРИМЕЧАНИЯ

(ПАСО, д.151, л.168, маш., подписано Румянцевым). Вверху исходящий номер 1/54 от 20/III-1930. СС (совершенно секретно).

**

Засекречивание сведений показывает понимание властями того, что их действия малооправданы, незаконны, и лучше всего — чтобы о них просто ничего известно не было. Следующим шагом стало уничтожение сохранившихся документов в 1933 году (см. последний материал настоящей публикации).

11

З.Л. отп. 4 экз.

Сов. Секретно

Нач. ПП ОГПУ тов. З А Л И Н У
Коп.: Зап. Обком тов. Румянцеву

По сообщению прокурора Брянского Округа уполномоченный ОГПУ по Людиновскому району тов. В о л ч е к в целях проведения работы по изъятию кулачества, без ведома Окротдела ОГПУ, Прокуратуры и других окружных органов, мобилизовал и «подчинил» себе Нарследователя того же района, Нач. РАО и даже судью. В феврале месяце тов. Волчек предложил Нарследователю

и Начальнику райадмотдела выехать в район для изъятия кулаков и создать в обязательном порядке на каждого кулака уголовное дело по ст.58-10 УК. При этом им даны наставления: если свидетели не будут давать показаний против кулаков, то следует допрашивать партийцев. Обоим было предложено не возвращаться без таких дел, в противном случае они будут направлены вторично.

Направляя их в район тов. Волчек сообщил, что на этот счет имеются директивы ОГПУ и Окружкома партии, чему они поверили и не поставили в известность Прокуратуру. По сообщению Нарследователя, таким путем было создано 28 дел по ст.58-10 УК. Следствие по этим делам производилось от имени ГПУ и за подписью уполномоченного.

Кроме того, тот же Волчек давал распоряжения Нарсудье немедленно выезжать в район для разбора дел по ст.58-10 УК., а Нарследователю — производить следствие по делам с избранием меры пресечения даже не кулацким, а хозяйственным.

В настоящее время Прокурор Брянского Округа поставил в известность об этом Президиум ОкрКК и приступил к пересмотру созданных таким путем дел.

Областная Прокуратура, доводя об этом до Вашего сведения, рассматривает действия тов. Волчка как явное искривление директивы партии по ликвидации кулачества как класса. Эти искривления носят ярко выраженный грубый характер и в условиях переживаемого момента приобретают сугубо политическое значение.

В связи с изложенным Областная Прокуратура считает необходимым:

1) немедленно снять с работы тов. Волчка и привлечь его к уголовной ответственности в соответствии с главой 3-й Инструкции ВЦИК'а от 1-го ноября 1922 года;

2) истребовать все дела (законченные) по Людиновскому району, пересмотреть их с точки зрения обоснованности обвинительного материала;

3) приостановить исполнение решений в отношении уже рассмотренных ранее дел по данному району.

Вместе с тем, в связи с массовым поступлением дел в ПП ОГПУ от окружных отделов, местные Прокуроры не имеют возможности достаточно внимательно просматривать эти дела и давать по ним обоснованные заключения. По сообщению некоторых Прокуроров, им представляются дела пачками для дачи по ним заключений, иногда даже за несколько часов до отправления их

в Смоленск. Имели место случаи, когда Прокуроров буквально «ловят» в 11-12 часов ночи на заседания для дачи заключения по делам, которые в ту же ночь подлежат отправке. Такая лихорадочная и спешная работа, которая является, с одной стороны, отражением темпа в области ликвидации наиболее активных слоев кулачества, не гарантирует, с другой стороны возможности со стороны органов Прокуратуры осуществлять правильный и полный надзор за проработкой этих дел. Несмотря на то, что рассмотрение этих дел в самой тройке самое тщательное и проведение правильной классовой линии вполне обеспечено, Прокуратура считает необходимым дать соответствующие указания на места о представлении окружным Прокурорам дел для дачи заключений не позднее, чем за два-три дня до их отправления.

О предпринятых Вами мероприятиях просьба сообщить Облпрокурору.

Прокурор Западной Области
Ст. Помоблпрокурора

(Куликов)
(Ларин)

ПРИМЕЧАНИЯ

(ПАСО, д.53, л.44, маш., очевидно, копия, посланная Запобкому, подписано Куликовым и Лариним, сверху штамп прокуратуры с исходящим номером 4. п. 13, от 24/III-1930. Входящий номер обкома 596 от 25/III и надпись: «т. Румянцев читал»; подпись неразборчива). В тексте от руки подчеркнуты слова: «За два-три дня до отправления».

••

Своеволие уполномоченного Волчека заключалось, как ни странно, в попытке несколько большего соблюдения законности, хотя бы формальной, чем этого требовали обстоятельства. Он мобилизует репрессивный аппарат, чтобы создать на каждого кулака политическое дело, которое бы служило основанием для репрессий. Стремится законно обосновать террор, пусть хотя бы с помощью сфальсифицированных доказательств. Политика правительства была в этот момент иной, кулаков I категории арестовывали и направляли в лагеря без всяких юридических тонкостей. Не требовалось никаких формальных обвинений и для раскулачивания: кулаки были виноваты уже самим фактом своего существования.

Во второй части документа описана практика репрессий против кулаков первой категории. Материалы подготавливаются ОГПУ, рассматриваются тройками (вероятно, районными, хотя иногда возможно

и окружными) и затем подписываются в последний момент прокурором округа. Прокурор области просит Полномочного представителя ОГПУ дать возможность прокуратуре просматривать подготовленные дела в течение хотя бы 2-3 дней. Характерно, что судьба арестованных в руках ОГПУ и отказаться своей властью от подписи под делом в момент отправления документов в Смоленск окружные прокуроры не могут. Они будут визировать, но просят лишь дать немного больше времени для этого.

12

ПРОТОКОЛ № 9

Заседания Окружной тройки по ликвидации кулака
при Великолуцком Окружном ВКП(б), от 26 марта 1930 года

Присутствуют: т.т. Миронов, Варначев, Пейзнер, Лац.

§1. Телеграмму тов. Румянцева о ликвидации кулачества и о переселении лишенцев из районов фактической коллективизации в кулацкие поселки, от 25 марта с.г.

(т.т. Миронов, Варначев, Пейзнер).

1. Ликвидации подлежат те кулацкие хозяйства, на которые натолкнулся колхоз в пределах своих границ, вне зависимости от формального объявления данного района или сельсовета — районом сплошной коллективизации. Настоящее относится и к тем районам или сельсоветам, которые формально объявлены районами сплошной коллективизации.

2. Ликвидации также подлежат те кулацкие хозяйства, глава коих или члены семьи коих арестованы по I-ой категории ОГПУ, в порядке ранее данных Окртройкой директив.

3. Принять к сведению заявление тов. Пейзнера, что все дела в отношении кулаков I-ой категории просмотрены и те из них, которые местными властями были неправильно арестованы, своевременно освобождены.

4. Письмо, составленное тов. Мироновым по вопросам проведения в районах работ по ликвидации кулачества и разосланное Райкомам ВКП(б) 23 марта с.г. за № 11-СС — УТВЕРДИТЬ.

5. Категорически предложить всем Райкомам ВКП(б) немедленно представить в Окружном отчет о проделанной работе по выполнению постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 марта

с.г. за № 11 по вопросу о борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении, разосланное Райкомам ВКП(б) 17 марта при № 11/С.

Одновременно предложить Райкомам особенное внимание уделить и немедленно провести в жизнь п.6-й вышеуказанного постановления Политбюро ЦК, вернув перечисленным в п.6-м хозяйствам отобранное у них имущество.

ОСОБОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ — Приложение № 1.

§2. О лишенцах. (тов. Миронов).

1. Предложить Окрисполкому приступить в самом срочном порядке к пересмотру всех лишенцев, на предмет восстановления неправильно лишенных избирательных прав, в соответствии с последними решениями правительства.

Указанную работу провести с таким расчетом, чтобы она, начиная с Райисполкомов, кончая Окрисполкомом была бы закончена в 2-х недельный срок.

2. Принять к сведению заявление тов. Варначева о том, что по советской линии им уже даны директивы Райисполкомам о пересмотре в кратчайший срок обложенных в индивидуальном порядке.

3. Признать, что лишенцы не кулаки, не подлежащие восстановлению в избирательных правах, не могут быть оставлены в колхозах.

В связи с этим в тех случаях, когда организующийся колхоз на своей территории наталкивается на лишенца, последние подлежат выселению из пределов колхоза и земля им отводится за границами колхоза.

Учитывая пункт опубликованного постановления ЦИК СССР от 23/III в Известиях, просить Обком ВКП(б) в соответствии с настоящим решением тройки пересмотреть свои решения о переселении лишенцев в кулацкие поселки.

4. В соответствии с решениями Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 марта с.г. признать возможным оставление в колхозе членов семей тех лишенцев, в составе коих имеются доказавшие свою преданность делу советской власти красные партийцы, красноармейцы, краснофлотцы (рядовые и командного состава), сельские учителя и учительницы — при условии их поручительства за членов своей семьи.

§3. Почто-телеграмма тов. Румянцева от 20/III-30 г. за №1/54/СС. О неразглашении материалов по раскулачиванию. (т. Миронов).

1. Принять к сведению и руководству.

2. Предложить райтройкам прекратить сбор и обобщение материалов по раскулачиванию в учреждениях и организациях, соприкасающихся с этой работой.

3. Сосредоточить эту работу исключительно в Окртройке и Райтройках и Органах ОГПУ, проводя ее в строго секретном порядке.

§4. Протокол № 5 Ленинской райтройки от 15/III-30 года. (т. Миронов).

1. По п. 1-му, § 1-го протокола «о выселении кулачества из районов сплошной коллективизации». Принимая заявление тов. Филиппова о том, что отведенный в Ленинском районе участок вполне соответствует к переселению ликвидируемых кулацких хозяйств, переселение — санкционировать. Предложить тройке Ленинского района в деле переселения строго руководствоваться постановлением данного заседания окружной тройки, § 1-го, п.1.

По п. 3-му, § 1-го, протокола тройки — предложить Окрисполкому санкционировать отпуск лесоматериалов для кулацких поселков. Предложить райтройке в отношении лесоматериалов руководствоваться ранее данными на сей предмет указаниями Окружной тройки.

2. По п. 4-му протокола утвердить уполномоченным кулацкого поселка тов. Рыщенкова — члена ВКП(б).

3. Фактическое переселение кулаков в организуемый поселок предложить Райтройке провести лишь после утверждения Окружной тройкой персонального списка командируемых кулаков.

В связи с этим обязать тройку немедленно представить на рассмотрение и утверждение окружной тройки подробный список и характеристику намеченных к ликвидации кулацких хозяйств района, так как таковой до сего времени Ленинской райтройкой не представлен.

§5. Протоколы Облтройки по кулачеству за №№ 4 и 5 от 4 и 11 марта 1930 года.

(тов. Миронов).

Принять к сведению и руководству.

§6. Заявление гр. Парфенова Василия, дер. Н.Плесово, Комшанского С/с, Поречьевского района, о неправильном его раскулачивании.

(тов. Миронов).

Передать Окр. ОГПУ на срочное расследование.

§7. Письмо Секретаря Велижского Райкома ВКП(б), от 28/III-30 г. о гр-не Еленевском Феофиле, Плосковского с/совета.

(тов. Миронов).

Передать Окр. ОГПУ для срочного расследования.

§8. Рассмотрение протокола № 1, от 16-го февраля Куньинской райтройки о ликвидируемых кулаках.

(тов. Пейзнер).

1. В отношении нижеследующих кулаков, согласно протокола:

п. 18	гр. Циммерман Март	Отменить решение райтройки и поручить Окр. ОГПУ проверить.
п. 24	гр. Градус Сергей	Поручить Окр. ОГПУ проверить.
п. 25	" Яковлев Иван	Отменить решение райтройки.
п. 34	" Иванов Михаил	Отменить решение райтройки.
п. 35	" Кузнецов Никандр	Отменить решение райтройки.
п. 59	" Акимов Степан	Исключить из списка.
п. 60	" Ролин Федор	Отменить решение тройки.
п. 62	" Богданов Увор	Отменить решение тройки.
п. 69	" Лебедев Александр	Отменить решение тройки.
п. 70	" Кириллов Федор	Отменить решение тройки.
п. 72	" Скоропостижный (свящ.)	Отменить решение тройки.
п. 80	" Лавренов Матвей	Отменить решение тройки.
п. 85	" Иванов Егор	Отменить решение тройки.
п. 87	" Курский Василий	Отменить решение тройки.
п.101	" Козлин	Поручить ОГПУ проверить.
п.103	" Ефимов Алексей	Поручить ОГПУ проверить.
п.107	" Глухонев Павел	Отменить решение тройки.
п.111	" Ефранова Анна	Отменить решение тройки.
п.112	" Иванов Андрей	Поручить ОГПУ проверить.
п.113	" Жбанов Дмитрий	Поручить ОГПУ проверить.
п.120	" Толавский Иван (поп)	Поручить ОГПУ проверить.
п.125	" Иванов Яков	Поручить ОГПУ проверить.
п.126	" Ковалев Петр	Поручить ОГПУ проверить.
п.131	" Гайздалов	Поручить ОГПУ проверить.
п.132	" Боровиков Сидор	Поручить ОГПУ проверить.
п.145	" Кортый Павел	Отменить решение райтройки.

п.149	гр. Семенов Лука	Отменить решение райтройки.
п.156	” Шенбель	Поручить ОГПУ проверить.
п.175	” Быстров Петр	Поручить ОГПУ проверить.
п.179	” Кожевников А-р	Отменить решение райтройки.
п.193	” Селезнев Дмитрий	Поручить ОГПУ проверить.
п.195	” Матвеев Яков	Отменить решение райтройки.
п.212	” Хворостинский Павел	Поручить ОГПУ проверить.
п.216	” Большаков Кузьма	Поручить ОГПУ проверить.
п.222	” Сергеев Иван	Отменить решение райтройки.
п.224	” Ильин Иван	Поручить ОГПУ проверить.
п.225	” Ерошенков Яков	Отменить решение райтройки.
п.228	” Головнев Гавриил	Отменить решение райтройки.
п.233	” Лесковский Михаил	Отменить решение райтройки.

2. В отношении остальных кулаков, поименованных в протоколе, предложить Райтройке в соответствии с § 1-м настоящего протокола №9 заседания Окртройки, проверить на предмет выявления, не попали ли в список бедняцкие и середняцкие хозяйства, и считать утвержденными окружной тройкой.

3. Предложить райтройке хозяйствам, по коим настоящим постановлением решения Райтройки отменены, вернуть изъятое имущество.

4. Указать Куньинской райтройке как на совершенно недопустимое явление — представление целого ряда хозяйств на утверждение окружной тройки, без достаточных данных.

5. Принимая во внимание, что кулак Куньинского района Марцинкевич Александр, арестованный в свое время ОГПУ, как крупный кулак (мельник) в своих показаниях лично показывает, что платил налога около 500 рубл., предложить Окр. Прокурору тов. Селиверстову немедленно расследовать и привлечь к строгой ответственности Председателя и Секретаря Успенского с/сов. Куньинского района, выдавших Марцинкевичу справку о том, что Марцинкевич был обложен в 29 году сельхозналогом в сумме 8 р. 25 коп., тем более, что Марцинкевич в Успенском с/совете никогда не проживал.

§9. Рассмотрение списка раскулачиваемых хозяйств по Себежскому р-ну.

(тов. Пейзнер).

1. Список №1 хозяйств, раскулачиваемых по II-й катег.

Сп. № 7	гр. Васильев Констан.	Отменить решение райтройки
” № 8	” Бороздина Ирина	Отменить решение райтройки
” № 10	” Завелин Андрей	Поручить ОГПУ проверить.

Сп. № 11	гр. Марков А-р	Отменить решение райтройки.
” № 12	” Ильин Илларион	Отменить решение райтройки.
” № 15	” Степанов Василий	Отменить решение райтройки.
” № 21	” Андрушкевич Ник.	Отменить решение райтройки.
” № 22	” Рудинский Петр	Отменить решение райтройки.
” № 23	” Панчов Филипп	Отменить решение райтройки.
” № 25	” Иванов Никандр	Отменить решение райтройки.
” № 28	” Семенов Максим	Отменить решение райтройки.
” № 32	” Мосальский Иван	Поручить ОГПУ проверить.
” № 33	” Котырло Александр	Отменить решение райтройки.
” № 36	” Тихомиров Порфирий	Отменить решение райтройки.
” № 37	” Артемов Ефим	Отменить решение райтройки.
” № 38	” Андреев Фома	Поручить ОГПУ проверить.

2. Список №2 хоз. раскулаченных по II-й категории:

Сп. № 1	гр. Павловская А-ра	Отменить решение райтройки.
” № 2	” Луниковский Иван	Отменить решение райтройки.
” № 3	” Клементьева Лид.	Отменить решение райтройки.
” № 5	” Кругляков Роман	Отменить решение райтройки.
” № 8	” Новинский Семен	Отменить решение райтройки.
” № 9	” Адамов Кузьма	Отменить решение райтройки.
” № 10	” Пахомов Роман	Отменить решение райтройки.
” № 11	” Лукин Семен	Отменить решение райтройки.
” № 12	” Семенов Федор	Отменить решение райтройки.
” № 13	” Игнатович Михаил	Отменить решение райтройки.
” № 14	” Эрдман Бронислав	Отменить решение райтройки.
” № 15	” Кудамовский Петр	Отменить решение райтройки.
” № 16	” Семенов Фома	Отменить решение райтройки.
” № 17.	” Дубров Алексей	Отменить решение райтройки.
” № 18	” Чугунов Федор	Отменить решение райтройки.
” № 19	” Никонов Алексей	Поручить ОГПУ проверить.
” № 20	” Васильева Мария	Отменить решение райтройки.
” № 21	” Викентьев Фома	Отменить решение райтройки.
” № 22	” Нариса Петр	Отменить решение райтройки.
” № 23	” Васильев Григорий	Исключить из списка.
” № 24	” Миронов Нестер	Поручить ОГПУ проверить.
” № 25	” Орлов Яков	Отменить решение райтройки.
” № 59	” Филиппов Герасим	Отменить решение райтройки.
” № 60	” Алексеев Ануфрий	Отменить решение райтройки.
” № 62	” Антонов Алексей	Отменить решение райтройки.
” № 64	” Рудова Мария	Отменить решение райтройки.
” № 70	” Артемов Николай	Отменить решение райтройки.
” № 71	” Морозов Николай	Отменить решение райтройки.
” № 72	” Федоров Андрей	Отменить решение райтройки.
” № 73	” Хрулов Артем	Отменить решение райтройки.
” № 74	” Прохоров Иван	Отменить решение райтройки.
” № 75	” Никитин Тимофей	Отменить решение райтройки.

В остальном списки считать утвержденными.

3. Список раскулачиваемых хозяйств, в составе членов семьи коих имеются красноармейцы и допризывники.

Сп. № 2	гр. Хвостов Иван	Отменить решение райтройки.
" № 7	" Сафронов Иван	Отменить решение райтройки.
" № 8	" Балаев Степан	Поручить ОГПУ проверить.
" № 6	" Козлов Ефим	Поручить ОГПУ проверить.

4. Считать совершенно недопустимым и политически вредным линию Себежской райтройки, проявленную в представленных списках на ликвидированные кулацкие хозяйства, вследствие чего окружная тройка из просмотренных 121 хозяйства отменила решение райтройки в отношении 44 хоз-в, а в отношении 8-ми постановила Окр. ОГПУ проверить.

Объявить Себежской райтройке — В Ы Г О В О Р .

5. Предложить Себежской райтройке немедленно вернуть имущество тем хозяйствам, по которым окружная тройка настоящим постановлением отменила решение райтройки, у коих имущество изъято. Кроме того, предложить Себежской райтройке, под личную ответственность Председателя райтройки (Секретаря РК) самым тщательным образом еще раз проверить списки утвержденных окружной тройкой.

6. Предложить Себежской райтройке немедленно представить списки кулацких хозяйств I-ой категории.

7. Признать необходимым в недельный срок произвести проверку всей работы Себежской райтройки. Вопрос внести на Бюро ОК 29.III-30 года.

§10. О сроке следующего заседания Окружной тройки.
(т. Миронов).

Заседание назначить 1 апреля в 12 часов дня.

Председатель тройки (Миронов).

ОСОБОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Констатируя, что во многих районах, несмотря на существующие директивы, к настоящему времени фактически произведено раскулачивание кулацких хозяйств, вне связи с массовой коллективизацией, и считая политически нецелесообразным возвращение этим кулацким хозяйствам отобранного у них имущества, особенно в связи с тем, что это имущество, ранее переданное в колхозы, при его отобрании, может привести к развалу многих колхозов, признать необходимым произвести выселение в кулацкие поселки также и указанные категории кулацких хозяйств, которые фактически раскулачены.

Просить Облтроекку в срочном порядке утвердить настоящее постановление.

ПРИМЕЧАНИЯ

(ПАСО, д.53, лл.23-27, маш. копия, подписано секретарем Округкома Лацем два раза: под текстом и под приложением). В обоих местах стоит штамп: «С подлинным верно».

Вверху надпись: «т. Румянцев читал. Петрову». Слева штамп Обкома, входящий номер 629 от 31/III-1930, «т. Румянцеву». На первой странице, на полях и тексте, надпись: «Надо сообщить, чтобы такие "детали" О.К. не разбирали /слово неразб./ говорил С.Миронову» (Подпись, вероятно Румянцева).

**

Не совсем ясно, к какому вопросу относится указание: «не разбирать на Округном комитете». Ведь документ является протоколом заседания тройки по раскулачиванию. Возможно, речь идет о письме Миронова райкомам партии.

В составе окружного партийного руководства и соответственно в составе тройки продолжают происходить перемены. Из трех руководителей, начинавших два месяца назад раскулачивание, не осталось ни одного. На место представителя ОГПУ Даболова пришел Пейзнер. По-видимому, он перешел из армии, где в середине 1929 года был начальником особого отдела ОГПУ 29 стр. дивизии. В этой должности он проявлял

особую политическую бдительность, протестуя против участия красноармейцев в похоронах крестьянина А.П. Чистякова, который, по мнению Пейзнера, этого не заслужил. (ПАСО, д.215, лл.203-205). Секретарем Окружного комитета становится Миронов.

Деятельность окружной тройки явно направлена на некоторое смягчение политики в отношении кулаков и лишенцев. Она пересматривает списки и предлагает ОГПУ расследовать. Число кулацких хозяйств, подлежащих ликвидации, заметно больше, чем месяц назад (см. документ от 28/II-1930). Только по одному из 26 районов — Куньинскому список явно превышает 233 хозяйства, что в пересчете на весь округ дает более 6 тысяч семей. Больше, чем предполагалось, попадает в список второй категории.

По Себежскому району вместо 30 (документ от 12 февраля) или 50 (документ от 28 февраля) более 38 по первому списку и более 75 по второму списку. Правда, не случайно окружная тройка пересмотрела 44 дела и 8 попросила расследовать ОГПУ.

Округ признает в этом документе, что раскулачивание фактически было произведено вне связи с массовой коллективизацией, то есть, с точки зрения центрального руководства — неправильно. Однако, он просит разрешения у областного руководства отнятое имущество не возвращать, а кулаков выселить в специальные поселки, которых еще нет, но, судя по документам, некоторые работы в направлении их создания ведутся.

13

В «НАШУ ДЕРЕВНЮ»

Товарищ редактор, я поддерживаю письмо Анания Зарецкого, он справедливо и правдиво вам пишет. Он пишет, что мы погибнем в собственном соку, но он здесь немножко ошибся, мы уже гибнем, все тюрьмы понабиты до невозможности крестьянами, которые работали не зная покоя, одним словом, трудовики. Правда, теперь легче судят за убийство, чем за свой собственный труд. Мы знаем, при переделах земли всегда получается недород какого-либо участка, а вы хотите сразу перестроить все государство, здесь получается большой недород хлеба, а большой перерод лентяев. Да ведь на переустройство нужны средства и материалы, а у вас и у нас не только средств, а материалов и вовсе нет никаких, даже гвоздя за рубль не найдете, а что-то хотят сделать большое, да конечно, это может получиться так, как с церквями, прежде закрывали их, снимали колокола, нагружали церкви фуражем и другими продуктами, а теперь снова восстанавливают и начинают службу. Так может быть и получится

с колхозами. Придет то время, что придется расколхозиться и вернуть то кулаку, что у него взято. Не может ли так случиться, дайте ответ, я думаю, что это все возможно. Этого может быть и не было бы, если бы в колхозы шел бы народ самотеком, а то ведь сгоняете силой оружия. Да и примерных колхозов нет, где уже организовали, многие ходят по миру, просят милостыни на пропитание.

Если бы, как вы пишете, охотно идут в колхозы, зачем высылать бригады, которые за малейшее сопротивление против колхоза отправляют в тюрьму. Так ли думал жить народ, получив свободу. Теперь выходит, как не свобода слова, а тюрьма слова. Как что сказал против коллективизации, так и в тюрьму... А кто кричит за коллектив — это вечный лодырь, не работавший никогда до пота лица, он опять хочет, чтобы как-нибудь в колхозе валять дурака. Я так, как и Ананий, говорю, что если бы вы сделали голосование, то только бы нашли охотников в колхоз полпроцента. Каждому оно более страшно, каждый хочет быть хозяином не рабом подначальным.

Дайте ответ. Ваш подписчик.

Иван Ермолаевич, дер. Иванищево Молодотудского рика.

ПРИМЕЧАНИЯ

(ПАСО, д.261, л.83, маш. копия, не подписано, без даты). Письмо скопировано в редакции газеты «Наша деревня» и переслано вместе с 10 другими в обком 7 марта 1930 г. В обкоме получено 9 марта 1930. На сопроводительном письме резолюция Румянцева: «Тов. Соколов, надо наладить в газетах ответы на письма с мест». Соколов — очевидно, начальник отдела агитации и пропаганды обкома в это время.

**

Письмо Ивана Ермолаевича характерно для всей подборки. Все крестьяне, написавшие в газету (за исключением двух селькоровских писем), протестуют против насилия в организации колхозов и выражают сомнение в успехах коллективизации. Большинство писем было спровоцировано заметкой в газете «Наша деревня» под названием *ЧЕГО ХОЧЕТ КЛАССОВЫЙ ВРАГ?* Редакция отвечала на письмо крестьянина Анания Зарецкого, высказавшего близкие всем сельским жителям мысли. Прочитав это письмо, крестьяне бросились на поддержку своего единомышленника, наивно полагая, что доводами здравого смысла можно что-то изменить в происходящем.

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «НАША ДЕРЕВНЯ»

Дорогие товарищи.

Я как читатель вашей газеты хочу у вас спросить и с одной стороны предложить: немного смягчить наступление на «индивидуально» обложенных хозяев, путем принятия их в колхоз, так как в районах сплошной коллективизации наступают сильно на раскулачивание вот этих самых индивидуалистов. Правда, я согласен с этими мерами советской власти, только ведь нужно знать, к какому индивидуалу, как подойти, но если же приступают к раскулачиванию таких элементов, которые просто обложены за какую-либо спекуляцию, например, он перепродал несколько коров, что делал для улучшения своего хозяйства, а в самом деле он не относится к классу кулаков и вдруг его в колхоз не принимают. У меня лично даже родственников таких нет. Я совсем маломощный середняк. Имею 8 душ семьи, 1 корову, 1 лошадь. Моей собственной земли до революции было мало, после революции землей наделили, и теперь у меня нет «ни шиша», почему, я сам не знаю, хлеба, кажется, должно было бы хватать, но почему-то к весне придется голодать, чем это объясняется? Это значит, что я не могу хозяйничать. Меня в колхоз принимают. Но что же может получиться в дальнейшем с нашего колхоза, если туда соберется вся вот такая шайка. Потому что человека того, который жил самостоятельно, давал приличный доход правительству и себе нажил, конечно, мы не будем говорить о помещиках, которые были где-то, а здесь у него работалось, а про человека, который работал не 8 часов в сутки, а 16, а иногда в горячую пору и 20, и если он когда в сезонную пору нанял за неимением своих в достаточном количестве рабочих рук, его обложили индивидуально, как вы думаете, он это для вреда государству, мне кажется, и это верно, что если бы он бросил в поле то, что не мог убрать сам, это было бы больше для государства вреда, чем он нанял и убрал все и произвел в порядок. Может ли такой человек мешать в колхозе? Нет, и таких индюков в колхоз нужно принимать, а иначе на почве этого может, и она уже возникает среди населения, большая вражда, что может отразиться на всей социалистической стройке. И она может растаять, подобно тому, как я однажды играл на гитаре и мне захотелось подтянуть струны для того, конечно, чтобы лучше играла, вдруг возьми и лопнули сразу все струны, так

что не сыграл не хорошо и не плохо, остался не причем, тогда я уже хватился, да поздно.

Так вот, предлагаю вам задуматься более серьезно над этим вопросом и принять другие меры к индивидуалистам.

Уважаемый ваш подписчик. Фамилию не хочу распространять. 6/III-30 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

(ПАСО, д.261, л.97, маш. копия, не подписано, 6 марта 1930).

Письмо переслано в обком из редакции газеты вместе с предыдущим документом. В тексте письма много подчеркиваний от руки, сделанных каким-то читателем.

••

Индивидуалы, индюки, индивидуально обложенные, о которых пишет автор, — это обычно более зажиточные крестьяне, которым решением сельсовета обычный сельскохозяйственный налог заменен индивидуальным. Эта мера часто была наказанием за использование в хозяйстве чужого труда (даже в небольшой степени), наличия у крестьянина механизмов с двигателем (мельница, трактор, сушилка, молотилка и т.р.), аренда или сдача в аренду земли или механизмов, доходы от ремесла или промысла вне сельского хозяйства. Закон предписывал облагать налогом с учетом дополнительных доходов, но не более, чем на 70% выше сельскохозяйственного налога. На практике, однако, размеры индивидуального обложения оказались совершенно произвольными, в десятки раз превышали сельскохозяйственный налог, затем наступало полное разорение либо раскулачивание.

15

3 л.

Секретно.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ № 5.

Прокуратуры Западной области
по состоянию на 1-е мая 1930 года.

1. Предварительные итоги работы нашего аппарата по исправлению допущенных ошибок.

Во исполнение циркуляра Облпрокуратуры от 10-го апреля с.г. за № 4р3 командировать на места всех прокурорских работников и следователей партийцев для непосредственного исправления допущенных перегибов по отношению к середняку, все про-

куратуры выделили работников, каковые провели на селе от 8-10 дней и проделали значительную работу, еще не в полной степени учтенную.

Облпрокуратура командировала на места 3 работников.

Смоленский округ 10

Ржевский округ 4

Сухиничский округ 5

Рославльский округ 5

Вяземский округ 3

От Брянского округа вовсе не получены сведения о проделанной работе.

От Великолуцкого и Клинцовского округов подробных сведений о количестве охваченных районов не поступало.

РАСКУЛАЧИВАНИЕ.

Предварительные итоги показали, что по 7 округам выявлено 729 незаконно раскулаченных, из них 63 семей сельской интеллигенции, 48 семей военнослужащих. Все 729 незаконно раскулаченных восстановлены.

Наибольшее количество незаконно раскулаченных падает на Клинцовский и Смоленский округа (186 и 180).

Наименьшее количество падает на Вяземский и Рославльский округа (24 и 29).

Характерные случаи незаконного раскулачивания:

В Сухиничском округе раскулачили Задираенкова, члена профсоюза, отходника, платящего 11 рублей с/х налога. Задираенков в первые годы революции был уполномоченным по сбору контрибуции, начальником милиции и продотрядов. Раскулачили по тем мотивам, что отец, а с ним он находится в разделе, — церковный староста.

В этом же округе раскулачили врача с 20-ти летним стажем, члена профсоюза, два сына находятся в Красной Армии, мотивы, что до революции имел 100 десятин земли.

В Рославльском окр. раскулачили х-во Алексева Петра, имевшего на 13 едоков 9,5 дес. пашни, 3,4 лугу, 1 лошадь, 1 корову, 5 овец, налогу платил 9 рублей. Индивид. обложение на 142 рубля за применение наемного труда и потому, что был волостной старшина. 3 сына Алексева служили с начала революции в Красной Армии, один впоследствии был секретарем Губкома ВЛКСМ, 1 сын рабочий послан теперь в счет «25-ти тысяч» в колхозы.

В Вяземском округе, Гжатском районе было раскулачено хозяйство Проблетова Григория, середняка, платящего 12 рублей

налогу, хозяйство Щербакова, платящего 5 р. 27 коп. налога. Предсельсовета Вяземского округа Уваров роздал своим родственникам и знакомым взятые у кулаков вещи: сарафаны, блузки, галоши, сам присвоил пиджак, галоши и ботинки, изъятого поросенка зажарили с своей компанией и съели.

В Спас-Демьянском районе Сухинического округа после раскулачивания Котова все носильное белье, иконы, портрет Николая I были переданы в кооперацию. Кооператив перед пасхальными праздниками производил продажу отобранного белья, икон.

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ОБЛОЖЕНИЕ.

За отчетный период выявлено нашим аппаратом 1152 случая незаконного индивидуального обложения, каковые отменены:

Смоленский округ	410 случаев
Рославльский округ	244 случая
Ржевский округ	141 случай
Вяземский округ	121 случай

Наименьшее количество случаев выявлено:

Клинцовский округ	29 случаев
Сухинический округ	44 случая
В.Луцкий округ	76 случаев

Окрпрокуратуры отмечают, что во многих случаях обложение в индивидуальном порядке не ставилось на обсуждение собранной бедноты: облагали лиц, применявших наемную силу на срок меньше 2 месяцев, вследствие сложившейся обстановки (болезнь членов семьи, уход на заработки и т.д.). При проверке обложения в индивидуальном порядке в трех сельсоветах Вяземского округа (Бородинский, Лесновский, Подсосенский) было установлено 40 случаев незаконного обложения: незаконно были обложены 3 бедняцких хозяйства, 6 маломощных середняцких и 31 середняцкое хозяйство, в составе которых имеется большое количество лиц, участников гражданской войны.

В Смоленском округе обложили в индивидуальном порядке учителя Голубовича Тараса, имеющего 3,75 дес. пашни, 1,38 дес. луга, 1 лошадь, 1 корову, 7 едоков, налогу платил 11 р. 88 коп., в индивидуальном порядке обложен на 50 рублей 25 коп. за то, что сдавал в своем доме квартиру за 5 рублей в месяц.

Ковалев Егор имеет 8 десятин пашни, 5 дес. посева, 3 десятины лугу, 2 лошади, 2 коровы, 8 едоков, налогу платил 26 р. 35 коп., в индивидуальном порядке обложен на 244 рубля за то,

что нанимал пастуха. Хозяйство Ковалева в течение двух лет три раза уничтожалось пожаром.

Загребаев Яков на 11 едоков — 7,75 дес. пашни, 4,5 лугу, 2 лошади, 2 коровы, член семьи служит в Красной Армии, второй член семьи — рабочий, хозяйство платило с/х налогу 28 рублей, обложено в индивидуальном порядке на 152 рубля за применение наемного труда. При проверке оказалось, что никакого работника не было и нет; в семье проживает ряд лет 53-летняя психически больная старуха, которая содержится как член семьи, помогает смотреть за детьми.

ЛИШЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ.

За вышеотмеченный период выявлено 507 случаев незаконного лишения избирательных прав граждан, каковые были немедленно восстановлены в правах:

Смоленский округ	158
Вяземский	108
Сухиничский	69
Великолуцкий	62
Клинцовский	45
Рославльский	41

Данные, полученные из округов отмечают, что в ряде мест уже началась работа комиссии по пересмотру списков лиц, лишенных избирательных прав. В Юхновском районе Сухиничского округа до приезда Прокурора было восстановлено 70 человек за последнее время.

Насколько за последние 1 1/2 года возросли цифры лишенцев в ряде районов, можно видеть из сего, что в Гжатском районе Вяземского округа было в 1929 году 680 человек лишенцев, на 1-ое апреля 1930 года числилось лишенцев по району 1459 человек, таким образом, количество лишенцев возросло на 114%. При беглом просмотре списков этих лишенцев восстановлено при помощи Прокуратуры 108 человек.

Вот наиболее интересные массовые факты незаконного лишения: по Мокровскому сельсовету лишено 22 человека избирательных прав за то, что на собрании выступили против колхозов, 4 человека за выход из колхозов, 2 лишены как члены церковного совета.

В Успенском сельсовете лишены права голоса гр-н Павлов Василий «за контрагитацию».

В Запрудниковском сельсовете лишены права голоса Гуляев, Смирнова за «срыв проводимых кампаний».

В Синяковском сельсовете лишен избирательных прав Антонов Герасим «за нелояльность к советской власти».

Председатель Московского сельсовета предан Прокуратурой суду за незаконное массовое лишение избирательных прав бедняков и середняков.

В Спас-Демьяновском районе Сухинического округа лишили избирательных прав двух середняков за то, что они «баптисты». В этом районе были многочисленные случаи лишения избирательных прав за то, что гр-не не записывались в колхозы.

В Великолуцком округе (Ленинский район) лишили избирательных прав и обложили в индивидуальном порядке селькора Егорова. Расследованием установлено, что селькор Егоров активно боролся против классово неправильных действий местных властей, облагающих в индивидуальном порядке хлебом середняков и недооблагавших кулаков. В отместку за разоблачительную деятельность Егорова последний был лишен права голоса и обложен в индивидуальном порядке. Следствие по делу закончено, и виновные в преследовании селькора привлечены к ответственности.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

Народным судом Старицкого района осуждены Булыгин, Фадеев и Жуков к принудительным работам на разные сроки за то, что Булыгин, будучи уполномоченным РИК'а насильственным путем организовывал колхозы путем угроз и запугивания и, производя раскулачивание, присваивал, не внося в опись съестные продукты — мед, свинину, — каковые обращал в свою пользу. Жуков, будучи Пред. колхоза, совместно с Фадеевым, присваивал белье из раскулаченного имущества, 20 фунтов клевера, крупы, свинину и другие вещи. Действия вышеуказанных лиц дискредитировали колхозное движение и в результате колхоз распался, т.к. крестьяне вышли из него.

Облпрокуратура предложила окружным прокурорам продолжать до 15-го мая 1930 года работу на местах по исправлению допущенных ошибок и перегибов, командировав для данной цели в села всех наличных работников (кроме 1 в окружной камере).

Окружным прокурорам необходимо точнейшим образом учитывать всю проделываемую работу по исправлению ошибок,

строго руководствуясь преподанными из Облпрокуратуры указаниями (смотреть директивное письмо от 10-го апреля с.г.), изложив в цифровой сводке в бюллетенях всю проделанную работу.

Орг. Инстр. отдел Облпрокуратуры

ПРИМЕЧАНИЯ

(ПАСО, д.525, лл.199-203, маш., видимо, копия, не подписано, без даты). На первой странице штамп обкома, входящий номер 799 от 10/V 1930, «т. Румянцеву». Номер бюллетеня и надпись: «Обком ВКП(б)» вписаны от руки.

••

Документ подводит итоги кампании исправления перегибов, начатой в конце февраля-марте. В него включены сведения, выявленные непосредственно прокуратурой. Большинство случаев, однако, рассматривались по партийно-административной линии, и действия районных руководителей исправлялись в округе или области. Случаи, приводимые в отчете прокуратуры, достаточно характерны. Типичны и причины, используемые местными властями для лишения избирательных прав и индивидуального обложения. Показательно, что прокуратура не приводит ни одного примера несправедливых действий по отношению к кулакам, здесь все меры оправданы. Нельзя лишь затрагивать сельскую интеллигенцию, бедняков, семьи красноармейцев.

16

К о п и я

СЕКРЕТАРЮ РОСЛАВЛЬСКОГО ОКРУЖКОМА ПАРТИИ
(тов. Б ы к о в у)

Тов. Быков,

Первым долгом я отрекомендуюсь, конечно, кто я такой, я член партии нашей Клинцовской организации, работаю в Клинцовском Окрисполкоме в качестве инструктора, бывший член Мокровской районной организации ныне Рославльского округа
Ст р у ч к о в Н и к о л а й .

В своем письме к вам я хочу выяснить целый ряд вопросов, связанных с отсылкой моего отца в Архангельскую губернию, как классового врага, где я абсолютно удивился поведению Рославльских организаций.

Это дело было в феврале-марте в момент самого разгара коллективизации, по-видимому, тогда, когда Рославльская организация была объявлена на военном положении, по вопросу коллективизации и ликвидации кулачества как класса.

Так вот, под эту рубрику кулака по неизвестным причинам загнали отца **Стручкова** Василия Федоровича, ныне сосланного в Архангельский округ ст. Обозерская, старика, имеющего 60 с лишним лет, из деревни Сергеевки Мокровского района Закрутовского с/с.

Я хочу вам сказать: отец мой, являясь самым обыкновенным крестьянином-середняком, индивидуально его обложили только тогда, когда его забрали за что-то, и только за это, признаков не было никаких, теперь уже индивидуальный райкомом снят, как неправильно обложенный, и вот вдруг мне брат говорит, что отца сослали, я прямо удивился проявленному самоуправству, кто это сделал. И вот почему, потому, что это преступно политически тогда, когда вся масса бедняко-середняков нашей деревни и окружающие знают его, как своего собрата, в этом-то может убедиться в прилагаемых приговорах обществ, имеющих в Рославльском Окрисполкоме.

Теперь, как мы, ведь если это так, как сделали к отцу, то, формально подходя, я являюсь чужак с партбилетом, который немедленно должен быть выгнан из партии, но это совершенно не так, и вот почему, кто мой отец и семья вся: 1) деды и прадеды это крепостные крестьяне, по которым целый век хлесталась плетка помещиков, 2) отец из этой семьи, а мать из самой бедной нищенской семьи дер. Субарово Мокровского района. 3) Самы до самой революции 1917 года, как и все крестьяне, вместе работали на помещиков, выполняя барщину. 4) Отец, как хороший специалист-плотник, железобетоник и столяр, целый век работал и помогал нам дома, так в кратких чертах протекала наша жизнь до революции. 5) После революции брат старший уходит в ряды красной армии и служил, если не забыл, до 1924 года включительно на среднеазиатском фронте, Ташкент и др. города. 6) Братья тоже вечные рабочие, члены союза строителей, работают все время от конторы Югостали и по железным дорогам, один из них работал все время по постройке Турксиба и Волховстрой и других крупных строительства.

Я с младшим братом вступил в комсомол в 1920 г., это когда только впервые организов. деревенские организации, и участвовал во всех горячих кампаниях: поповские дома, граммофоны кулаков, ружья все отбирали.

В 1922 г. уезжаю в Брянск, был в ЧОНЕ, 720 батальон II рота, и одновременно учился в губпартшколе, участвовал и ходил по нападению на банды тогда около Брянска, дер. Суполево Урицкого, или Радица.

В 1924 г. вступаю в партию. И тут мое идет большое путешествие работ, работ на ответственных постах, и выполнял с честью партийные поручения. Ведь я не видел долго никого, лет 5 уже, и вдруг слышу такую штуку: младшего брата моего Стручкова Казьму, работавшего в Рославльской организации Мокровского и Ершицкого района только за это, что отец такой, исключили из партии, между прочим, по некоторым беседам ваших тов., был хорошим работником и имел хорошее.

Где он сейчас, для меня не известно, но сказал, что «покончу, Коля, жизнь самоубийством», сам он молодой парень 1909 г.

Тов. Быков, много бы можно было написать, говорить, но ведь и в этих длинных строчках я этого уложить не могу.

Теперь моя к вам просьба следующая: признать своего отца врагом я не могу потому, что я его знаю не так, как другие, заводите вас в заблуждение вас не буду, все освещенные факты вы увидите в материале в ОКРике, у вас меня знает вся Мокровская организация, как о хорошем работнике, я там работал два года и в партию меня переводили там, и отзыв есть, как основание залезать в правоопортунистическое болото не думаю. 10 лет в комсомоле, 5 лет в партии, не получив ни одного взыскания — это же лишний раз убеждает все в правильности понимать генеральной линии, тогда, когда я выполнял ответственные поручения партии, и прикидываться пред вами змеей или прохвостом и казанской сиротой тоже не думаю, а прошу — там есть заявление братьев — о немедленном возвращении отца с ссылки.

Ведь старик последнее время работал тоже по строительным работам, имея 60 лет с лишним, работая по строительству домов города Брянска, в частности дом Советов, он ведь больной: грыжа, глаза ослепают, уже глохнет, плохо слышит, и я не знаю, за что он это сослан, но я считаю, что наглая провокация прохвостов, которые, по-видимому, вместе с семьей и меня хотят скомпрометировать и выбросить за борт с партии, я сам молодой тоже парень 1906 года.

Прошу, как отец середняк и на него чуши кто-то нагородил и раздули кадило, прошу немедленно вмешаться и старика отца с высылки освободить и выслать на родину, дело шло по линии Г.П.У. Рославльского Окр. отделения, проверь и прими заявление, давно лежит без движения у вас в ОКРике, и просьба скоренько мне сообщитъ по адресу Клиницы, Окрисполком, Стручкову Николаю.

С тов. приветом Н.Стручков.

ПРИМЕЧАНИЯ

(ПАСО, д.149, лл.440-442, маш., копия, не подписано, без даты). В деле имеется письмо Рославльского окружного комитета от 29 июня 1930 в Окрисполком и ОГПУ с просьбой проверить и разобраться.

Там же имеется справка, что с гражданина дер. Сергеевки Стручкова Василия Федоровича «индивидуальность снята особой районной комиссией от 29/VI-1930», то есть в тот же день, когда Окружкомом послана просьба разобраться.

••

Не приходится сомневаться, что факты, сообщаемые сыном Василия Стручкова, верны. Его отец болен, не был богатым, работал по строительству. Но характерно, что Николай считает высылку отца вопиющей несправедливостью, специальным выпадом против него, то есть ошибкой в данном частном случае. О том, что он, работая в Клинцовском окрисполкоме, тоже сылал и раскулачивал больных и бедных крестьян, Стручков, конечно, не пишет, да вряд ли и задумывается.

Интересно упоминание об объявлении Рославльского округа в феврале 1930 г. на военном положении. Других указаний на этот факт в архиве нет. Возможно, автор называет так использование красноармейцев при раскулачивании.

17

К о п и я

Нач. по ОГПУ З/О,
копия Нач. Рославльского горотделения ОГПУ

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Подготовительная работа по Ершичскому району по изъятию кулацких семей с 15/II-31 г.

К 28/II-31 г. были собраны списки с с/с на всех лиц кулацко-зажиточной части, но списки не дали тех сведений, требуемых

данной работой, и к 17/III были собраны персональные анкеты, которые составлялись Уполномоченными РИКА под видом проверки правильности дачи твердых заданий и т.д. Собрано всего анкет было 215, которые Райтройкой 18/III рассмотрены и отобраны к ликвидации 74 хозяйства, из коих в наличии трудоспособных оказалось 47 хозяйств. 19/III в 8 час. вечера были созваны и информированы Уполномоченные по с/с (на два семейства один), в ночь выехавшие по назначению с данными им памятками.

Ряд Уполномоченных не смогли на месте поставить так конспиративно работу, и 20/III некоторая часть кулачества была осведомлена о мероприятиях, как например, члены партии Алдохин, Теленков, Дымников Григорий и Дымников Павел. В Оржаветском с/с собрали бедноту всего с/совета с колхозниками и митинговали до 8 час. вечера 20/III, после собрания расположились отдыхать до утра. Когда утром пришли на хутора предназначенных лиц, то не обнаружили ни вещей, ни людей. Другие уполномоченные, как Гольдман, кандидат ВКП(б), при аресте семьи Самсоненкова в дер. Ласна все приготовил к отправке и перед выходом Самсоненковых из дома Гольдман скомандовал собравшему народу «родня, идите прощайтесь», и в период этого лобзания мужчины трудоспособные сбежали из дома, а женщина сделала искусственный обморок. Гольдман растерялся и уехал в район. Уполномоченный Обкома Сазонов при выселении кулака Подобед, Никулинского с/совета, 60 лет старуху выдал однодеревенцам на руки. Мною было дано указание об изъятии старухи и направлении ее в семью. Член ВКП(б) Рыжков в момент изъятия двух семей в Карповском с/совете Уполномоченному Максиму В. не оказал никакого содействия, а уехал по своим делам, чем дал возможность одному семейству скрыться. При выселении гр-н Малькова дер. Скоторж и Горового д. В.Барок мною был получен инфматериал, что данные хозяйства выселяются неверно, т.е. их имущество до 1917 года было гораздо меньше, чем указано в справках, факты материала срочно были проверены и подтвердились. Выселение было приостановлено на месте.

В дер. Язовка скрылись два брата Бурягины, которые имеют оружие. Их товарищ Коржиков был забран к выселению и направлен в Рославль Уполномоченным Островским — «демобилизированный красноармеец», который был предупрежден о личности Коржикова и даже выдали оружие Островскому, но последний, подъезжая к Рославлю, оставил арестованных ехать

позади, а сам поехал в Рославль погреться, пока не подъедут, но Коржиков этим моментом воспользовался и скрылся, есть опасение, что в Язовском с/совете через несколько дней появится банда. Меры к розыску приняты через милицию.

Выселение кулачества повлияло на всю зажиточную часть деревни, наблюдается переброска домашних вещей по родственникам, некоторые сидят с упакованными вещами и с часу на час ожидают появления Уполномоченных. Трудоспособные стараются выехать из района на побочные заработки. Райком 23-го марта разослал Уполномоченных по с/советам с разъяснением по вопросам выселения и других заготовочных кампаний.

Настроение бедноты очень хорошее, в большинстве с/советов беднота заявляет: «Давно бы это нужно было сделать, и не столько выселить всех лишенцев». Средняк выбит из колеи, одни говорят — «и до нас очередь скоро дойдет», другие относятся сочувственно, указывая, что этот вопрос должен разрешиться не иначе как на будущий год, раскуланов в колхозы нельзя брать.

22/III при моих указаниях о недопустимых ошибках Уполномоченных РИКА, которые были собраны в кабинете Пред. РИКА, Нач. Милиции Горбачев высказал: «Уполномоченные не виновны в своих ошибках, т.к. была головотяпская установка по этому всему вопросу». На мой вопрос, в чем не верна установка ЦК партии Горбачев не ответил.

Комсомол в ликвидации кулачества принял активное участие, и посланные комсомольцы выполнили работу быстрее и лучше ответработчиков, от комсомольцев ни один кулак не сбежал.

В д. Староселье кулацкое семейство Косолапова было осведомлено до выезда Уполномоченных в район. Это осведомление, я предполагаю, вышло из моего райаппарата через фельдшера Высоцкого, который сожительствоет с дочерью б.лишенца Рыскина, Цилей Рыскиной, а последняя квартирует у кулака Иванова по соседству с Косолаповыми и подруга ее — невестка Косолапова. Высоцкий не может ни один вопрос держать секретно, положение мое основано на следующем: по Екимочинскому району ходят упорные слухи, что Райпрокурор Шилин есть сын бывшего помещика из БССР Климовичского района. По данным слухам мною ведется разработка, и о этой разработке Райпрокурор хорошо информирован Высоцким, о чем сам Шилин говорил рабочим Стеклозавода «Томского» Озерову Н., Богданову, последние подтверждают.

По вопросу выселения жена Уполномоченного УРО Шилкина, стоя около здания РИКА с др. женщинами — Ланиной, Боровой и др., стала говорить «отольются кулацкие слезы» им, «это не народ стал, а звери». Ей посочувствовала жена прокурора. Шилкина состоит в комсомоле, но работы никакой не ведет, происходит из мещанок.

Выселено всего из района 32 семьи, к сбежавшим приняты меры к розыску.

Райуполномоченный Т ю л я г и н (подпись)

В Е Р Н О :

м.штампа
23/III-31 г.
№ 250
Ершичи

ПРИМЕЧАНИЯ

(ПАСО, д.159, л.100, маш. копия, без подписи, 23/III-1931).

••

При раскулачивании в феврале-марте 1930 года из Западной области, не принадлежавшей к главным зерновым районам, выселение на север практически не производилось. Предполагалось, что кулаки будут расселены в специальных поселках за границами колхозных полей. Однако строительство таких поселков было крайне затруднено из-за отсутствия необходимых материалов, рабочих рук и т.д. Численность раскулаченных и лишенцев была в некоторых районах огромной. Так, секретарь Рославльского райкома обращается в обком 1/II-1931 с вопросом: «Принимая во внимание то обстоятельство, что 4 сельсовета коллективизированы целиком и 5-6 сельсоветов имеют средний процент коллективизации 70-75%, встает во всю ширь вопрос о том, что сделать с твердо-обложенными зажиточными, которых не принимают в колхоз по положению, и вопрос о месте их выселения до сего времени не разрешен. Вопрос идет о том, куда направить 845 х-в, которые составляют 7,5% всех х-в района. Ожидаем срочного разрешения данного вопроса». (ПАСО, д.159).

Весной 1931 года началась вторая массовая кампания по выселению кулаков на север и восток. Если весной 1930 года из деревни хотели удалить наиболее энергичных людей, способных оказать сопротивление коллективизации, то весной 1931 года соображения были иные. Бывшим кулакам не было места в сельской жизни. Решение Политбюро категорически запрещало принимать их в колхозы. У них были

отняты земля, скот, орудия труда и даже дома. Инструкция требовала выселения их за границы коллективных хозяйств или даже за границы районов и наделения там землей по пониженной норме. Однако, переселенные в землянки кулаки не могли обрабатывать выделенную им землю из-за отсутствия лошадей. Они не справлялись с сельскохозяйственными налогами и были для местной советской власти источником опасений, чужеродным элементом, нарушавшим новую колхозную систему. Поэтому весной 1931 года правительство разрешило новые массовые депортации.

По данным не совсем полных советских источников весной и осенью 1930 г. было переселено 120 тыс. семей, а весной и осенью 1931 г. в два раза больше — 240 тыс. семей, или около 1% крестьян.

Как и в 1930, кампания депортации кулаков проводилась силами ОГПУ при помощи советского и партийного аппарата.

Кулаки же принимали свои меры в ожидании нападения. Из намеченных 74 хозяйств 40% не оказалось в наличии, а еще 15 семей скрылись во время выселения.

Отчет Тюлягина содержит и прямые доносы, включающие сведения о жизни отдельных крестьян и служащих, что свидетельствует о хорошо поставленной осведомительской работе.

18

Отп. 4 экз.

Зак. № ....

Сов. Секретно
Литер «А».

НАЧ. ИНФО ПП ОГПУ З/О — г. СМОЛЕНСК

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

О настроениях в связи с
выселением кулачества.

По состоянию на 26/III-1931 года.

На отчетный период на сборных пунктах Горотделения имеется 437 семей с общим количеством людей 2202. По сборным пунктам они распределяются следующим образом:

	Семей:	Людей:
Рославльский пункт	172	811
Стодолищенск. пункт	68	369
Дубровский пункт	79	460
Починковский пункт	118	562

Из коих на территорию Рославльского Горотделения падает семей 375, а людей 1917, а 62 семьи, в коих находится 285 чел.,

падает на Монастырщинский район, который доставляет их на Починковский сборный пункт.

В настроениях основной массы рабочих гор. Рославля мы имеем положительные реагирования на выселение кулачества, сводящиеся к одобрению мероприятий правительства по выселению. Беднота и колхозники единодушно поддерживают выселение кулачества.

Большинство рабочих типографии одобряют мероприятия правительства по выселению кулачества и ликвидации его, как класса, говоря, что это даст большой толчок коллективизации.

Рабочие выражают одобрение мероприятиям сов. власти по выселению кулачества, смеются над сочувствующими выселяемым, говоря: «раз выселяют, значит надо, ведь знают, кого берут, нас не возьмут».

Общее собрание колхозников колхоза «Спартак», «Красная слобода» и др., беднота Гореновского с/совета выносили единодушное решение о выселении имеющих у них кулаков, а также в своих постановлениях просили вышестоящие организации о выселении всех сбежавших кулаков, а равно и тех, которые в настоящее время арестованы и находятся в тюрьме.

Среди отдельных рабочих, надо сказать, рабочих в кавычках, имеются отрицательные настроения, в которых вспоминается «старое доброе времечко», что если бы был жив Ленин, этого не было бы, но поддержки рабочих они не имеют.

Рабочий типографии Гаврилов (бывш. дьякон), Сушинский и Жуков, говоря о выселении кулачества, вспоминают «старое доброе времечко», что этого тогда не было, людям сытно жилось, а сейчас и не поймешь, что делается. Их выступления поддержки со стороны рабочих не имеют.

25/III с.г. шорник фабрики «Шпагат» — Никитин Александр, придя в машинное отделение фабрики, увидя портрет Ленина, сказал: «вот был примерный руководитель, при нем народ жил на широкую ногу и все были довольны, а эти дураки-правители не могут найти выхода, как улучшить положение народа, если бы был жив Ленин, то он объявил бы свободную торговлю и этим бы избавил нас от затруднений, а потом бы повел дело о переходе на коллективный строй, не путем насилия, а добровольным путем и путем убеждений».

Как в городе, так и в деревне отмечены отдельные случаи панического настроения в связи с выселением кулачества, которое сводится к сожалению и ожиданию выселения, так, например:

26/III с.г. гр-н дер. Петрово, того же с/с, Рославльского района Киреев Иван, индивидуально обложенный, говорил: «после того, как у нас выселили Новикова, мы все приготовились к тому же, т.е. что нам будет такая же участь, даже середняки, не обложенные индивидуально, и те приготовились и ждут со дня на день, что их тоже выселят».

Машинист Коммунарства — Алексеенков Иван Анисимович — быв. мельник, говорил: «я не сплю уже 3-ю ночь и боюсь, что придут и заберут, если не меня, то моих близких родственников. Мои знакомые уже взяты, раньше при переселении разрешали брать все, да еще и деньгами помогали, а теперь прямо разоряют, издеваются над людьми, самое плохое это то, что они не знают, куда их выселят, ведь сейчас людей довели до безразличия, что с ними не делают, им все равно, раньше одного арестованного водили 2 милиционера, а теперь один, несколько человек, и люди идут спокойно и не бегут».

24/III с.г. служащая горбольницы Берлин, муж ее лишенец, в 11 часов утра прибежала с работы, как сумасшедшая, и стала рассказывать своему мужу, что уже лишенцев из города выселяют и сегодня об этом говорят в больнице, их везут так же в Невские казармы, муж переполошился и побежал по городу узнавать, правда ли это, и после говорил, что непачей выселять не должны, так как они торговали с разрешения правительства и в восстановлении народного хозяйства сыграли огромную роль, и если бы был жив Ленин, то такого гонения на нас не было бы».

Зав. складом артели «Объединенный кондитер» по приезде из мест. Шумячи рассказывал, что там выселили одного крупного торговца пенькой, и сейчас почти все местечко в волнении, что, мол, а вдруг и меня выселят.

Характерно также отметить следующее: 24/III с.г. к Рославльскому райпрокурору явился гр-н Любестовского с/с, данного района и просил его выселить с кулаками, так как он считает, что ему жить будет спокойнее.

Попутно с этим отмечены случаи сожаления к выселяемым среди обывателей города, а также и сов. служащих, сводящиеся к тому, что напрасно обижают этих людей, творится тихий ужас, теперь кулаков нет, надо растить новых, они и там будут жить хорошо и т.д.

При выселении семьи Черноярва в городе Рославле на ул. стояло несколько женщин, некоторые из них говорили, что напрасно обижают бедное семейство, выселяют их напрасно, они страдают уже 2 года, ведь у них все отобрали за налоги.

Буровой мастер Коммунстроя Рождественский, зав. складом Белявский и счетовод Артюхов высказывали свое недовольство по поводу выселения кулачества — Рождественский говорил: «творится тихий ужас, берут вместе со взрослыми и детей, ничего лишнего не разрешают брать, иди в чем стоишь, такое же выселение было в 1919 г. на Украине, тогда было страшно смотреть на едущих в эшелонах голодных людей, просящих кусок хлеба, так теперь повторяется и здесь, за что гонят людей, не известно».

«Выселили одну семью из Стодолище, и когда везли в Рославль (это не верно, в Стодолище свой пункт), то эта семья оказалась посаженной в разные вагоны, в результате женщина рвала на себе волосы и плакала в страхе за детей и мужа, которые были в другом вагоне» (Передает слышанное чл. правления артели «Объединенный кондитер»).

23/III с.г. зав. складом Коммунстроя говорил, что он видел в городе целый эшелон выселяемых крестьян, которых гонят на север к новому их месту жительства, страшно смотреть на этих людей, плачут большие и маленькие, им ничего не дают брать с собой, иди в чем стоишь!

26/III с.г. конюх Леспромхоза, прийдя из города, сообщил, что продают водку, на это секретарь заявил: «значит ловля кулаков закончена, всех перетаскали». «Хватит, за эти дни натаскали достаточно», — сказала машинистка. Бухгалтер на это сказал: «Теперь кулаков нет, скоро будут новые, если будут держать по две коровы и по-видимому кулаки будут до тех пор, пока не сгонят всех в колхозы, а как там будут жить, не известно, но все равно одинаково жить не будут, один будет зарабатывать больше, а другой меньше».

25/III с.г. бухгалтер (фамилия и место службы не установлены) говорил: «я был на станции и видел приготовленные теплушки, видно, это повезут в них кулаков в Карелию, я считаю, что там им будет жить спокойнее, под твердое задание там они не попадут и раскулачивать их больше не будут, а обживутся и будут жить великолепно, туда ведь едут не лодыри, а самые трудовики, они на любой земле будут хлеб есть, как бы нам опять к ним не пришлось обращаться с просьбой дать хлеба, и если колхозы не возьмутся как следует за дело, то конечно будут нехватки, надо нажать на бедноту». Принимавший участие в этом разговоре другой гражданин сказал: «нам они не мешали, в нашу промышленность нужно вложить 23 миллиарда рублей, где нам их взять, займы иссякли, кулаков вы-

сельем, по моему подсчету, чтобы сделать это вложение, нужно с каждого рабочего и служащего взять по 500 рублей».

Все эти обывательские разговоры не носят подчас конкретно выраженных мыслей по вопросу выселения и оценки данного мероприятия сов. власти, а преимущественно берутся отдельные моменты, или виденные, или слышанные с большими прикрасами и преувеличениями.

Отмечены также случаи в настроениях, которые говорят за то, что в деле выселения кулачества допущен известный перегиб, на местах перебарщивают, и что как бы не появилось статьи Сталина «Головокружение от успехов», в этом кто-то виноват, здесь возможно вредительство, крестьяне не будут стараться поднимать своего хозяйства и т. д.

Лишенец гор. Рославля, проживающий по Пролетарской ул. дом №29, говорил: «Сейчас выпускают обратно крестьян из барачников, как бы не в далеком будущем не появилась бы опять статья Сталина "Головокружение от успехов", мне кажется, что на местах всегда стараются прибавить — перевыполнить, думаю, что и в данном случае может так получиться».

25/III с.г. среди медперсонала больницы были разговоры о том, что из Невских казарм уже освободили на 50%, так как забирали середняков, и даже не обложенных твердыми заданиями, неужели в этом никто не виноват, ведь должны же они были знать, кого нужно было забирать».

Бухгалтер Леспромхоза говорил: «Неправильно выселяют, какие кулаки у нас, ведь у нас выселяют крестьянина-середняка, труженика, сами же говорили, выходите на хутора, разводите культурные хозяйства, заводите племенной скот и т. д., крестьяне за это взяли, кое-что себе приобрели, а их сейчас раскулачивают, это за что, что они завели по 2 коровы и лошади и немножко бросили грязь хлебать, вот уж они и кулаки, это не кулаки, а горе, они стали только иметь свой кусок хлеба, самые кулаки сидят и в ус не дуют, может быть, это вредительство и кое-где сидят похуже этих кулаков, которые думают сделать травлю, и я уверен, что здесь вредительство, нераскулаченные крестьяне не будут заводить себе ничего лишнего и на базаре мы себе ничего не купим».

В настроениях самих выселяемых по-прежнему нет признаков, которые бы могли говорить за какие бы то ни было опасения, по-прежнему ждут момента отправки, пишут письма родным, чтобы им принесли кое-какие вещи и т. д., одно из писем выселяемых, которое пишется в Трудовую Колонию гор. Смолен-

ска, указывает на хорошее отношение, удовлетворенность, что соединили с семьями, а именно: «Федя, я в Рославле, вместе со своей семьей жду отправки, здесь все, с которыми выехал из Смоленска, условия предоставлены хорошие во всех отношениях, внимательное и вежливое отношение, я доволен, скупаю и досаду о Вас, я очень рад был, что объединили с семьей, так что отношение самое справедливое со стороны ОГПУ».

Не лишним будет отметить, что со стороны отдельных выселяемых кулаков Ершицкого района имеется тенденция не подписывать учетных карточек, полагая этим избавиться от выселения, этими отдельными личностями подговариваются на это же и другие кулаки, нами приняты меры к их изоляции.

За последнее время, т.е. с момента начала выселения кулаков, имеем значительный рост колхозов, там же с 22 по 26/III включительно по Рославльскому району организовано 8 новых колхозов из 126 хозяйств, в старые колхозы влилось 36 хозяйств, а всего с 20 по 26/III с.г. вновь организовано 15 колхозов, коими охвачено 243 хозяйства, и в старые колхозы влилось 174 хозяйства, таким образом, на отчетный период коллективизация района достигла 50,3%.

Нач. Горотделения ОГПУ (Шестаков)
Ст. Уполномоченный ИРО: (Савочкин)

ПРИМЕЧАНИЯ

(ПАСО, д.159, без ном., маш., очевидно, копия, подписано Шестаковым и кем-то замещающим Савочкина, подпись неразборчива). В левом верхнем углу штамп Рославльского городского отделения ОГПУ, исходящий номер 1185, от 27 марта 1931 г.

••

Первая страница документа была воспроизведена в книге М.Фейнсода. Число выселенных равно примерно 0,3-0,4% хозяйств Рославльского округа. Отдельно выделенные кулаки Монастырщинского района также составляют около 0,5% семей в районе. Совершенно очевидно, что это не все высылаемые, а только какая-то их часть. Западная область при этом высылала меньше Украины, Северного Кавказа и других очагов коллективизации. Число депортируемых семей сопоставимо с числом вовлеченных в колхозы.

Нач. ИНФО ПП ОГПУ 3/О — Начальнику информационного отдела политического представительства объединенного государственного политического управления Западной области.

«Положительные реагирования», «единодушная поддержка» — элементы ритуальной терминологии, разрабатываемой в это время внутри советского партийного аппарата. Она сводится к общей формуле: «Все прекрасно, но есть отдельные недостатки». Использование ее даже в сверхсекретных рапортах ОГПУ показывает, как далеко зашло расхождение между руководством и населением.

Ссылка на сведения перлюстрированного письма — попытка приукрасить положение. Несомненно, писавший догадывался, что его письмо будут читать, и даже не исключено, что отдельные утверждения по предварительной договоренности с корреспондентом будут пониматься противоположным образом. Начальник ОГПУ также догадывается об этих предположениях и все-таки ссылается на письмо для доказательства хорошего настроения выселяемых.

19

О П И С Ь

Секретных и сов. секретных документов
Краснинского РК ВКП(б) по изучению социально-
классового состава Краснинского района и
выселению кулацко-помещичьих семейств.

№№ п.п.	Наименование документов	Колич. листов	Примечание
1.	Список Уполномоченных Райкома и РИК'а по выселению кулацко-помещичьих семейств.	3	
2.	Отношение Краснинского Райисполкома от 16/IV-31 г. за №12 с.	2	
3.	Примерная форма протоколов и постановлений бюро ячеек собраний бедноты колхозников, президиума и пленума сельсовета по выселению кулаков.	3	
4.	Памятка по выселению кулачества.	5	
5.	Задание передвижным постам из работников милиции по выселению.	2	

№№ п.п.	Наименование документов	Колич. листов	Примечание
6.	Протокол № 2 заседания Райтройки по выселению кулацко-помещичьих семейств от 17-III-31 года.	2	
7.	Протокол № 1 заседания Райтройки по выселению кулацко-помещичьих семейств от 13/III-31 года.	1	
8.	Отношение Секретаря Райкома и Предрика Краснинского района с указанием порядка выселения.	1	
9.	Отношение Предрика и Секретаря РК ВКП(б) № 59.	1	
10.	То же № 58.	1	
11.	Список уполномоченных посланных с поручением по с/советам с 14/III-31 г. по 16/III-31 года.	2	
12.	Список лишенцев-кулаков, восстановленных в избирательных правах Окркомиссией по Краснинскому району.	10	
13.	Отношение Краснинского Райисполкома от 4/X-30 года № 01/сс с прилагаемым списком кулацких хозяйств, лишенных избирательных прав и индивидуально обложенных в 1929/30 году, а также раскулаченных по Краснинскому р-ну.	6	
14.	Протокол №№ 1, 2, 3, 4, 5 заседаний райтройки при Краснинском РК ВКП(б) по выселению кулацко-помещичьих х-в в июле 1931 года.	6	
15.	Протокол № 3 заседания Тройки по выселению кулацко-помещичьих х-в от 24/VII-31 года.	6	

№№ п.п.	Наименование документов	Колич. листов	Примечание
16.	Оперативный план Райтройки по выселению кулацко-помещичьих семейств в уборочную осенне-посевную кампанию 1931 года в 2-х экземплярах.	15	
17.	Список кустовых уполномоченных по проведению операции выселения кулацко-помещичьих семейств.	1	
18.	Докладная записка Уполномоченного ОГПУ о ходе выселения кулацких хозяйств в период ОПК	6	
19.	Оперативный план Райтройки по выселению кулацко-помещичьих хозяйств из Краснинского района в весенне-полевую кампанию 1931 года.	6	
20.	Список кулацко-помещичьих семейств, выселенных из пределов Краснинского района.	15	
21.	Выписка из протокола № 6 заседания Тройки по раскулачиванию при Смолокружкем ВКП(б) от 29/III-30 года.	1	
22.	Выписка из протокола № 6 Тройки по раскулачиванию Смолокружка ВКП(б) от 29/III-30 г.	1	
23.	Протокол 3-го Районного съезда советов Краснинского района с постановлениями и резолюциями	57	
24.	Список хозяйств Краснинского района кулацких, отнесенных к 1, 2, 3 и 4 категории постановлением Президиума РИК'а по состоянию на 21/II-30 года.	5	
25.	Протокол совещания членов Краснинского РИК'а с ответа-		

№№ п.п.	Наименование документов	Колич. листов	Примечание
	ботниками по определению категорий кулацких хозяйств 24/II-30 г.	1	
26.	Протокол № 4 и № 3 заседания тройки по ликвидации кулацких хозяйств Краснинского райисполкома от 9 и 3/II-30 года.	4	
27.	Протокол № 2 заседания особой комиссии при Краснинском Райисполкоме по определению земельной площади для заселения кулацкими хозяйствами 17-18/III-30 года.	3	
28.	Список кулацких хозяйств, подлежащих переселению.	6	
29.	Протокол № 7 заседания районной комиссии по рассмотрению материалов и жалоб лиц, лишенных избирательных прав по Краснинскому району от 13/V-30 г.	22	
30.	Список лиц, лишенных избирательных прав, и кулаков по Краснинскому РИК'у Западной области 1930 года 1/X.	21	
31.	Обложки дел с материалами по изучению социально-экономического состава населения и списками кулацких хозяйств.	6	

С Д А Л : Бывший Заворг отдела РК ВКП(б) (Пиловец)

П Р И Н Я Л : Зав. Орготделом РК ВКП(б) (Жуков)

Сов. Секретно.

Уполномоченному ГПУ по Краснинскому р-ну.

При этом препровождается акт и опись об уничтожении секретных и совершенно секретных документов.

Приложение: акт и опись.

Ответ. Секретарь РК ВКП(б) (подпись)

Отпечатано в двух экземплярах
один — уполномоченному ГПУ
один — в дела Райкома.

А К Т

1932 г. 24 февраля красный

комиссия в составе секретаря рк вкпб т михайлова зав оргинстром рк вкпб т жуковым пом уполномоченного огпу т булукова райвоенкомат калинина быв зав оргинстром пиловец сего числа произвели уничтожение секретных и сов секретных документов краснинского рк вкпб — по изучению социально-классового состава населения краснинского района списки кулацко-помещичьих хозяйств — путем сожжения согласно при сем прилагаемой описи документов

настоящий акт составлен в трех экземплярах

подписи комиссии	т михайлов
один экз обкому	жуков
один экз в дело райкома	булуков
один экз уполном огпу	пиловец

ПРИМЕЧАНИЯ
(к документам №№ 19 и 20)

(ПАСО, д.164, лл.75-79, маш., опись подписали Пиловец и Жуков. Акт — Михайлов, Жуков и Булуков, сопроводительное письмо — Михайлов). На штампе сопроводительного письма № 10 и дата 22 марта 1932 года.

••

Уничтожение следов преступления было одним из завершающих этапов раскулачивания. Руководители как бы навсегда подводили черту под проведенной кампанией. Впереди была новая жизнь, включавшая карточки, страшный голод 1933 года, паспорта, распространение веселой сталинской жизни на всю страну.

Опись документов позволяет представить, из каких этапов состояло раскулачивание и как много людей оно затронуло.

Мы видим, что список кулаков всех категорий занимал 5 листов, то есть включал примерно 150-250 семей. Численность лишенцев была в четыре раза больше, но почти половина из них были восстановлены в избирательных правах. Активное выселение проходило в марте 1931 года, в это время заседала райтройка, в сельские советы выехало 40-60 человек уполномоченных. Однако, всех выселить, по-видимому, не удалось. Мероприятия продолжают обсуждаться и в июле 1931 г. В осеннюю посевную кампанию вновь составляется оперативный план и рассылаются уполномоченные, правда, несколько меньше (список на одном листе). Окончательный список выселенных семей занимает 15 листов — в три раза больше, чем первоначальный список кулацких хозяйств всех категорий. По самому скромному подсчету в этом списке должно было находиться 500-600 семей, а скорее всего — в два раза больше. Правда, не исключено, что описание семьи (фамилия, имена или число членов семьи, деревня и сельсовет) занимали несколько строк. В этом случае число выселенных меньше — 250-300 семей. Если, однако, вспомнить, что первоначальная разверстка предлагала к выселению по 30 хозяйств на район, то мы увидим, что задание было перевыполнено в десять-двадцать раз.

***К ИСТОРИИ
КРЕСТЬЯНСКИХ
ДВИЖЕНИЙ***

ОБРАЩЕНИЕ ТАМБОВСКОЙ ОКРУЖНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДОВОГО КРЕСТЬЯНСТВА К ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ АНГЛИЙСКИХ РАБОЧИХ

Публикация Ю.Фельштинского

В мае 1920 года по решению конгресса британских тред-юнионов советскую Россию посетила английская рабочая делегация. Она побывала в Москве, Петрограде, Поволжье, выезжала на фронт, участвовала в организованных советским правительством субботниках. 26 мая делегацию принял В.И. Ленин. В прощальном письме советскому правительству глава делегации Бен Тернер пожелал Ленину «добиться успехов в создании нового, социалистического государства»¹. Стоит отметить, что это было личное письмо Тернера, написанное от первого лица. Делегаты поставили свои подписи под ним отказались. 30 мая в «Письме к английским рабочим» Ленин, поблагодарив пролетариат Великобритании за присылку своих представителей в Россию, не удержался от замечания о том, что некоторые члены делегации стояли на точке зрения буржуазии, а не рабочего класса, о многих явлениях в жизни советской России сведения черпали из антисоветской буржуазной прессы, а к диктатуре пролетариата относились враждебно². В целом, делегация была разочарована увиденным в России, которая в мае 1920 года предстала разбитой и разоренной. И при всех симпатиях к «решительной и научно обоснованной попытке создать рабочую республику» в России английские рабочие никак не соглашались платить за этот «чудесный пример для всех»³ ту цену, которую назначил Ленин.

Политически к маю 1920 г. советская Россия представляла собой однопартийную диктатуру. 28 ноября 1917 г. Ленин, как председатель Совнаркома, утвердил декрет «об аресте вождей гражданской войны про-

¹ См.: ПИСЬМА В.И. ЛЕНИНУ ОТ ЗАРУБЕЖНЫХ ДРУЗЕЙ СТРАНЫ СОВЕТОВ. — «Коммунист», 1960, №3, с.7.

² В.И. Ленин. Полное собрание сочинений, т.41, с.124-128.

³ См.: ПИСЬМА В.И. ЛЕНИНУ ОТ ЗАРУБЕЖНЫХ ДРУЗЕЙ СТРАНЫ СОВЕТОВ. — «Коммунист», 1960, №3, с.7.

тив революции» — лидеров партии кадетов⁴. 5 января 1918 г. было разогнано Учредительное собрание. Весной 1918 г. большевики, первоначально вместе с левыми эсерами, начали широкую кампанию борьбы с оппозиционными социалистическими партиями — анархистами, социалистами-революционерами и меньшевиками⁵. Первыми пали анархисты: их московская группа (600 человек) была арестована в ночь на 12 апреля⁶. Было очевидно, что наступает очередь меньшевиков и эсеров. 31 мая представитель левых эсеров во ВЦИКе и заместитель Дзержинского по ВЧК Г.Закс назвал эсеров и меньшевиков «предателями советской власти». 4 июня на объединенном заседании ВЦИКа и Моссовета Ленин обвинил меньшевиков и эсеров в контрреволюционной деятельности. Затем последовал разгон ряда рабочих манифестаций. 14 июня представитель фракции меньшевиков во ВЦИКе Л.Мартов пробовал протестовать. Но в ответ на его протесты эсеры и меньшевики в тот же день были исключены из ВЦИКа⁷. В июле та же судьба постигла левых эсеров, поддерживавших большевиков вплоть до июня практически во всех вопросах, но оставшихся преградой на пути к однопартийной диктатуре. 6 июля партия левых эсеров была обвинена в восстании против советской власти и на следующий день разгромлена⁸. Многопартийная социалистическая власть прекратила свое существование⁹.

⁴ *ДЕКРЕТЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ*, т.1, М., 1957, с.161-162.

⁵ На местном уровне эта борьба выразилась в разгоне оппозиционных Советов. На заседании ВЦИКа 11 апреля 1918 г. эсеры пробовали поставить этот вопрос на повестку дня. Но большевики и левые эсеры, составлявшие во ВЦИКе большинство, проголосовали против обсуждения. О самих разгонах представитель фракции социалистов-революционеров успел, однако, сказать следующее: «Товарищи, вам, очевидно, известно, что за последнее время разгоняются Советы; эти разгоны принимают эпидемический характер. Разгоняются Советы только за то, что в них проходит большинство из представителей оппозиционных партий. Нам известно, что за последнее время разогнан Совет в Ярославле, где представители оппозиционных партий арестованы; нам известно, что такой же разгром был в Тамбове, и опять представители оппозиционных партий арестованы. Тот же самый разгром был в /.../ ряде других городов /.../ В Златоусте /.../ во время разгона арестовано 13 представителей оппозиционных партий; были арестованы с.-р. и социал-демократы меньшевики, и арестованы были только потому, и Совет был разогнан только потому, что в Исп/олнительный/ Комитет Совета прошло большинство представителей оппозиционных партий». — *ПРОТОКОЛЫ ЗАСЕДАНИЙ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА 4-го СОЗЫВА*. Стенографический отчет. М., 1920, с.110.

⁶ 18 апреля 1918 с докладом о проведенной операции на заседании ВЦИКа выступил левый эсер Г.Закс. Подробнее об этом см.: *ПРОТОКОЛЫ...*, с.153-168.

⁷ Там же, с.419-439.

⁸ Подробнее об этом см.: Ю.Фельштинский. *БОЛЬШЕВИКИ И ЛЕВЫЕ ЭСЕРЫ. ОКТЯБРЬ 1917 — ИЮЛЬ 1918*. (Серия ИНРИ под общей ред. А.И. Солженицына). Париж, ИМКА-Пресс, 1985, с.164-284.

⁹ Многопартийная система прекратила свое фактическое существование именно 7 июля 1918, в день разгрома партии левых социалистов-революционеров. Формально, однако, однопартийная диктатура пришла несколько позже, после окончательного разгона, роспуска, самороспуска или поглощения партией большевиков всех остальных оппозиционных партий, мелких и многочисленных.

Экономически советская республика жила в системе так называемого военного коммунизма — совокупности мер, целью которых была ликвидация старых, капиталистических отношений, «предвосхищение будущего, прорыв этого будущего в настоящее»¹⁰. Важнейшим элементом военного коммунизма была монополия хлебной торговли. Большевики запретили крестьянам продавать хлеб иначе как государству. Закупка же государством велась по крайне низким расценкам и за обесцененные деньги. Фактически у крестьян хлеб забирали бесплатно¹¹. Крестьяне это поняли и перестали хлеб продавать. В городах начался голод. Можно было легко ликвидировать его, отменив монополию хлебной торговли и разрешив деревне свободно снабжать города продуктами. Рабочие к этому времени в основном получали зарплату уже не в ничего не стоящих деньгах, а в виде товаров¹², которые как раз и были так необходимы крестьянам. Рыночная торговля, таким образом, заменялась бы прямым товарообменом, что вполне соответствовало социалистическим идеалам. Но тогда возникала сложность совсем иного плана. Получалось, что «мелкобуржуазное» крестьянство, которое Ленин собирался уничтожить¹³, кормило и себя, и город. Но так коммунизма построить было нельзя. Население должно было сознавать, что его кормит пролетарское правительство и что только ему народ обязан сытым желудком¹⁴. И потому монополию хлебной торговли оставили в силе¹⁵. А чтобы сломить крестьянство, в мае 1918 г. в стране была установлена «продовольственная диктатура», целью которой было «отбирание у держателей запасов хлеба», т.е. грабеж крестьян. Крестьянам оставался «паек, рассчитанный более чем на месяц, а иногда на месяц». Предусматривались

¹⁰ Л. Крицман. *ГЕРОИЧЕСКИЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. (Опыт анализа так называемого «военного коммунизма»)*. М., 1926, с. 77.

¹¹ Это открыто признает официальная советская историография: «...Основную часть стоимости заготовленных сельскохозяйственных продуктов крестьяне получали обесцененными денежными знаками. Деньги являлись как бы свидетельством размеров полученной государством ссуды» (*ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ СССР*, т.1, М., 1976, с.375). «Ссуда» эта крестьянам так и не была возвращена.

¹² Герой булгаковской *ДЬЯВОЛИАДЫ* Коротков получал, напр., зарплату в спичках, которые, впрочем, не загорались.

¹³ Эта позиция была сформулирована Лениным еще в 1905: «Вместе с крестьянами-хозяевами против помещиков и помещичьего государства, вместе с городским пролетариатом против всей буржуазии, против всех крестьян-хозяев. Вот лозунг сознательного деревенского пролетариата». (В.И. Ленин. Сочинения. Изд. 2-е. М., 1926-1932, т.8, с.261).

¹⁴ Ощущение, что свою политику, в том числе и продовольственную, советское правительство полностью заимствовало у Великого Инквизитора: «Получая от нас хлеба, конечно, они ясно будут видеть, что мы их же хлеба, их же руками добытые, берем у них, чтобы им же раздать...» (Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений в 30 томах, т.14. Л., 1976, с.235).

¹⁵ При этом экономическая нецелесообразность хлебной монополии была очевидна всем, в том числе и сотрудникам комиссариата продовольствия. — См., в частности, доклад работника Наркомпрода Брюханова во ВЦИКе 8 апреля 1918 г. и последовавшие после этого прения в: *ПРОТОКОЛЫ...*, с.75-88.

и «меры физического принуждения», чем должны были заниматься «продовольственные отряды», которые посылались «не только в целях взятия и реквизиции хлеба», но и для того, чтобы «показать населению, что хлеб будет взят силой». Иными словами, большевики не оставили себе «другого выхода, как объявить войну деревенской буржуазии»¹⁶. За неспасибо или «разбазаривание» хлеба крестьян предлагалось предавать «революционному суду, заключать в тюрьму на срок не менее 10-ти лет, подвергать все имущество конфискации и изгонять из общины». Поощрялась система доносительства за вознаграждение. Половину стоимости конфискованного с помощью доноса хлеба получал (в обесцененных деньгах) сам доносчик. Вторую половину — сельское общество¹⁷. «В случае оказания противодействия отобранию хлеба или иных продовольственных продуктов» продотрядам и «другим лицам и учреждениям на местах» разрешалось «применять вооруженную силу». Нарком продовольствия А.Цюрупа в этой связи говорил следующее: «Я желаю со всей откровенностью заявить, что речь идет о войне, только с оружием в руках можно получить хлеб /.../ Мы предлагаем самую беспощадную войну, доходящую до последней точки /.../ Нам нужно искать опоры у местных Советов /.../ но /.../ если эти Советы созывают съезды, которые отменяют хлебную монополию и твердые цены /.../ — ясно, что с такими Советами мы будем бороться /.../ мы будем вести борьбу вплоть до заключения в тюрьму, до отправки войска, до последних форм, крайних форм гражданской войны»¹⁸.

Вместо крестьянских Советов, отказывавшихся поддерживать большевистскую политику в деревне, а потому разгоняемых, должны были возникнуть другие организации — комитеты «деревенской бедноты». На это указал во ВЦИКе Свердлов 20 мая 1918 г. Для разгона «волостных Советов», где «руководящая роль принадлежит кулачно-буржуазному элементу», Свердлов предложил «расколоть деревню на два непримиримых враждебных лагеря» и «разжечь там ту же гражданскую войну, которая шла не так давно в городах»¹⁹. 4 июня к гражданской войне в деревне призвал Троцкий²⁰. Для начала ее Декретом ВЦИК от 11 июня

¹⁶ *ПРОТОКОЛЫ...*, с.249-250.

¹⁷ Это был способ заинтересовать в доносах всю деревню. Чуть позже, 26 мая, в *ТЕЗИСАХ ПО ТЕКУЩЕМУ МОМЕНТУ*, вынесенных на утверждение ЦК РКП(б), Ленин предложил подкупать крестьянскую бедноту уже не обесцененными деньгами, а раздачей ей части конфискованного хлеба. — В.И. Ленин. ПСС, т.36, с.376.

¹⁸ *ПРОТОКОЛЫ...*, с.259. Проект *О ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ПОЛНОМОЧИЯХ НАРОДНОГО КОМИССАРА ПО ПРОДОВОЛЬСТВУ* был утвержден СНК и ВЦИКом 13 мая и стал декретом. — См.: *ДЕКРЕТЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ*, т.2, М., 1959, с.261-266.

¹⁹ *ПРОТОКОЛЫ...*, с.294.

²⁰ «...Мы говорим всем голодающим /.../ что хлеб в стране есть у кулаков, у хищников, у эксплуататоров /.../ и мы говорим, что мы этот хлеб у них отнимем с применением оружия /.../ Нет, сейчас не будет другого пути /.../ вы пойдете под знаменем Советской власти в деревни крестовым походом /.../ Наша партия за гражданскую войну, гражданская война уперлась в хлеб». — Там же, с.388-389.

были созданы «комитеты бедноты»²¹. Они немедленно вступили в вооруженные столкновения с сельскими Советами²², упразднив их во многих уездах и взяв на себя их функции²³. К октябрю 1918 г. распущено и подменено комбедами было, возможно, до 50% общего числа Советов²⁴. Наконец, в ноябре, решением Шестого Всероссийского съезда Советов, везде, где этого еще не произошло, комбеды распустили Советы и забрали себе их функции и название²⁵. Таким образом, за полгода в сельской России были уничтожены старые и созданы новые органы власти, которые должны были, с одной стороны, раздробить единое крестьянство, натравив «деревенский пролетариат» на крестьян-хозяев; а с другой — обеспечить советской власти выполнение продразверстки, официально объявленной декретом СНК от 11 января 1919 г.²⁶ С незначительными изменениями эта система осталась в силе до введения НЭПа в 1921 г.

Несомненно, что делегация английских профсоюзов особенно интересовалась рабочей политикой советской власти в 1917-20 гг., и

²¹ *ДЕКРЕТЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ*, т.2, с.412-421. Комитеты бедноты стали формироваться задолго до июньского декрета. В 24 губерниях Европейской части России в ноябре 1917 — мае 1918 было создано по меньшей мере 870 организаций этого типа. — См.: П.Н. Соболев. *УПРОЧЕНИЕ СОЮЗА РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН В ПЕРВЫЙ ГОД ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ*. М., 1977, с.135.

²² *ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА*. В пяти тт. Т.1, М., 1986, с.75.

²³ Так, в Петровском уезде Саратовской губ. 25 октября 1918 президиум исполкома предписал «волостные и сельские Советы упразднить и всю власть /.../ передать волостным и сельским комитетам бедноты». — *СОВЕТЫ В ЭПОХУ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА*. Сб. документов. М., 1928, ч.1, с.372-373.

²⁴ Напр., по губерниям Северной области в августе-октябре 1918 Советы были переизбраны в 294 волостях, т.е. 56% их общего числа. — См.: «Вопросы истории», 1958, №8, с.36.

²⁵ В официальных стенограммах съезда говорилось, впрочем, не о замене Советов комбедами, а лишь о перевыборах: «...Съезд /.../ предлагает всем губернским и уездным Советам немедленно приступить к перевыборам всех волостных и сельских Советов, возлагая непосредственное проведение в жизнь перевыборов на комитеты деревенской бедноты, являющиеся органами коммунистического строительства в деревне». (*СЪЕЗДЫ СОВЕТОВ РСФСР И АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК РСФСР*. Сб. документов. М., 1959, т.1, с.95-96). Однако в начале ноября Ленин на совещании делегатов комбедов центральных губерний высказывался более откровенно: «Мы сольем комбеды с Советами, сделаем так, чтобы комбеды стали Советами» (В.И. Ленин. ПСС, т.37, с.181). Правда, Ленин не доверял и комбедам, и готов был, в случае чего, разогнать новые комбедовские Советы: «Мы знаем, что и в комбеды иногда пролезают кулаки. Если это будет продолжаться, то и к комбедам будет такое же отношение /.../ Переменной клички никого не обманеш. Ввиду этого предположено произвести перевыборы в комбеды» (там же).

²⁶ *ДЕКРЕТЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ*, т.3, М., 1968, с.292-294. Согласно декрету, устанавливались крайне высокие нормы продовольственной разверстки, которую крестьяне чаще всего не могли выполнить, но за невыполнение которой их хлеб отбирался в принудительном порядке и безвозмездно. К нормам, назначаемым центром, прибавлялись еще и нормы, определенные местными продовольственными комиссиями и идущие на удовлетворение запросов местной советской власти. Это делало тяготы крестьян непомерными и давало простор для злоупотреблений.

здесь она могла заключить, что политика эта во всем противоречила интересам самих рабочих. Вопреки всеобщим ожиданиям и собственным обещаниям, большевики, требовавшие до прихода к власти немедленного введения 8-часового рабочего дня, так и не ввели его. Наркомат труда, впрочем, устанавливал иногда 8-часовой рабочий день на отдельных заводах, но не ради рабочих, а в виде наказания предпринимателя²⁷. Уровень жизни рабочих упал катастрофически. Для повышения дисциплины на производстве вводилась система жесточайших штрафов и увольнений, какой не видело ни одно капиталистическое общество. Уравнительная система оплаты лишала рабочих стимула трудиться и приводила к падению производительности. Заменявшая же уравнительную форму сделки была не чем иным, как «капиталистической» формой интенсификации труда, часто основанной на системе Тейлора, которую сам Ленин до революции называл «"научной" системой выжимания пота» и против которой до прихода к власти так протестовали большевики²⁸. Организовывались «промышленные суды», и за несоблюдение трудовой дисциплины Ленин предлагал карать «вплоть до тюремного заключения»²⁹. «В связи с общим истощением рабочего класса»³⁰, установлены были «особые голодные, но твердые нормы выработки»³¹, но при этом за «нерадение» увольняли, как за саботаж, без уплаты денег при расчете. Времена «первоначального обсуждения самими трудящимися новых условий жизни и новых задач»³² прошли или, выражаясь словами большевиков, оказались «преждевременными». «Митинги или собрания в заводе» допускались «лишь в самых крайних случаях»³³. Теперь Ленин говорил уже о крестовом походе за повышение дисциплины³⁴. Разгонялись профсоюзы, постоянно протестующие против рабочей политики большевиков.

²⁷ Так, был введен 8-часовой рабочий день на заводах «Наваль» и «Рассуд» в Николаеве. После национализации промышленности такие опыты прекратились.

²⁸ По данным промышленной переписи 1918 г. к концу года на сдельную зарплату было переведено 85% из 613-тысячной армии рабочих Петрограда. — См.: **РАБОЧИЙ КЛАСС СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ПЕРВЫЙ ГОД ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА**. М., 1964, док. 147 (таблица).

²⁹ Ленин подходил к вопросу диалектически: «При капиталистическом строе увольнение было нарушением гражданской сделки. Теперь же при нарушении трудовой дисциплины, особенно при введении трудовой повинности, совершается уже уголовное преступление, и за это должна быть наложена определенная кара». (В.И. Ленин. ПСС, т.36, с.212-213). Сталинские указы лета 1940 года были, собственно, лишь возвратом к этой старой ленинской политике.

³⁰ Член II Государственной Думы большевик Г.Алексинский на думском заседании 7 марта 1907 г. произнес фразу, зазвучавшую злободневно лишь после большевистского переворота: «Надо позаботиться о том, чтобы весь рабочий народ не умер с голоду по пути к социализму /.../ (Аплодисменты на левых скамьях)». — **ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА. ВТОРОЙ СОЗЫВ. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая**. Том 1, СПб, 1907, с.247.

³¹ «Профессиональный вестник», 1918, №5-6 (13-14), с.12.

³² В.И. Ленин. ПСС, т.36, с.202.

³³ **РАБОЧИЙ КЛАСС СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ПЕРВЫЙ ГОД ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА**, с.146.

³⁴ В.И. Ленин. ПСС., т.36, с.367.

С 14 июня 1918 г. декретом СНК сократили отпуска до двух недель³⁵, ввели сверхурочные работы, на бумаге ограничив их 50 днями в году (т.е. почти всеми воскресными днями), разрешили использовать детский труд³⁶.

Таким образом, в мае 1920 года говорить о каких-либо выгодах, полученных рабочими и крестьянами в результате революции, не приходилось. Национальный доход сократился с 11 млрд. руб. в 1917 г. до 4 млрд. руб. в 1920³⁷. Потери населения достигли, вероятно, 18 млн. чел.³⁸ 4,4 млн. человек в возрасте 16-49 лет стали инвалидами. Убыль мужчин рабочего возраста составила 29%³⁹. Конец 1920 — начало 1921 гг. ознаменовался, кроме того, целым рядом восстаний. Они вспыхивали на Украине и Юго-Востоке, в Сибири и в Поволжье, в центральных губерниях. Восстание в Западной Сибири охватило территорию почти всей Тюменской губернии, а также соседние уезды Челябинской, Екатеринбургской и Омской губерний. Численность восставших только в Ишимском округе доходила до 60 тысяч⁴⁰.

Почти год длилось крестьянское восстание в Тамбовской губернии, опиравшееся к началу 1921 г. на 50-тысячную крестьянскую армию⁴¹. Оно стало одной из составных частей всероссийской Жакерии и Ванден, подавлялось по всем правилам военного искусства регулярными частями Красной армии и было ликвидировано летом 1921 г. — только после введения НЭПа⁴².

Предлагаемый документ хранится в Международном Ин-те социальной истории, в Амстердаме, в фонде «Архив партии социалистско-революционеров № 2032». Публикуется впервые с любезного разрешения Ин-та. Оригинал документа представляет собой 21-страничный рукописный английский текст. Русский оригинал документа отсутствует. Воз-

³⁵ *ДЕКРЕТЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ*, т.2, с.431-434.

³⁶ Подробнее о рабочей политике большевиков в этот период см.: Ю.Фельштинский. *БОЛЬШЕВИКИ И РАБОЧИЙ ВОПРОС В ОКТЯБРЕ 1917-1918 гг.* — «Новый журнал», №149, 1982, с.235-249.

³⁷ *К ДЕСЯТИЛЕТИЮ ИНТЕРВЕНЦИИ*. Сб. статей. М.-Л., 1929, с.233.

³⁸ Советское официальное издание называет цифру в 20 млн. чел., начиная с 1914 г. (см.: *ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА*, т.1, с.200). Из них примерно 2 млн. приходится на потери России в Первой мировой войне.

³⁹ С.Г. Струмилини. *ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ ТРУДА*. М., 1957, с.39.

⁴⁰ Т.Д. Корушин. *ДНИ РЕВОЛЮЦИИ И СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ИШИМСКОМ ОКРУГЕ, 1917-1926*, Ишим, 1926, с.70.

⁴¹ *АНТОНОВЩИНА*. Сб. статей, очерков и др. материалов. Тамбов, 1923, с.13.

⁴² Подавлением восстания руководил Тухачевский. Назначен он был по инициативе Э.Склянского, который писал Ленину в мае-июне 1921 г.: «Я считал бы желательным послать Тухачевского на подавление Тамбовского восстания. В последнее время там нет улучшения и даже местами ухудшение. Получится несколько большой политический эффект от этого назначения. В особенности за границей. Ваше мнение?» Ленин ответил: «Внесите *Молотову* для П.-Бюро *на завтра*. Предлагаю назначить его без огласки в центре, без публикации». (Архив Троцкого. Хогтонская библиотека Гарвардского ун-та, фонд bMs Russ. 13 T-678).

можно, его и не существовало и текст составлялся сразу на английском. Первые 15 листов рукописи являются чистовиком английского перевода «Обращения», в то время как последующие 6 — часть черновика с многочисленными исправлениями и даже отдельными русскими словами. Чистовик документа обрывается на странице 15, черновик — на странице 21, причем очевидно, что «Обращение» не было дописано. Не исключено, что этот недописанный документ не был отослан адресату.

Об авторах (или авторе) можно сказать следующее. Они в совершенстве владели английским языком, следовательно, сами не были крестьянами. Документ написан в социалистическом духе. Все это заставляет предположить, что авторами были эсеры или социал-демократы. В пользу первых говорит прежде всего то, что документ хранится в эсеровских бумагах и что именно эсеровская партия считала себя крестьянской и скорее, нежели какая-либо другая, могла позволить себе обращение от имени крестьян. В пользу вторых говорят некоторые особенности самого текста.

Документ публикуется полностью. Перевод публикатора. Пропущенные и неразборчивые слова отмечены в каждом конкретном случае. Названия тамбовских газет, данные в английском переводе, а не в латинской транскрипции, выверены по библиографическому справочнику «Газеты СССР. 1917-1960», т.4. М., 1980. Географические названия, часто указанные в документе неточно и неразборчиво, по возможности выверены по карте Тамбовской губернии. Ряд названий, однако, на карте не обнаружен (о чем указано в подстраничных примечаниях).

Дорогие товарищи!

От имени организованных земледельцев Тамбовской губернии мы с радостью приветствуем ваше прибытие в революционную Россию. Наши сердца наполняются радостью, когда мы читаем в официальных газетах, что делегаты английских рабочих хотят получить подробную информацию о положении русского крестьянства. Это дает нам слабый луч надежды на то, что, наконец, станет возможным приоткрыть тяжелый и непроницаемый занавес, которым правящая в России коммунистическая партия скрывает от цивилизованного мира преступные деяния своих функционеров. Мы надеемся, что голос ограбленного, бесправного трудового крестьянства дойдет, наконец, до рабочих Западной Европы, которые придут к нам на помощь.

Пользуясь вашим прибытием, мы постараемся поведать вам о трагедии нашей кошмарной жизни. Мы хотим рассказать, как российская коммунистическая партия свела на нет все, что было достигнуто революцией, как под флагом коммунизма учредила

в России худшую карикатуру на коммунизм, азиатскую деспотию в европейском облачении.

Мы хотим обратить ваше внимание на два аспекта нашей жизни: на права трудового крестьянства (в сравнении с правами рабочих) и на экономические мероприятия правительства.

I. СОСТОЯНИЕ ПРАВ ТРУДОВОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Настоящего демократа и социалиста текст советской Конституции просто удивит. Отказывая в равном распределении голосов, Конституция дает трудовому крестьянству представительство в пять раз меньшее, чем рабочим. Таким образом, вместо помещиц и буржуазной аристократии, снесенных революцией, авторы Конституции создали новую пролетарскую аристократию. Излишне говорить, дорогие товарищи, что Карл Маркс и Фридрих Энгельс, создатели научного социализма, разрешали проблему социалистической революции введением равных прав и уничтожением всех привилегий, а не заменой одной аристократии другой. Вы знаете это так же хорошо, как и мы. Как ничтожно выглядят аргументы русских коммунистов в оправдание ограничений прав крестьянства. Подобно помещикам и капиталистам, они, разъясняя статьи своей антидемократической Конституции, ссылаются на низкий уровень культуры российского крестьянства (как часто делает в своих речах Ленин). Забыта элементарная истина социализма: лучшее лечение от невежества — всеобщее избирательное право.

Нет никакого сомнения в том, что действительная причина ограничения крестьянских прав — отнюдь не низкий уровень культуры, а нежелание предоставить трудовому крестьянству ведущее положение в жизни государства, на что последние имеют полное право, хотя бы из-за своей численности и большого экономического веса. Численность крестьянства и роль, которую оно играет в экономической жизни страны, столь велики, что даже при существующей советской Конституции оно занимало бы ведущее место в правительстве России, если бы эта Конституция соблюдалась. Но мы должны с грустью признать, что она годится лишь для того, чтобы ею обклеивать стены старых учреждений (поскольку обоев теперь уже нигде не найти) и тем самым маскировать перед иностранцами действительные условия жизни крестьян и рабочих. Пока что Конституция к реальной жизни отношения не имеет.

Власть Советов, о которой вы слышали уже много и о которой еще услышите в приветственных речах и официальных обра-

щениях, лишь позолоченная вывеска, прикрывающая господство чиновников функционеров коммунистической партии, правящих Россией против воли даже тех слоев народа, которые по Конституции обладают полной властью и правом на самоуправление.

В России нет власти Советов. Вместо этого существует лишь диктатура большевиков. Когда рабочие и крестьяне послали в Советы противников коммунистической партии, этим Советам было отказано в праве на существование и их лишили всех полномочий. Таково положение по всей стране. Мы же иллюстрируем его лишь теми примерами, что касаются Тамбовской губернии. Когда в 1918 году рабочие и солдаты Тамбова послали депутатами в городской Совет представителей эсеровской и меньшевистской партий, Совет, отказавшийся предоставить большевикам половину мест в своем президиуме, — был объявлен распущенным.

В течение двух лет коммунисты совершенствовали методы фальсификации волеизъявления рабочих и крестьян. Теперь они уже не позорятся, разгоняя представителей рабочего класса, но действуют куда проще: оказывают давление на избирателей, вплоть до ареста кандидатов от политических партий, противостоящих большевикам, и занимаются подтасовками, исключая из числа избирателей множество рабочих. Выборы проходят в атмосфере террора, и кандидаты правящей коммунистической партии избираются голосами их немногочисленных сторонников, в то время как рабочие массы хранят молчание. Так прошли в этом (1920) году (перед Пасхой) выборы в Тамбове.

Не имея легальных прав на существование, ни одна из тамбовских социалистических организаций не могла выбрать своих кандидатов в Совет. Когда железнодорожники выдвинули беспартийных кандидатов, их арестовали на время выборов и освободили лишь после того, как коммунисты, не имея конкурентов, одержали легкую победу. Еще меньше церемонится правящая партия с крестьянством. В деревнях и на крупных железнодорожных станциях выборы проходят в атмосфере открытых угроз и насилия. Очень часто из нескольких тысяч к выборам допускаются лишь 10-15 человек, мобилизованных коммунистической партией. Но поскольку крестьянство все же иногда отклоняет непрошенных гостей из центра, а [местных] коммунистов в этих уездах вообще нет, то земледельцы выбирают в уездные Советы большое число депутатов, числящихся беспартийными (из-за боязни ареста за принадлежность к оппозиционным партиям). В этих случаях большевики разгоняют Совет или же, угрозами и насилием, застав-

ляют беспартийных выбирать в губернский Совет коммунистов. Так было во время зимних выборов 1919-1920 в Липецке (Тамбовской губернии). Как писала официальная газета «Известия», из более чем ста делегатов прошло только пять коммунистов. С помощью угроз и насилия в губернский Совет было выбрано восемь коммунистов, т.е. больше, чем во время [уездных] выборов. Это давление, напоминая выборы во Вторую Государственную Думу в эпоху диктатуры Столыпина*, оказывается во имя пролетариата, чью волю, по собственному утверждению большевиков, отражает коммунистическая партия.

Из кого же состоит коммунистическая партия? Чтобы правильно ответить на этот вопрос, недостаточно пролистать официальные большевистские газеты; нужно знать действительные биографии ее членов и их политическое прошлое. Достаточно опросить рабочих любого крупного предприятия и крестьян любой деревни, чтобы уяснить правило набора: члены коммунистической партии мобилизуются из худших элементов города и деревни, или даже из агентов и союзников царских империалистов, переживших из соображений выгоды в красный цвет. Таких большинство. Настоящих идеалистов, борющихся за коммунизм, так мало, что они теряются в массе искателей богатства, любителей наживы, морально нечистоплотных людей.

В каждом городе и деревне можно назвать несколько человек, которые вчера были активными защитниками царского правительства и членами монархических партий, а нынче стали сторонниками и активистами коммунистической партии. Например, в Тамбове: 1) Один из крупных тамбовских большевиков — бывший инспектор тамбовской гимназии для мальчиков Абиндер, в царское время был известен как монархист. На заседаниях физико-медицинского общества до революции он протестовал против обсуждения каких-либо политических вопросов. Если раньше он с готовностью участвовал в официальных манифестациях в честь Николая II, то теперь этот человек — один из руководителей коммунистической системы образования и профессор государственного Тамбовского университета. 2) Бывший редактор монархической газеты «Тамбов» А.Болдарев возглавляет теперь канцелярию высшего государственного учреждения — Губисполкома, и т.д. Достаточно лишь проглядеть официальные тамбовские газеты за последние полгода («Известия Тамбовского Губернского Совета», «Еженедельник Тамбовского губернского коми-

---

* Имеются в виду выборы не во II-ю, а в III-ю Государственную Думу, проходившие осенью 1907 г.

та РКП(большевиков)»), чтобы обнаружить исключение из партии бывших жандармов, полицейских и других агентов свергнутого правительства, а еще чаще — исключения за пьянство, грабежи, воровство и тому подобные акты, которые не должны были бы иметь ничего общего с Российской коммунистической партией.

Приходится с сожалением констатировать, что лишь на местах рабочие и крестьяне знают, сколько жандармов, пьяниц и преступных элементов все еще ожидают исключения, а пока пользуются неограниченной диктаторской властью над жизнью и имуществом трудового народа. Русские крестьяне и рабочие знают, как безнадежны в атмосфере большевистского террора и отсутствия свободных союзов любые попытки выбрать кандидатов, которых они действительно хотят. Они знают, как грубо нарушается волеизъявление трудящихся.

Население города и деревни задыхается от насилия и террора, чинимых большевиками. Оно не верит в искренность попыток правительства остановить незаконные акты насилия. Единственное, что нужно для этого сделать — дать рабочим и крестьянам право свободно выбирать своих представителей в местное управление, не навязывая им назначенных свыше функционеров, дать народу право контроля над ними и возможность, когда это необходимо, предавать функционеров открытому суду, чего не существует в России. Население не может верить в искренность попыток правительства бороться с преступлениями и незаконными действиями местных чиновников, когда оно видит, как быстро эти функционеры, однажды уличенные в противозаконных деяниях, вновь оказываются у власти. Мы покажем это на примерах из жизни деревни под Тамбовом. Прошлой зимой тамбовский трибунал осудил за серию преступлений руководителей Тамбовской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией: ее председателя Якимчика, его товарища и секретаря ГубЧК. Приговоренный к пяти годам каторжных работ, Якимчик и его товарищ были отправлены в Москву. Сейчас Якимчик неофициально освобожден и руководит важной пропагандистской работой на севере России, в Архангельске, и, вероятно, снова совершает преступления и творит насилие.

Другой пример. В пределах Тамбовской губернии один сотрудник губернской продовольственной комиссии беспощадно избивал крестьян и совершал другие акты жестокости, например, запирали их после побоев в холодном помещении во время зимних морозов. Его арестовывали несколько раз, но каждый раз освобождали после телеграмм губернского начальника, члена Губ-

исполкома и Продкомиссии Гольдина. Тот же самый Гольдин направил в район Борисоглебска (Тамбовской губернии) для конфискации хлеба у крестьян бывшего матроса Пегасова — преступника, осужденного большевистским революционным судом на несколько лет каторжных работ за грабеж, но амнистированного из-за своего революционного прошлого.

Бесправным крестьянам, потерявшим всякую возможность бороться с беззаконием властей или хоть как-то контролировать их, нигде найти защиты. Они полностью отданы на растерзание отпетым преступникам, нашедшим покровителей среди высших сановников, которые спасают их от наказания.

Пусть наши английские товарищи не думают, что описанные здесь преступления недостойных правительственных чиновников — лишь единичные случаи безответственного поведения членов коммунистической партии. Почти каждая губерния, каждый город сегодняшней России ощущает на себе всю тяжесть деспотического правления большевиков и терпит его только потому, что, после беспощадного подавления многих попыток сбросить это правительство, народ потерял уже всякую надежду. Правдивость нашего заявления мог бы легко подтвердить референдум.

Сейчас вопрос о форме государственного правления в России потерял свою остроту. Борьба идет не между [пропуск в тексте. — Публ.] и властью Советов. Обе формы правления при отсутствии шантажа и запугивания избирателей привели бы к власти социалистические партии, которые защищали бы интересы трудового крестьянства — абсолютного большинства населения страны. Согласно сельской статистике 1917 года, опубликованной самими большевиками, численность мелкобуржуазного элемента в русской деревне не поднимается выше 2%. Городской буржуазный элемент в процентном отношении также не превышает этой цифры. Это ясно показывает, что не должно быть никакой разницы в результатах выборов в высшие учреждения государственного аппарата или на местном самоуправленческом уровне, если выборы проводятся на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования или хотя бы при наличии равных избирательных прав для всех трудящихся (исключая лиц, живущих за счет чужого труда). Спор идет не между [пропуск в тексте. — Публ.] и Советами, а между коммунистической партией и трудящимся крестьянством. В этой борьбе пролетариат не на стороне большевиков. Его настроения сами по себе являются для коммунистической партии ударом. Подобно крестьянству, рабочие лишены свободы слова, печати, собраний, неприкосно-

венности личности и всех тех прав человека и гражданина, которые когда-то были провозглашены Великой французской революцией. Для российских граждан все это — недостижимый идеал. Даже профессиональные организации рабочего класса вынуждены влечить жалкое существование, становясь бесправным механическим придатком к правительственной машине. Чтобы охарактеризовать ситуацию, в которую поставлен пролетариат и его профессиональное движение, достаточно упомянуть об аресте в Тамбове в 1919 г. рабочих социал-демократов (меньшевиков) Сатина, Чабурова и Фейтельбаума, вина которых заключалась лишь в том, что они осмелились голосовать против резолюции, предложенной коммунистами. Излишне говорить, что местная организация меньшевиков, никогда не помышлявшая свергать коммунистическую партию путем вооруженного восстания, объявлена нелегальной, точно так же, как партии правых и левых социалистов-революционеров.

Коммунистическая партия укрепляет свою тираническую власть отменой всех гражданских свобод. Для русских рабочих и крестьян права, приобретенные в Англии в XVII веке по акту Хабеас Корпус, — мечта далекого будущего. Никакая рабочая или крестьянская организация не имеет права издавать газету, не соответствующую программе большевистской партии или критически относящуюся к ее методам. Поэтому рабочие и крестьянские организации принуждены выпускать нелегальные прокламации и листовки, печатать их подпольно, на гектографах, в самых тяжелых условиях, ежеминутно рискуя головой ради одного права изложить свой план перестройки старой полуфеодальной России в Россию трудящихся. Свобода слова постыдно исчезла в России. Каждого, кто осмеливается открыто критиковать власть, арестовывают. Были случаи, когда за речи с критикой мероприятий правительства людей, совершивших это «преступление», расстреливали, как случилось в Моршанске с шофером Петром Воронцовым (членом партии социалистов-революционеров). Он был расстрелян за то, что выступил в профессиональном союзе против необходимости объявлять «добровольную» мобилизацию всех членов профсоюзов (кроме официальных чиновников). Сообщение о казни было опубликовано в одном из номеров официальных «Тамбовских Известий» в июле 1919 г. в отделе объявлений. Это показывает, как коммунистическая партия силой добивается от рабочих и крестьян решения о добровольной помощи правительству. Угрозами и принуждением большевики заставляют рабочих «добровольно» продлевать рабочий день до 10 и 11 часов, крестьян — «добровольно» уменьшать остающуюся

им часть урожая, посылать бесплатно лошадей для правительственных работ и нести прочие натуральные повинности.

Не существует в России и свободы собраний. Запрещая собрания оппозиционных социалистических партий, большевики заставляют рабочих и крестьян присутствовать на митингах, организованных коммунистической партией, добавляя ко многим повинностям старой царской России новый натуральный налог — собрания. Делается это очень просто: в конце рабочего дня все двери рабочих помещений и контор запираются, и рабочие и служащие обязаны слушать официальных ораторов до тех пор, пока тем не надоест говорить.

Празднование 1 мая в России теперь тоже повинность. В 1919 всем рабочим и служащим было приказано принимать участие в уличных манифестациях, а в 1920 году их [заставили] участвовать в так называемом «коммунистическом субботнике». Между тем радиотелеграф рассылал по всему миру лживые сообщения об энтузиазме, охватившем всех трудящихся России и толкнувшем их на то, чтобы «добровольно» объявить 1 мая рабочим днем.

Вынужденно заканчивая этот короткий обзор жизненных условий трудящихся в России, мы должны добавить, что даже суд не может гарантировать защиты их прав, так как судебные заседания закрыты для публики, состав суда не избирается, а сами судьи не ответственные перед рабочими. Это касается, в первую очередь, всесильной Чрезвычайной комиссии, которая в настоящее время выполняет функции суда в отношении всех важных политических, уголовных и служебных преступлений и которой фактически принадлежит вся полнота власти в советской России. Чтобы охарактеризовать ЧК, достаточно сказать, что почти все ее работники, не исключая и руководящих, кончают свою карьеру на скамье подсудимых или же исключаются из коммунистической партии. Так было и с несколькими составами работников Тамбовской ЧК, снятых со службы и репрессированных: кого казнили, кого отправили в концлагерь, кого исключили из партии.

II. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ ВЛАСТИ

Удерживая в своих руках власть вопреки желанию абсолютного большинства рабочих, коммунистическая партия пытается поднять достояние народа на более высокий, коммунистический уровень, перепрыгивая через все промежуточные стадии экономического развития, идя в этом направлении дальше, чем делали это «народники». Партия не учитывает, как отстала Россия в

своим экономическом и культурном развитии. Вспоминают об этом лишь тогда, когда нужно оправдать ограничение гражданских прав крестьянства. Жизнь мстит за это коммунистам падением производительности, практически полной остановкой фабричной работы, неудачей в попытках преобразовать мелкую крестьянскую собственность в государственные фермы (советские хозяйства) и полным возвратом к эпохе натурального хозяйства. Первым результатом общей национализации крупной, средней и мелкой промышленности и торговли в России стало уменьшение доходов народного хозяйства. Перестроив на бумаге предприятия в «главки» и самодовольно взирая на доведенную до предела централизацию труда, коммунистическая партия, по сути, уничтожила промышленность и вынуждена теперь хвататься за мелкое, так называемое кустарное производство. Правда, крупная текстильная, металлургическая и иная промышленность еще не вся уничтожена; руководители компартии располагают пока некоторыми не до конца разоренными фабриками и заводами, где еще действуют печи и работают станки. Их покажут нашим английским товарищам и представят как образец коммунистического обобщественного труда. Мы советуем английским рабочим посетить не только те фабрики, что еще продолжают действовать и на которые большевики их радушно пригласят, но и разрушенные предприятия под Москвой, опустевшие и покрытые пылью и паутиной — во Владимирской и Костромской губерниях, заброшенные и одинокие — на Урале. Мы особенно просим наших английских товарищей обратить внимание на тот факт, что в деревнях России возрождается кустарное ткачество, изготовление лаптей, снова сменивших кожаную обувь фабричного производства, воскресает домашнее мыловарение и прочая кустарная деятельность. В эпоху натурального хозяйства крупная заводская промышленность находится на грани исчезновения, сокращаясь в размерах и уступая место неповоротливому мелкому домашнему производству в деревне.

Сами коммунисты закрывают глаза на этот факт. Они объясняют его изнашиванием оборудования, недостатком специалистов, сырьевым кризисом, вызванным тем, что центральная Россия отрезана многочисленными фронтами от главных сырьевых районов. Но мелкое домашнее производство страдает точно так же. У крестьян тоже нет сырья, их примитивная техника столь же изношена, как и в крупной промышленности. Что же касается специалистов или даже простых рабочих, то деревня страдает от их отсутствия больше, чем фабричное производство, поскольку инженеров и рабочих освобождают от службы в армии, а кре-

стьян мобилизуют всех поголовно. В чем же причина того, что мелкая промышленность смогла приспособиться к условиям наступившего кризиса легче, нежели крупная? Чем бы ни вызывался теперешний кризис заводского производства, его существование не объясняет провалов попыток коммунистической партии «немедленно» перестроить экономику России на коммунистических началах. Социалисты привыкли к тому, что эпохи индустриальных кризисов приводят к неизбежной гибели мелкой промышленности и быстрому росту крупного производства. Вплоть до сегодняшнего дня этому учила вся история экономического развития. И только российские ком[мунисты] перевернули экономическое развитие с ног на голову. Удивленная Европа видит сегодня вымирание в России крупной промышленности и возрождение из праха мелкой деревенской. Неужели этого и хотели большевики?

Мы не претендуем на объяснение всех причин неудач коммунистической партии в ее попытках «одним махом», «немедленно», перевести традиционное хозяйство России на социалистические рельсы. Нам кажется, что одним из побудительных мотивов большевиков является привлекательность максималистских принципов «немедленного прыжка в социализм». Вместо строительства социализма по плану, тщательно разработанному, учитывающему крайне медленное развитие организационных и культурных сил пролетариата, заменяющего собой капиталистов, коммунистическая партия начала социализировать все что попало «немедленно», «сразу»... и столкнулась с *кризисом организаторов*. Старые управляющие и специалисты исчезли или, работая по принуждению и будучи враждебны социализму, — больше заинтересованы в саботаже промышленности, чем в ее развитии. Новых, социалистических организаторов, крайне мало. Есть и еще одна трудность. Лишившись свободы союзов и возможности свободно выбирать депутатов в Советы, видя каждый день, как их права попираются насильственным продлением рабочего дня, отнятием праздничного отдыха под предлогом «коммунистических воскресников», рабочие начинают смотреть на советскую власть как на такую же враждебную им силу, какой была царская. Это мешает им отождествить свои интересы с интересами государства, а когда они слышат о «рабочем государстве», где хозяином является пролетариат, — это вызывает у них только улыбку, иронию и недоверие. Если же добавить сюда объективные факторы: нехватку продовольствия и унаследованный от царского режима низкий уровень культуры, — можно легко понять, почему эти причины, вместе взятые, приводят к тому, что рабочий

норовит отдать фабрике по возможности меньше своей энергии, и в России производительность труда ниже всего именно на государственных фабриках и заводах. Сломав производственную дисциплину своими поспешными мерами и антирабочей политикой, коммунистическая партия не смогла вместо нее выработать у пролетариата самодисциплину.

Двухгодичный опыт по строительству государственного социалистического сельского хозяйства принес еще более печальные результаты. В Тамбовской губернии около 40 000 десятин бывшей помещичьей земли были отданы под советские хозяйства (государственные фермы). Их обрабатывали не только их собственные рабочие (около 3 000 человек), но и насильно мобилизованные крестьяне. Хотя Ленин и другие большевистские лидеры многократно и публично заявляли, что советская власть решила не прибегать к принудительному труду для обработки земель государственных хозяйств, насильственная мобилизация проводится в неограниченных масштабах. Подтверждение этому наши английские товарищи могут найти в №№ 36-43 тамбовской кооперативной газеты «Трудовой Союз» (1919), где дается полный отчет о состоянии советских хозяйств, отчет, основанный на выступлениях делегатов зимнего губернского съезда земледельцев Тамбова.

Но даже при всех этих чрезвычайных мерах советские хозяйства не только не являются образцом для подражания, но иллюстрируют развал и разорение деревни. Урожай 1919 года оставлен под снегом, без присмотра, в скирдах, уничтожается грызунами на ссыпных пунктах и в амбарах. Большая часть скота в советских хозяйствах страдает от болезней и гибнет в огромных количествах. Многие поля в запустении. В итоге деятельность этих ферм сводится к нулю. По официальному заявлению упоминавшегося съезда земледельцев советские хозяйства Тамбовской губернии к концу сельскохозяйственного финансового года не только ничего не дали государству, но обратились к продорганам с просьбой о двух миллионах пудов корма для скота и людей.

Всю зиму крестьяне под угрозой реквизиции были обязаны обеспечивать из своих скудных запасов корм для рабочего скота советских хозяйств. В 1920 году поля совхозов были вспаханы и засеяны большей частью с помощью принудительного труда дезертиров и крестьян, которых силой оружия заставляли возделывать не свои собственные земли, а поля советских хозяйств. Так было в деревне Мельгуны* Тамбовской губернии, где воору-

---

* На карте Тамбовской губ., помещенной в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона, т.32, СПб, 1901, — не обнаружена.

женная охрана находящегося по соседству сахарного завода блокировала все выходы из деревни и, стреляя в воздух, применяя насилие, заставила крестьян отправиться на обработку полей, принадлежащих мельгуновскому государственному сахарному заводу. Крестьяне выражали естественное возмущение и спрашивали, «чем, собственно, большевистский социализм отличается от крепостного права».

Вынужденные трудиться для совхозов и поставлять им фураж, крестьяне невольно забрасывают собственные хозяйства. В результате — резкое сокращение посевных площадей даже по официальным, безусловно заниженным, данным достигает в Тамбовской губернии 15% крестьянских пахотных земель (ненормальная продовольственная политика советской власти сказывается и на росте незасеянных полей).

Многочисленные натуральные налоги, которые ложатся по большей части на крестьянские хозяйства, напоминают крепостное право. Крестьяне обязаны по первому требованию уездных властей бросать свою собственную работу, возить дрова в город и на железнодорожные станции, расчищать снег, перевозить солдат и губернских чиновников, выполнять любые повинности по приказанию местных властей. Крестьянин лишен выбора места, времени и рода работы. В советской России он превращен в обычную рабочую лошадь, в бесправную и бессловесную скотину. Под вывеской коммунизма повторяется печальный опыт генерала Аракчеева, который в начале XIX века организовал в нескольких губерниях России так называемые военные поселения, где солдат-крестьян заставляли работать на государство.

Но больше всего трудовое крестьянство страдает от варварской продовольственной политики. Как часто заявляют сами вожди революции, в том числе и Ленин, советская власть берет у крестьянина хлеб в долг, ибо не имеет в своем распоряжении товаров для обмена на забираемые продукты. Это раздражает крестьянство, потерявшее надежду когда-либо получить товары или соответствующую компенсацию. Ведь хлеб и продукты животноводства — это единственное, что есть у деревни для обмена. Таким образом, крестьяне страдают от продовольственной политики так же, как рабочие, продукты труда которых отнимаются без соответственной компенсации, как покупатель, лишенный возможности обменять хлеб на товары первой необходимости, как лицо, над которым глумится любой работник продорганов. Летопись насилий над крестьянством при изъятии запасов продовольствия настолько длинна и насилие это настолько каждодневно, что мы даже не знаем, на что именно обратить

ваше внимание. В случае отказа отдать продовольственным отрядам «излишки» запасов — крестьян арестовывают целыми толпами, конфисковывают их имущество — и у богатых, и у средних, и даже у бедных. Такие конфискации, пускающие крестьян по миру, происходят в большинстве уездов Т[амбовской] губер[нии]. Обычно солдаты заставляют самих крестьян нагружать телеги зерном, добром и утварью, сельскохозяйственными орудиями, и изъятая собственность везется в ближайший уездный город, где чаще всего оставляется и телега, и лошадь, а крестьянин возвращается домой нищим, если он не арестован. Однажды конфискованное крестьянское добро и скот повезли из деревни Троицк-Дуброва Козловского уезда не в ближайший уездный город, а в Тамбов, и треть скота пала в дороге от недостатка кормов и усталости. В Кирсановском уезде практикуется следующий метод наказания крестьян: всю их собственность конфискуют, взрослых забирают в лагеря принудительных работ, а детей — в приюты. Такой случай произошел в деревне Ордиевка* Кирсановского уезда. Собранные насильственно зерно и картошка часто поедаются крысами на складах и просто на улице. Зимой 1919-1920 гг. около 60 000 пудов картошки погибло таким образом на Покровско-Марфинском складе (Тамбовской губернии), несколько тысяч пудов — на Якоревском складе (Тамбовской г[убернии] и т.д. В деревне Шульгино Мельгуновского уезда* Тамбовской губернии 4 000 пудов конфискованного зерна съели крысы, и т.д.

Не встречая никакого сопротивления со стороны терроризированного населения, уполномоченные советской власти в выборе карательных мер перешли границы всего человеческого, превращая свои действия в глумление и издевательство над людьми. Мы приведем несколько примеров. Весной 1920 г. губернский комиссар продовольствия Гольдин приказал, чтобы крестьяне сдавали продроботникам картошку размером не меньше, чем яйцо, пригрозив, что если она будет мельче, телега и лошадь, которые доставят урожай, будут конфискованы. Этот указ был не пустой угрозой: лошадь и упряжь Романа Молодцова, крестьянина деревни Токаревка, были конфискованы за подвоз к Токаревскому складу мелкой картошки. В Больше-Липовицевском уезде Тамбовской губернии крестьянин, отказавшийся отдать хлеб, был зарыт в землю по пояс, и его держали в таком положении до тех пор, пока он не согласился расстаться с последним своим хлебом.

---

* На карте Тамбовской губ. не обнаружены.

Распределение собранного зерна ведется несправедливо. В то время, как все население живет на строгом нормировании и не имеет права получать больше положенного по продуктовым карточкам, члены коммунистической партии пользуются многочисленными привилегиями и исключительными условиями. У них есть особые столовые, они с легкостью получают дополнительные товары, одежду и обувь. Например, перед Пасхой тамбовские губернские продотрядники получили из Москвы, из Наркомата продовольствия, телеграмму с приказом послать в Москву в адрес Центрального Комитета Российской коммунистической партии вагон гусей. Приказ был исполнен. Тамбовский комитет поступил точно так же, и члены партии и их родственники получили 30 пудов гусей. Потребительские кооперативы были национализированы, и потребительские общества из добровольных организаций превратились в общественно-правовые институты, административные учреждения, где [несколько слов неразборчиво. — Публ.]

Коммунисты уверяют, что все эти мероприятия полностью соответствуют идеалам Рочделя* и Р.Оуэна**, что всё должно делаться через кооперацию. [На этом рукопись обрывается. — Публ.]

---

* Город в английском графстве Ланкастер, в 15 км от Манчестера. В 1844 г. несколько ткачей на собранные ими деньги устроили здесь «потребительное общество», распределяя прибыль от операция между членами общества (так называемый рочдэльский принцип). Позднее этот принцип был введен во всех потребительных обществах Англии.

** Роберт Оуэн (1771-1858), один из первых социальных реформаторов XIX в. Женившись на дочери фабриканта, стал партнером тестя, а затем владельцем хлопковой нью-ланаркской мануфактуры. В управлении мануфактурой успешно сочетал благосостояние рабочих с коммерческими успехами предприятия. В 1825 г. переселился в Америку, где в штате Индиана купил 30 тыс. акров земли и организовал коммунистическую производственную колонию. Разорился. В 1832 г. вернулся в Англию, начал там новое дело: создал «Биржу трудового обмена» в попытке уничтожить прибыль и посредническую роль денег. Биржа кончила банкротством. В конце жизни увлекался спиритизмом.

С.Беленко

МАХНО И ПОЛОНСКИЙ

(Из истории союза «левых» сил на Украине в 1919 г.)

28 августа 1923 года теснимый со всех сторон отрядами противника, в сотни раз превосходившими его собственные силы, Нестор Махно, прорвав заградительные заслоны, с небольшой горсткой своих ближайших сподвижников перешел советско-румынскую границу и оказался вне пределов РСФСР. Кончилась великая эпопея Украинской повстанческой армии и вместе с ней — одна из наиболее интересных и малоизученных страниц истории союза «левых» сил, на основе которого была воздвигнута «диктатура пролетариата» в левобережной части Украины.

В советской историографии считается дурным тоном всякая попытка *научного* осмысления исторической деятельности Н.Махно и связанного с ним повстанческого движения на Левобережной Украине. Вместо этого советская историография предлагает довольствоваться теми небылицами и мифами, которые еще в 20-х годах сложились вокруг Махно и махновщины с легкой руки председателя Революционного Военного Совета Республики Л.Троцкого и его ближайшего соратника — председателя СНК Украины Х.Раковского.

К числу этих мифов, прочно укрепившихся в советской исторической литературе, относятся и утверждения о том, что Махно с самого начала своей деятельности в 1917 году являлся «идеологом кулачества», что он «открывал фронт Деникину», «братался с Петлюрой и Врангелем» и что вообще его деятельность на Украине принесла только вред. «Четыре года, — пишет, например, С.Н. Семенов, — бушевал пожар махновщины на Левобережной Украине. Жестокий огонь ее обжигал и другие районы

страны. Ограбленные города, свернутые в спирали железно-дорожные рельсы, разоренные заводы и кровь, море человеческой крови — вот то наследство, которое оставила махновщина народам России и Украины, не принося ничего взамен»¹. Не трудно догадаться, для чего создавались и почему до сих пор поддерживаются эти мифы: отказаться от них — значит бросить тень на политическую репутацию многих общественных деятелей, чьи имена наша официальная печать уже причислила к сонму марксистских святых или, по крайней мере, мучеников за «владу Рад». К этому сонму в настоящее время отнесен также и командир 3-го Крымского полка, М.Л. Полонский, который, согласно официальной исторической версии, явился жертвой ничем не обоснованной подозрительности Махно и был расстрелян последним осенью 1919 года, якобы из-за страха потерять свое влияние на партизан, ввиду постоянного роста авторитета Полонского и связи его с Екатеринославским Губкомом большевиков. В таком духе высказывается автор уже цитировавшейся статьи — С.Н. Семенов, вслед за ним ту же самую легенду (правда, с небольшими вариациями) развивает и Д.Л. Толенков в своей необычайно пухлой и разрекламированной прессой работе «Крушение анти-советского подполья в СССР»² — книге, которая отличается удивительным отсутствием научных доказательств и страдает потрясающей тенденциозностью в трактовке, с одной стороны, «контрреволюционного подполья», а с другой — деятельности ВЧК.

Между тем, если бы указанные авторы более серьезно и, главное, объективно отнеслись к задаче своего исследования, они могли бы поведать читателю куда более интересную историю о том, на каких принципах базировался союз большевиков с анархо-коммунистами в 1918-1919 гг. и к каким методам прибегали коммунисты для того, чтобы победить, выражаясь словами Ленина, «буржуазно-анархическую стихийность». Этим они, несомненно, обогатили бы историческую науку, а одновременно (в соответствии с указаниями Ленина, данными им в «Очередных задачах советской власти») показали бы, в чем же состояло «всемирно-историческое значение» этой борьбы. Попытаемся, однако, восполнить отмеченный пробел в истории становления пролетарской диктатуры на Украине, памятуя при этом, что вопрос о союзе «левых» сил приобрел особую актуальность в настоящее время.

¹ МАХНОВЩИНА И ЕЕ КРАХ. — «Вопросы истории», М., 1968, №9, с.60.

² М., 1978.

Если судить по мемуарам Махно, М.Л. Полонский был связан с гуляй-польской группой анархо-коммунистов уже в начале 1918 года. До октябрьского переворота в Петрограде он был максималистом, затем перешел на сторону анархистов. Впрочем, пребывание его в анархистских рядах было крайне непродолжительным. Махно говорил, что в голове Полонского была необыкновенная путаница, и с юмором рассказывал о том, как Полонский в апреле 1918 года делился с ним своими сомнениями по поводу анархизма и просил у него денег для поездки в Россию, чтобы в самом центре большевизма, в Москве, познакомиться с принципами пролетарского научного коммунизма.

По своему великодушию Махно выдал требуемую сумму Полонскому, и последний отправился в коммунистическую Мекку.

В запорожском областном краеведческом музее, в отделе, посвященном борьбе александровских рабочих за «владу Рад», находится портрет Полонского. Глядя на этот портрет, трудно сказать, чтобы Полонский отличался каким-либо особым интеллектуализмом. Никаких характерных признаков одухотворенности мы не находим в этом лице. Но есть в нем нечто такое, что сразу же выдает огромное честолюбие и какую-то затаенную озлобленность на окружающий мир.

Видимо, главная причина, заставившая Полонского совершить такую головокружительную эволюцию во взглядах на общественную жизнь, объяснялась отнюдь не «саморазвитием» его идей, а более земными мотивами — постоянно оскорбленным самолюбием из-за тех второстепенных ролей, которые он играл в максимализме и анархизме, и зависти к более счастливым соперникам. Судя по всему, Полонский никогда не имел твердых убеждений, он был скорее всего простым политическим авантюристом и карьеристом. Его вторичное появление на гуляй-польских горизонтах относится к концу марта 1919 года. Это произошло после того, как повстанцы-махновцы выбили деникинцев из Гуляй-польского района и провели линию фронта восточнее Мариуполя, занимая одновременно Гришинский, Цареконстантиновский, Бердянский и Мелитопольский участки и ведя наступательные бои против Добровольческой армии генерала Деникина.

Именно тогда в Синельниково прибыла первая большевистская дивизия во главе с Дыбенко, и Махно, признав за Дыбенко первенство на командование объединенными войсками, довольствовался командованием 3-ей Заднепровской бригадой, котбрая, по данным В.Руднева, охватывала 72 волости с населением в

два миллиона человек¹. По сведениям П.Аршинова, «Повстанческая армия вошла в состав Красной Армии на следующих основаниях: а) внутренний распорядок ее остается прежним; б) она принимает политических комиссаров, назначаемых властью; в) она подчиняется высшему красному командованию лишь в оперативном отношении; г) армия с противоденикинско́го фронта никуда не уводится; д) армия получает военное снаряжение и содержание наравне с частями Красной Армии; е) армия продолжает называться Революционно-Повстанческой, сохраняя при себе черные знамена...» Политическая сторона в соглашении отсутствовала². Власть признавала факт существования «вольных советов» Махно.

Судя по запискам о гражданской войне Антонова-Овсенко (т.IV), Аршинов-Марин передает смысл этого соглашения относительно точно. Во всяком случае, сам Антонов-Овсенко, прославившийся защитой «махновщины» в 1919 году и отстраненный за это от командования Украинским фронтом, в своих отношениях с Повстанческой армией руководствовался именно этими принципами.

Полонский прибыл в Повстанческую армию от имени красного командования уже законченным марксистом в качестве то ли комиссара, то ли командира одного из махновских полков. Это была его, так сказать, официальная миссия. Однако, посылая его в махновский район, красное командование ставило перед Полонским совсем другие цели — организацию подпольной, подрывной работы против так называемой «махновщины» и против Махно лично. В Запорожском краеведческом музее хранится любопытнейший документ, который как нельзя красноречивее говорит о том, какие надежды возлагало советское командование на Полонского в связи с его поездкой в Александровский район. Вот этот документ, который мы приводим полностью, не меняя в нем ни орфографии, ни пунктуации:

МАНДАТ

Дан сей тов. Полонскому в том, что он назначен парткомом для формирования отряда особого назначения по борьбе с бандитами (Махновщины). По прибытию т. Полонского в часть просим его не задерживаться как отчетностью так и *другими делами* /курсив

¹ См.: Руднев В.В. *МАХНОВЩИНА*. Харьков, 1928, с.26.

² См.: П.Аршинов. *ИСТОРИЯ МАХНОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ*. Берлин, 1923, с.94.

наш. — С.Б./, ибо Александровский уезд Махновский и поручить формирование этого отряда нет кому. Зная тов. Полонского как верного коммуниста ему поручили столь важное дело которое надемся выполнит.

Секретарь парткома

Никонов

23/III-19 г.

№ 860.

В настоящее время можно лишь предполагать, какими это «другими делами» должен был «не задерживаться» тов. Полонский. Ввиду полной засекреченности архивов военных «Особых отделов», мы, вероятно, еще долго будем в неведении на этот счет.

Не подлежит, однако, никакому сомнению, что эти «другие дела» могли быть связаны с организацией террористического акта против самого Махно. Во всяком случае, мандат, выданный Полонскому, нисколько не противоречил тому событию, которое произошло в конце марта 1919 года в бригаде, руководимой Махно.

В конце марта командир одного из полков, некий Падалка, взял на себя инициативу — напасть со стороны Покровского на Гуляй-Поле, когда там будет Махно, чтобы захватить его, а вместе с ним и его штаб. Благодаря отлично налаженной разведке, Махно вовремя был извещен об этом заговоре. Он неожиданно появился на самолете в районе расположения полка Падалки. Заговорщики были захвачены врасплох, арестованы и затем казнены.

Кто такой был этот Падалка — нам точно неизвестно. Однако очень возможно, что им являлся тот самый Андрей Кириллович Падалка, которого с сентября 1918 года разыскивала ВЧК, давшая об этом специальное объявление в 1-м номере «Еженедельника чрезвычайных комиссий по борьбе с контр-революцией и спекуляцией». Если это был именно тот Падалка, то связь Полонского с ним могла установиться на очень прочной основе — приговоре ВЧК. Как бы там ни было, мандат, выданный Полонскому, со всей очевидностью свидетельствует о том, что, устанавливая союз с «левыми» течениями в социализме, в данном случае с анархизмом, большевистское правительство Украины, руководимое троцкистом Х.Раковским, с самого начала рассматривало свои договорные обязательства лишь как удобное прикрытие, как обманный маневр, чтобы тем самым безошибочнее нанести своим «союзникам» предательский удар в спину.

Спрашивается теперь, зачем РВСР толкал свои «особые отделы» на путь этой тактики «яда и кинжала»?

Ответ на этот вопрос достаточно очевиден: со времени образования районного Совета в феврале 1919 года центральная власть не могла легально внедриться в район махновщины.

По той же самой причине не могли здесь существовать и органы ВЧК, потому что украинским повстанцам никак не нравилась перспектива иметь дело с организацией, которая, говоря словами циркуляра № 47 за подписью Петерса, — «в своей деятельности /.../ совершенно самостоятельна, производя обыски, аресты, расстрелы, давая после отчет Совнаркому и ВЦИК»¹.

Попытки осуществления такой самостоятельности со стороны органов ВЧК вызывали, как правило, разгром чрезвычайных комиссий вооруженной рукой восставшего народа, который в данном случае был куда более последовательным большевиком, нежели марксисты в Харькове. Не зная ленинской работы «Государство и революция», украинский народ тем не менее твердо проводил в жизнь ее идею: *ликвидацию публичной власти, не пользующейся доверием населения.*

Поэтому-то, между прочим, советскому командованию и приходилось прибегать к услугам людей типа Полонского, чтобы вести в махновском тылу нелегальную подрывную работу. Следует, однако, отметить, что ни тогда — весной 1919 г. — ни позднее — в 1920 и 1921 гг., эта деятельность не имела сколько-нибудь серьезного успеха.

А меж тем «анархистская зараза», распространяемая из Гуляй-Поля, захватывала и контактирующие с махновскими войсками регулярные части Красной Армии, в частности, 9-ю дивизию 13-й армии. В дополнение ко всему, Повстанческая армия срывала все планы центрального правительства относительно заготовки хлеба на Украине. По его расчетам, хлеб на Украине должен был быть! Ведь обязалась же Рада поставить австро-германцам до 31 июня 1918 года 60 миллионов пудов хлеба, 2 3/4 миллиона пудов живого веса скота, 400 млн. яиц и т.д.

Правда, весной 1919 года этот хлеб мог быть уже вывезен в Австро-Венгрию, так что в закромах хлебобобов его не оставалось. Однако это как-то ускользало из расчетов. На Украину летели до предела взвинченные телеграммы Ленина: «А.Г. Шлихтеру. Получили ли Вы на Украине директиву ЦК (о 50 миллио-

¹ «Еженедельник чрезвычайных комиссий...», №2 от 29 сентября 1918, с.11.

нах к 1.IV)?»¹ — и далее: «Если не подвезете с 1.V или 1.VI — мы околеем все»².

Чтобы выполнить эту директиву ЦК, Всеукраинскому Совнаркому необходимо было немедленно провести в жизнь решения III Всеукраинского съезда Советов, происходившего в Харькове с 6 по 10 марта 1919 г.

Именно на этом съезде была принята резолюция по аграрному вопросу, которая проводила в своей основе идею *национализации* всей земли.

В изданной и утвержденной правительством в марте 1919 г. «Инструкции по распределению земель во временное уравнительное пользование» все помещичьи и кулацкие земли, отличавшиеся высоким уровнем сельскохозяйственного производства (а таких было 99%), перешли вновь в руки государства, и на этой основе были созданы советские хозяйства. Для крестьян Левобережной Украины, которые к марту месяцу уже фактически *социализировали* помещичью землю, скот и инвентарь, такое решение III съезда было равносильно вторичной экспроприации их собственности, завоеванной кровью в борьбе с гетманщиной и австро-немецкими войсками.

Неудивительно, что крестьяне встретили это решение в штыки и потребовали от своих анархо-коммунистических организаторов соответствующей реакции на него.

10 апреля в Гуляй-Поле состоялся 3-й районный съезд Советов Махновского района, на котором решения Всеукраинского съезда были подвергнуты резкой критике. Положение еще обострилось, когда во время заседаний в Гуляй-Поле пришла телеграмма, в которой Дыбенко квалифицировал созданный здесь съезд как контрреволюционный.

В итоге гуляй-польский съезд Советов принял резолюцию, которая фактически отменяла все решения III Всеукраинского съезда. Вот эта резолюция:

Резолюция 3-го районного съезда представителей съехавшихся 10 апреля 1919 г. в селе Гуляй-Поле Александровского уезда от 72-х волостей Александровского, Мариупольского, Бердянско-го, Бахмутского и Павлоградского уездов, а также от фронтовых частей 1 б. Михайловского, 7-го Заднепровского — Украинского и 1-го Люблинского полков, 12-го партизанского полка и 3-й Заднепровской украинской бригады.

¹ В.И. Ленин. ПСС, т.50, с.269.

² Там же.

Обсудив всесторонне беспристрастно, без давления какой бы то ни было политической партии вопросы по докладу с мест и по текущему моменту и принимая во внимание, что настоящее положение на Украине и в Великороссии характеризуется захватом власти политической партией (коммунистов-большевиков), не останавливающихся ни перед какими мерами для удержания и закрепления за собой государственной власти с центра вооруженной силой, проводящих свою преступную по отношению к социальной революции и трудящимся массам политику, съезд постановляет:

1. Категорически протестовать против неза заслуженно присвоенного съезду нижеприведенной телеграммой звания «контрреволюционный», а также против его разгона. Телеграмма следующего содержания: «Из Ново-Алексеевки за № 283, 10-го, 22 ч. 45 м. по нахождению тов. Батька Махно штаб дивизии Александровск точка. Копия Волноваха, Мариуполь по нахождению т. Махно, копия Гуляй-польскому Совету, копия Александровскому Совету. Всякие съезды, созванные от имени распущенного согласно моего приказа гуляйпольского военно-революционного штаба, считаются явно контрреволюционными и организаторы таковых будут подвергнуты самым репрессивным мерам вплоть до объявления вне закона. Приказываю принять меры к недопущению подобных явлений. Начальник дивизии Дыбенко».

Мы, съехавшиеся крестьяне, рабочие и повстанцы, еще раз горячо протестуем против подобного насилия и заявляем, что нас такие приказы не пугают и мы всегда готовы к защите своих народных прав.

2. Съезд признает, что 3-й Всеукраинский съезд Советов не является истинным и свободным выразителем воли трудящихся, а потому считает, что только съезд рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, над волеизъявлением которых не будут чиниться никакие насилия, будет истинным выразителем воли трудового народа.

3. Протестуем против реакционных приемов большевистской власти, проводимых комиссарами и агентами Чрезвычайек, расстреливающих рабочих, крестьян и повстанцев под всякими предлогами, что подтверждается имеющимися у нас данными.

4. Чрезвычайные комиссии, предназначенные для борьбы с настоящей контрреволюцией и бандитизмом, превратились в руках большевистской власти в оружие для подавления воли трудящихся и достигли размеров в отдельных отрядах в несколько сот человек разного оружия. Требуем все эти прекрасно вооруженные реальные силы отправить на фронт, распределив их по разным здоровым революционным частям, борющимся с действительной контрреволюцией.

5. Мы требуем немедленного удаления всех назначенных лиц на всевозможные военные и гражданские ответственные посты;

протестуем против всякой системы назначенства, так как их действия носят характер полной измены социальной революции. Мы требуем проведения правильного и свободного выборного начала.

6. Мы призываем товарищей рабочих, повстанцев и красноармейцев соблюдать в своих рядах революционную дисциплину и к прекращению всякой национальной травли.

7. Мы требуем социализации земли, фабрик и заводов.

8. Мы требуем изменения в корне Продовольственной политики, замены реквизиционного отряда правильной системой товарообмена между городом и деревней и насаждения широкой сети обществ потребителей и кооперативов и полного упразднения частной торговли.

9. Требуем полной свободы слова, печати, собраний всем политическим левым течениям, т.е. партиям и группам, и неприкосновенности личности работников партий левых революционных организаций и вообще трудового народа.

10. Диктатуры какой бы то ни было партии категорически не признаем. Левым социалистическим партиям предоставляем свободно существовать только лишь как проповедникам путей к социализму, но права выборов путей оставляем за собой.

Долой комиссародержавие!

Долой чрезвычайки, современные охранки, долой борьбу партий и политических групп за власть, долой однобокие большевистские Советы! Да здравствуют свободно избранные Советы трудящихся крестьян и рабочих!

Почетный председатель съезда Батько Махно.

Почетный член съезда Щусь.

Тов. председателя Коган.

Секретарь Маврода»¹

Эта резолюция гуляй-польского съезда Советов не оставляла никаких сомнений в намерениях Украинской повстанческой армии.

В то же время не было никаких надежд и на деятельность Полонского. Он был «законсервирован». Советскому командованию приходилось вступать в открытую борьбу с Махно и его ближайшим окружением. Снабжение бригады Махно, боевое и продовольственное, стало катастрофически сокращаться, так что, по свидетельству Антонова, бригада эта, выдерживая основной натиск деникинских войск, принуждена была кормиться главным образом захватом чужих грузов. В начале апреля 1919 года в высших правительственных сферах стал подниматься вопрос

¹ Журнал «На чужой стороне», Берлин-Прага, 1924, сб. VIII, с.228-230.

о смещении Махно с командования бригадой. Вместо него намечался Гикванайя.

Об этом также вполне недвусмысленно говорил и Ленин в своей телеграмме на имя Раковского от 18 апреля 1919 года. Он предлагал заменить бригаду Махно военными соединениями Дыбенко, находившимися в Крыму, и ударить на Таганрог и Ростов.

Впрочем, решение этого вопроса он отдавал на усмотрение местных властей.

«Советую, — писал он, — трижды обдумать. Решайте это, конечно, сами»¹.

Как Троцкий, Раковский, конечно, был за немедленное снятие Махно и вообще за ликвидацию махновщины. Против этого возражал Антонов-Овсенко, отлично понимая, что смещение Махно с командования повлечет за собою распад Украинского фронта и облегчит победу Деникина в этом районе. Будучи военным специалистом, он прекрасно оценивал военную обстановку на юге России.

Между тем председатель РВСР Лев Троцкий всячески торопил Раковского и Пятакова (тогдашнего руководителя КП(б)У) в деле проведения административных мер против Махно.

25 апреля 1919 г. в харьковской газете «Коммунист» появилась в высшей степени пасквильная и бестактная статья, в которой резолюция 3-го районного гуляй-польского съезда называлась «гносной агитацией против Советской власти» и т.д. Название статьи было весьма воинственным: «Долой махновщину!»

Антонов-Овсенко выступал с требованием прекратить газетную травлю Махно. В партийном и военном руководстве Украины назревал конфликт. Было принято решение устроить инспекционную проверку военного и политического состояния махновского района. 29 апреля 1919 г. в Гуляй-Поле прибыл Антонов-Овсенко, который остался доволен своей поездкой. Троцкий, который к тому времени собирался отправиться на Украину, не признал убедительными выводы Антонова.

Тогда в Гуляй-Поле приехал уполномоченный Совета Труда и Оборона Республики Л.Б. Каменев. Он пробыл здесь в течение двух дней — 3 и 4 мая — и, прощаясь с Махно, расцеловался с ним. Надо полагать, мнение Каменева полностью совпадало с мнением Антонова-Овсенко. Об этом он, вероятно, сообщил Ленину и получил 7 мая от него следующую телеграмму:

---

¹ В.И. Ленин. ПСС, т.50, с.238.

«С войсками Махно временно, пока не взят Ростов, надо быть дипломатичным, послать туда Антонова лично и возложить на Антонова лично ответственность за войска Махно»¹.

Ленин относился к Махно более гибко, нежели Троцкий. Впрочем, Троцкого это обстоятельство нимало не смущало. Вопросы борьбы с Деникиным у него в это время занимали второе место. Говорят, что где-то в конце мая он открыто заявлял, что «лучше отдать всю Украину Деникину, чем дать возможность развиться махновщине». Так это или нет, сказать трудно, но только в конце мая советское командование полностью прекратило поставку боеприпасов для махновской армии. Примерно в то же время Махно сообщил штабу и Совету о том, что командование 13-й армии сняло несколько своих полков с гришинского участка, чем открыло свободный проход деникинцам в Гуляй-польский район.

Ввиду надвигающейся опасности Махно 31 мая 1919 г. выпустил «Объявление о созыве четвертого экстренного съезда крестьянских, рабочих и повстанческих делегатов на 15 июня». Съезд этот, однако, не состоялся. И не состоялся он по той простой причине, что еще 19 мая белогвардейская конница генерала Шкуро нанесла неожиданный и сильный удар по бригаде Махно и правому флангу 13-й армии в районе Гришинского участка. Дороги на Гуляй-Поле были открыты. Важно при этом отметить, что казачьи полки ворвались в Гуляй-польский район не со стороны повстанческого фронта, а именно с боковой, северо-восточной стороны, где располагались части 13-й армии. Об этом, рассказывает в своих «Записках» и сам Антонов-Овсеенко.

Следствием прорыва явилось то, что махновские части оказались под угрозой окружения и вынуждены были отступить в район Гуляй-Поля.

Между 23 и 25 мая произошли решающие бои Кавказской дивизии корпуса Шкуро и частей Повстанческой армии. Войска Махно были разбиты, а 6 июня деникинцы захватили и Гуляй-Поле. На помощь Махно прибыл на бронепоезде на станцию Тайгур К.Е. Ворошилов, получивший 10 июня 1919 г. тайный приказ об аресте Махно.

Между тем, в Харькове происходили удивительные события. 25 мая, т.е. в то самое время, когда части Махно принимали на себя главный удар войск генерала Шкуро, защищая подступы к Гуляй-Полю, в столице тогдашней Украины происходило заседание Совета рабоче-крестьянской обороны с повесткой дня...

¹ В.И. Ленин. ПСС, т.50, с.307.

«О борьбе с махновщиной». В протоколе этого заседания записано: «Слушали 2. Махновщина и ее ликвидация. Постановили: ликвидировать Махно в кратчайший срок»¹.

Столь же удивительными делами занимался и Председатель Реввоенсовета и Наркомвоенмора Л.Троцкий.

Обосновавшись на станции Балаклея, он 6 июня 1919 года составлял свой приказ № 107 о... запрещении созыва четвертого экстренного съезда в Гуляй-Поле. В то самое время, как в районе самого Гуляй-Поля шли кровопролитные бои, Троцкий писал следующее:

Группа лиц, объединенных вокруг партизана Махно, встала на путь изменника и предателя Григорьева и приступила к организации заговора против Советской власти. Эта банда из Гуляй-Поля осмелилась назначить на 15-е июня съезд анархо-кулацких делегатов для борьбы с Красной Армией. Этот съезд запрещен. Объявляю, что всякий участник съезда будет рассматриваться как изменник, который в ближайшем тылу наших красных войск организует заговор и открывает ворота врагу. Махно призывает к себе из других частей и армий перебежчиков.

Объявляю:

Всем военным властям и заградительным отрядам, высланным по моему распоряжению, отдан приказ ловить всех тех предателей, которые самовольно покидают свои части и перебегают к Махно, и предавать их Революционному Трибуналу как дезертиров для суда по законам военного времени.

Им кара может быть только одна — расстрел. Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом России и Украины мне приказано навести порядок на фронте в Донецком бассейне и в ближайшем тылу.

Объявляю, что этот порядок будет наведен железной рукой.

Враги рабочей и крестьянской Красной Армии, шкурники, кулаки, погромщики, махновцы, григорьевцы будут беспощадно раздавлены регулярными стойкими надежными частями. Да здравствует революционный порядок, дисциплина и борьба с врагами народа! Да здравствует Советская Украина и Советская Россия!»²

Поразительно, что в этом приказе Троцкий, по существу, ставит себе в заслугу тот факт, что именно он, великий стратег, впустив в Гуляй-польский район отряды Шкуро, сорвал тем самым созыв съезда!

¹ Сб. ст. *НА ЗАЩИТЕ РЕВОЛЮЦИИ. (ИЗ ИСТОРИИ ВСЕУКРАИНСКОЙ ЧК. 1917-1922)*. Киев, 1971, с.86.

² Л.Троцкий. *КАК ВООРУЖАЛАСЬ РЕВОЛЮЦИЯ*. 1923, т.1, с.200.

Видимо, этот план был тщательно продуман заранее и с завидной твердостью проведен в жизнь именно по указанию Троцкого. Однако, здесь он явно переиграл, ибо конница Шкуро не только разбила части Махно, открыв свободный проход остальным войскам Деникина в Левобережную Украину, но погнала к Днепру и конницу Ворошилова, разгромив ее в ряде боев на пути к Екатеринославу, который и захватила 12 июня.

Надо было каким-то образом объяснить эти неудачи, тем более, что деникинские войска развивали успешное наступление и на других участках южного фронта. И Троцкий выпускает новый приказ за № 108 от 8 июня 1919 года под названием «Конец махновщины».

Кто является виновником наших последних неудач на южном фронте, в особенности в Донецком бассейне? — патетически вопрошал Троцкий, и тут же давал ответ: — Махновцы и махновщина. На словах эта братва сражается со всем миром и побеждает всех врагов, но когда дело доходило до боя, махновские командиры бесстыдно покидали вверенные им позиции и бессмысленно откатывались назад на много десятков верст.

Среди солдат махновской бригады /тут Троцкий делал реверанс в сторону рядовых махновцев. — С.Б./ было не мало хороших честных бойцов. Но без правильной организации снабжения /будто не по приказу Троцкого срывалось снабжение! — С.Б./ и управления и, главное, без внутренней дисциплины и разумного командования махновские части оказались совершенно не боеспособными, и конные белогвардейцы гнали их перед собою, как стадо баранов.

Махновцы предательски обнажили правый фланг Донецкого фронта /теперь мы знаем, что это не так, и Антонов-Овсеенко это подтвердил в своих «Записках». — С.Б./ — и тем самым нанесли тяжкий удар ближайшей армии.

Мало того, махновцы принялись разлагать соседние части /вероятно, после того, как обнажили правый фланг?! — С.Б./: из штаба Махно рассылались агитаторы по соседним полкам с призывом не подчиняться установленному Советской властью командованию, а переходить на махновское положение, т.е. в ряды бесшабашной махновской партизанщины.

Гуляй-польские заправилы пошли еще дальше. Они назначили на 15-е июня съезд воинских частей и крестьян пяти уездов для открытой борьбы против Советской власти и того порядка, который установлен в Красной Армии. Терпеть дальше подобное издевательство со стороны зарвавшейся банды стало невозможным. Если бы дать махновцам осуществить их план, мы имели бы новое Григорьевское восстание из Гуляй-польского гнезда.

Ввиду этого центральная военная власть категорически воспретила съезд и направила надежные честные воинские части для наведения порядка в районе махновщины /уж не войска ли Шкуро имеет в виду Троцкий? — С.Б./.

Ныне преступной затее положен конец.

А заключительная часть приказа, выделенная крупным шрифтом, гласила:

«МАХНО СМЕЩЕН С КОМАНДОВАНИЯ.
МАХНОВЩИНА ЛИКВИДИРУЕТСЯ»¹.

Здесь Троцкий выдавал желаемое за действительное. В то время, когда писался этот приказ, Махно не был смещен с командования и вообще никто его *не смещал* (о тайном приказе на арест Махно Троцкий умалчивал). Махно *сам* отказался от него, направив 9 июня 1919 года заявление советскому командованию и персонально Ворошилову, Троцкому, Ленину и Каменеву².

Таким образом, Троцкий явно нервничал и опережал события, выдавая при этом свои планы в отношении Махно. Предупрежденный о возможном аресте, Махно сразу же после заявления об отставке неожиданно для органов ВЧК ушел со своей «черной сотней» в направлении к Пологам и Александрову. Тем самым решение Совета рабоче-крестьянской обороны Украины о «ликвидации Махно в кратчайший срок» оказалось сорванным. Впрочем, эта неудача была восполнена: 12 июня был арестован штаб дивизии Махно и несколько членов Военно-Революционного Совета, от имени которого созывался IV экстренный съезд в Гуляй-Поле.

17 июня по приговору чрезвычайного Военно-Революционного Трибунала, заседавшего в Харькове под председательством Пятакова, были расстреляны: начальник штаба маховцев Озеров, члены штаба Михалев-Павленко и Бурбыга, члены Военно-революционного Совета Олейник, Коробко, Костин, Полунин, Добролюбов.

Таков был финал первого тура в эпопее союза «левых» сил на Украине в 1919 г. Характерной особенностью тактики государственного руководства Украины по отношению к своим «левым» союзникам являлись подрывная деятельность в их тылу и массированный удар извне, причем, если это было возможно, наносить этот удар предоставлялось частям враждебной обоим союзникам армии.

¹ Л.Троцкий. *КАК ВООРУЖАЛАСЬ РЕВОЛЮЦИЯ*, т.1, с.201.

² Текст заявления см. в: П.Аршинов. *ИСТОРИЯ МАХНОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ*, с.125-126.

В данном случае первую функцию выполнял Полонский, а вторую — Шкуро. Немаловажную роль при этом играла идеологическая подготовка, т.е. безудержная демагогия и поток клеветы на Повстанческую армию. О них говорят все приказы, выпущенные Троцким. О том же говорит и созданный в 1919 году миф о махновцах как кулацком движении.

Миф этот был разоблачен в 1921 году самим председателем Совнаркома Украины Х.Раковским — в докладе, прочитанном на губернской красноармейской конференции. Раковский сказал тогда: «/.../ в бандах участвуют, может быть, 10% сельской бедноты. *В позапрошлом году /т.е. в 1919! — С.Б./, можно сказать, что в бандах было не 10% бедноты, а три четверти*»¹. Однако миф о том, что махновцы — кулацкое движение, до сих пор не сходит со страниц официальной историографии, как бы подтверждая высказывание Покровского о том, что история — это «современная политика, опрокинутая в глубь веков».

Как бы там ни было, но в итоге первого периода союза «левых» сил Махно был объявлен вне закона, а вместе с ним и Анатолий Железняков, разогнавший со своим отрядом Учредительное собрание и тем самым оказавший неоценимую услугу большевистскому правительству. Впрочем, «незаконность» была обычным следствием союза «левых» сил, так что, как писал в декабре 1919 года анархический журнал «Голос труда», — «объявление вне закона рабоче-крестьянским правительством Железняка и Махно нас ничуть не удивляет. Быть *против* закона означает почти неизбежно и быть *вне* закона»².

Объявленный вне закона Махно отправляется на юг Екатеринославщины с тем, чтобы здесь продолжать борьбу с Деникиным. В конце июля он формирует повстанческую армию из крымских частей Красной Армии, которые, отказавшись выполнить директиву Троцкого об отступлении на север, взбунтовались и присоединились к Махно. Среди них находился и отряд, руководимый большевиком Полонским, старым знакомым Махно. По официальной версии³, его полк, отрезанный белыми при отступлении с Украины, не видя другого выхода, присоединился к махновцам. Однако дело, по-видимому, обстояло куда сложнее, чем пишет об этом Курган.

¹ Х.Раковский. *КРАСНАЯ АРМИЯ И БОРЬБА С БАНДИТИЗМОМ*. Харьков, 1921, с.21. Курсив в тексте наш. — С.Б.

² «Голос труда», М., 1919, №1, с.40.

³ Р.Курган. *СТРАНИЦЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ*. Харьков, 1928, с.58.

Наступало время «деконсервации» Полонского, и он вновь был включен в игру. Мандат, выданный ему в марте 1919 года, все еще был действителен. И когда в начале октября 1919 г. Махно занял Александровск, в район действия махновских войск по предписанию ЦК КП(б)У, согласно мандату за № 981 и подписью т. Рафаила, прибыл т. Коновец (Гришута).

Махно встретил Коновца без особого восторга, однако, ничуть не возражал против его партийной работы, потому что, следуя решению 3-го гуляй-польского съезда, он предоставил свободу пропаганды всем левым политическим партиям, в том числе, разумеется, и коммунистам. Более того, он допускал коммунистов в качестве командиров своих отрядов и даже членов реввоенсовета, при условии, однако, что они не будут создавать ревкомы, которые, как органы власти, он преследовал беспощадно.

Так, например, когда в Александровске был создан ревком и его члены явились к Махно с предложением разделить в городе сферы влияния, т.е. предложили ему оставить за собой военную область, а им предоставить свободу в политической, — Махно пригрозил казнить весь ревком¹, если он не будет распущен. Распущен он не был, — просто перешел на нелегальное положение. Несколько лет спустя, Коновец (Гришута) следующим образом характеризовал деятельность большевиков и их революционных комитетов в махновских частях осенью 1919 года:

Работа коммунистов в районе махновщины приобретала очень сложный характер. Поддерживая Махно, давая коммунистическое пополнение его комсоставу и бойцам, им приходилось в то же время вести настойчивую работу по разложению махновских частей, по распылению партизанщины в целях выделения из ее среды сознательно-революционных кадров, которые могли бы пойти на соединение с Красной Армией².

Итак, разложение частей, создание подпольных ревкомов и, наконец, вербовка кадров, «которые могли бы пойти на соединение с Красной Армией», — такова была программа политической деятельности коммунистов, находившихся в махновском движении. В октябре 1919 г., с прибытием в Александровск Коновца, эта программа вылилась в прямую подготовку военного переворота, который должен был возглавить полк, руководимый Полонским.

¹ П. Аршинов. *ИСТОРИЯ МАХНОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ*, с. 152.

² См.: *1919 ГОД В ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ И АЛЕКСАНДРОВСКЕ*. — «Летопись революции», № 4, 1925, с. 75.

На заседании полулегального александровского комитета, — рассказывает далее Коновец, — на котором присутствовали тов. Павлов (Миркин), Клавдия Даниленко, Коновец (Гришута), Петро Новицкий, Полонский... был разрешен вопрос о том, что *мобилизуемые нами, под руководством нашего ревкома, отряды должны будут явиться в Стальной полк, командиром которого был сам Полонский.* Решено было также организовать ячейки в других махновских частях и были выработаны соответствующие инструкции¹.

В соответствии с этой директивой была построена и вся дальнейшая работа.

Как сообщалось в отчете Екатеринославского Губкома Зафронтбюро ЦК КП(б)У — «/.../ к 18 октября вокруг тов. Полонского /.../ была создана группа товарищей, занимавших ответственные посты в армии»².

В ряды Стального полка со всех сторон стекались «сознательно-революционные кадры». Для Полонского наступал его «звездный час». Единственное неудобство, которое мешало проведению намеченной акции, заключалось в том, что Стальной полк был расположен относительно далеко от Александровска, где-то в районе Бердянской линии обороны. Впрочем, как весной 1919 года, так и сейчас, в октябре, вновь «помогли» отряды Шкуро — 23 октября их наступление со стороны Большого Токмака и Полог заставило части, занимавшие Бердянский участок фронта, отступить, и Полонский перебрался в Николаев, поближе к Александровску и Екатеринославу. Когда Махно в ноябре взял Екатеринослав, многие махновцы из других частей стали покидать свои войсковые соединения и переходить к Полонскому. В этих условиях Махно решил действовать без промедления. В конце ноября он созвал съезд командного состава армии в Екатеринославе. На этот съезд был вызван также и Полонский. За несколько часов до открытия съезда Губком заслушал доклад Полонского о состоянии коммунистической работы в армии и отметил большие успехи в деле укомплектования командного состава партийцами. Успехи в этом отношении были действительно огромны. Кроме Полонского, во главе махновских отрядов находилось еще 12 преданных коммунистов, в частности, пулеметным полком командовал Маркин. Кроме того, Губком отметил также большую подготовительную работу, про-

¹ См.: 1919 ГОД В ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ И АЛЕКСАНДРОВСКЕ. — «Летопись революции», №4, 1925, с.81. Курсив наш. — С.Б.

² Там же, с.97.

веденную партийной организацией и Губревкомом на фабриках и заводах.

Условия для военного переворота были идеальными. В этот ответственный момент Губком партии допустил, однако, крупнейшую ошибку, которая повлекла за собою провал всей операции и стоила жизни Полонскому.

В тот момент, когда проходило заседание Губкома, на совещание явился неизвестный «товарищ», назвавший себя представителем ЦК КП(б)У Захаровым и в подтверждение этого предъявивший мандат за всеми необходимыми подписями. Не сомневаясь в правильности документа, члены Губкома ввели «тов. Захарова» в курс своих дел, в частности, посвятили его в план перевода махновских частей в ряды Красной армии.

«Товарищ» Захаров остался весьма доволен полученной информацией, да и как было не радоваться — ведь он был агентом махновской контрразведки!

Трудно сказать с полной определенностью, ставился ли на этом совещании вопрос о немедленном военном перевороте и о физическом уничтожении Махно. Коновец (Гришута) предпочитает обойти эту тему молчанием. Но даже если бы вопрос этот и не обсуждался, у Захарова вполне достаточно было данных для того, чтобы расстрелять Полонского как предателя.

Думается, однако, что вопрос этот ставился и был решен в положительном смысле. Только этим можно объяснить нелепости и противоречия, которые мы находим в статье Коновца. Предоставим ему слово:

После совещания /в Губкоме. — С.Б./ мы расстались с Полонским с тем, чтобы встретиться на следующий день и поделиться дополнительно сведениями после совещания командиров. Кроме того, мы условились *рано утром* послать к нему на квартиру за кой-какими сведениями для центра и *деньгами* /обратим внимание: *утром за деньгами!* — С.Б./.

Далее Коновец пишет, что Губком *вечером того же дня* отправил на квартиру Полонского Азархова Василия, Иванова и адъютанта Полонского, который «должен был *принести для нас деньги*» (ср. со следующей цитатой). Первая несуразица: договариваются с Полонским о том, что рано утром придут за деньгами, а в то же время вечером, когда Полонского не было на квартире (он в это время находился на совещании командиров), посылают к нему троих человек и опять-таки за деньгами!

Кроме того, непонятно, каким образом Новицкий, примчавшийся к Коновцу в 5 часов утра, узнал об аресте Полонского.

Непонятно также, почему в 12 часов ночи на квартире у Полонского находилось 3-4 посторонних человека, которые были там арестованы. И кроме них, на улице — еще десять человек.

Сам факт ареста Полонского Коновец описывает следующим образом:

После совещания командиров, часов в 12 ночи, тов. Полонский, приехавший с женой и сыном... пригласил Махно и еще нескольких приближенных /чьих приближенных: Полонского или Махно? — С.Б./ к себе на квартиру на ужин по случаю именин жены. Что происходило там, в квартире — неизвестно, но приблизительно в час ночи Каретников, Губенко и Василевский вывели связанного тов. Полонского по направлению к набережной Днепра. /Видимо, Махно не хотел расстреливать Полонского в присутствии жены и ребенка. — С.Б./ Первым выстрелил Полонскому в спину Каретников, после Губенко и другие; раненый Полонский, поднявшись на локоть, крикнул: «Добейте, бандиты!» Его добились¹.

Противоречия в повествовании Коновца легко устраняются, если допустить, что Полонский действительно готовился расправиться с Махно.

Дело могло обстоять следующим образом. Полонскому заранее было поручено пригласить к себе в дом Махно после совещания командного состава, т.е. глубокой ночью. В это время в его квартире должны были находиться посланные еще с вечера Азархов Василий, Иванов и адъютант Полонского, который именно по этой причине отсутствовал на совещании командиров. На всякий случай, около дома была устроена засада из десяти человек. По плану Махно должен был, видимо, быть схвачен теми, кто находился в засаде или, действительно, отравлен Полонским. Рано утром на квартиру к Полонскому должна была прийти группа лиц во главе с Новицким, чтобы завершить дело. Этот план стал известен контрразведке. Посланные с вечера на квартиру Полонского товарищи сами неожиданно попали в засаду и были арестованы контрразведкой Махно. Точно так же была ликвидирована и внешняя засада из десяти преданных товарищей. Потом наступила и очередь Полонского. А затем разыгралась история, поведанная Коновцем.

Видимо, кто-то из внешней засады избежал ареста и все рассказал Новицкому, а тот, ворвавшись в 5 часов утра в квартиру Коновца, сообщил обо всем последнему. Иначе — откуда

¹ См.: 1919 ГОД В ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ И АЛЕКСАНДРОВСКЕ, с.86.

бы мог знать Коновец о таких подробностях, как выкрик Полонского «Добейте, бандиты!»?

Коновец сообщил об этом всем членам Губкома и Губревкома и, как он пишет далее, — «мы сейчас же перевели организацию на нелегальное положение и занялись разведкой, чтобы предупредить дальнейший разгром»¹. Махно, однако, вовсе не собирался вступать в конфликт со всей партийной организацией, ибо это противоречило всем его принципам и, кроме того, было не очень полезно с политической точки зрения.

Когда Губком убедился, что разгрома не будет, он вышел из подполья и в 2 часа дня был принят Махно, который по поводу их протеста в связи с произошедшими событиями сказал, что «он коммунистов не трогает, но ревкомы и вообще органы власти, поставленные коммунистами, будет расстреливать»².

Члены Губкома обиделись на это и ультимативно заявили, что они — представители рабочих Екатеринослава и примут меры в случае неосвобождения коммунистов-рабочих. На это Махно ответил: «Что же, будем расстреливать и рабочих». А потом добавил, что на рабочих, не желающих ему помочь, он-де вообще «плевать хотел»³. Трудно сказать, как Махно поступил с десятью арестованными рабочими-коммунистами, но двенадцать собственных командиров, которые были связаны с Полонским и о которых с гордостью говорилось в отчете Зафронтбюро, как о группе товарищей, занимающих ответственные посты в армии, он расстрелял вскоре после расправы с Полонским⁴.

Итак, миссия Полонского, возложенная на него еще весной 1919 года, закончилась полным провалом и повлекла за собой разгром всех наиболее значительных антимахновских сил.

Как же поступает в этой ситуации СНК и ЦК КП(б) Украины? — Точно так же, как и в мае. 11 января 1920 года, после того, как Повстанческая армия Махно была отправлена на фронт для борьбы против Врангеля, он был объявлен вне закона. В постановлении Всеукраинского ревкома в этой связи, в частности, говорилось:

«Махно со своей группой объявляется вне закона, как дезертиры и предатели.

¹ См.: 1919 ГОД В ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ И АЛЕКСАНДРОВСКЕ, с.87.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Черномордик (П.Ларионов). МАХНО И МАХНОВЩИНА. М., 1933, с.46.

Все поддерживающие и укрывающие изменников Украинского народа будут беспощадно истреблены»¹.

Одновременно с этим заработал обычный пропагандистский конвейер, который должен был показать «истинный моральный облик» самого Батька Махно.

Командующий частями особого назначения по борьбе с кулацким повстанчеством и бандитизмом Р.Эйдеман извлек на свет божий невесть откуда взявшийся дневник, который якобы вела жена Махно — Феодора Лукьяновна Гаенко, убитая, как сообщал Эйдеман, 29 марта 1920 г. в Гуляй-Поле. У этой-то погибшей Феодоры Гаенко в ее походной сумке и был найден дневник, который повествовал о невероятных зверствах Махно и его окружения. Правда, рассказ скорее походил на запись агентурных донесений, нежели на дневник в собственном смысле слова, однако, это обстоятельство ничуть не смущало Эйдемана, поскольку жена Нестора Махно была (по данным разведки) мертва и, следовательно, в любом случае не могла заговорить. Тогда Эйдеман, по-видимому, не знал, что женой Нестора Махно была не Феодора Лукьяновна Гаенко, а вполне живая и здоровая Галина Андреевна Кузьменко².

Поскольку эффект от этой легенды был прямо противоположен тому, которого ожидал Эйдеман и ВЧК, в ход была пущена тяжелая артиллерия — в лице Х.Раковского и самого неподкупного «рыцаря революции» Ф.Дзержинского.

25 июня 1920 года они обратились к крестьянам Екатеринославской губернии «в связи с наступлением войск Врангеля и контрреволюционными действиями банд Махно».

В этом «Обращении», перепечатанном в 1971 г. в сборнике «На защите революции. (Из истории Всеукраинской ЧК. 1917-1922 гг.)», утверждалось, что Махно — агент польской шляхты, Петлюры и даже Врангеля:

Им /т.е. крестьянам. — С.Б./ мы сообщаем, что Махно вошел открыто в союз с помещиками и контрреволюционерами. Это мы говорим не как предположение, а как факт, который ясно вытекает из всех перехваченных в последнее время Советской властью документов... (с.174).

Вопреки утверждению Дзержинского, союз Махно с Петлюрой и Врангелем вовсе не являлся фактом и даже как предположе-

¹ Собр. Узаконений и распоряжений СНК Украины, №1, 1920, с.4.

² Галина Андреевна вместе с Махно эмигрировала в 1921 г. за границу. После войны была репатриирована в СССР, отсидела 10 лет в лагере. В конце 70-х гг. жила с дочерью Еленой Несторовной в г. Дзямбуле.

ние был не слишком обоснован. Впоследствии, когда положение дел на юге Украины стало катастрофическим и советское командование было вынуждено вновь пойти на союз с Махно, этот последний заставил советское правительство начисто отказаться от всех утверждений, которые были высказаны как *установленный факт* в «Обращении» и несколько раньше — уполномоченным СНК Украины Яковлевым на пленуме Екатеринославского Совета.

С большой неохотой и, надо полагать, при огромном сопротивлении Дзержинского СНК Украины пошел на принятие предложения Махно об организации совместной борьбы с Врангелем, предложения, которое тот сделал еще в июле. Вначале СНК вообще не считал нужным отвечать Махно. Однако в сентябре, когда пришлось оставить Екатеринослав, когда Врангель занял Бердянск, Александровск, Гуляй-Поле, Синельниково и, кроме того, стал сжимать клещами дивизию Блюхера на Каховском плацдарме, — не на шутку забеспокоился уже СНК РСФСР, и под его нажимом предложение Махно было принято. Сделать это в то время было тем легче, что в конце июля 1920 г., получив орден за борьбу с контрреволюцией, Дзержинский был переброшен на западный фронт. Только после этого, а именно 29 сентября 1920 г. состоялось заседание Политбюро ЦК КП(б) Украины, которое приняло решение заключить союз с Махно. При этом, однако, ЦК не сочло возможным придать свое решение широкой огласке.

В постановлении, между прочим, говорилось:

д) соглашения не оглашать, ограничиваясь сообщением после перехода Махно в тыл Врангеля /кстати, идея перехода в тыл Врангеля через Сиваш принадлежала самому Махно, а никак не Фрунзе и тем более не Блюхеру, о чем в январе 1976 г. писала «Московская правда»: ст. «Шли полки на Перекоп». — С.Б./.

е) против освобождения анархистов принципиально не возражать, что поручить тов. Манцеву¹.

С этим-то постановлением и отправилась харьковская делегация в Старобельск, в ставку Махно.

Однако теперь положение было совсем иное, нежели в июле 1920 г., и Махно потребовал не только обнародовать соглашение, чего так не хотело ЦК КП(б)У, но и публично опровергнуть то, что говорили в «Обращении» к екатеринославским крестьянам Раковский и Дзержинский.

¹ См.: *НА ЗАЩИТЕ РЕВОЛЮЦИИ*. Киев, 1971, с.188.

Пришлось уступить по обоим требованиям. В начале октября был опубликован текст соглашения, а 14 октября 1920 г. «сам» председатель РВСР Лев Троцкий опроверг то, что говорилось в «Обращении». В статье «Махно и Врангель» он писал:

Как известно, французская печать очень много говорила о союзе Врангеля и Махно. Советская печать также опубликовала в свое время документы, свидетельствующие о формальном союзе Махно и Врангеля. В настоящее время выясняется неправильность этой информации... Все документы, говорившие о формальном союзе, были подделаны Врангелем...¹

Кто подделал эти документы — вопрос достаточно сложный, однако у Врангеля в его «Белом деле», очень обстоятельно написанных мемуарах, мы не находим ни одной строки по этому поводу. Впрочем, для целей настоящего исследования вопрос этот не имеет принципиального значения.

Важно другое: на всем протяжении 1919 и 1920 годов Махно, как это видно из тщательного изучения истории союза «левых» сил на Украине, ни разу не был виноват в тех многочисленных обвинениях, что выдвигали против него партнеры по блоку. Более того, анализ исторических материалов показывает, что КП(б)У, с упорством и настойчивостью утверждавшая диктатуру пролетариата, для достижения своих целей не останавливалась перед поистине макиавеллистскими методами борьбы со своими собственными «союзниками», методами, которые были рассчитаны на их физическое и моральное уничтожение. Эта тактика наносила непоправимый моральный и политический ущерб всем силам, входившим в «левый» блок, а для украинского народа она стоила рек крови.

Спрашивается, откуда проистекала эта макиавеллистская тактика? Думается, что источник ее — *учение о диктатуре пролетариата*, как главном инструменте социальной революции и в то же время верховном критерии новой, социалистической этики.

«Диктатура пролетариата, — писал Ленин, — есть термин научный, определяющий тот класс, который играет при этом роль, и ту форму государственной власти, которая называется диктатурой — именно: *власти, опирающейся не на закон, не на выборы, а непосредственно на вооруженную силу той или иной части населения*»².

¹ Л. Троцкий. *КАК ВООРУЖАЛАСЬ РЕВОЛЮЦИЯ*, т.1, с.214.

² В.И. Ленин. ПСС, т.25, с.48. Курсив наш. — С.Б.

Примат интересов пролетариата, понимаемых, разумеется, с марксистской точки зрения, и насилие как главный метод их защиты в этом определении проведены с удивительной четкостью и ясностью.

Отсюда также вытекает и то, что «интересы пролетариата» в их марксистской трактовке являются определяющими и для выбора политической тактики и для этической оценки тех или иных поступков. В конце концов для марксиста, исповедующего диктатуру пролетариата, нравственным оказывается все то, что служит делу укрепления этой диктатуры.

Отсюда — соответствующая тактика и нравственные нормы в отношении всех классов и партий, являющихся «инакомыслящими» для «интересов» пролетариата: здесь допустимы все методы и любые поступки, если они ведут к достижению цели.

В этом смысле весьма характерен ответ, который дал анархисту Волину начальник секретного отдела ВЧК Самсонов в связи с замечанием Волина о том, что разгром Махно войсками Красной Армии после заключения договора о союзе с ним в 1920 г. является предательским поступком.

— Вы считаете это предательством? — живо возразил Самсонов. — А по-нашему, это показывает лишь, что мы умелые государственные политики: *когда Махно был нам нужен, мы сумели его использовать, а когда он стал не нужен, мы сумели его ликвидировать*¹.

Самсонов был по-своему прав: понятие «диктатура пролетариата» вполне оправдывает его вывод.

---

¹ См. предисловие к кн.: П. Аршинов. *ИСТОРИЯ МАХНОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ*, с.21.

А.Н. Янин
ВТОРОЕ КУЛАЦКОЕ ВОССТАНИЕ
И ЕГО ЛИКВИДАЦИЯ

Глава из работы «К истории возникновения Пителинской райпарторганизации КПСС района и колхозов» (машинопись, М., 1957). Написана «ветераном» — бывшим партработником Пителинского района Рязанской области.

Кулацкое восстание, вспыхнувшее в Пителинском районе в 1930 году, являлось продуктом явно выраженного акта вредительства и подрывной деятельности, исходивших от определенной группы людей, сидевших в области¹ и центре, а также от местной организации эсеров, действовавшей из подполья через хорошо организованного кулака. Эта группа врагов ставила свою последнюю ставку на то, чтобы повернуть вспять колесо истории, нанести смертельный удар нашей партии, свергнуть советскую власть и возродить буржуазный строй в стране.

Однако при наличии тех руководителей, которыми тогда располагал Пителинский район, враги народа не могли добиться своего. И вот они принялись менять старое руководство в нем. На место старого секретаря района посадили некоего Федяева, который до этого считался неспособным работать даже в волости. На место предрика поставили заурядного милицейского работника Субботина, переброшенного сюда из Шацка стараниями быв. секретаря уездного Комитета ВКП(б) Глушкова, изгнан-

---

¹ Оговорка автора. Пителинский район, ранее бывший частью Рязанской губ., с сент. 1929 по сент. 1930 входил в состав Рязанского округа Московской обл. (за тем — непосредственно в Московскую обл.). Рязанская обл. образована в окт. 1937.

ного из уезда за грубые перегибы и головоуятие, допущенные им в Кадоме и Сасове, а до этого в Шацке, и впоследствии понесшего заслуженное наказание за все свои перегибы. Начальником Райзо был назначен волостной работник Олькин, человек мало сведущий в сельском хозяйстве.

И вот эта «тройка» начала хозяйничать в Пителинском районе. Без всякой предварительной подготовки населения она взялась проводить сплошную коллективизацию там, где не позволяла этого делать общая обстановка, озлобляя этим население и объективно провоцируя его на открытое выступление против Советской власти.

Не обращая, однако, на это внимания, Федяев, Субботин, Олькин и компания попытались организовать в некоторых селах коммуны, несмотря на запрещение ЦК партии, что окончательно взорвало население.

Воспользовавшись этим, группа заговорщиков, состоявшая из кулаков Оськина (бывшего члена Государственной Думы)², Папкина и Мягкова, местного попа села Веряева, офицера-белогвардейца — эмиссара Антонова, скрывавшегося здесь от преследований администрации, и какой-то женщины-кулачки с уголовным прошлым, начала действовать.

Шел февраль 1930 года...

Развернув бешеную агитацию среди населения против колхозов и коллективизации вообще, заговорщики сумели поднять около семи сел и четырех деревень в Пителинском районе, в том числе села: Веряево, Гридино, Нестерово, Свищево, Ерму, Лукмос (цыганское село Спасского уезда Рязанской области) и деревни Казановку, Кошибеевку, Ункор и Знаменку.

В этих селениях появились загадочные «странники», информаторы, «предсказатели», которые несли несусветную чепуху, распространяя дикие слухи, сплетни, ими же выдуманные, насчет «обобществления» якобы жен и детей и т.п., что будто бы намерено сделать Советское правительство по требованию Сталина.

Собрав из названных выше селений в начале марта³ двух-трехтысячную толпу, главным образом женщин, вооружившись дубинками, топорами, вилами и огнестрельным оружием, подняв иконы и хоругви, мятежники с пением «Боже, царя храни», под набатный звон колоколов двинулись из села Веряево на Гридино,

² Автор, видимо, ошибается: в списках членов Гос. Думы I-IV созывов нет депутата с такой фамилией. Может быть, речь идет о депутате II Гос. Думы от Тамбовской губ. Никите Григорьевиче Осичкине (р. 1861)?

³ Выступление произошло не позднее 2 марта 1930.

а отсюда подались, разрастаясь молниеносно в своей численности, на Пителино под предлогом «освободить арестованных попов»; на самом деле они намеревались захватить районный центр и учинить в нем погром, истребить коммунистов и перебить всех ненавистных им советских работников.

Впереди этой буйно настроенной толпы торжественно шествовала в качестве командира та самая женщина-кулачка, которая состояла в знаменитой «пятерке» заговорщиков и организаторов. В одном кармане у этой пителинской «Алены-богатыря» торчал наган, в другом — другой; за поясом гранаты, как у самого заправского бандита-разбойника.

Навстречу обезумевшей от злобы толпе из Пителина вышли милиционер Горюнов с агрономом, чтобы уговорить толпу разойтись по домам, но не успели они открыть рты, как со всех сторон раздались злобные выкрики: «Бей их! Долой!.. Дави!.. Дави!..» И после этого послышались глухие удары колов, треск черепных коробок, и не стало милиционера и агронома. Они были убиты мятежниками, которые, двигаясь дальше, продолжали сметать все ненавистное им на своем пути...

...Подойдя почти вплотную к Пителину, мятежники хотели окружить его со всех сторон и взять штурмом, но в это время со стороны Сасова подошел отряд красноармейцев в триста человек, при нем был председатель окрисполкома Штродах и секретарь окружка ВКП(б) Гишинский, по вине которых дальнейший ход событий принял более угрожающий характер.

— Чего бунтуете? Колхозы не понравились? — обращаясь к мятежной толпе, грубо спросил Штродах, выхватив из кармана заряженный наган и держа его наготове.

Его вызывающий тон, подобно удару кнута, подстегнул и без того враждебно настроенную и возбужденную массу мятежников.

— А ты что приехал нас наганом стращать и загонять в колхоз?.. Не пойдем!.. Долой колхозы! Долой коммуны!.. — раздались со всех сторон угрожающие возгласы. И задние начали напирать на передних. Передние неудержимой лавой надвигались на Штродаху, готовые схватить и разорвать его...

— Вот тебе колхоз!.. Погляди! — приподняв вдруг подол юбки и показывая Штродаху голое тело, бесстыдно и нагло заявила верховодившая всем кулачка-мятежница под взрыв насмешек и улюлюканье толпы единомышленников. Взорванный ее наглостью и бесстыдством, Штродах не смог сдержать себя и выстрелил из нагана в оскорбившую его мятежницу и убил ее.

Возбужденная этим еще больше, толпа мятежников, которая за это время успела пополниться притоком новых сил, взревела:

— Бей его! Бей!.. Смерть убийце!.. Смерть коммунистам!.. — раздались угрожающие возгласы в толпе. И последняя снова начала зловеще надвигаться на Штродаха и окружающих его лиц.

Чтобы предупредить злой умысел толпы и не допустить дело до самосуда, командир отряда красноармейцев приказал отряду дать залп из винтовок вверх... Оглушительный гром в воздухе потряс все вокруг, но мятежная толпа не дрогнула, устояла, сжимая в руках вилы, топоры, дубинки и огнестрельное оружие...

Чтобы сломить ее упорство, отряд красноармейцев дал повторный залп. Град пуль роем пчел прожужжал над головами стойко державшейся толпы мятежников... За вторым последовал дружно третий залп, и на этот раз толпа дрогнула, среди нее произошло сильное замешательство... Многие из мятежников, в особенности женщины, охваченные страхом, побросали иконы и хоругви, а также свое оружие и начали разбегаться кто куда мог...

Чтобы легче было бежать, многие снимали с себя даже валяные сапоги, сбросили верхнюю одежду и бежали босиком и без одежды. Но восстание кулаков на этом не кончилось. Не удалось захватить и разгромить Пителино — мятежники начали растаскивать колхозы, уводя по домам скот, разбирая сельскохозяйственную технику, тягловую силу, уничтожая отчетность, производство, растаскивая семена, убивая сопротивляющихся этому. Были убиты три председателя колхоза и некоторые колхозники, коммунисты и комсомольцы⁴.

---

⁴ Выступления против колхозов быстро распространились за пределы Пителинского района, как о том свидетельствует сообщение информатора Рязанскому окружному ВКП(б) от 3 марта 1930:

«В Ерахтурском районе в ряде сел наблюдается массовый выход из колхозов — подано заявлений: в с. Шостье — свыше 100 штук, Нармушади — 90 штук и в с. Ерахтуре — 150 штук, в Погорях — полсела. Тяга к выходу из колхозов продолжается. Заявления пишутся коллективно, иногда форма заявлений подается [с] известными уловками — в кругу, чтобы не узнать, кто первый подал заявление. В числе выбывающих большинство — беднота. В с. Ерахтуре крестьяне требуют возврата обобщественных лошадей. Женщины толпами осаждают обобщественные дворы и намереваются увести [лошадей] самовольно, таким образом вчера увели 18 штук лошадей, не лишена возможность продолжения такого дела. В д. Волчкарях, Погорях раздаются голоса: "все выйдем из колхоза, разберем семенной фонд". Комсомольцы трусят,» (см. след. стр.)

Свищевские кулаки, чтобы раздуть еще сильнее пожар контрреволюционного восстания и сорвать колхозное строительство в районе, попробовали организовать в своем селе зверский масовый самосуд над милиционером Михаилом Ивановичем Гавряевым. Но он, вскочив на лошадь, успел удрать не то в Пителино, не то в Потапьево. Кулаки организовали за ним погоню, но, не догнав его, ночью сожгли в отместку дом и двор милиционера. После этого Гавряев не захотел больше работать в родных местах и переехал с семьей в город Горький, где пребывает и поныне, являясь пенсионером.

Восстанием по-прежнему продолжали руководить одни и те же лица, которые и начали его.

Прибывший в это время из Пителина в село Гридино следователь по уголовным делам попытался вызвать к себе некоторых кулаков, повинных в мятеже, на допрос, но вынужден был немедленно прекратить свое преждевременно начатое опасное дело...

Мятежно настроенные кулаки, проведая о том, что их вызывает к себе на допрос следователь, решили расправиться с ним.

Подойдя толпою в полтораста человек к дому, в котором находился следователь, кулаки пытались схватить его и разорвать на части. Спасаясь от них, следователь успел взобраться на крышу дома, в котором находился до этого, и оттуда стал отстреливаться. Но такой способ самозащиты еще больше разъярил и без того озлобленных кулаков. Они стали забрасывать крышу, а вместе с нею и следователя камнями и разными тяжелыми железными предметами. Еще бы минут пять, и следователь свалился бы трупом с крыши, но в этот момент подоспел сюда вооруженный отряд комсомольцев и коммунистов из Сасова, который, не прибегая к оружию, тактично подошел к расвирепевшей толпе и уговорил ее разойтись по домам, что и спасло следователя от ужасной смерти.

Многие из зачинщиков этого кулацкого мятежа, спровоцированного эсеровским подпольем, были спустя три дня выловлены и высланы далеко за пределы Пителинского района. Некоторые из них на месте понесли наказание. Удалось вовремя скрыться и избежать заслуженного наказания главным организаторам мятежа.

из 9 подали заявления о выходе из колхоза 6 человек. Причины, побудившие к массовому выходу из колхоза и самовольному выводу лошадей, исходят, главным образом, от влияния событий [в] Пителино. Вместе с тем имелись отдельные недостатки и перегибы в коллективизации. /.../» — *ИЗ ИСТОРИИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ (1927-1935)*. Сб. документов. Рязань, 1962, с.157-158.

Получили по заслугам и неудачные руководители района: Субботин, Олькин, Федяев и их сподвижники — за допущенные ими перегибы в своей работе по коллективизации крестьянских хозяйств района⁵.

Так началось и закончилось в 1930 году в Пителинском районе спровоцированное контрреволюционное кулацкое восстание, весть о котором сумела облететь всю нашу страну и попасть даже на страницы иностранной прессы, которая изобразила эти события в превратном смысле. Правильный анализ им дал Сталин в своем письме «Головокружение от успехов». Но колхозники Пителинского района, осознав допущенную ошибку, сумели скоро залечить нанесенные тяжелые раны сельскому хозяйству района и даже неплохо потрудились над выполнением мероприятий огромного межрайонного значения.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПО РАССКАЗУ ИСТОРИКА, ИМЕВШЕГО ДОСТУП В АРХИВЫ

Статью Сталина *ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ ОТ УСПЕХОВ* обычно рассматривают как демагогический ход: главный виновник пресловутых перегибов искал козла отпущения и через голову высших и низших функционеров обратился непосредственно к коллективизируемой массе, стремясь таким образом убить двух зайцев — разрядить обстановку и возвеличить себя в глазах крестьянина.

Все так. Но в этом объяснении все же как-то недоучтена грозность ситуации, вышедшей из-под всякого контроля. По словам историка, специально исследовавшего события того года, заслуживает быть отмеченным следующее обстоятельство.

---

⁵ «Перегибщиков» судил Коломенский (не Рязанский!) окружной суд. Процесс проходил в Пителине 5-11 мая. По ст.109 (злоупотребление властью) были осуждены бывшие: пред. райисполкома В.Субботин (5 лет ИТЛ), его заместитель Н.Олькин, нарсудья Родин, нач. районного адм. отдела Юрков (по 3 года), райуполномоченный по коллективизации И.Косырев (2 года), секретарь райкома ВКП(б) Васильченко (6 мес. принудработ), пред. Веряевского сельсовета Алешин и еще несколько человек (почти все — с последующим запрещением занимать руководящие должности; дело о бывш. судебном следователе Беляеве, не явившемся в суд, было выделено в отдельное производство). Еще раньше, в марте, были проведены досрочные перевыборы ряда советов (в т.ч. районного пителинского), снят со своего поста и выведен из бюро окружкома Штродах. На его руководящую брошюру *ЗА СПЛОШНУЮ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЮ*, как и на приказы окружного штаба коллективизации, обвиняемые ссылались во время суда в своих попытках оправдаться.

Кто первый обратил внимание на то, что сопротивление крестьянина-«средняка» принудительному обобществлению грозит вылиться в восстание против советской власти? Не члены Политбюро, большинство которых находилось в это время на местах. И тем более не местные руководители, соревновавшиеся за быстрейшее достижение стопроцентного итога.

Это сделало ОГПУ в своих сводках, предназначенных для Сталина: оно, видимо, не боялось быть обвиненным в правом уклоне — и тем не попасть в тон вождю.

Попытки остановить оргию принуждения с помощью директив и грозных телеграмм никакого результата не давали. Последняя из секретных телеграмм Сталина носила почти апокалиптический характер. В ней говорилось: *сопротивление крестьян перерастает в повстанческое движение, обстановка грозит гибелью, употреблять Красную Армию для подавления повстанцев — значит идти на разложение ее ввиду подавляющего крестьянского состава и оголить границы СССР.*

Когда и такое предупреждение не возымело силы, Сталин решился апеллировать к той самой массе, против которой было обращено насилие.

Довести до края всеобщей бездны — и, не имея выхода, обратиться в последний момент со спасительным словом — сколько раз это приносило ему популярность и поднимало по ступеням возвеличивания...

(Из собрания Г.М.)

Д.Е. Моргачев
МОЯ ЖИЗНЬ

Воспоминания крестьян — явление в отечественной мемуаристике крайне редкое. В основном они сводятся к разрозненным фрагментам и свидетельствам о тех или иных событиях. Особняком стоят более цельные жизнеописания, оставленные крестьянами-сектантами и толстовцами (И.П. Ярковым, Б.В. Мазуриным, И.Я. Драгуновским, В.В. Яновым и др.¹). К этому типу подробных автобиографических записок относится и рукопись «Моя жизнь». Автор ее — Димитрий Егорович Моргачев — уроженец Елецкого уезда Орловской губ. (ныне Липецкая область). Проложив первую свою борозду в 11-летнем возрасте, Моргачев всю жизнь оставался связанным с землей: работал батраком и сельским кооператором, организовывал толстовскую коммуну, был председателем колхоза, затем — членом знаменитой сельскохозяйственной коммуны «Жизнь и труд», созданной в 1922 в с. Шестаковка Кунцевского р-на Московской области, а с середины 1931 — переселенной в Западную Сибирь.

Коммуна «Жизнь и труд» просуществовала до 1936, оставаясь уникальным в СССР духовным центром и местом притяжения для толстовцев и близких к ним по убеждениям крестьян-сектантов: молокан, духовоборов, малеванцев. В 1936-38 органы НКВД арестовали весь ее руководящий состав, а сама коммуна была превращена в обычную сельскохозяйственную артель. Д.Е. Моргачев отбыл 10 лет ИТЛ.

Для настоящей публикации выбран фрагмент, относящийся к 1928-36 гг., когда автор был председателем колхоза на Орловщине, а затем — членом коммуны «Жизнь и труд».

¹ Записки В.В. Янова *КРАТКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ПЕРЕЖИТОМ* см. в кн.: *ПАМЯТЬ*. Исторический сборник, вып.2, Москва, 1977 — Париж, 1979, с.82-159. Фрагменты из мемуаров указанных авторов и более подробные сведения о судьбе толстовцев в СССР после революции см. в кн.: М.Поповский. *РУССКИЕ МУЖИКИ РАССКАЗЫВАЮТ*. London, OPI, 1983.

/.../ На месте коммуны мы создали сельхозартель «Возрождение» (так же называлась ранее и коммуна). В начале 1925 года мы решили взять трактор «Фордзон» — американский. Одного из нас послали на курсы трактористов. /.../ Наш трактор был первый в районе, да и колхоз был единственный и первый в районе. Хотя большой связи с районом у нас не было, но начальство «росло», зная, что у нас в колхозе, в их районе, есть трактор. Когда были районные съезды, нас с трактором требовали явиться. Мы докладывали, как он работает — пашет, косит, возит, — и районная власть гордилась: вот что дает Советская власть крестьянам.

/.../ Наступил 1929 год. Началась коллективизация в районе, где наш колхоз был единственный. Все начальство района вело агитацию за коллективизацию, а их упрекали и даже смеялись: «Нас хотите собрать в колхоз, а сами не идете». Тогда они из разных селений подали заявления в наш колхоз о приеме их в члены, чтобы им легче было вести агитацию за коллективизацию. Нам не понравилась такая подделка, и мы на общем собрании артели отказали в приеме в члены начальству райисполкома. Это, конечно, их очень обидело и восстановило против меня. Из числа партийцев некоторые были на моей стороне и советовали мне уйти или уехать — тебя теперь будут преследовать на каждом шагу и съедят вовсе. Ты способный, поезжай на курсы директоров совхозов. Но я не хотел уезжать: буду до конца и будь что будет.

Наконец районное начальство разделалось со мной: вычистило из колхоза как «сектанта толстовца» и раскулачили меня, взяли корову и барахлишко, лошадь же моя находилась в колхозе. Я поехал в Елец, где меня многие знали. Там все удивились на неразумные действия районного начальства, и решение райисполкома было отменено. Барахлишко мое пропало, а корову два или три месяца еще не возвращали, она была взята родственниками председателя сельсовета. Мне давали любую корову, отобранную у людей, но я не брал чужую, а требовал свою, и наконец добился. Но районное начальство все же хотело меня выслать как раскулаченного, а сельский актив не соглашался с этим: во-первых, мы были сиротами, более четырех лет я жил в рабочих; во-вторых, я уже 15 лет работал в потребкооперации, и вся беднота и весь актив в нашем селе Бурдино были за меня. И я продолжал работать председателем колхоза, ведь колхоз состоял из наших друзей, и они не соглашались с районным начальством переизбрать меня. А я шел напролом. Бывали такие случаи: в моем отсутствии добьются у актива бедноты какого-либо ре-

шения против меня, а в моем присутствии ни один не поднимает руки против меня. Какой-нибудь уполномоченный с ума сходит, что беднота на моей стороне. Так прошел весь 1929 год. Во время молотьбы прокурор района приехал меня арестовывать, но я был на стогу соломы, которая подавалась лошастью, и так они стояли, поговорили со мной и не взяли.

В конце 1929 года началась без согласия народа коллективизация. Стали собирать на общие дворы лошадей, коров, нетелей, овец. Стали отбирать плуги, бороны, повозки, корма из сараев у крестьян, и вдруг в январе или феврале 1930 года появилась статья Сталина «Головокружение от успехов». На следующий день народ с радостью побежал на общие дворы за своим скотом и инвентарем. Но актив коммунаров был очень недоволен, а особенно более зажиточные говорили: недолго будете торжествовать, осенью помажем некоторым задницу купоросом, запрыгаете по-другому, сами побежите в колхоз без оглядки. Так говорил председатель райисполкома Ульшин Александр Алексеевич.

В 1930 году все работали индивидуально, в августе некоторых обложили хлебопоставкой, по 500-800 пудов, заведомо невыполнимой. Этих людей в сентябре-октябре судили и дали по 3-8 лет лагерей с конфискацией имущества. Попал и мой брат Михаил Егорович на 3 года, и Волков Тимофей Семенович на 6 лет, который когда-то собирался с нами в коммуну, да жена не захотела; его послали в Караганду, где он и сложил свои косточки, а брат Михаил выжил, но более не вернулся к сельскому хозяйству, остался на производстве.

Зимой 30 года опять началась коллективизация, и здесь уже не было головокружения, все пошло как по маслу, без скрипа. Человек 15-20 были осуждены. А остальные, более зажиточные середняки, первыми пошли в колхоз. Некоторые из бедноты еще сомневались, колебались, а некоторые из них ушли на производство навсегда, забрав свои семьи.

От И.В. Гуляева я узнал, что Чертковым возбуждено ходатайство перед ВЦИКом об отводе земель для поселения коммун и артелей из единомышленников Л.Н. Толстого¹. Потом Гуляев сообщил мне, что уехали ходоки выбирать участок для поселения. Потом, что участок уже закреплен в Западной Сибири.

---

¹ 28 февраля 1930 Президиум ВЦИК обсудил ходатайство толстовских коммун о предоставлении им земли в Сибири и одобрил его. 22 марта 1931 члены с/х коммуны «Жизнь и труд» выехали из Москвы на новое место поселения в районе Новокузнецка.

В январе я выехал в Москву. После 24-го года я не был там. Приехал к В.Г. Черткову, он меня принял радушно, как знакомого. Рассказал мне о готовящемся переселении. Я сказал ему, что я тоже хочу переселиться к друзьям-единомышленникам Толстого. Чертков направил меня в подмосковную коммуны «Жизнь и труд» (Шестаковка, Кунцевского района). Туда мы шли вдвоем с Дмитрием Киселевым, приехавшим из Тулы также по вопросу о переселении. /.../

Пришли в коммуны. Председателем был Мазурин Борис. Он основательно поговорил с каждым из нас. Пришло время обеда, пригласили нас за общий стол. После обеда мы немного помогли колоть дрова на кухне. Вечером мы еще беседовали с Мазуриным. Он спрашивал, какие у нас семьи, какое имущество. Я ему сказал, что хотя у меня и было имущество, но взять его теперь невозможно, а семья 8 душ, трое из них взрослые. Мазурин еще задал мне вопрос шутя: а работать ты не ленив на такую семью? Я тоже ответил шутя: — Ведь сейчас я могу тебе соврать, но раньше не ленился. Я рассказал, какое у меня было имущество, и сад около гектара, посадил в 23-м году. Потом сказал, что домой я уже не поеду, а если вы не примете меня, то буду устраиваться здесь на работу или на курсы учиться пойду, у меня была рекомендация. Вечером за ужином со мною поговорили уже многие члены-коммунары, расспрашивали и решили принять меня в члены коммуны.

В коммуне еще осенью 30 года была направлена в Сибирь на место нового поселения рабочая дружина для подготовки жилья и т.п. Когда я пришел в коммуны, рабочий и продуктивный скот за несколько дней до меня уже был погружен в вагоны и отправлен с Петром Яковлевичем Толкачем, а теперь готовилась к отправке еще группа коммунаров: Толкач Марта с детьми — Олей, Людой, Вовой, Лапаева Нина с сыном Шурой, Надя Гурина, Ольга Любимова, Ваня Сурин, Миша Барбашев, Вася Лапшин и другие, и я, Моргачев Дмитрий, поехал с ними. Погрузились в вагон пассажирского поезда и тронулись в Сибирь. Сибирь для всей нашей небольшой группы была новой, неизвестной страной.

Все еще было покрыто снегом. На четвертые сутки приехали на станцию Новокузнецк, за нами были высланы лошади с бричками. Погрузились и поехали. Подъехали к Томи, по льду уже идет вода, переезжать рискованно, но все же переехали благополучно. На другой стороне реки поселок, это оказался город Кузнецк-старый. Маленькие деревянные домики, на горе, над городом, старая крепость. В городе когда-то отбывал ссылку Достоевский. Но меня больше удивило село Феськи, через которое

мы ехали. Домики тоже деревянные. Я зашел в один дом попить. Чистота и опрятность, цветы на окнах и даже на полу в кадках, полы крашенные, а ведь Сибирь считалась каторжной, а здесь намного лучше живут, чем в центральной России. У нас полы в избах была редкость, а цветы были только у духовенства: попа, дьякона, дьячка, а у крестьян ни у кого не было.

Вот приехали мы в свой новый поселочек. Несколько домиков недалеко от берега реки Томи прижались к горам. Переночевали на новом месте в Сибири. Наутро за работу. Семья прибавилась, нужно было делать кухонный очаг под навесом. Предложили мне, а я не только не мог их делать, а даже не видал, как их делают. Надя Гурина говорит мне: «Пойдем, я видела, как клали кухонный очаг», — и мы вместе с ней взялись за работу и к вечеру сделали кухонный очаг с плитой, котлом и духовкой. Тяга была хорошая: быстро варилось и поджаривалось. Еще зимой был сделан новый, большой дом, хотя еще крыши не было, но нужно было в нем делать печи. Я уже оказался печником и приступил к кладке печей трех и пяти оборотов. Как сложили печи, подсушили — и тут же вселялись жильцы, новая семья коммуны стала прибывать. Стали покупать дома в окрестных селах, перевозить и ставить. Я все клал печи. Основная коммуна «Жизнь и труд» еще оставалась под Москвой, но уже с небольшим числом людей заканчивали ликвидацию хозяйства и передачу его новому хозяину — отделению психиатрической больницы им. Кащенко.

Основным ядром переселения служила московская коммуна «Жизнь и труд», существовавшая уже более 10 лет, имевшая хорошее продуктивное хозяйство. Не было бы этой коммуны, вряд ли было бы возможно переселение в Сибирь.

По вечерам мы обсуждали, как лучше, свободнее устроить семейную жизнь коммунаров, и все пришли к выводу: надо каждой семье предоставить отдельную комнату или домик. Было известно, что придут на новое поселение несколько сот семей из разных концов страны, разных национальностей и разных оттенков христианской религии. Материальной помощи переселенцам не было ни от государства, ни от кого, лишь представлялся льготный проезд переселенческий по железной дороге, согласно переселенческим билетам, выдаваемым Наркомземом. У кого был хлеб и фураж, опять-таки согласно правилам о переселении, переселенцы их сдавали на местах по соответствующей переселенческой квитанции, а здесь получали в местном «заготзерно». Это было очень удобно. В апреле 31-го года приехали последние члены коммуны «Жизнь и труд», закончив ликвидацию

хозяйства под Москвой. Стали усиленно подъезжать переселенцы из разных республик и областей Советского Союза.

Кое-что посеяли весной. Озимых посевов не было. Приезжающих приходилось размещать с трудом, по несколько семей в домике или квартире. У кого из приезжающих были средства, поручали им самим проявить самодеятельность, покупать дома в окружающих селах, потом их разбирали, перевозили и ставили силами коммуны. У кого не было средств, как у меня, тем строили за счет коммуны, с этим не считались.

Все привезенное имущество и скот и хлеб вступавших в члены коммуны оценивалось и принималось в общее достояние коммуны и записывалось на лицевой счет славившего, так же, как и деньги.

Переселявшихся все прибывало, даже начали приезжать самоотком, без переселенческих билетов, и не только единомышленники Толстого, но и из разных религиозных течений: субботники, малеванцы, баптисты, добролюбовцы, но надо сказать, что и эти люди были близки по своему отношению к жизни и быту к толстовскому учению. Были субботники, которые еще в царское время были присуждены к 12 годам каторги за отказ от военной службы. Малеванцы и добролюбовцы также не брали оружия в руки. Почти все придерживались вегетарианства. Все отрицали церковную веру с ее обрядами, иконами, таинствами и т.д. Ну, и само собой разумеется, вели более или менее нравственный образ жизни: не пили, не курили, не сквернословили. Потом решили не стеснять друг друга в выборе формы жизни, и все приехавшие могли объединяться по их желанию в коммуны, артели, общины. Так, кроме коммуны «Жизнь и труд», создались «Мирный пахарь» — артель, субботники и украинцы; «Всемирное братство», община из-под Сталинграда, считавшая себя последователями Толстого. Барабинская группа создала свое поселение в 3-4 километрах от коммуны. Бийская группа создала свое хозяйство около шахты Абашево. Омская группа была небольшой. Так что на земле, отведенной в Кузнецком районе Западной Сибири под толстовское переселение, создалось несколько самостоятельных групп. /.../

К осени 1931 года в коммуне насчитывалось более 500 душ, а урожай был собран небольшой, хлеба нет, на рынке он очень дорог, один кирпичик стоил 40-50 рублей. Наличных средств в коммуне оставалось мало, так как покупали дома и рабочий скот. Совет коммуны собрал общее собрание для решения насущных вопросов о хлебе. Было решено поручить совету подыскать работу для всех трудоспособных мужчин. Скоро работа нашлась.

Договорились с лесозаготовительной конторой построить по реке Абашево, впадающей в Томь, на трех участках: Каменушка, Сленцы, Узунцы — дома и подсобные помещения для рабочих лесозаготовителей. По условиям пайки хлеба и продовольствие выдавалось не только рабочим, но и членам их семей. Так все трудоспособные мужчины выехали из коммуны на производство в Горную Шорию. Получаемая зарплата, а главное, продукты, получаемые на пайки, сильно снизили напряженность с питанием в коммуне. Надо сказать правду, на сей день мало уже кто остался в живых, но работали все безупречно, честно, добросовестно. Я работал на среднем участке — Каменушке, где работой руководил Гриша Гурин. Закончили громадный клуб уже к весне, и наша бригада перешла на постройку железной дороги — ветки в лесную гавань Абагур, где также выдавался паек и на членов семьи.

В 32-м году коммуна посеяла уже больше хлеба и овощей. Овощеводство давало коммуне в дальнейшем основной доход. Сбыт овощей был неограниченный, так как километрах в 25-ти от нас строился гигантский Кузнецкстрой, овощи требовались очень, а местное население ранее огородничеством не занималось.

К июлю месяцу вернулись с производства все члены коммуны и приступили к благоустройству коммуны и постройке жилых домов, скотных дворов, амбаров, овощехранилища и т.п. Население в 1932 году стало немного меньше, чем в 31-м, происходил естественный отсев, как во всяком переселении: кто убоился трудностей, кому климат не подошел, кто не нашел того, чего ожидал в мечтах. К этому времени в коммуне уже были люди разных специальностей по всем видам труда, необходимым в сельском хозяйстве. Хозяйство росло не по дням, а по часам. Были люди со средним и даже с высшим образованием, и это помогло нам организовать свою школу. Так что детям уделялось много внимания и серьезности, чтобы воспитать их в духе коммунизма и человечности. /.../

Коммуна находилась от г. Сталинска вверх по Томи на 20 километров. Там на берегу Томи построили домик, как перевалочную базу. Туда причаливали наши гарбуза, которые мы завели для облегчения транспортировки овощей, картофеля, хлеба. Там выгружали и развозили уже на подводах по столовым Кузнецкстроя. Назад гарбуза тянули лошадь, тросом. Весь рабочий день я ходил по цеховым столовым завода, договариваясь, кому чего и сколько надо.

Вечером собираемся в свой домик на берегу реки, и я даю указание каждому — сколько, кому и что и в какую столовую.

А если остаются продукты, особенно огурцы, которые мы отправляли с ранней весны (парниковые) и до поздней осени (грунтовые), то отправляли их на рынок. /.../

Вся наша жизнь в коммуне строилась на честности и полном доверии друг другу. Со всеми столовыми расчет производился через банк перечислением, а вырученные на базаре деньги передавались мне, а я их передавал в коммуну или сдавал на текущий счет в госбанк. Я уже сказал, что все было основано на честности, на совести. Я уже знал, например, сколько должно быть выручено денег за воз огурцов, и когда продававший сдавал деньги мне, то я видел, что полностью, но бывали такие случаи: чувствуешь, что деньги сданы не все, но я никому не говорил об этом, даже не делал замечания тому человеку лично, а пишу об этом только теперь, через 35 лет. Да, совесть — великое дело, тем более, когда тебе доверяют, и вот этот человек, чувствуя сам за собой грех присвоения, всегда стыдился, и не только меня, но и других. Ему казалось, что все знают об этом — что он нарушил доверие, оказанное ему.

Были в Сталинске столовые Инснаба, т.е. снабжение иностранцев, специалистов, инженеров, которые строили завод: немцы, бельгийцы, французы; кто строил доменные печи, кто прокатные станы, кто ГЭС, кто водоснабжение. Тех мы снабжали в первую очередь, о ценах там не разговаривали, только давай свежие овощи. Они, когда садились за стол, то жевали сырую капусту — боялись цынги. Даже представители приезжали из горсовета в коммуну и просили снабжать иностранцев свежими овощами. /.../

Появлялись в коммуне люди, колеблющиеся по разным причинам, и они уезжали обратно на родину, получив расчет за внесенное в коммуну имущество. Хотя те, кто вступал в коммуну серьезно, вносили свое имущество безвозвратно и никогда его назад не спрашивали и не получали.

В коммуне без всякого сговора между отдельными лицами, но из искренних, честных, правдивых, любящих общую жизнь людей создался костяк; не костяк, а гранит, не гранит, а алмаз. А раз был алмаз, то был и песчаник, но об этом будет сказано позже. Колеблющиеся были, они уезжали. Но иногда, уехав, возвращались и просились вновь, да еще как просились!

Все трудоспособные мужчины проработали на производстве, получая пайки на иждивенцев, с октября 1931 по июль 1932 года. Благодаря этому труду, коммунa безболезненно вышла из самого трудного положения с питанием большой семьи в то время, когда хлеб был очень дорог и его не было.

Много мы в коммуне говорили об уставе коммуны. Помню, что было записано: «членами коммуны могут быть единомышленники Л.Н. Толстого, отрицающие насилие в отношениях с людьми». Этот устав мы зарегистрировали в Кузнецком земельном отделе, хотя и с большими трудностями. Питание в коммуне было вегетарианское, без мяса. Члены коммуны не хотели поддерживать свою жизнь, пользуясь жизнью других существ. Хотя в коммуне был молочный скот и куры, но молоко и яйца шли главным образом для детей. Кроме школы, у нас был организован детский сад, и они находились под наблюдением определенного человека, воспитателя, с которым дети гуляли, ходили на речку купаться, и на огороды, где работали почти одни женщины. Впоследствии в коммуне был посажен плодовый сад и клубника для продажи и для детей.

В коммуне решили построить водопровод. Мне поручили достать водопроводных труб. На верхней колонии был утильцех, где было очень много труб: и новых, и забракованных, и погнутых, но вполне для нас пригодных. Договорились с заведующим утильцеха, я взял рабочих, отобрали трубы, погрузили на 3 или 4 парных брички, выписали фактуру. Я уплатил деньги. Переправились через реку и поехали по дороге в коммуну. В селе Феськи нас встретил уполномоченный ОГПУ Попов, приказал свалить трубы в Феськах, а меня арестовали и привезли в Первый дом.

Из первых десяти кирпичных домов, построенных в Новокузнецке в 1931 году, первый самый был занят под ОГПУ. Председателем совета коммуны был тогда Мазурин Борис. Он пошел искать меня. Ему везде отвечали, что меня нет: и в ГПУ, и в милиции, и в тюрьме. Но я был в ГПУ. Попов меня штурмовал, добивался, чего ему было надо. Предлагал мне материальную помощь: мы знаем, что ты из бедных, имеешь много детей, мы будем тебе помогать, но ты должен с нами разговаривать и чтобы никто из членов коммуны об этом не знал. Я заявил ему, что нужды я ни в чем не имею, всем я и семья обеспечены, разговаривать я с ним готов, но открыто, и чтобы все о разговоре было известно всем коммунаркам. А где есть тайна, там для меня есть ложь и подлость. Попов начинает сердиться и с криком говорит мне: ты сгниешь здесь, в этих стенах! Я отвечаю ему: все равно где-нибудь гнить, и вам тоже свое время придет — сгниете. Однажды подсадили ко мне в камеру молодую женщину. Двое или трое суток она сидела вместе со мной, жаловалась мне, что ее мучают ни за что (не упомяну, какую причину своего ареста она выставляла). Но я понял, что она была посажена для искушения меня и чтобы узнать от меня что-нибудь.

Однажды следователь Попов вызвал меня на допрос ночью, хотя это было обычное дело, и задает мне вопрос: «Признаешь ли ты советскую власть?» Вопрос колкий. Я задумался, что ответить следователю, а мысли в голове бегут одна за другой, а я молчу. Следователь несколько раз требует ответа и говорит: «Что, у тебя языка нет или не действует?» А я сосредоточенно думаю и, наконец, пришел к выводу: если я стал на этот путь, то чего же мне бояться, скажу ему откровенно.

— Я не признаю никакой власти насильственной.

Попов громче: — А советской?

Я отвечаю: — Никакой!

Наконец Попов крикнул, сколько у него было сил: — А советской? — вскочил и так сильно ударил по столу кулаком, что стол подпрыгнул и все, что на столе: папки и чернила — все упало на пол. Я сижу и не шелохнусь, гляжу на следователя и тут же решил, что не буду больше с ним разговаривать. Он посидел немного, поднялся и стал собирать с полу все, что упало со стола. Наконец, начинает спрашивать у меня другое. Я молчу. Так он несколько раз обратился ко мне, что не отвечаешь? И я сказал ему, что я не желаю разговаривать с ним. — Почему? — Потому что вы сумасшедший, как ударили по столу, что на нем ничего не удержалось. — Он рассмеялся и говорит, что теперь он нормальный. Но я все же молчал. Он вызвал охрану и сказал:

— Возьми эту сволочь и дай ему так, чтобы он с третьего этажа до низу по лестнице полз.

Так я сидел уже несколько дней. Один раз я увидел в окно, не в окно — так как окна были заделаны щитками, — кого-то из коммунаров и крикнул, что я здесь. Мазурин продолжал ходить к Попову насчет меня. Тот отказывался: Моргачева у нас нет. Наконец Мазурин уличил его во лжи, но был арестован и затем осужден. Один раз меня выпустили в уборную. Возвращаясь, я в конце коридора увидел: сидят арестованные из коммуны: Клементий Красковский и из общины Василий Матвеевич, Иоанн и Эммануил. Я, пройдя мимо своей камеры, прошел к друзьям, поздоровался за руки и сел рядом. Дежурный кричит: «Иди сюда!» Я ответил ему: «Не пойду от друзей». Охранник был здоровенный мужчина, подошел ко мне, взял за шею и так сжал, что я стал обезволен собой, подвел к камере и так пихнул, что я на животе просунулся до противоположной стены камеры по полу и не смог сразу подняться, все было больно, а особенно шею.

Прошло около двух месяцев со дня моего ареста. Вызывает следователь и говорит: «Мы вас отпускаем, выяснили, что трубы

были куплены правильно, но ты дашь подписку нам, что ты никому не расскажешь, о чем мы здесь говорили». Подписки я никакой не дал. — Ну, смотри, запомни и молчи. — Я понял, что трубы были только предлог, а просто им надо было найти человека, который бы давал им тайно сведения о коммуне.

Пришел я в коммуну вечером и вечером же состоялось общее собрание, где я доложил, о чем меня спрашивали и что мне обещали, чтобы я дал согласие разговаривать с ними и чтобы об этом никому не рассказывал. Я сказал, что об этом надо всегда помнить, еще многие могут там побывать, но надо вести себя всегда честно перед друзьями.

И я опять приступил к своим обязанностям. Как-то во время уборки хлебов я пришел из города в коммуну. Косили лобогрейкой. Нож срезает солому на площадку, а сидящий на сиденье человек сбрасывает скошенное на землю вилами. Работа эта очень тяжелая. Я сел и стал скидывать и едва смог пройти круг. Действительно, название «лобогрейка» дано правильно. Приехав в город, я пошел в сельхозснаб. Там были две жнейки-самосброски. Я их взял и отправил в коммуну без согласия совета коммуны, хотя я сам был членом совета, но ведь я был один. Через два-три дня мне передают из коммуны благодарность за самосброски, а лобогрейки пошли на отдых, а главное, — люди получили облегчение от этого тяжелого труда.

Я уже сказал, что питание было общим — вегетарианское. Построили мы большую столовую и кухню при ней. Многие семейные брали обеды на дом, некоторые питались в столовой. Допускалось в коммуне брать сухим пайком и дома готовить для себя, но таких желающих почти не было, так как все были загружены работой: и мужчины, и женщины, и подростки, так что еще дома возиться со стряпней никому не хотелось. Работать приходилось много, ведь коммуна строилась на новом месте, от государства никаких ссуд не получала, все делалось своими силами и средствами. Поэтому сухой паек брали некоторые лишь в выходной день — воскресенье, если какая хозяйка хотела что-нибудь сварить и приготовить по-своему.

В воскресенье, особенно летом, в коммуну собирались ото всех групп, разных течений, в бедной, но чистой одежде, особенно молодежь — цветущая, как алтайские горные цветы. Собирались и пели каждая группа свои любимые стихи или песни. Были и общие всем группам песни, которые пелись сообща. Настроение было у всех праздничное, радостное. Старики беседовали о своих делах. Молодежь шла гулять на берег Томи и в горы. В годы 1931-32-33 даже субботники из «Мирного пахаря»

приходили в воскресенье. В коммуне были и русские, и украинцы, и белорусы, поляки, евреи, немцы. По религиозному направлению — последователи Толстого, были и из субботников, молочкан, добролюбовцев, малеванцев, баптистов, но не узко сектантского направления, а уже охваченные свободным духом Толстого. В коммуне несколько семей субботников не работали по субботам, их подменяли, а они, в свою очередь, подменяли тех, кто не работал в воскресенье, так что и здесь при разумном и терпимом отношении находился общий язык.

По мере совместного труда и жизни стали возникать новые вопросы, связанные с убеждениями. Создалась группа ручников, которые не хотели эксплуатировать труд животных как рабочей скот-силы, а также пользоваться молочным скотом, считая, что молоко принадлежит детенышам коровы, а лошадь должна быть свободна. И эта группа просила дать им возможность заниматься ручным земледелием, с лопатой и мотыгой. После обсуждения и критики этого вопроса коммуна дала им возможность быть ручниками в летнее время, а зимой работать на общих работах в коммуне, и чтобы они обеспечивали себя продовольствием. /.../

С одной стороны, ручное земледелие в наш машинный век кажется неразумным и даже диким, а на самом деле, это, если разобраться глубже, — и разумно, и нравственно, честно и благородно. Наши ручники наглядно показали, что это вполне осуществимо, когда они обрабатывали по 5-7 соток зерновых и овощных культур. Получали они с сотки по 8-10 пудов пшеницы, и кроме своего пропитания, были еще и излишки. Но при современном государственном устройстве это невозможно допустить (ручное земледелие), теперь машинная обработка, и на одного рабочего приходится несколько сот иждивенцев, протягивающих руки за хлебом, овощами, фруктами, мясом, молоком, яйцами. Ручное земледелие возможно, когда каждый человек сам несет свою долю крестьянского труда.

Я был уже в коммуне, а семья моя находилась на родине, где создалась наша первая коммуна когда-то. В июне 1931 года я выехал за семьей. Ехать нужно было через Москву, и Совет коммуны дал мне несколько поручений. Часть членов коммуны, прибывших из Киргизии, были там лишены гражданских прав. Коммуна ходатайствовала за них, указывая на незаконность лишения их прав, так как они не были эксплуататорами. Прибыл я в Москву и пошел к В.Г. Черткову. У меня было еще словесное поручение — выяснить, нельзя ли будет нам переселиться из пределов страны, не помню точно, куда предполагалось, кажется, на какой-то остров.

Владимир Григорьевич договорился с заместителем М.И. Калинина — Смидовичем Петром Гермогеновичем, в какой день он нас примет, и в назначенный день я, Дима Чертков и Вася Шершенев пришли в приемную Калинина. У Калинина и Смидовича был один секретарь между двух кабинетов. Всего в приемной Калинина было 18 кабинетов, где принимали крестьян с просьбами и ходатайствами по всем делам, и сами секретари решали от имени Калинина, куда направлять просителей. Кабинет Калинина был на втором этаже и туда пропускали по пропускам. Нас пропустили, сидим в секретарской в ожидании Смидовича. Заходит М.И. Калинин, я его не знал. Все встали и сказали: «Здравствуйте, Михаил Иванович!» И я встал, я понял, кто это. Калинин — небольшой старичок, очень схожий со своими портретами. Он, обойдя секретаря, зашел в левый кабинет. Через несколько минут приходит человек и спрашивает: «Пришел ли Михаил Иванович? Мне надо к нему». Секретарша отвечает: «Сейчас доложу». А этот человек говорит: «Он вчера давал мне поручение, и мне нужно с ним поговорить». — «Нет, я спрошу», — и секретарша пошла в кабинет Калинина, тут же вышла: «Нет, Михаил Иванович не может вас принять». Человек пожал плечами: «Тогда передайте ему эту папку». Тут я подумал: «Как крестьяне ездили к Калинину, когда он не принял, по-видимому, члена правительства?»

Наконец, пришел Смидович, позвал нас к себе в кабинет. Он сам закрыл дверь на крючок и поставил ширму; он сел и посадил нас. Начался разговор. Я подал ему ходатайство коммуны о восстановлении лишенных избирательных прав. Он прочитал и сказал: «Это очень плохо, не наши люди». Долго мы говорили об этом. Наконец, Смидович сказал: «Я поговорю об этом с товарищами, а вы через несколько дней наведаетесь». Потом он попросил, чтобы нам принесли по стакану чая и какую-то еду. Тут мы ему помянули о переселении за границу, на остров. Он посмотрел на нас удивленно и сказал: «Нет, друзья, этого мы не разрешим, да и я не могу поставить этот вопрос перед своими товарищами. Там безработица, а у нас нужны рабочие, так что живите на своем месте и будьте примером коммунистической, общественной жизни в нашей стране». /.../

Перед поездкой за семьей на родину было получено мною письмо от жены, что на мое имя пришел какой-то большой пакет, но сельсовет его не отдает, да еще что-то ругает меня. Пакет этот был — переселенческие документы от Наркомзема моей семье на переезд по железной дороге по льготному, переселенческому тарифу в Западно-Сибирский край, до ст. Новокуз-

нецк. Документы сельсовет не отдал жене. Я рассказал об этом Владимиру Григорьевичу. Он мне советовал не ехать за семьей самому, время такое безответственное, и могут меня посадить. Пиши, мол, ей, чтобы она сама с детьми ехала сюда, в Москву. Но я не послушался его, говоря, что я никому не покажусь. Владимир Григорьевич был даже недоволен, что я поехал. От Москвы 400 км, приехал на станцию Тербуны перед вечером, до дома 7-8 километров пошел пешком по полевой дороге. В моем доме жил один коммунист. Иду по своему саду, уже было почти темно, а жена коммуниста увидела меня. Поздоровались. На следующий день быстро собрали свое незначительное имущество, постель отвез на станцию и сдал в багаж до Москвы. Это было в начале июля, и я со своей семьей пошел в сарай спать. Мы с женой долго разговаривали о Сибири, о коммуне. Уже под утро заходят несколько человек с председателем сельсовета. Арестовали меня и хотели забрать оставшееся барахлишко, но мы его успели уже сдать в багаж. Повезли меня в село Бурдино, поместили в церковную караулку. Предположение Черткова оправдалось. Сельсовет находился рядом с домом дьячка. На этот день было намечено общее собрание села Бурдино. Слух о моем аресте быстро облетел все село. Знакомые и друзья стали собираться в караулку ко мне. Я шутя всем отвечал: «Я приехал сюда, чтобы получить часть имущества церкви, ведь я много лет сюда подавал». Потом говорили о Сибири, о коммуне. Караулка переполнилась народом, потом пришел председатель сельсовета и сказал, чтобы шли на собрание, а меня охранять поставили молодого парня, чудачка. Часам к одиннадцати пришел мой сын Ваня, принес мне завтракать, вареных яиц, я немного позавтракал и предложил поесть моему караульному, а сам вышел. Обошел вокруг церкви, в церковной ограде было кладбище, где похоронены мои родители: отец, мать, дедушка и бабушка. Обошел их могилы, постоял около могилы матери. Потом подошел к кирпичной ограде. Посмотрел: на дороге никого нет, и тут же сразу созрела мысль — уйти. Перепрыгнул через стену, перешел дорогу, спустился в ложок к кузнице, а там уже прибавил шагу, свернул на огороды, засеянные хлебом и коноплей, и бегом, пригнувшись, добежал до лесу и в лес. Я ушел уже около двух километров, и тут услышал крик и смех всего общего собрания: «Лови, лови его!» Но теперь было уже поздно ловить меня. Да и где ловить? Ведь никто не видел, куда я ушел. Мой сторож подождал меня, а потом видит — меня нет, пошел и заявил всему собранию, что я убежал. Тут-то все собравшиеся и закричали и засмеялись.

Прошел я по лесу километров пять, в место против нашего поселка, но до него тоже было километров пять. Стало темнеть, и я пошел напрямик по хлебам. Пришел уже в темноте. Убедившись, что здесь тихо, показался жене, а сам пошел спать в несконченную рожь, провел там ночь и заболел животом. Пришла жена, а я умираю от боли, она все плакала; я провел там весь день на жаре, а вечером кое-как добрался до друга, бывшего нашего коммунара Ульщина Петра Васильевича, нашего тракториста. Попил чаю с вареньем и мне стало легче, тут я поспал и совсем стало хорошо. Тем временем мой сын Ваня принес мне в церковную караулку обед, а меня там уже нет. И его посадили: где отец? А он и сам не знает. Подержали мальчика до вечера и отпустили.

Я был в трудном положении: дом занят, какие были вещицы, отправили в Москву. Куда могла деться жена с шестью детьми, из которых только один был уже взрослым — Тима. Он видел все: и как за мной приезжали, но не показывался; дело было бы еще хуже, если бы взяли обоих, и он скрывался.

Надо было всем уезжать. Хотя лошади теперь были все колхозные, но люди-то были свои, дали лошадь, и сестра довезла мою семью до ст. Тербуны. Взяли билеты, но не на тот поезд, который шел без пересадки до Москвы, среди дня. Районное начальство знало меня и ненавидело, и часто приходило к этому поезду, а потому мы взяли билеты на поезд, отходящий утром, с пересадкой в Ельце. Жена с детьми садилась с перрона, а я стоял около церкви с другой стороны поезда, метрах в сорока от линии. И когда поезд дал второй звонок, я бегом к поезду и прицепился с другой стороны, в вагон взошел уже на ходу. В Ельце пересели на другой поезд на Москву через станцию «Лев Толстой» и благополучно доехали.

На следующий день я уже один пришел в приемную Калинина к Смидовичу за результатом о восстановлении лишенных прав голоса, а также и о себе. Меня долго не пропускали на второй этаж без пропуска. Охрана говорила: возьми пропуск у кого-либо из секретарей. И началось хождение по секретарям, никто не дает пропуска и никто не хочет позвонить к секретарю Смидовича, который знает, что я должен зайти. Наконец один все же позвонил. Секретарь Смидовича приказал дать пропуск, и я прошел к Смидовичу. Я захожу, поздоровался. — Садитесь, — Петр Гермогенович стал задавать мне вопросы о месте расположения коммуны. Я объяснил: место горное, отроги Алтая, есть и лес, и сенокосы. Поселок почти рядом с берегом реки Томи, под горами. Коммуна почти на 20 км выше по реке

Томи от Старокузнецка. Народу прибывает все больше со всех концов Союза. Строим своими силами дома и скотные дворы. Покупаем рабочий скот. Одним словом, оснащаемся основательно.

— Это хорошо, — сказал Смидович и далее спросил: — Как далеко от вас строится завод? Не просится ли в вашу коммуну местное население?

Я отвечал, что завод от нас строится в 25 км, а из местного населения пока еще никто не просится к нам.

Наконец он говорит мне:

— Ваше ходатайство о восстановлении в правах граждан членов коммуны я согласовал с товарищами, они дали согласие просьбу удовлетворить, о чем вам будет письменно уведомлено.

Смидович был в хорошем расположении духа и много интересовался коммуной. А когда я доложил о себе, что в мое отсутствие меня лишили избирательных прав, как сектанта-толстовца, Смидович сразу же сменил свое настроение и нахмурился:

— Это дело хуже, — сказал он.

Я объясняю ему свое положение, что я раньше с рабочей дружиной уехал в коммуну, а теперь приехал за семьей. Семья уже в Москве. Взгляды Толстого я разделяю с 1915 года. Работал у себя в селе по кооперации. Организовал у себя коммуну в 1922-23-24 годах, которая впоследствии перешла на устав артели, первой в нашем Елецком районе.

Смидович задавал мне много вопросов. Наконец сказал:

— Я даю тебе отношение в Моссовет, чтобы тебе выдали переселенческие документы и билеты.

Я поблагодарил его. Смидович на прощанье сказал:

— Желаю вам успеха в строительстве новой общественной формы жизни — коммунистической.

Я вышел от него в радостном настроении, был рад и за себя, и за других.

На другой день братья Алексеевы — Петя и Илюша, съездили за моим багажом. Съездили со мной в Моссовет — получить документы и проездной билет, книжечку, куда были вписаны я и вся моя семья и еще несколько человек, ехавших в коммуну.

В июле 1931 года мы приехали в коммуну. Мне выделили маленький домик, бывшую баньку, где я прожил до 1936 года, а семья до 1947 года. Я опять приступил к строительству жилых и хозяйственных построек, а сын Тимофей пошел в полеводческую бригаду.

Я уже говорил, что у нас была своя школа со своими учителями. Я не учитель, и не могу как следует рассказать о ра-

боте школы. Надеюсь, это сделают те из учителей, которые еще живы. Помню, что за школу судили заведующую школой Анну Степановну Малород и членов совета: Блинова Савву, Гурина Гришу, Клементия Красковского и еще нескольких. Помню, когда их судили и отобрали у нас здание школы, я на собрании коммуны с представителями гороно выступил, что если отобрали школу, мы будем заниматься в каком-либо жилом доме. Представители гороно сказали: мы и дом отберем, а я сказал: «До последнего дома будем отдавать под школу, но в вашу государственную школу мы своих детей не пошлем». Это мое выступление служило обвинением на обоих судах в 1936 и 1940 годах.

В 1933 году часть членов коммуны выделилась из состава коммуны и создала сельскохозяйственную артель «Сеятель». /.../ Этим выбывшим людям хотелось жить материально выше, чем мы жили в коммуне, так как у нас в коммуне было много инвалидов, стариков, вдов с детьми и многодетных. Но всех постигла одна и та же участь: в 1937-38 годах было арестовано много мужчин и женщин, как членов коммуны, так и членов артели, и почти все они там погибли.

/.../

Еще о чувстве собственности. Да, уважаемый читатель, трудно и очень трудно, и много надо мышления: обдуманно отказаться от личной собственности природному крестьянину: Когда его гнут и отбирают скот и другое имущество, он кричит и молчит. А когда он приехал в коммуну добровольно и сдал имущество свое не бесплатно, а по оценке, то жалко, и некоторым кажется, что лучше вернуться на родину. И он подает заявление о выходе. Коммуна рассчитывается с ним деньгами (натурой коммуна никому не возвращала), приезжает тот на родину и видит, что делается на родине: жить индивидуально невозможно, — и поворачивает обратно в коммуну. Прокатал все средства. Подает заявление о приеме обратно в коммуну, вторично. Просит, чуть не плачет: примите, это была моя ошибка большая, что я уезжал. Вот такие-то люди не составляли крепости алмаза, а были слабым песчаником, но коммуна принимала их обратно в свою семью. Личная собственность во многих семьях была причиной раздора, даже у единомышленников Льва Толстого. Он хочет с радостью вступить в коммуну, а жена его и слушать не хочет о коммуне, и начинается крик и плач. Но у нас не то, что коллективизация, а дело свободное. Но ввиду такого раздора в семье многие убежденные люди все сомневались, надо ли идти наперекор жене в коммуну. Правда, многие жены соглашались ехать в чужую страну, в далекий край, к

единомышленникам не ее, а мужа, приезжали не по сознанию, а по нужде. Вот из таких-то и образовались шептуны, т.е. недовольные не собой, а другими.

Я, Моргачев, по роду своей работы снабжения до 1934 года жил большую часть в городе, но я интересовался и жил коммуной и знал все, что в ней делается: сколько и чего посеяно, скошено, убрано, намолочено, сложено стогов сена, что построено и что намечено сделать. Но многие, особенно женщины, не знали ничего, их не интересовало это, они жили не как хозяева, а как рабочие: работали честно и всё.

Но известно, что трудовая жизнь, производственная и общественная не идут сами собой, а требуют большого внимания и труда. И этот тяжелый труд добровольно брали на свои плечи, руки и ум те, которых я выше назвал — крепкие, как алмаз, сильные духовно и физически. Порой более слабые, не понимающие искренних и честных стремлений к новой жизни, роптали на тех, кто отдавал бескорыстно все свои силы большой семье коммуны, но, несмотря на многие слабости некоторых членов коммуны, все же меня радовала новая жизнь, без частной собственности, где уживались и более слабые, и более сильные духовно.

Проработал я три с лишним года по сбыту и снабжению. Устал и надоело, попросил смены. Совет коммуны согласился при условии ознакомить с этой работой новых товарищей — Бормотова Васю и Иванова Егора. Я их ознакомил со всеми учреждениями и предприятиями и отдельными лицами, с которыми имел связь. А сам принял пасеку и приступил к новой работе — интересной, на лоне природы. Пасеку я перевел в лог против поселка барабинцев и работал в уединении.

Летом, наверное, в 1935 году, вечером я пришел в коммуну, а жена говорит, что все члены совета арестованы, спрашивали и меня. Я говорю жене: «Я туда сейчас не пойду, до утра». Вдруг дверь отворяется и входит председатель Блинов и говорит: «Следователь просит и меня прийти, и тогда он всех нас распустит до утра». Ну, я согласился, и пошли вместе к следователю. Было часов 11-12 ночи. Когда я пришел, следователь и говорит:

— Ну вот, теперь все собрались, сейчас я от всех вас возьму расписку, что явитесь утром к девяти часам, а сейчас пойдете по домам.

Стали подписываться, но когда очередь дошла до меня, я отказался: «Может, я до утра помру, поэтому никаких обещаний не даю вперед, но я никуда не уйду и скрываться не буду». Отка-

зались дать подписку еще: Вася Бормотов и Вася Кирин. Следователь начал волноваться и говорит: «Я вас сейчас отправлю в тюрьму». Тогда Бормотов и Кирин подписались, а меня ночью отправили в тюрьму с милиционером в Сталинск, в ОГПУ, но там меня не приняли: не было письменной причины о моем аресте. Тогда меня повезли в тюрьму. Там, конечно, приняли. Марьяна все же успела дать мне большую булку хлеба. Надзиратель говорит: «Оставь булку здесь, а то в камере ее сразу съедят». Я хлеб оставил. Хотя дело было к утру, но меня отвели в камеру. Дверь открылась и закрылась. Народу было около 30 человек. Несколько человек сразу подходят ко мне:

— За что посадили?

— Есть ли у тебя хлеб?

— Есть, но я оставил его в дежурке.

— Проси.

Я постучал. Подходит дежурный:

— Что надо?

— Подайте мой хлеб.

— Зачем?

— Я есть хочу.

Хлеб принесли. Я отдал его своим новым товарищам, они его немедленно разрезали и поделили, и мне дали пайку. Дня через три меня повели на допрос в ОГПУ. Тот самый следователь говорит мне:

— Ты должен быть в числе обвиняемых, как член совета, но мы решили — ты будешь свидетелем. Ты хорошо знаешь председателя?

— Хорошо, — отвечаю.

— Ну, расскажи, как он работает и кто к нему ездит в гости?

Я отвечаю:

— Вы сами у него спросите. Он не уполномочивал меня говорить за него, а также ни о ком из членов совета я говорить не буду.

Разговор был долгий:

— О своей работе я могу все рассказать.

— О твоей работе мы сами все знаем.

Он пугал меня судом и тюрьмой, а потом достал книжечку — кодекс законов, и зачитал мне:

— За отказ дать показания судебным и следственным властям подвергается тюремному заключению сроком от трех до шести месяцев. Понял?

— Понял, — говорю, а сам просто обрадовался, что срок небольшой, отсиджу, а ни о ком ничего говорить не буду.

Следователь написал протокол, а я его подписывать не стал. Меня опять в камеру, в тюрьму. Дня через два опять к следователю, и я опять не подписываю протокол; тогда какие-то два человека заверили мой отказ от подписи и подписались сами. Раза два или три меня вызывали по этому делу в суд, но я не являлся, — тем дело и кончилось. А членов совета — кого и на сколько осудили, я уже не помню.

Конечно, моя жизнь в нашей сибирской коммуне «на Алтае», как мы говорили, гораздо сложнее и шире, чем я это смог отразить в своих записках, но ведь прошло с тех пор скоро уже 40 лет. В мае 1936 года меня насильственно взяли из коммуны и мне больше не пришлось в ней жить, потому что и ее не стало: не потому, что она изжила сама себя, а это было извне.

Дальше буду продолжать об арестах, тюрьмах, лагерях, о переживаниях в неволе.

***К ИСТОРИИ
ОБЩЕСТВЕННОЙ
БОРЬБЫ***

ИЗ ПИСЕМ ЗИНАИДЫ ГИППИУС

Публикация В.Аллоя

Помещаемое ниже письмо Зинаиды Николаевны Гиппиус к Д.В. Философому датировано 17 октября 1905 года. Карандашная пометка на полях первой страницы текста уточняет момент написания: «за час до Манифеста», — словно подчеркивая поразительное несоответствие авторских мыслей общему «духу времени». Для большей части интеллигенции вторая половина 1905 года — «весна надежд», воплощение давней мечты, исполнение пророчеств. Так воспринимают ее не одни лишь социалисты, но все либеральное общество, в той или иной мере сочувствовавшее революционным идеалам. «Идем в открытый бой с драконом, и да укрепит Бог наши слабые силы!» — писал уже после объявления Манифеста С.Н. Булгаков¹.

Для Гиппиус те же месяцы становятся временем глубокого кризиса, переосмысления опыта последних лет, осознания того, что впоследствии она назовет «первым уроком общественности»². Таких уроков будет еще немало. Первый — длился два года и был неразрывно связан с детищем Мережковских — журналом «Новый путь», и сменившими его «Вопросами жизни». Судьба обоих изданий во многом повторила судьбу их участников: религиозно-философский поиск, увлечение социальными проблемами, попытка мистического и эстетического оправдания революции, и как следствие — духовный кризис, приведший большинство авторов к окончательному отказу от позитивизма.

Возникнув в конце 1902 года как продолжение Петербургских религиозно-философских собраний, «Новый путь», по замыслу его основателей, должен был носить не столько художественно-литературный,

¹ Письмо С.Н. Булгакова к А.С. Волжскому (Глинке) от 27.10.1905. ЦГАЛИ, ф.142, ед. хр.198, оп.1, л.15.

² З.Гиппиус-Мережковская. *ДМИТРИЙ МЕРЕЖКОВСКИЙ*. Париж, YMCA-Press, 1951, с.139.

сколько мистическо-религиозный характер, отличаясь этим от многочисленных журналов того времени. Но уже очень скоро на материалах и направлении его начинают все заметнее сказываться общественное брожение и полевение читательских вкусов. К началу 1904 года социальная актуализация «Нового пути» вылилась в первый редакционный кризис. В апреле журнал покидает его секретарь (бывший секретарь религиозно-философских собраний) Е.А. Егоров. К лету окончательно уходит П.П. Перцов, номинально занимавший должность главного редактора. Его обязанности принимает Д.В. Философов, а на место секретаря Мережковские, по совету В.Я. Брюсова, приглашают Георгия Чулкова, только что появившегося в Петербурге после ссылки. Характеризуя нового знакомого, Гиппиус сообщает 9 марта 1904 г. Перцову: «Он бывший студент, поживший в Иркутске, теперь в Нижнем, пишет в "Нижегородском/ листке", был очень хорош с кружком Горького и Андреева, теперь принципиально разошелся; /.../ сам он далеко не без таланта, либерало-декадент, подающий надежды на новое, крайне тянущийся к "Новому пути". Человек деятельный, неприхотливый /.../ и во всяком случае литератор. Нам он очень понравился»³. Впоследствии она описывает Чулкова несколько иначе, и восторг уступает место откровенной иронии: «...тут недавно появился в Петербурге молодой человек, кажется, когда-то политический "пострадавший", вряд ли особенно, поэт, т.е. стихотворец, и чрезвычайно бурного темперамента: характерная его строчка была: "Я хочу и я буду кричать!" /.../ Мы нашли, что какой он ни на есть, в секретари журнала, пожалуй, и пригоден. Он на такое предложение с удовольствием согласился»⁴.

Появление Чулкова в «Новом пути» стало переломным в судьбе журнала. Оно способствовало его резкой радикализации, предопределило разрыв с Перцовым, приход целого ряда новых сотрудников и авторов, все более откровенные симпатии к русским социал-демократам, учению которых, на взгляд новопутейцев, недоставало лишь духовного измерения. Сам Г.И. Чулков выражал свое отношение к ним предельно ясно: «Для нас равно ненавистны как нагло торжествующие "охранители", так и те "либералы", которые стремятся скрыть за почтенными идеалами свою духовную нищету. Мы приветствуем историческое движение, которое, не удовлетворяясь старыми общественно-материальными отношениями, ищет иных социальных форм. Представители этого движения, сами того не подозревая, являются нашими союзниками в деле обновления жизни»⁵. Если и не все сотрудники журнала согласились бы подписаться под этой декларацией, то бесспорно, что симпатии их в то время были все же на стороне марксистов. Даже В.В. Розанов, ведущий в «Новом пути» особый раздел «В своем углу», встает на их защиту в полемике с церковными консерваторами: «"Экономический матери-

³ Архив П.П. Перцова. Цит. по: Д.Максимов. «*НОВЫЙ ПУТЬ*». — В кн.: В.Евгеньев-Максимов, Д.Максимов. *ИЗ ПРОШЛОГО РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ*. Статьи и материалы. Л., 1930, с.160.

⁴ З.Гиппиус-Мережковская, ук. соч., с.142.

⁵ «Новый путь», 1904, №7, с.240. (Чулков выступает под псевд. Б.Кремнев).

лизм“: да неужели *серьезно* выражают его полунинские студенты, толкующие по Марксу о немецких богатствах, а не гг. ”духовные“, которые ухитрились даже в центре гробов, даже перед рыдающими о покойниках родителями, поставить к о н т р о л л е р а»⁶.

Стремление к актуализации вынуждало создателей журнала искать прямого выхода в социально-политическую сферу. С момента его основания литературные разделы «Нового пути» вела З.Гиппиус, идеологические — Д.Мережковский. Теперь этого становилось явно недостаточно. Впоследствии Гиппиус вспоминала: «Где искать людей, которые могли бы поставить и вести журнал в области общественно-политической? Таких притом, с какими наш журнал не утерял бы совершенно и окончательно первоначального своего облика и главного задания. Кроме группы ”идеалистов“ (бывших марксистов) не было никого. /.../ И Философов придумал послать нового секретаря, Георгия Чулкова, к этой группе для переговоров: не найдут ли они для себя возможным соединиться с нами для общего ведения журнала ”Новый путь“? /.../ Миссия удалась, и с книжек осенних политическая часть уже находилась в руках С.Булгакова и ”людей иже с ним“»⁷. Сами идеалисты воспринимали этот союз несколько иначе. Вспоминая о тех днях, Н.А. Бердяев писал: «Осенью 1904 г. я переехал в Петербург для редактирования нового журнала. /.../ План нового журнала был выработан С.Н. Булгаковым и мной. Решено было воспользоваться существующим уже журналом ”Новый путь“, введя в него новые элементы и преобразовав его. И в группе ”Нового пути“ и в группе ”идеалистов“ /.../ были религиозные искания, но в ”Новом пути“ ориентация была главным образом литературная, у нас же, главным образом, философская и общественная»⁸. А Ремизов, который в конце 1904 года ведет переговоры с Бердяевым и Чулковым о своем устройстве в Петербурге⁹, уже и вовсе убежден, что едет в их журнал.

Редакционная перестройка, появление совершенно новых сотрудников и авторов, многие из которых принадлежали к радикалам-освободенцам и к социал-демократам, — приводили ко все большему перевесу общественно-политической тематики над религиозно-философской. Пути основателей журнала и «новоприбывших» явно начинали расходиться. Первые мечтали о «религиозной общественности», вторые стремились «выразить кризис мирозерцания интеллигенции, духовные искания того

---

⁶ ОТВЕТ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНИЯ РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ДУХЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ, о.Ф.ОРНАТСКОМУ. — Цит. по кн.: В.Розанов. *ОКОЛО ЦЕРКОВНЫХ СТЕН*, т.1, СПб, 1906, с.320.

⁷ З.Гиппиус-Мережковская, ук. соч., с.142-143. Бердяев и Булгаков уже весной 1904 пытались начать, совместно с Н.О. Лосским и С.Н. Трубецким, общественно-философский журнал «Вопросы жизни», но летом В.М. Саблин отказался финансировать издание. Предложение новопутейцев подоспело как раз в это время.

⁸ Н.Бердяев. *САМОПОЗНАНИЕ. (Опыт философской автобиографии)*. Париж, YMCA-Press, 1949, с.147-148.

⁹ Начались переговоры еще в окт. 1904 в Киеве. С Бердяевым А.М. Ремизов познакомился в 1902 в Вологде, где оба находились в ссылке. Кроме них, там отбывали ссылку А.А. Богданов, А.В. Луначарский, Б.В. Савинков, П.Е. Щеголев.

времени /.../ и соединить это с /.../ политикой левого крыла "Союза освобождения" с участием более свободных социал-демократов»¹⁰. Трения усиливались, размолвки и недоразумения возникали все чаще. «В редакции Нов/ого/ пути, в Саперном переулке, повеяло иным воздухом, сказать по правде — как бы чужим, да и люди, которых привели с собой главные "идеалисты" — Штильман и др. — тоже казались нам чужими. Розанов совсем скис и в редакцию почти не приходил»¹¹, — вспоминала Гиппиус. Мережковские и Философов все больше отдалялись от собственного журнала, группа Булгакова-Бердяева все полноправнее устраивалась в нем. Чулков давно уже полностью встал на сторону идеалистов.

В конце концов двусмысленность положения стала нестерпимой для обеих сторон. После долгих переговоров было решено, что журнал меняет название, руководство в нем переходит к Булгакову и Бердяеву, литературный раздел возглавит Чулков, а состав «Нового пути» автоматически вольется в число сотрудников «Вопросов жизни». Вспоминая об этом мучительном для всех периоде, С.Н. Булгаков писал летом 1905 года: «У меня, чем дальше, тем больше, — обостряется чувство виновности за хамский, хотя и непредотвратимый поступок наш с ними. О Дм/итрии/ Вл/адимировиче/ я без боли не могу вспоминать, и теперь только соображаю, как много они должны были перестрадать»¹².

Однако до окончательного разрыва дело все-таки не дошло, тем более, что события 1905 года оттесняли разногласия на второй план. Сохранялись личные отношения, продолжалась дружба и бесконечные философско-политические споры с Бердяевым. Внутри самого «тройственного союза» — Гиппиус, Мережковский, Философов, — такие споры велись постоянно. Самые радикальные позиции защищал Философов, огулом отрицавший самодержавие и высказывавший взгляды, близкие к христианскому социализму. Промежуточное положение занимала Гиппиус. Мережковский считался «консерватором», но после 9 января и он признал, что «самодержавие — от Антихриста». Эволюция его взглядов в тот период видна из составленного им в 1905 году «Воззвания к Церкви»:

«Ныне, когда порвана всякая связь Царя с народом, когда самодержец, принявший вместе с помазанием от Церкви обязанность служить народу, окончательно сию обязанность нарушил, когда не услышан Им голос народа, требовавший ближайшего участия в правлении как единственного спасения России от неминуемой гибели, когда все обещания правительства оказываются обманом, так что все, что дается им, тотчас же отнимается, когда власть самодержавная поддерживается лишь диким и грубым военным насилием и попранием всех законов, Божеских и человеческих, когда предстоит такая кровавая смута, о коей и помыслить страшно, ныне мы, собравшиеся в Петербурге в от-

¹⁰ Н. Бердяев, ук. соч., с. 148-149.

¹¹ З. Гиппиус-Мережковская, ук. соч., с. 143.

¹² Письмо С.Н. Булгакова к А.С. Глинке (Волжскому) от 29.07.1905. ЦГАЛИ, ф. 142, ед. хр. 198, оп. 1, л. 5.

крытом собрании (и объединенные) священники и миряне, признаем самодержавное правительство отступившим от духа Христова, духа любви и свободы и, следовательно, навсегда лишившимся благословения Церкви православной.

Мы взываем к Истинной, Святой, Соборной Апостольской Церкви, да возвысит она свой голос в голосе своих верховных святителей, пастырей, учителей и всех христиан православных, да произнесет безбоязненно перед лицом всей России свой суд над самодержавием как над врагом Церкви и народа. Да словит всех русских людей на великий и святой подвиг освобождения, на мученическое пролитие не чужой, а своей крови за великое дело свободы народной. /.../»

Здесь виден уже не только призыв к революции, но попытка религиозно-мистического ее оправдания.

По существу, это воззвание стало апогеем «революционной деятельности» Мережковских. Слом наступает осенью, когда после путешествия в Константинополь и отдыха в Кобринно они возвращаются в бурлящий Петербург. Банкетная кампания в разгаре; на улицах города беспокойно, непрерывно проходят демонстрации и митинги, завершившиеся грандиозной всероссийской стачкой; появилось множество новых газет, по большей части радикального направления. Все окончательно смешалось, и отличить за банкетным столом мистических анархистов от христианских социалистов и радикалов-освободителей от внефракционных социал-демократов становится все труднее. Н.М. Минский (Виленин), поэт-символист, мистик и недавно еще активный участник «Нового пути», оказывается в большевистской «Новой жизни»; А.В. Карташев — богослов и сотрудник «Вопросов жизни» — выступает адептом ленинской газеты и социал-демократической твердости...

Происходящее вокруг Гиппиус воспринимает с изрядной долей скепсиса. Для нее, как и для Мережковского, с их все растущим неприятием марксизма, его теории и методов борьбы, — социал-демократы как союзники были уже неприемлемы. Но союзников не было пока и среди других партий (сближение с эсерами наступит позднее — в Париже).

Катастрофическим становится и положение «Вопросов жизни». Журнал неудержимо катится в финансовую пропасть, и надежд спасти его практически уже нет. «Литературные дела наши окончательно расстроились, — жалуется в декабре С.Булгаков. — "Вопросы жизни" окончательно разложились. Д.Е. [Жуковский, издатель журнала. — Публ.], почувствовавший к нам со времени возвращения Струве род безразличного презрения и раздражения за понесенные убытки, не хочет издать даже декабрьскую книжку. Денег, конечно, не достали, до "Вопросов жизни" ли сейчас. Но произошло и окончательное внутреннее разложение»¹³. В начале 1906 Мережковские и Философов, совместно с Бердяевым, предпринимают очередную попытку достать денег для создания

¹³ Письмо С.Н. Булгакова к А.С. Глинке (Волжскому) от 28.12.1905. ЦГАЛИ, ф.142, оп.1, ед. хр.198, л.19.

нового религиозного журнала «Меч», но и она заканчивается провалом. Делать в Петербурге становится практически нечего. А главное — «русская революция, первой (да, пожалуй, и единственной) целью которой было свержение самодержавия — не удалась»¹⁴. По мнению Мережковских, Манифест 17 октября мало что изменил. «Самодержавие осталось во всей силе, — подготовка к Думе его только укрепляла. Всякие "свободы" были пресечены. Общее настроение /.../ было подавленное»¹⁵.

Зима прошла безрадостно. 14 марта Мережковские покидают Петербург и Россию, почти на два с половиной года переселяясь во Францию. Д.В. Философов отправился туда еще раньше...

После смерти З.Н. Гиппиус оригинал публикуемого письма хранился в архиве В.А. Злобина. В настоящее время он находится в частном парижском собрании А.Я. Полонского, которому мы выражаем признательность за предоставление текста для печати.

На первой странице оригинала в левом верхнем углу наискось пометка карандашом: «Писано за час до Манифеста». Письмо печатается по новой орфографии. Пунктуация оригинала сохранена. Слова, подчеркнутые в тексте автором, выделены курсивом.

Понед/ельник/ 17 окт/ября/ 05.

«По делам их
узнаете истину их»

Пожалуйста, прочти внимательно. Благодаря некоторым, быть может и неважным, т.е. не первым, фактам, знания которых, однако, у меня вчера не было, а сегодня есть, фактам, которых я сейчас и назвать не могу (их именно) да и не надо, — благодаря им, все же, — получилась во мне какая-то стройная ясность, и хотелось бы ее запечатлеть, потому что *отсюда* можно перейти к выводам (и для нас, между прочим).

Я буду повторять сейчас старое, давно всем, даже мне в отдельности, известное, при этом буду говорить грубо и резко, потому что мне важны не оттенки и переходы, уклонения и отклонения, так же, как и не что-нибудь в отдельности, а только *общая картина*, несомненная, реальная, действенная, волевая, сознательная, глубоко разумная и разумная (что почти вменяет нам в обязанность отнестись к этой картине, теории, плану — все равно! — тоже и с точки зрения разума, сознания и т.д. Вменяет в

¹⁴ З.Гиппиус-Мережковская, ук. соч., с.146.

¹⁵ Там же.

обязанность, — не только лишь позволяет.) И даже не разумная, как одно из свойств, а ведь и построенная, исходящая из действительно высокого человеческого *разума!*

Не скучай же повторениями, всем для тебя столь знакомым. Если и *вся картина* у тебя уже есть *так же*, как у меня сейчас — (в таком же виде) — то почему у нас до сих пор не сошлись (наши) выводы? Или почему они не ясны?

Эта повелительная, конкретная теория, уже сейчас как бы воплощенная — у социал-демократов. Их подкожное *знание* ее близкой реализации передалось мне. Вот что они делают, думают — и знают, *что это будет.*

Прежде я скажу о их *далеких* целях, так сказать — об их идеале, потому что перейдя к верным реализациям — я до этих идеалов не дойду, запнусь раньше, — все вопросы для меня раньше. Т.е. я уже не так ощущаю там реализацию, как в планах ближайших. (Я сейчас все это пишу абсолютно без всяких рассуждений, без метафизики, совсем иначе, нежели всегда. Под другим углом.) — Итак, наличие *идеала* русских социал-демократов — *всемирность* социальной революции для устранения экономического государства в приближении к системе федеративной. Всеевропейская (кроме Англии) социальная революция даже кажется им если не завтрашним, то послезавтрашним днем. Если хочешь — элемент ощущений, что делается то, «чего никогда не бывало» — присутствует (я это отрицала). «*Мы начинаем новую эру всемирной истории.*» (Франция.) А вот конкретный проспект их завтрашнего дня. Сегодняшняя душа, ее огонь, воля и разум такого действительного деятеля. — Организация их огромна и блестяща. В этом они незыблемо правы, не сомневаюсь более. Забастовку, которая была и начата с мыслью лишь о пробе, они теперь прекратят. В момент известий о Харькове и Потемкине, когда казалось, что проба перешла в действие (перешла черту) — среди организаторов был страх, потому что они знают, что *сейчас* вооруженное восстание преждевременно. К марту, при их громадных средствах и настоящей организации, оно вполне обеспечено, если правительство не задержит движения какими-нибудь уступками. *Всякая уступка для них камень на дороге.* Более же всего замедлить может учредительное собрание, которого они *не* хотят даже и в случае падения правительства. Вот этот пункт их плана очень важен (тут и расхождение с социал-революционерами, к этому я еще вернусь). Вооруженное восстание, произведенное сразу во всех городах (нет никакой причины, что, начатое с такой силой расчета и разумности, оно не удастся) — конечно, заставит сдать теперешнее правительство с

частью войск, той, которая не перейдет. В одно и то же время везде будет учреждено временное правительство «демократической республики» и — вот тут начинается «нечего себя обманывать», и сами социал-демократы тут себя *не* обманывают, а утверждают это с *полным сознанием* — временное правительство это будет совершенно таким же насильническим, «будет держаться силой» с обоих концов: с конца старого правительства и части войск и с конца народа, который соц/иал-/демократы (глубоко разумно и трезво, гораздо трезвее соц/иал-/революционеров) признают некоторым *иксом* и считают, что в момент учреждения временного правительства народ может не быть с ними на одном уровне. И даже наверно не будет, пока кое-чего не переживет. Аграрный вопрос — слабое место соц/иал-/демократов. Но его они решают так. Народ — пока некоторый *икс*, но некоторый. Нет *икса* в первом: народу прежде всего, единственным и главным образом нужна земля. И делить эту землю временное правительство предоставит самим крестьянам, *не вмешиваясь*, предполагая, опять с полным основанием, что тут будет террор и, конечно, почти поголовное вырезывание помещиков. Этот внутренний террор отвлечет крестьян от какой бы то ни было — попытки даже — восстания против временного правительства, которое оно, впрочем, должно иметь силу победить насилем, — ведь оно должно продержаться, а может — только силой. В этом смысле, в это время, оно с полным сознанием признает себя одинаковым со всяким правительством (всеобщая вооруженность, демократическая милиция и т.д.). Предрешенный заранее, разумный, логический, неизбежный *хаос*, длящийся более или менее определенное время. Правительство занято подготовлением учредительного собрания. И, наконец, — (момент созыва учредительного собрания определяется правительством в связи с выяснением положения аграрного вопроса) — наконец общее учредительное собрание, *мирно* вырабатывающее общие коммунистические положения. Забыла сказать, что они, совершенно опять правильно, не боятся буржуазии. — Вот грубая, простая и *незыблемая* схема всего движения, в этих своих грубых чертах непременно должствующая остаться; и для того, чтобы могло реализоваться даже то, что уже реализовано, — она должна была быть создана; и, основанная на разуме, с идеей разума, она, на суде нашего разума, оказывается, в самом деле, *единственно* разумной, т.е. могущей реализоваться. Жизнь за нее — что показывает и преобладание соц/иал-/дем/ократов/ над соц/иал-/революционерами, которые идеализируют по-своему народ и стоят за немедленное учредительное собрание.

С церковью соц/иал-/демократы естественно (и опять разумно) не считаются вовсе, в смысле земель; народу монастырские и церковные имущества предоставляются наравне с помещичьими. На вопрос о христианской религиозности народа соц/иал-/демократы почти не отвечают, вопрос им кажется не очень важным и простым. «Христианство у народа православное, внешнее, традиционно-бессознательное, связанное с идеей самодержавия, которая тоже лишь признак некультурности, и которая теперь очень потрясена у них неудачной войной (быть может, в этом последнем они тоже правы). С идеей свободы, естественно, народ отшатнется от церкви, где с этой идеей ему совершенно нечего делать. Конечно, дело каждой личной совести — его убеждения интимные, культ и т.д. Но *никакая* форма религии, то есть религия с определенным содержанием — *к общественности отношения не имеет*. Возможны частичные, временные бунты народа на почве отживающей религиозной реакции, внешней, христианской бессознательности, граничащей с фетишизмом, — но это неважно, главная масса народа, для которой "земля" сейчас сильнее всякой слезающей религиозной лигатуры, пойдет через эту "землю" к сознанию свободы, а свобода откроет ей уже открытые для интеллигенции и пролетариата пути для бесконечного социального и личного творчества, даже (пусть, конечно, отчего же?) творчества и новой, какой угодно, религии, — ведь будет же расцвет искусства, науки и т.д.»

Знаешь, все это до такой степени стройно, и так исходит из действительности, связано корнями с прошлым и настоящим, сегодняшним, что я думаю — так и будет. В одной точке, в одном моменте у меня есть еще вопрос. Хорошо, народ будет занят пожиранием и раздиранием земли, хорошо, религиозность его внешняя, слабая, спадет с него вместе с идеей самодержавия, хорошо, хорошо; церковь слаба, бездейственна, сотрется; но я хотела бы узнать, прямо *знать*, усчитан ли процент — из народа — тех, которые считают себя христианами помимо идеи самодержавия, христианами с Христом прежде всего, прежде земли? Бросятся ли на эту землю, данную сильным безбожным правительством *все* раскольники, все сектанты без различия? Идея свободы у них (у последних) уже есть, не отнимая Имени. Они верят, что тут нет противоречия, — «Истина сделает вас свободными». Новое правительство не будет им мешать, — но часть обезбоженного народа, — не столкнется ли тут одна часть с другою? Не церковь, пусть, но ведь есть истинно и свободно верующие (+ фанатики, сюда же, — раскольники, с которых не «слезешь» скоро) — не встанут ли они с чувством: «делается неправда»?

«Этот процент сравнительно мал», — отвечают социал-демократы. «И во всяком случае они не ”встанут“, тем менее, чем они более христиане. Конечно, возможно, что у них явится порыв ”пострадать“, они могут ”пойти на смерть“. Это будут, в таком случае, *еще* жертвы, больше ничего».

Но для меня тут все-таки остается некоторое мутное место... — дающее простор многим ярким мыслям, которые я теперь пока оставляю в стороне.

Итак — вот грубая — и детальная картина, которую я принимаю, как без сравнения самую вероятную, — неизбежную. Реальные внутренние последствия (насущенные, каждодневные) такого принятия следующие. (Так как начинается мое реагирование, то я начинаю считаться и с моими *чувствами-со-знанием*, вполне; и принадлежащими, связанными с нами, без исключительно моего личного.)

Дело это такое громадное, такое сложное и великолепно, стройно сцепленное, что в нем нет ни одной детали, которую бы можно было взять *отдельно*. Нет ни одного малого дела, которое можно было бы сделать, не служа всему, не соединяясь с главным, не причащаясь всему, вплоть до насилия пролетарского временного правительства и народного террора. Мало того, если я беру частное нечто, в дело входящее, и *отрываю*, делаю *помимо* цельной этой организации — я ей врежу. Если бы я, скажем, приняла участие в каком-нибудь союзе людей, добивающихся уступок от теперешнего правительства, и помогла бы им этих уступок добиться — чем больше уступок мы бы добились — тем надольше затормозился бы ход действия людей, которые одни *действительно* сделают; ярче: я должна, добиваясь от правительства ну хоть свободы печати, действовать абсолютно не веря в успех, если я верю в социал-демократическую теорию; а если надеяться на успех, то открыто в нее не верить. Или как-то нарочно не смотреть ни туда, ни сюда, не думать ни о возможностях, ни о пользе, ни о прямом вреде. *Не относиться*, в сущности, ни к правительству, ни к социализму, — ни к чему даже с той добросовестной сознательностью, с которой ко всему они относятся. Ты скажешь, конечно! конечно! что и тут я сумела напустить схоластики, ненужной тонкости, арифметичности и теоретизма. Ну, а мне бы еще поучиться теоретизации, тонкой выдержке и арифметичности (это их излюбленное слово!) у социал-демократов, которым ты в реальности не откажешь. Впрочем, слишком ясно. Я вот к чему — хочу или не хочу! — но *должна*, кажется, прийти: независимо от того, могла ли бы я, фактически, принять сейчас какое-нибудь участие в общественной жизни

или не могла (деятельное) — у меня не оказалось бы, все равно, ни волосинки внутренней возможности это сделать. Напротив, я думаю, что фактическая возможность и человеческая способность сделать не хуже других, быть полезной не хуже других в деле, в партии (торжество которой для меня несомненно) — нашлась бы, при желании, хоть завтра. И ведь это осложняется тем, что масса вкрапленных в картину деталей совпадают с желанными для меня! То есть, кроме веры в них, понимания их, принятия их неизбежности и необходимости — мне нужно многое из им нужного! Но *весь путь их и вся эта картина* так мною неприемлема, противна, отвратительна, страшна, — что коснуться к ней (т.е. войти *во всю*) равносильно для меня было бы предательству *моего*. Я приемлю ее, в меру ее величественности, *целиком* как врага. И тут моя честность. Но открыто как врага; веря в него, только в него, — и вредить с полуврагами не стала бы.

Социал-революционеры до времени, до момента торжества временного правительства, могут вполне идти вместе с социал-демократами. У них до этой точки путь абсолютно один, да и дальше, в сущности, один, — направление одно, к югу, скажем, — ну а кто прямее и вернее выберет дорогу — ясно. Для нас не важно.

Если бы *мы* были на той точке нашего развития, на которой сейчас с/оциал-/дем/ократы/ *своего*, — ясно, что сейчас делали бы мы. Но, думаю, не случайно, что это не так. И начало *нашего* действия мне брезжит в исторической точке мутного пятна, о котором я писала выше. Сюда должна врезаться наша нота, как вдруг врезается одна, новая, в гремющий оркестр. Отсюда может ввиться новая мелодия. (Когда говорю «мы» — совсем не разумею *непрерывно* и только нас. Это *мне*, сейчас, все равно.)

Изнемогла, а к последующему еще только перейти надо. Извини, если поскучал над давно известным. Важно к этому известному *относиться* твердо, а не то, что оно известно. Если я что-нибудь не так понимаю — то поговорим, без философии, а конкретно. Очень важно *знать*.

Зина.

Фр/анцузская/ революция — ничего общего!

Главное — *я реально* представила грядущее насильническое (сами говорят) правительство и народный террор и кровь. И то, что это — в плане! Для их истины — такой путь! Это *делать, так* делать — мы не можем физически. Ни шагу *на это* не могу.

ДВА НЕИЗВЕСТНЫХ ПИСЬМА ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА К П.Н. МИЛЮКОВУ (1919)

Публикация Ричарда Дэвиса

Публикуемые ниже письма к П.Н. Милюкову относятся к мало изученному «послеоктябрьскому» периоду в жизни Леонида Андреева, и они достаточно ярко отражают его душевное состояние и политическую позицию в месяцы, непосредственно предшествующие его внезапной смерти от паралича сердца 12-го сентября 1919 г. Настоящая публикация представляет собой отрывок из готовящейся к печати книги, посвященной последним годам жизни Леонида Андреева. Поэтому комментарий носит несколько эскизный и предварительный характер, ибо на многие вопросы, затрагиваемые в письмах к Милюкову, даются более исчерпывающие ответы в других документах, которые войдут в книгу: дневниковые записи, статьи, письма, воспоминания современников и др.

••

Среди шуточных записей Леонида Андреева, так сказать, для домашнего обихода — выделяется следующий фрагмент, который, по всей вероятности, нужно отнести ко второй половине 1910-х годов:

Я лично — кадет. Но правый я кадет или левый, не скажу: нахожу преждевременным. В семье моей партии представлены так: маменька моя, а детям моим бабушка — анархистка; жена — партии мирного обновления, братец же ее — октябрист. Дети: младший — анархист-экспроприатор, средний — с.-р., а старший стоит за свободу науки и ежедневно доказывает, что наукою можно заниматься и в участке.¹

Причисление себя к кадетам, даже в порядке шутки, свидетельствует о явном сдвиге в политических взглядах Леонида Андреева за

время, прошедшее с революции 1905 года, когда у него были совсем другие привязанности, и кадеты его скорее отталкивали, что выясняется из его писем к Вересаеву и Горькому от апреля и июня 1906 г.:

Я как был, так и остался, вне партий. Люблю, однако, социал-демократов, как самую серьезную и крупную революционную силу. С большой симпатией отношусь к социал-революционерам. Побавляюсь кадетов, ибо уже зрю в них грядущее начальство, не столько строителей жизни, сколько строителей усовершенствованных тюрем.²

Первый план занимают кадеты, лезут в глаза, и это такая сволочь! Выдохлись с невероятной быстротой. /.../ Чего не успело сделать правительство, то доделывают кадеты, Дума.³

Такие подозрения Андреев, видимо, сохранял и в течение следующих пяти лет, по крайней мере, если судить по определению А.Кауном и А.Р. Кугелем пьесы *ПРЕКРАСНЫЕ САБИНЯНКИ*, написанной в 1911 г., как сатиры на кадетов⁴. Но в этом отношении любопытно отметить, что когда разыгрался скандал вокруг отказа Ф.И. Благова напечатать пьесу в «Русском Слове», Андреев попросил именно Милюкова быть одним из его «секундантов» на несостоявшемся третейском суде⁵. Это — первое проявление «слабости» лично к Милюкову, о которой пойдет речь ниже.

Трудно установить, когда именно состоялась первая встреча Андреева с Милюковым. С весны 1908 г. Андреев обосновался в своем знаменитом доме на Черной речке, а вскоре в тех же излюбленных петербургской интеллигенцией краях поселился и Милюков. Они оказались соседями, но, насколько можно судить по мемуарной литературе, не ходили друг к другу в гости, не дружили. В своих воспоминаниях Милюков лишь однажды упоминает это соседство в связи с перестройкой своей второй финской дачи:

Получился живописный домик, и наши соседи, семья Леонида Андреева, приходили даже специально его сфотографировать⁶.

Отношения Андреева с Милюковым стали более тесными во время Первой мировой войны, хотя опять-таки нельзя преувеличивать степень их близости. Они оба боролись с пораженчеством и принимали активное участие в общественной жизни той эпохи, и, наверное, их нередко сталкивали обстоятельства этой деятельности. Одна из таких встреч имела место в начале марта 1916 г. Она нашла отражение в письме Андреева, которое освещает установившийся к тому времени его несколько противоречивый взгляд на партию кадетов и ее лидера:

На самом верху сейчас есть какие-то действительные колебания, точно впервые за десятки лет задумался человек и первый раз услышал слово «конституция». Я сказал об этом Милюкову, с которым мне пришлось довольно долго беседовать, и он согласен с моим впечатлением. Вот странно: очень люблю я этого Милюкова. И «Речь» ненавижу и всех кадетов, а к нему какая-то у меня слабость. Говорит хорошо, умен и энергичен⁷.

Свое высокое мнение о Милюкове Андреев выразил и в печати, на страницах петроградской газеты «Русская Воля», в короткой жизни которой (декабрь 1916 — октябрь 1917) он играл важную роль. Так, например, в своем «Открытом письме гг. членам Государственной Думы», написанном в ответ на кампанию против новой «банковской» газеты, Андреев обращается к Милюкову, как разочарованный и обиженный поклонник:

Вы, уважаемый Павел Николаевич Милюков, написавший столь превосходную историю культуры в России — к каким явлениям русской культуры отнесете ваше молчание в ту минуту, когда Пуришкевич обвинял русских писателей в измене и подкупе?⁸

Несколько позже, уже после Февральской революции, в статье *ПРИЗЫВ* (о свободе слова) Андреев безоговорочно восхищается подвигом Милюкова, «который не боялся целого огромного самодержавия и мужественной речью звал его на бой»⁹. А вскоре за тем печатается в «Русской Воле» по инициативе Андреева текст знаменитого *ВЫБОРГСКОГО ВОЗЗВАНИЯ*, составленного под руководством Милюкова после роспуска Первой думы в 1906 г.¹⁰

Надо полагать, что Милюков знал о расположении Андреева к нему лично и отвечал тем же. До настоящего времени удалось обнаружить лишь одно высказывание Милюкова, по поводу участия Андреева в предпарламенте (октябрь 1917 г.), в котором тот якобы занимал позицию близкую кадетской¹¹. Тем не менее, в начале первого из публикуемых писем Андреев, по-видимому, не без основания напоминает Милюкову о его всегдашнем «добром отношении».

Актом такого внимания со стороны Милюкова явилось и его предисловие к английскому переводу статьи Андреева *S.O.S.*, которое послужило непосредственным поводом для письма Андреева¹². *S.O.S.* — отклик Андреева на злополучное предложение съехаться на остров Принкипо недалеко от Константинополя, с которым главы делегаций союзников на Парижской конференции мира обратились к представителям воюющих русских по радио 24-го января 1919 г. В Лондоне, где находился Милюков, о предстоящей передаче стало известно уже за два дня перед тем, и А.В. Тыркова-Вильямс¹³ отметила реакцию его и других на неожиданные новости из Парижа:

Вчера вечером из «Дэйли Кроникл»¹⁴ прислали решение премьеров заставить русских, белых и красных, собраться на

Принкипо. Был Хор (Sir Samuel Hoare)¹⁵ с женой, смотрели на нас с недоумением. Милюков молчал при них. Когда они ушли, он сказал: «я все-таки не думал, что они такие идиоты».

То же самое говорят чиновники министерства иностранных дел. Они понимают, что это оскорбительно для России и не поможет союзникам. Тут есть несомненное желание отделаться от этой скучной всем опостылевшей России, но отделаться прилично, прикрывшись лицемерной маской дружбы и положением союзников. /.../ Цимерн¹⁶ говорит, что более циничного документа (чем приглашение на Принкипо) давно не видела международная дипломатия¹⁷.

4 февраля 1919 г. большевистское правительство сообщило союзникам, что принимает приглашение. Однако, антибольшевистские группы решительно отвергли кажущееся им вероломным предложение, и вся затея рухнула. Но уже 6 февраля Леонид Андреев заканчивает свою статью *S.O.S.*, содержащую страстный призыв к союзникам не предавать лояльных русских и не ввергать тем самым Россию в кровавую разруху. Об успехе *S.O.S.* рассказывает сам Андреев на страницах дневника 4 марта 1919 г.:

Написал статью *C.O.C.* — «Спасите наши души». В русских кругах статья эта, сама по себе не лучшая из моих, произвела впечатление настолько огромное, что объяснить его можно условиями минуты: мне удалось сказать то, что думают в с.е. Всюду статью читают, добровольцы переписывают (она еще не напечатана). Комитет¹⁸ по телеграфу передал ее полностью в Париж (стоило 12000 м[арок]) и готовится распространять ее на всяких языках. Образован фонд моего имени для печатания дальнейших статей, отдельные лица жертвуют деньги для печатания и распространения *S.O.S.* (с рисунком Рериха)¹⁹; из Стокгольма группа русских прислала просьбу о разрешении печатать и распространять и лично мне «за право издания» посылают 10 т[ысяч] марок, каковые я, по размышлении, и решил взять.

Из разговоров добрых людей вытекает, что я сейчас — единственный голос России, который может быть всюду слышим. Поверить им — на мне одном лежит задача быть герольдом новой возрождающейся России²⁰.

Даже в очередной полосе депрессии, когда ему кажется, что столь блестящие надежды не могут сбыться, Андреев утешается предполагаемым влиянием *S.O.S.* на иностранных публицистов:

Крайние хвалы и восторги снова заставили меня чего-то ждать — большого и настоящего. Вышла обычная мокреть. В Париже напечатал только Бурцев в своей газете²¹, да перепечатал кусочки Эрве²²; Таймс дал только краткое извлечение, отметив «резкий тон»²³. В том же Таймсе какая-то Мисс, «хорошо зна-

ющая русскую жизнь», обозвала меня реакционером в противоположность Горькому²⁴, кто-то другой кисло вступился за меня²⁵ — вот кажется и всё. Ни шума, ни движения, как псу под хвост. И, как эпитафию, печатает Русская Жизнь объявление: Спасите наши души на лучшей бумаге продается за полторы марки²⁶. /.../ В то же время во многих французских и английских статьях и рассуждениях я вижу словно отражение моей статьи, неумовимое сходство не в мыслях, к которым можно прийти и мимо меня, а в глубине тона, в некоторых оттенках настроения. Будто читал *S.O.S.*, передумал в своей французской голове и дал с в о е — незаметно для себя воспроизведя черты моего лица. Если это так, то и это хорошо²⁷.

Такое впечатление скоро подтверждается, и 24 апреля 1919 г. Андреев записывает в дневнике:

Есть хорошие вести о *S.O.S.*, о его распространении за границей, даже в Голландии²⁸. Телеграмма Руманова²⁹ из Лондона, что статья отпечатана в огромном количестве, читается на митингах знаменитыми актерами, успех. Несомненный поворот в общественном мнении Англии о необходимости борьбы с большевиками, успешное добровольческое движение некоторыми приурочивается к моей статье. Это хорошо — и возможно. На честных людей она не может не действовать. Что бы я мог сделать, если бы был здоров!³⁰

Несмотря на учащающиеся приступы болезни (мучительные головные боли, слабость сердца, удушье, невралгия правой руки, нервное переутомление), широкий общественный резонанс *S.O.S.* окрылил Андреева надеждой на действенность дальнейших выступлений такого рода, и летом 1919 г. он начал проводить свои идеи в жизнь. 15 июля 1919 г. он заносит очередное решение в дневник:

Хочу предложить Карташеву³¹ и Милюкову (чтобы помог за границей): добыть крупные деньги для создания комитета пропаганды, во главе которого стану я. Если бы удалось!³²

О результатах попытки Андреева сблизиться с русскими деятелями в Гельсингфорсе пишет с долей дипломатического умолчания И.В. Гессен³³:

Его охватила жажда работы и он мечтал стать во главе организации антибольшевистской пропаганды. Однако, его стремление не встретило сочувствия в тех лицах, от которых зависело осуществление его плана³⁴.

Более подробно рассказывает о переговорах Андреева с гельсингфорской группой М.С. Маргулиес³⁵, дневник которого является, пожалуй, одним из лучших источников фактического материала о сложных со-

бытиях в Финляндии и в Прибалтике в 1918-20 гг. Так, например, мы узнаем, что газета «Русская Жизнь» переживала кризис в июле 1919 г., и что возник вопрос о привлечении Андреева к редакторской работе:

Волов³⁶, издатель «Русской Жизни», сообщил, что газета, — 2.500 экземпляров в день, — обходится ему на круг в 600 марок в день. /.../ За завтраком Сенютович-Троцкий³⁷ предложил Шуберскому³⁸ и Волову Леонида Андреева в редакторы «Русской Жизни», вместо Кузьмина-Караваева³⁹. Андреев согласен, если ему предложат в Политическом Совещании пост министра Народного Просвещения, да и жалования 10.000 марок; иначе он едет в Америку. Шуберский деловито заметил: никакой Андреев не подымет тиража газеты, а выплачивать ему 10.000 марок не за что⁴⁰.

Через месяц, после приезда Леонида Андреева в Гельсингфорс на переговоры с Северо-Западным правительством, Маргулиес добавляет от себя, что:

Андреев несносен, капризен, самовлюблен. Гессен предлагает нам его в министры пропаганды, я категорически отказываюсь⁴¹.

Чем объяснить пренебрежение ведущих русских деятелей в Гельсингфорсе к Андрееву, писателю с «громким» именем, да к тому же опытному и влиятельному военному публицисту?

С одной стороны, можно согласиться с суждением старшего сына Андреева, что: «для белой эмиграции Андреев показался слишком яркой и революционной фигурой»⁴². Сама «громкость» репутации Андреева отпугивала представителей тех слоев, которые уже давно усмотрели в творчестве писателя стремление расшатать устои общества. Но, с другой стороны, здесь также сыграла свою роль кружковщина, отчасти понятная. Если пробежать, например, дневник того же Маргулиеса, сразу становится ясным, что почти все «действующие лица» принадлежали к правящим кругам в «дооктябрьской» России. Среди них, в сущности, для Андреева не было места, он все равно оказался бы лишним на бесконечных заседаниях комитетов и на совещаниях, из которых, по-видимому, состояла главная деятельность гельсингфорсской группы.

Спустя много лет, Вадим Андреев подведет итоги чаяний отца:

Несбыточны и фантастичны были планы общественной работы, возникавшие у отца, а вместе с тем только этими планами он поддерживал себя в течение последних месяцев своей жизни. Уже наступила осень девятнадцатого года, уже из-под Орла покатился к Черному морю Деникин, а отец все еще хотел думать, что силою слова можно что-то сделать, что-то изменить, чему-то помочь⁴³.

Поскольку Андрееву так и не удалось создать организацию, которая соответствовала бы масштабам его замыслов, трезвые слова Вадима Андреева во многом оправданы. Тем не менее, нельзя отрицать, что Леонид Андреев проявил немалую для той эпохи проницательность и дальновидность, придавая такое решающее значение большевистской пропаганде и настаивая на необходимости ответить на нее собственной пропагандой. На оборотной стороне одного из листов, на которых копировалось первое письмо к Милокову, мы находим следующий фрагмент, который мог бы служить эпиграфом к размышлениям не одного Андреева об успехах большевиков в этой области:

Надо отдать должное: если во всех областях жизни большевики оказались бездарными, то в деле мировой пропаганды и искусства орудовать словом они могут быть учителями даже немцев⁴⁴.

Отношение большевиков к внешнему миру в первые годы советской власти характеризуется быстрым чередованием дипломатии с агрессивной пропагандой, и особенно после установления полной блокады в начале 1919 г.: «"политическая война" в форме пропаганды мировой революции оказалась самым действенным оружием в советском арсенале»⁴⁵. В марте 1919 г. состоялась в Кремле международная коммунистическая конференция, на которой был конституирован III Интернационал, или Коминтерн, ставший впоследствии очагом большевистской пропаганды, выпустивший в скором времени *МАНИФЕСТ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА К ПРОЛЕТАРИЯМ ВСЕГО МИРА*, воззвание *К РАБОЧИМ ВСЕХ СТРАН* и издававший журнал «Коммунистический Интернационал», который выходил на нескольких языках⁴⁶. Но уже задолго до создания Коминтерна, не сразу привлечшего к себе внимание в России и за рубежом, коммунисты сосредоточили громадные усилия на внутренней и внешней пропаганде, отпуская на это значительные средства. Как известно, агитационная и пропагандистская работа большевиков охватила решительно все виды массовой информации и искусства. В данном случае она была безуспешно направлена на войска белого движения и интервентов. Распространялись, например, газеты «The Call» (Москва, сентябрь 1918 — сентябрь 1919) и «Коммуна» (Петроград, ноябрь 1918 — февраль 1919; на шести иностранных языках), которые были предназначены для экспедиционных войск союзников. Пропагандистские акции проводились также в Западной Европе и в США⁴⁷. В английских газетах того периода нередко сообщают о разоблачении советских агентов, призвавших чаще всего через Скандинавию и выдающих себя за представителей Красного Креста. Они везли с собой очень крупные суммы денег (золотом), что и вызывало подозрение таможенников.

Поэтому негодование Леонида Андреева по поводу «потока литературы, агентов и денег, шумно вытекающего из советской России и затопляющего все низины», не представляется преувеличенным, скорее наоборот. Андрееву было известно лишь о маленькой части

большевистской пропаганды, однако он хорошо понимал, какое влияние она оказывала на настроения антибольшевистских войск. Этим он отличался от тех русских в Финляндии, от которых, как писал И.В. Гессен, «зависело осуществление его плана». Хотя предпринимались кое-какие шаги к налаживанию организационной стороны контрпропаганды, гельсингфорсская группа в основном недооценивала ее силу. Маргулис замечает, например, 10 августа 1919 г.:

Красная пропаганда ширится. У нас солдаты частью переходят обратно к большевикам (не много), частью — разбегаются из-за голода и отсутствия одежды и обуви⁴⁸.

Андреев, напротив, признавал за агитационной работой чуть ли не решающую роль в борьбе с большевиками и, к тому же, хорошо разбирался в социально-психологической функции пропаганды. Он отдавал себе отчет в надобности «широкого государственного размаха» этой работы и в необходимости четкой и единой антибольшевистской программы как таковой.

В пропагандистском деле форма преобладает над содержанием, и любые соображения, пусть самые правдивые и очевидные с точки зрения здравого смысла, должны выражаться в форме, адекватной агитационным задачам. Приходится констатировать, что в этом отношении Андреев находился в крайне неблагоприятном положении, заодно со всеми остальными противниками большевиков. Ибо с точки зрения внутренних законов пропаганды — идеи и соображения, на которых Андреев предлагал строить агитационную деятельность, были куда менее наглядны, чем большевистские. Сложную пореволюционную обстановку в России он зачастую сводил к трафаретной проблеме «героев и толпы» с налетом своеобразного нищезанятия, — и уже это не сулило особых успехов его практической деятельности. Преувеличивал Андреев и роль Горького в большевистской пропаганде, а отраженно — придавал чересчур важное значение собственному участию в антибольшевистской идеологической борьбе. В дневниковой записи за 23 мая 1919 г. Андреев даже настаивает на том, что сам он —

Единственный, кто по силе может [быть] противопоставлен ему /Горькому. — Публ./ и может так много сделать для возрождения России⁴⁹.

Естественно, что подход Милюкова к этому вопросу, выраженный в его предисловии к *S.O.S.* был Андрееву как раз по душе⁵⁰.

Столь нереалистичное истолкование Андреевым положения дел, как общенародных, так и собственных, можно отчасти объяснить сознанием своей оторванности и беспомощности, которое в последние два года жизни он переживал с болезненной остротой, доходя порою до припадков настоящего нервного расстройства. Эти чувства, надо полагать, и бросали его из одной крайности — «безделья, доведшего меня до болезни» (см. конец письма 2), в другую — к претензиям на руководство «делом антибольшевистской пропаганды в государственном масштабе».

Как относился Милюков ко взглядам и предложениям Андреева касательно пропаганды? Второе из публикуемых писем является ответом на не сохранившееся письмо Милюкова, где он, по-видимому, сочувственно отозвался о желании Андреева участвовать в антибольшевистской агитационной работе, но не скрывал своих сомнений по поводу осуществимости андреевских планов, предвидя препятствия и в Финляндии, и за ее пределами. Последнее подтверждается дневниковой записью М.С. Маргулиеса от 27 августа 1919 г., в которой он приводит слова И.В. Гессена о том, что:

В Гельсингфорс приехал Леонид Андреев и говорил, что он предложил Милюкову добиться у Колчака назначения его, Андреева, начальником антибольшевистской пропаганды для всей России. Милюков ответил, что он ни с каким правительством не состоит в сношениях⁵¹.

Милюков звал Андреева в Лондон и прислал ему деньги на дорогу. К тому времени у Андреева созрел план поездки «с агитационной целью» в США, и он охотно принял приглашение Милюкова, тем более, что Н.К. Рерих ему уже сообщил о возможности найти в Лондоне работу⁵².

О характере этой работы можно лишь гадать, но не исключено, что Милюков думал привлечь Андреева к участию в деятельности того же Russian Liberation Committee, который издал *S.O.S.* на английском языке. О создании и работе этого Комитета сын А.В. Тырковой-Вильямс пишет следующее:

В январе или феврале 1919 года в Лондоне был создан Комитет Освобождения России, с которым мама прочно связала свою общественную деятельность в Лондоне приблизительно на следующие четыре или пять лет. По существу она была главной движущей силой этой организации. Началось с того, что друг нашей семьи и мамин политический единомышленник проф. М.И. Ростовцев⁵³ убедил широкого русского дельца Н.Х. Денисова дать десять тысяч фунтов на организацию пропаганды русского дела. Позже Комитет Освобождения России стал получать деньги от правительства адм. Колчака, о финансовой поддержке от Вооруженных Сил Юга России шли разговоры. Комитет очень энергично защищал дело белой борьбы.

Но первая задача Комитета Освобождения России была осведомление англичан о России вообще, о большевиках и о событиях, происходивших в России. /.../ Начали с печатания бюллетеней, которые рассылались всем членам парламента и политическим деятелям. Затем начали печатать по-английски брошюры по разным вопросам. /.../ Затем начали выпускать еженедельный журнал «Нью Раша» («Новая Россия») ⁵⁴. Сперва редактором этого журнала был весь Комитет, но позже его стал редактировать Милюков⁵⁵.

У Комитета была самая разнообразная деятельность. По приглашению с военными властями в Архангельске, Комитет Освобождения России начал печатать в Лондоне небольшую газету для войск северного фронта. Но эта затея довольно быстро окончилась ввиду технических трудностей⁵⁶. Уже весной 1919 года установилась связь с правительством адм. Колчака⁵⁷ и телеграфное агентство из Сибири начало присылать в Комитет сведения для передачи в английскую печать. Вообще снабжение английской печати сведениями о России было одной из главных задач Комитета⁵⁸.

По характеру и преследуемым целям деятельность Russian Liberation Committee воплощала те же самые надежды и стремления — только в гораздо более реалистических масштабах, которые отражаются в первом из публикуемых ниже писем, и Андреев, возможно, нашел бы в сотрудничестве с Милюковым применение для своего публицистического дара и утолил бы томившую его жажду работы. Однако по-видимому Андреев мало знал о работе Russian Liberation Committee: в том же письме он признается о своей неосведомленности относительно обстановки на Западе: «Имея мало сношений с границей, я не знаю, в каких условиях протекает Ваша личная деятельность».

В связи с этим уместно вкратце коснуться положения самого Милюкова. Для обращения к нему за поддержкой Андреев едва ли мог выбрать менее подходящий момент. Вследствие «германской ориентации» Милюкова, ведшего переговоры с немецкими оккупантами на Украине весной и ранним летом 1918 г., его имя стало на некоторое время настолько одиозным, что добравшись до Западной Европы в декабре 1918 г., он не считал возможным остаться в Париже, а поехал дальше — в Лондон, где примкнул к группе кадетов, возглавляемой А.В. Тырковой-Вильямс⁵⁹. В Англии о нем хранили добрую память как о проповеднике парламентаризма и участнике думских делегаций в Великобританию, а потому среди английских политических деятелей Милюков еще пользовался кое-каким авторитетом. Но это вовсе не значит, что он располагал той властью и средствами, которые подразумевал в своем первом письме Андреев. В Англии действовало несколько групп русских эмигрантов, и М.С. Маргулис, например, крайне скептически относился именно к Russian Liberation Committee, сообщая о его членах с явной иронией:

Печатают брошюры, «вливают на парламентские сферы», делают «большую» русскую политику в Англии,

и определяя влияние лондонской группы кадетов как «микроскопическое»⁶⁰. К тому же, вражда кадетов к с.р., проходившая красной нитью через все публикации Russian Liberation Committee за 1919 год, очевидно, не пользовалась расположением англичан, видевших в «междусобидах» антибольшевистских групп лишнее доказательство их ненадежности⁶¹.

Как бы то ни было, все эти соображения вскоре оказались академическими. Андрееву так и не довелось включиться в дело «возрождения России»: через 6 дней после написания второго письма к Милюкову, когда оно еще шло из Финляндии в Лондон, к Леониду Андрееву пришла «последняя гостя в черной маске — смерть»⁶². В качестве эпиграфии приводим слова М.С. Маргулиеса, занесшего 18 сентября 1919 г. в свой дневник следующие слова:

Служили сегодня панихиду по Леониде Андрееве в соборе — батюшка сказал прекрасную речь. Публики почти совсем не было, — только члены правительства, и несколько наших служащих; а ведь в Ревеле большая русская колония⁶³.

••

Письма публикуются по машинописным черновикам (9 л., 210 × 275 мм), хранящимся в Архиве Леонида Андреева (Ф. 57). Восстановлены зачеркнутые Андреевым места (в квадратных скобках), поэтому текст несколько отличается от посланных Милюкову беловых экземпляров, местонахождение которых нам неизвестно. Даты указаны Андреевым по новому стилю, но до конца жизни он сохранил старую орфографию, которая здесь заменена новой. Разрядка везде авторская.

Приношу свою благодарность покойному Н.Е. Андрееву (Cambridge), Jean-Yves Bazin (Paris), David Collins (Leeds), Julian Graffy (London), Ben Hellman (Helsinki), Michael Holman и John Morison (Leeds), Д.А. Руманову (Paris) и E.Piers Tyrrell (Cambridge) за оказанную при составлении комментария и примечаний помощь.

1

Многоуважаемый и дорогой Павел Николаевич! С живейшей радостью я увидел английскую брошюру «С.О.С.» с Вашим вступлением⁶⁴. Ваше доброе отношение всегда было дорого мне; в этой же форме оно приобретает для меня особую ценность. Связать мое имя с именем человека, которого я считаю первым государственным деятелем России⁶⁵, всегда было бы для меня исключительной честью, — при настоящих условиях, когда приходится собирать и объединять все силы для борьбы за спасение родины, это имеет и иной действенный смысл.

Теперьшнее мое письмо — прямое следствие нашей заочной встречи. Решив отдать свои силы большому и серьезному делу, я обращаюсь за помощью к Вам, зная, что именно у Вас (а, быть

может, и только у Вас) при Вашем знании России и всех действующих в ней сил, я найду правильную оценку моего предложения и его государственной важности.

Речь идет о пропаганде, о постановке этого дела на ту высоту, при которой оно станет необходимым и важнейшим орудием в борьбе с большевиками и идущими им на смену крайними социалистами⁶⁶, а в дальнейшем — могущественным средством к восстановлению в России всех ее разрушенных государственных, гражданских и моральных основ. Что бы я ни стал говорить о исключительной важности пропаганды в настоящий исторический момент, когда «литература» волнует весь мир от Китая до Америки и власть слова подчиняет себе силу оружия, для Вас я не скажу ничего нового, чего бы Вы не знали и не продумали.

К сожалению — до самого последнего момента дело антибольшевистской пропаганды поставлено очень слабо как у нас, так и у наших союзников; и если у нас это еще объясняется нашей слабостью и разобщенностью, то у союзников и у других стран антибольшевистской коалиции, пока еще обладающих неразрушенной государственностью и силами, это печальное явление для меня ничем не объяснимо. Или это та роковая и почти всеобщая потеря здорового чувства самосохранения, которая некоторым действиям современных правительств придает такой... болезненный, порою почти самоубийственный характер?

Как осажденные, они только обороняются и чистят постоянно разрушаемые стены, но не нападают сами; и всегда остается забытая калитка, через которую кто-то входит. Эти смешные попытки «изоляции» России, эти жалкие мысли о каком-то карантине, который удержит всепроникающее слово!..⁶⁷ Вместо того, чтобы потоку литературы, агентов и денег, шумно вытекающему из советской России и затопляющему все низины, противопоставить такой же поток книг и людей — ловят агентов и их тюки, словно не замечая, что на одного пойманного придутся тысячи непойманных и что обесцененные и не принимаемые русские деньги⁶⁸ достаточно ценятся и принимаются. Но и об этом, я думаю, Вы знаете и скорбите не меньше меня.

У нас (говорю пока про русских в Финляндии) дело пропаганды задерживается нашей слабостью: отсутствием денег, людей... и тем же роковым непониманием значения пропаганды. Соседи Петербурга, по воле судьбы первые, кто может войти в него, мы имеем в гаванях корабли с сотнями т/онн/ продовольствия⁶⁹ — и ни одного пуда литературы, ни единой брошюры и никакой соответствующей организации! [(Маленький, но харак-

терный факт: та же брошюра «С.О.С.», для которой время уже проходит, и, кажется, единственная находящаяся в распоряжении здешнего Комитета⁷⁰, лежит на складе без движения).] Только в личной беседе я мог бы рассказать Вам о всех причинах здешней пассивности; главная из них, повторяю, слишком малое количество людей, достаточно энергичных и авторитетных, чтобы поднять и двинуть такое большое дело. В прошлом году я очень много говорил с здешними деятелями о необходимости пропаганды, предоставляя (в силу тогдашнего моего нездоровья) постановку и организацию дела другим, а себя ставя только в ряды простых работников, [но ничего из этого не получилось.

Поэтому и с моим предложением я иду не ближайшим и, казалось бы, наиболее действительным путем: через здешний комитет и правительство⁷¹. Конечно, я буду настойчиво добиваться и здесь, но, зная положение вещей и характер лиц, с которыми мне придется говорить, я заранее уверен в неуспехе дела. Даже получив полное одобрение и обещание поддержки, я в конце концов буду поставлен в условия крайне тесного существования и крайнего сужения моих задач. Только **ц е н т р а л ь н о е** правительство⁷² с его средствами и авторитетом может дать моему начинанию тот широкий государственный размах,] но ничего из этого не получилось. К этому нужно добавить еще одно крайне существенное препятствие: лишь недавно получив официальное признание своего существования и деятельности, здешнее правительство очень стеснено в деньгах и из многих нужд, которые ему надо погасить, естественно избирает те, которые ему представляются важнейшими, т.е., специфически военные. Привыкши к старому и простому способу ведения войны: ружье против ружья, солдат против солдата, оно не вполне учитывает совершенную **н о в и з н у** теперешнего театра «войны». Стремясь прежде всего одеть, накормить и вооружить солдата, оно часто не предвидит тех печальных возможностей, когда одетый, накормленный и вооруженный солдат «под влиянием большевистской пропаганды» (последний бунт на архангельском фронте) поднимает свое, с таким трудом добытое оружие, на своих же офицеров и передается врагу⁷³. Нисколько не упрекая правительство в этом понятном заблуждении, которое разделяют вместе с ним слишком многие правительства, я не могу не указать на него, как на одну из причин (в связи с безденежьем) слабого, почти ничтожного развития пропаганды. В данном случае только **ц е н т р а л ь н о е** правительство адм/ирала/ Колчака⁷⁴, с его средствами и авторитетом, может

дать моему начинанию тот широкий государственный размах, при котором только и может и должна существовать пропаганда. Ибо слабая, плохо организованная и не убедительная пропаганда, как и слабое сопротивление — только вредна.

Моя программа для данного момента — всемерная поддержка правительства Колчака и его программы (одной из первых статей своих я наметил брошюру о Колчаке — для России и заграницы)⁷⁵ и борьба с большевиками и их всевозможными сотрудниками (как тот же Керенский или Авксентьев)⁷⁶ путем планомерного и энергичного распространения соответствующих брошюр и листовок, статей в существующей русской и заграничной печати. Мое желание — чтобы каждый солдат белой армии имел в ранце вместо маршальского жезла [имел] брошюру⁷⁷, которая и подняла бы его дух и сделала более ясными его цели и задачи. Мое желание — чтобы к моменту восстановления в России законной власти мы имели тысячи пудов литературы для немедленного распространения среди крестьян, рабочих, солдат, учащихся. Восстановление России будет совершаться долго и медленно, в ней еще долго будут бродить злые и разрушительные силы, и только слово наряду с твердой властью сможет выполнить эту громадную задачу. Ведь, действительно, все разрушено, и мне страшно подумать, что напр/имер/ представляет собою теперешняя молодежь из школ Луначарского⁷⁸: какая пустота, какая мерзость душевная, какой тлен! И прежде Россия была бедна интеллигенцией, а теперь нас ждет такая духовная нищета, сравнительно с бедствиями которой экономическая разруха и голод являются только наименьшим злом. Внешне нам могут помочь иностранцы, а кто спасет нас изнутри? Только энергичная работа всех оставшихся и хранящих традиции русской культуры, может спасти народ и страну от окончательной гибели⁷⁹.

Резюмирую сказанное. Я беру на себя целиком дело антибольшевистской пропаганды в государственном масштабе, за своей ответственностью выбираю необходимых мне лиц и создаю соответствующую организацию. Из общественных и политических деятелей я избираю совет, в согласии с коим веду работу; при избрании совета я намерен пользоваться Вашими любезными советами и указаниями. При развитии дела и расширении программы в связи с новыми возникающими вопросами, я приглашаю сведущих людей для работ, но главное руководство и направление все время остается за мною — как и ответственность. Лично работая главным образом в области литературной, я должен, также за моей ответственностью, поставить при содей-

ствии специалистов и сторону техническую: типографию, органы распространения. Особую важность представляет [включение в дело] привлечение к делу пропаганды специалистов по делу народ/ного/ образования, коим поручается составление букварей и необходимейших учебников, которые должны немедленно заменить собою большевистские. В число технических средств пропаганды я, конечно, включаю театр, кинематограф и лекции.

Для этого мне необходимо: помимо согласия нашего местного правительства во главе с ген/ералом/ Юденичем⁸⁰, утверждение меня на этом посту Верховным Правителем⁸¹ и предоставление соответствующих сумм в мое распоряжение, размер коих согласуется с принципом и необходимостью постепенного расширения дела; в расходовании денег я обязуюсь соблюдать строгую отчетность.

Центром своей деятельности я намечаю пока Гельсингфорс⁸²; от дальнейших обстоятельств, а частью и от технических соображений и удобств, будет зависеть его временное или постоянное перенесение в другое место.

Дальнейшие подробности вытекают из существа дела и могут быть предметом личного разговора. Пока мне необходимо знать, насколько Вы, многоуважаемый Павел Николаевич, сочувственно отнесетесь к моему предложению и какую степень поддержки можете оказать в разрешении всех поставленных мною вопросов. Имея мало сношений с границей, я не знаю, в каких условиях протекает Ваша личная деятельность и в какой мере осуществимо для Вас [исполнение моей просьбы] содействие моему плану. Но скажу одно, в чем я глубоко убежден: если не Вы, то и никто другой не сможет дать ж и з н и этому делу, в котором я, несмотря на внешнюю импозантность моего положения, хочу быть только работником на пользу России. [И Ваш отрицательный (по той или иной причине) ответ побудит меня прекратить дальнейшие попытки в этом направлении и направить поиски в другую сторону, где я хоть и не найду т а к о й работы, но все же не останусь и совсем бездейственным в «роковой час Русской империи». Вероятно поеду в Америку, куда меня давно еще звали для чтения лекций⁸³.]

Еще несколько слов о видимой «импозантности» моего предполагаемого положения. В Вашем введении в S.O.S. Вы указали на некоторую параллель между мною и М.Горьким, бывшим моим другом, а ныне врагом. Мне кажется, что эта параллель должна быть проведена и дальше и как можно ярче и крепче зафиксирована самой жизнью. Из области чистой литературы

он, когда-то поклонник личности, потом злой и бессмысленный разрушитель ее — и я, доселе, как и прежде, выше всего ставящий личность — мы оба вышли в действительную жизнь с ее борьбой и столкнулись над развалинами России. Кто разрушил Россию? Кто продолжает терзать ее полуживое тело? Личности? Николай II? Ленин и Троцкий? Нет — отсутствие личностей, несчастье некультурного народа, в котором слишком много толпы и слишком мало индивидуальностей с их сознанием и волей. А когда я «целиком» беру на себя огромное дело пропаганды и всю ответственность за таковое, я лишь следую моему давнишнему взгляду на людей (в частности, русских людей), взгляду, нашедшему только лишнее подтверждение в коммунистическом опыте последних годов. Быстрое и порою жестокое упразднение всех начал коммунистической работы, восстановление личностей на месте уничтожаемых «комитетов», диктатура не пролетариата, а кучки лиц над серой массой последнего — только и дали Советской России ту силу, а порою и могущество, перед которым в смущении переступает с ноги на ногу Европа. Ах, если бы она поняла смысл происходящего!

В России разрушено большее, нежели ее «молодая» промышленность: в России разрушен человек, поскольку он начинал быть и выявляться. И мое душевное желание: восстановить человека, возвратит его и направить к тем высшим стремлениям личности, к тому порогу высокого сознания и долга, за которым личность вступает на [первые ступени Божества] путь совершенного человеческого существования.

[И еще несколько замечаний, относящихся к моей «программе». Массы были приведены в движение и фанатическое неистовство обещанием чуда, необыкновенного праздника, который наступит на земле: кто был ничем, тот будет всем⁸⁴. И это завтра — сейчас — сию минуту! И отсюда такое роковое бессилие всех трезвых слов, трезвых программ и честных, но трезвых обещаний: что значит увеличение раб/очей/ платы на целковый или уменьшение раб/очего/ дня на час, когда там обещаны дворцы и райские кущи! И та проповедь, которую я хочу вести, также должна заключать в себе обещание чуда, основываться на тех же словах: кто был ничем /,/ тот станет всем. Это чудо, не ложное, как у большевиков и социалистов, не фокус-покус, а истина: превращение двуногого в личность. Там обещали праздник тела и танцульку — мы должны обещать и дать праздник души, когда она поднимается на горные высоты человека. Это — скелет моей мысли; формы и жизнь ей должны дать усилия и ум многих талантливых людей, которые

захотят двинуть жизнь в эту сторону. Современный социализм многих уже напугал; но еще немногие знают, насколько он действительно **с т р а ш е н !**]

Впрочем, последнее относится уже не к «программе», а к самому существованию моих взглядов, и может быть обсуждено впоследствии. Таких вопросов и тем впереди еще много и главнейший из них: как создать наряду с [негативной] отрицательной пропагандой (критика и разоблачение большевизма) и нечто **п о л о ж и т е л ь н о е**, что могло бы так же увлечь и двинуть людей, как и большевистское лживое, но соблазнительное обещание немедленного чуда («кто был ничем, тот станет **в с е м**»). Но о моих мыслях по этому поводу — до дальнейших писем или беседы.

Ввиду важности для меня настоящего письма и не зная, дойдет ли оно по сообщенному мне адресу, я оставляю себе копию и очень прошу Вас, дорогой Павел Николаевич, телеграфно уведомить меня о получении. К сожалению, по различным причинам, которые Вам понятны, многое в этом письме остается не вполне выясненным и недосказанным⁸⁵, но думаю, что и в этой области мы не разойдемся с Вами ни в наших взглядах, ни в чувствах.

Позвольте крепко пожать Вашу руку.

/Леонид Андреев./

26 июля 1919 г.

Мой адрес: Финляндия, Териоки, Леониду Андрееву⁸⁶. Письма прошу Вас заказными.

2

Дорогой Павел Николаевич! Получил Ваше письмо и деньги и сердечно благодарю за дружеский и теплый отклик. Деньгами, вероятно, придется воспользоваться именно так, как Вы говорите: для поездки в Лондон. По совету Иосифа Владимировича⁸⁷ я уже обратился с просьбой о визе к К.Д. Набокову⁸⁸.

Ваши слова о препятствиях в известной степени уже оправдались здесь. И здесь делается кое-что по части пропаганды, издаются газетки (Кирдецов⁸⁹, Арабажин⁹⁰, Н.Иванов⁹¹) и, как все это ни слабо, место уже занято и ни у кого нет охоты уступать его. Здешнее правительство, о котором Вы, наверное, уже имеете все сведения, слабое внутренне и внешне, занятое иными мыс-

лями и заботами, бессильно что-либо изменить в создавшемся положении и пойти на какой-либо слишком решительный шаг. Только недавно, напр/имер/, удалось убрать Маркова, который псевдонимно и анонимно тоже занимался... пропагандой⁹²; и это еще не значит, что он не может опять выскочить где-нибудь под носом, пользуясь сложностью существующих запутанных отношений.

Остается личная работа — но здесь препятствий не меньше. Вот пример: брошюра «С.О.С.», на которую потрачено здесь много денег, лежит без движения на складе и никому это не важно; надо бы получить ее из Англии или дешево издать здесь по-английски для флота, ничего по этой части не имеющего⁹³, но и об этом нет речи. Мало написать статью, надо быть уверенным, что она дойдет по адресу, а где передатчики? Их нет. Здешние газеты имеют ничтожное распространение исключительно среди русских беженцев, журнала пока нет, да и неизвестно, когда он будет — не говоря о том, что журнал плохое средство пропаганды. И если «С.О.С.», как обращение к союзникам, могло найти печать и распространение в Европе, то через кого я могу обратиться непосредственно к русским? К рабочим? Красноармейцам? Белым войскам хотя бы нашего фронта?⁹⁴ И как характерно, что та же «С.О.С.» не была переведена по-фински и финны о ней просто не знают⁹⁵. Я не политик; моей задачей, как публициста-лирика (если можно так выразиться) было непосредственное воздействие на души, статьи же в журналах и при том на расстоянии требуют совсем иных качеств.

Отсюда мое решение: на свой страх и риск, заручившись содействием какого-нибудь импрессарио, ехать с агитационною целью в С/оединенные/ А/мериканские/ Штаты⁹⁶. Я не буду здесь объяснять, почему из всех стран Согласия я остановился на Америке, но думаю, что при известных усилиях с моей стороны и при помощи друзей из этой поездки может выйти толк; во всяком случае я не останусь бездейственным, когда все руки в работе, и ближе подойду к с м ы с л у пропаганды, нежели оставаясь в Финляндии. И мне необходимо заехать в Лондон, чтобы поговорить с В а м и . Сколь я не политик, мне все же придется не только касаться политики, но и порядочно залезть в нее, и здесь я хочу просить у Вас указаний, так как глубочайше верю в Ваше понимание и опыт, и не хочу в вопросах, касающихся всей России, быть самочинным и слишком индивидуальным. Передо мною и сейчас стоит целый ряд чисто политических вопросов, где мое л и ч н о е до известной степени уже расхо-

дится с о б щ и м , и было бы крайне нежелательно, чтобы это расхождение могло повести к вреду для общего русского дела. Есть у меня на этот счет и некоторые особые предположения и поручения, о которых всего удобнее побеседовать при свидании.

Н.К. Рерих⁹⁷ пишет, что для меня есть какое-то дело и [работа. Еще не знаю, в чем она заключается, но допускаю возможность остаться в Англии на более продолжительное время; впрочем, этот вопрос новый и сложный.] работа в Лондоне. Еще не знаю, в чем дело, но во всяком случае радуюсь самому слову: работа — так утомительны и невыносимы были эти года безделья, доведшего меня до болезни...

В надежде скоро увидеться крепко жму Вашу руку и еще раз сердечно благодарю за доброе отношение.

/Леонид Андреев./

6 сентября 1919 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архив Леонида Андреева, G.1.iii.a. (Leeds Russian Archive, Brotherton Library, University of Leeds).

² РЕКВИЕМ: СБОРНИК ПАМЯТИ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА, под ред. Д.Л. Андреева и В.Е. Беклемишевой. М., «Федерация», 1930, с.163.

³ ГОРЬКИЙ И ЛЕОНИД АНДРЕЕВ: НЕИЗДАННАЯ ПЕРЕПИСКА. — «Литературное наследство», т.72. М., «Наука», 1965, с.269.

⁴ Alexander Kaun, *LEONID ANDREYEV: A CRITICAL STUDY*. New York, B.W. Huebsch, 1924, p.306; А.Р. Кугель. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВСТРЕЧИ И ХАРАКТЕРИСТИКИ: ЛИСТЬЯ С ДЕРЕВА. Л., 1926, с.90.

⁵ А.М. Линин. ЛЕОНИД АНДРЕЕВ И «РУССКОЕ СЛОВО». Орджоникидзе, 1934. (Отдельный оттиск из 2/11 т. «Известий 1 и 2-го Северокавказских Педагогических Институтов», с.183-198).

⁶ П.Н. Миллюков. ВОСПОМИНАНИЯ, 1859-1917, т.2, под ред. М.М. Карповича и Б.И. Элькина. Нью-Йорк, Изд. им. Чехова, 1955, с.55. Еще не удалось установить, находятся ли фотографии дачи Миллюкова среди 1800 фотографий в Архиве Леонида Андреева (G.1.vii. f*, g.).

⁷ ПИСЬМА К БРАТУ АНДРЕЮ НИКОЛАЕВИЧУ АНДРЕЕВУ /.../. — «Залп», Л., №1 (1933), с.72 (письмо от 7 марта 1916). О «Речи» см. прим. 33.

⁸ «Русская Воля», Пг., №1, 15 декабря 1916, с.4-5. Милуков — автор труда *ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ*, в 3-х томах, СПб, 1897-1909.

⁹ «Русская Воля», №75, 22 апреля 1917, с.3. Имеется в виду знаменитая речь Милукова о «глупости или измене» в Думе 1 ноября 1916 г.

¹⁰ «Русская Воля», №83, 27 апреля 1917, с.3. Роль Андреева в этой публикации подтверждается наличием машинописи воззвания в Архиве Леонида Андреева (D.63.).

¹¹ Alexander Kaun, *LEONID ANDREYEV*, p.65.

¹² Leonid Andreiev, *RUSSIA'S CALL TO HUMANITY: «SAVE OUR SOULS»: AN APPEAL TO THE ALLIES*, introduction by Prof. P.N. Miluikov [pp.2-13], cover by Frank Brangwyn [London], Russian Liberation Committee and Union of the Russian Commonwealth [1919], 28 pp. (Russian Liberation Committee Publications, no.6). — Перевод S.O.S. с предисловием Милукова был перепечатан в нью-йоркском еженедельнике «Struggling Russia: A Weekly Magazine Devoted to Russian Problems». New York, Russian Information Bureau in the U.S., 1919-1920, — в день написания первого публикуемого письма Андреева, т.е. 26 июля 1919.

¹³ Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс (1869-1962) — видный деятель партии к.д., основала Russian Liberation Committee в Лондоне (см. вст. статью), автор биографии Пушкина в 2-х томах (П., 1929 и 1948) и биографии своего мужа, журналиста и публициста, специалиста по русским делам, — Harold Whitmore Williams (1876-1928).

¹⁴ «Daily Chronicle» (London, 1872-1930), ежедневная газета, в которой печатались антибольшевистские статьи мужа А.В. Тырковой-Вильямс.

¹⁵ Sir Samuel Hoare (1880-1959) — английский политический деятель, депутат Палаты общин от консерваторов (1910-1944), член Британской военной миссии в России (1916-1917), заместитель уполномоченного от Лиги Наций по делам русских беженцев (1921), впоследствии занимал ряд высоких постов, в 1919 активно поддерживал борьбу с большевиками.

¹⁶ Sir (с 1936) Alfred Eckhard Zimmern (1879-1951) — филолог, в 1918-19 работал в отделении политической информации Министерства иностранных дел в Лондоне как специалист по делам зависимых наций и преследуемых меньшинств, впоследствии первый профессор международных отношений в Оксфордском ун-те (1930-1944).

¹⁷ Аркадий Борман (1891-1974). *А.В. ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС ПО ЕЕ ПИСЬМАМ И ВОСПОМИНАНИЯМ СЫНА*. Лувэн-Вашингтон, 1964, с.168-169.

¹⁸ Легализованный финскими властями в декабре 1918 Особый комитет по делам русских в Финляндии (Гельсингфорс). О роли комитета в распространении *S.O.S.* см.: Ben Hellman. *LEONID ANDREEV OCH FINLAND. 1903-1976.* Licentiatavhandling. Abo Akademi, Finland, 1977, s.33-34.

¹⁹ Вскоре за тем вышло издание *S.O.S.* Wiipuri, Karjalan Kirjapaino, [1919], с рисунком Н.К. Рериха «Меч мужества» на обложке.

²⁰ Архив Леонида Андреева, Е.14.iii.

²¹ Известный публицист В.Л. Бурцев (1862-1942) успел выпустить несколько номеров газеты «Общее дело» еще в Петрограде осенью 1917, потом возобновил ее в Париже (1918-22, 1928-33). Кроме упоминаемой публикации *S.O.S.* во французском издании газеты (Léonide Andreieff. *AU SECOURS (S.O.S.)*, — «La Cause commune», 20 mars 1919, pp.1-3), Бурцев неоднократно издавал статью отдельной брошюрой на русском и французском языках.

²² Gustave Hervé (1871-1944) — французский публицист и политический деятель, до 1914 крайний социалист, пацифист, интернационалист. Издавал газету «La Guerre sociale» (1906-15), с 1914 — переходит на крайние патристические позиции, переименовал свою газету в «La Victoire» (1916-40). В 1927 основал французскую национал-социалистическую партию. Выдержки из *S.O.S.* появились в номере «La Victoire» за 22 марта 1919 (р.3, *REVUE DE LA PRESSE: S.O.S. DE «LA CAUSE COMMUNE»*).

²³ В лондонской газете «The Times» сообщалось о получении по телеграфу текста *S.O.S.*, из которого цитировались ключевые мысли автора в сопровождении в основном положительной редакционной оценки (*APPEAL FOR HELP: BITTER RUSSIAN COMPLAINT OF DESERTION.* — «The Times», 1 March 1919, p.10, col.4).

²⁴ Андреев располагал не совсем верной информацией, ибо «защитительное» письмо (см. прим.25) было написано тут же в день публикации сообщения об *S.O.S.* и помещено в следующем номере газеты. Отзыв «Мисс», пока не разысканный, являлся, скорее всего, ответом на это письмо.

²⁵ В письме в редакцию молодой и уже достаточно известный литератор и общественный деятель Carl Eric Bechhofer (потом — Bechhofer Roberts; 1894-1949) защищал Андреева от подозрений в реакционности, которые могли возникнуть на основе сообщения об *S.O.S.* (*RUSSIAN WRITERS AND BOLSHEVISM.* — «The Times», 3 March 1919, p.8, col.2).

²⁶ Впервые об *S.O.S.* сообщалось в номерах от 19 и 21 февраля 1919 гельсингфорских газет «Русский Листок» (январь 1918 — февраль 1919) и «Северная Жизнь» (ноябрь 1918 — февраль 1919), которые затем слились

в новую газету «Русская Жизнь» (март — декабрь 1919), выпустившую S.O.S. бесплатным приложением к №23 от 29 марта 1919. S.O.S. вышла также отдельной брошюрой: Гельсингфорс, «Новая Типография Гувудстадсбладет», 1919.

²⁷ Архив Леонида Андреева, Е.14.iii. Запись от 8 апреля 1919.

²⁸ Перевод E. en L. de Haas. s'Gravenhage, W.P. van Stockum & Zoon, 1919.

²⁹ Аркадий Вениаминович Руманов (1878-1960) — долголетний заведующий петербургским отделением газеты И.Д. Сытина «Русское Слово»; принимал активное участие в культурной и политической жизни России и эмиграции.

³⁰ Архив Леонида Андреева, Е.14.iii.

³¹ Антон Владимирович Карташев (1875-1960) — профессор Духовной академии, министр исповеданий во Временном правительстве, член Политического совещания при Юдениче (см. прим.80), управлял делами печати, впоследствии ученый-богослов в Париже. Сохранились три письма Андреева к Карташеву (1919) (Bakhtmeteff Archive, Columbia University, New York; Архив Леонида Андреева, F.43).

³² Архив Леонида Андреева, Е.14.iii.

³³ Иосиф Владимирович Гессен (1866-1943) — видный кадет, один из редакторов кадетских газет «Речь» (СПб, 1906-1917) и «Руль» (Берлин, 1920-1931), основал «Архив русской революции» (Берлин, «Слово», 1921-1937).

³⁴ *ИЗ ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКИ. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА.* — «Архив русской революции», т.1, изд. 2-е (1922), с.309-310. Машинописные копии публикуемого Гессеном письма Андреева от 9 июня 1919 и еще одного письма того же периода хранятся в Архиве Леонида Андреева, F.22.i*, ii.

³⁵ Мануил Сергеевич Маргулиес (1868 — после 1938) — врач и юрист, активно участвовал в политической и дипломатической деятельности антибольшевистского движения, член Северо-Западного правительства (см. прим.80).

³⁶ Михаил Степанович Валов, бывший член Калашниковской биржи, коммерсант. (У М.С. Маргулиеса — Воллов).

³⁷ Владимир Николаевич Троцкий-Сенютович, крупный финансист, член Особого комитета по делам русских в Финляндии (см. прим.18).

³⁸ Владимир Петрович Шуберский, инженер, промышленник, член Политического совещания при Юдениче, заведовал печатанием денег в Швеции для белого движения, совладелец, с М.С. Валовым, газеты «Русская Жизнь».

³⁹ Владимир Дмитриевич Кузьмин-Караваев (1859-1927) — профессор, член Государственной думы, товарищ председателя Петроградской городской думы, член Политического совещания при Юдениче, заведовал продовольственным делом.

⁴⁰ М.С. Маргулиес. *ГОД ИНТЕРВЕНЦИИ*, кн.2, Берлин, Изд. З.И. Гржебина, 1923, с.132, 147. Записи от 26 и 31 июля 1919.

⁴¹ Там же, с.259. Запись от 27 августа 1919.

⁴² Вадим Андреев. *ДЕТСТВО*. Повесть. М., «Советский писатель», 1963, с.255.

⁴³ Там же. Цитируемых мест нет в первом издании повести в парижском журнале «Русские Записки» (№№ 5-12, 1938).

⁴⁴ Архив Леонида Андреева, Ф.57. — Ср. высказывание американской анархистки русского происхождения Emma Goldman: «Мир еще не знал таких искусных пропагандистов (advertising wizards), как большевики». — В ее кн.: *MY DISILLUSIONMENT IN RUSSIA*. London, C.W. Daniels, 1925, pp. xvii-xviii.

⁴⁵ E.H. Carr. *A HISTORY OF SOVIET RUSSIA: THE BOLSHEVIK REVOLUTION, 1917-1923*, vol.3, Harmondsworth, Middlesex, Penguin Books, 1966, p.123.

⁴⁶ *КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ. КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК*. М., «Политическая литература», 1969, с.53-67.

⁴⁷ См. работы советских историков: В.С. Владимирцева, Н.Ф. Каткова, К.П. Шилко, В.М. Щербака, А.С. Якушевского. О роли кино см.: Richard Taylor. *THE POLITICS OF THE SOVIET CINEMA. 1917-1929*. Cambridge, Cambridge University Press, 1979.

⁴⁸ М.С. Маргулиес, ук. соч., кн. 2, с.203.

⁴⁹ Архив Леонида Андреева, Е.14.iii.

⁵⁰ Милюков обстоятельно сопоставляет Андреева с Горьким, как писателей и публицистов, и приходит к выводу, что один Андреев олицетворяет собой демократические чаяния русских, в частности русских, оставшихся верными Антанте и ожидающих поддержки союзников в борьбе с большевиками.

⁵¹ М.С. Маргулиес, ук. соч., кн.2, с.259.

⁵² С Николаем Константиновичем Рерихом (1874-1947) Андреева связывала многолетняя дружба (см.: Н.Рерих. *ПАМЯТИ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА*. — «Родная Земля», Нью-Йорк, №2, 1921, с.37-41; Н.К. Рерих. *ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ*. М., «Изобразительное искусство», 1974, с.106-107).

⁵³ Михаил Иванович Ростовцев (1870-1952) — виднейший русский ученый, археолог, искусствовед, специалист по античной истории и культурному наследию Ближнего Востока, Причерноморья, Кавказа и Ср. Азии.

⁵⁴ «The New Russia». A Weekly Review of Russian Politics. London, 46 вып. 5 февраля — 16 декабря 1920.

⁵⁵ В разные времена в Комитет входили, кроме А.В. Тырковой-Вильямс, ее мужа, брата мужа, и сына, — П.Н. Милюков, В.Д. и К.Д. Набоковы, М.И. Ростовцев, П.Б. Струве, журналист Дионео (Исаак Владимирович Шкловский, 1865-1935), С.В. Денисова (жена финансиста Н.Х. Денисова) и несколько англичан.

⁵⁶ В архивах П.Н. Милюкова и А.В. Тырковой-Вильямс (Bakhmeteff Archive, Columbia University, New York) хранятся 3 номера газеты «Рассвет» (Лондон) за июнь 1919 и материалы, относящиеся к перевозу газеты через Ньюкастл в Архангельск.

⁵⁷ Ср. цитируемое выше утверждение Милюкова о том, что он «ни с каким правительством не состоит в сношениях».

⁵⁸ Аркадий Борман. *А.В. ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС*, с.169-170.

⁵⁹ William Rosenberg. *LIBERALS IN THE RUSSIAN REVOLUTION*. Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 1974, pp.313-321, 438. См. также выдержки из дневника Милюкова, опубликованные в «Новом журнале» (Нью-Йорк), №66, 1961, с.173-203; №67, 1962, с.180-218.

⁶⁰ М.С. Маргулиес, ук. соч., кн.2, с.56. Запись за 3 мая 1919. — В записи за 26 июля 1919 Маргулиес приводит еще отзыв бывшего русского посла в Стокгольме: «Листки, печатаемые Liberation Commit/t/ee, /.../ ничего не содержат в себе и никому не нужны. Продукты А.В. Тырковой» (кн.2, с.132).

⁶¹ William Rosenberg, op. cit., p.437-438.

⁶² Александр Блок. *ПАМЯТИ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА*. — *КНИГА О ЛЕОНИДЕ АНДРЕЕВЕ. ВОСПОМИНАНИЯ* /.../, 1-е изд. Петербург-Берлин, Изд. З.И. Гржебина, 1922, с.60.

⁶³ М.С. Маргулиес, ук. соч., кн.2, с.318.

⁶⁴ См. прим. 12.

⁶⁵ В письме к И.В. Гессену от 9 июня 1919 (см. прим. 34) Андреев писал: «Об английском С.О.С. с статьей Павла Н/иколаевича/ я слышал, и мне чрезвычайно радостно, что предисловие написал как раз П/авел/ Н/иколаевич/. При всех его "ошибках", я считаю его самым большим госуд/арственным/ человеком России; да и лично он внушает мне сильнейшую симпатию. И как он работает! Завидно».

⁶⁶ Андреев очевидно имел в виду с.-р., которые весной 1919 во главе с В.М. Черновым еще выступали против интервентов и белого движения, но одновременно и против большевиков, взывая к их свержению (см.: Leonard Schapiro. *THE ORIGIN OF THE COMMUNIST AUTOCRACY /.../*. New York, Washington, Praeger, 1965, p.163-164).

⁶⁷ После Октябрьской революции союзники расширили военную и экономическую блокаду Германии, чтобы охватить и Россию. По молчаливому соглашению блокада не была снята даже после прекращения военных действий против Германии. Таким образом, еще до начала мирной Конференции в янв. 1919 были приняты меры для изоляции большевистской России от других частей Европы и установлен так называемый карантин (*cordon sanitaire*) (см.: E.H. Carr. *A HISTORY OF SOVIET RUSSIA*, vol.3, p.155; A.J. Mayer. *POLITICS AND DIPLOMACY OF PEACE-MAKING: CONTAINMENT AND COUNTERREVOLUTION AT VERSAILLES, 1918-1919*. London, Weidenfeld and Nicolson, 1968, p.343).

⁶⁸ Помимо дореволюционных денег в обращении в то время находились и «совзнаки» и была учреждена «эмиссия, т.е. выпуск не обеспеченных золотом и иными материальными ценностями бумажных денег /.../ в астрономическом количестве» (В.А. Цыбульский. *ИЗ ИСТОРИИ ФИНАНСОВО-НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ*. — В кн.: *ИЗ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ИНТЕРВЕНЦИИ, 1917-1922 гг.* Сб. статей. Отв. ред. И.И. Минц. М., «Наука», 1974, с.341).

⁶⁹ Ко взятию Петрограда американцы, в частности Гувер, доставили в Финляндию продовольствие, а англичане одежду и снаряжение. Корабли были разгружены главным образом в Выборге. Маргулиес сообщает в записи от 23 июля 1919, что: «американцы доставили около 15 тыс./яч/ тон/н/ муки, бэкона, овсяной крупы, жиров, бобов и конденсированного молока. Из них свыше 3.000 тонн, испорченных от дождя, продано, около 3 тысяч тонн роздано войску и населению освобожденных местностей; остается около 9.000 тонн» (ук. соч., кн.2, с.126; см. также с.59, 112-113).

⁷⁰ См. прим. 18.

⁷¹ См. прим. 80.

⁷² См. прим. 74.

⁷³ 20 июля 1919 взбунтовался 5-й пехотный полк в Чекуеве, позволив большевистским войскам занять город Онега и всю окружающую область, и тем прервать сухопутную связь между Архангельском и Мурманском и поставить под угрозу самый Архангельск. В то же самое время вспыхнули беспорядки и в 6-м и 7-м пехотных полках в Обозерской и Селецком. Эти восстания послужили последним толчком к решению английского генерала Ironside объявить об эвакуации британских войск (см.: Leonid I. Strakhovsky. *INTERVENTION AT ARCHANGEL: THE STORY OF ALLIED INTERVENTION AND RUSSIAN COUNTER-REVOLUTION IN NORTH RUSSIA, 1918-1920*. Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 1944, pp.209-216). Не совсем ясно, насколько масштабы бунта были известны ко времени написания письма. 26 июля 1919 гельсингфорсская газета «Русская Жизнь» (№118, с.3) напечатала телеграмму из Лондона от 24 июля: «Военный департамент сообщает, что, согласно донесению ген. Айронсайда, среди русских войск, в Архангельске, произошел бунт». Касательно онежского бунта сообщалось: «Бунт возник, как следствие большевистской пропаганды, веденной преимущественно на почве ухода британских войск из Северной России». На другой день Маргулиес записывает лишь следующее: «А сегодня /.../ в газетах есть сообщение об убийстве солдатами под Онегой четырех английских и нескольких русских офицеров за их участие в расстрелах большевиков» (ук. соч., кн.2, с.135).

⁷⁴ Александр Васильевич Колчак (1873-1920) был провозглашен Верховным Правителем России в ноябре 1918 после роспуска омского Всероссийского временного правительства (сентябрь — ноябрь 1918). У Андреева был к Колчаку, помимо всех упоминаемых в письме соображений, и сугубо личный интерес. 9 июня 1919 он получил телеграмму из Омска от младшего брата Андрея, проваовавшего всю войну в русской армии, но пропавшего без вести с осени 1918. В письме к И.В. Гессену от того же 9 июня 1919 Андреев писал: «Значит, брат добрался и устроился у Колчака, чему я очень рад: может быть, это от плохой жизни, но в Колчак/а/ я твердо верю. /.../» (см. прим. 65).

⁷⁵ Брошюра не была написана.

⁷⁶ Александр Федорович Керенский (1881-1970) — с.-р., глава Временного правительства; Николай Дмитриевич Авксентьев (1878-1943) — с.-р., министр внутренних дел во Временном правительстве, председатель Предпарламента, Уфимской Директории и Учредительного собрания (Уфа, затем Омск).

⁷⁷ Намек на приписанное Наполеону изречение: «Каждый французский солдат носит в своем ранце маршальский жезл».

⁷⁸ С 1917 по 1929 Анатолий Васильевич Луначарский (1875-1933) являлся наркомом просвещения. В эмигрантской и заграничной прессе

того периода часто встречаются «были и небылицы» о нововведениях в советской системе образования.

⁷⁹ Ср. дневниковую запись А.В. Тырковой-Вильямс от 23 января 1919: «От союзников хочу только пушек, танков и денег. Моральной их опоры нам не нужно, потому что морально мы выше их и это давно пора понять» (Аркадий Борман. *А.В. ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС*, с.169).

⁸⁰ Николай Николаевич Юденич (1862-1933) приехал в Финляндию поздней осенью 1918 и объявил себя главнокомандующим разбросанных в Прибалтике русских войск. Он добился поддержки союзников для успешного наступления из Эстонии в мае 1919 и пользовался их доверием примерно до осени 1919. При Юдениче существовало сначала Политическое совещание, потом Северо-Западное правительство (с августа 1919). Более подробные данные о невероятно сложных делах обоих учреждений см. в: С.М. Маргулиес, ук. соч., кн. 2 и 3.

⁸¹ См. прим. 74.

⁸² Финские власти разрешили Юденичу устроить свой штаб в Гельсингфорсе, и город стал чем-то вроде столицы русского северо-запада.

⁸³ См. прим. 96.

⁸⁴ Заключительные слова первой стофы *ИНТЕРНАЦИОНАЛА* (1871) Эжена Потье в пер. А.Я. Коца (1902).

⁸⁵ В других письмах того периода Андреев жалуется на еще действующую финскую военную цензуру.

⁸⁶ 26 июня 1919 Андреев с семьей переселился из дома на Черной реке на приморскую дачу Лобека в Тюрсево (Tyrisevä). Ко времени написания второго письма уже начался переезд со ставшего опасным берега Финского залива на дачу Фальковского в Нейволе (Neuvola).

⁸⁷ И.В. Гессен, у которого в Гельсингфорсе Андреев две недели гостил в конце августа 1919.

⁸⁸ Константин Дмитриевич Набоков (1872-1927) — советник русского посольства в Лондоне, после смерти посла графа Бенкендорфа поверенный в делах (январь 1917 — сентябрь 1919), представлял интересы русских эмигрантов в Великобритании, автор воспоминаний *ИСПЫТАНИЯ ДИПЛОМАТА* (Стокгольм, «Северные огни», 1921). Сохранилось письмо Андреева к К.Д. Набокову от 30 августа 1919 (Архив А.В. Тырковой-Вильямс, Columbia University, New York).

⁸⁹ Григорий Львович Кирдецов, сотрудник газет «Биржевые Ведомости» и «Русская Воля», редактор официоза Северо-Западного прави-

тельства «Свободная Россия» (Ревель, 26 августа — 16 сентября 1919; 18 сентября 1919 — июнь 1920 под названием «Свобода России»; август 1920 — 28 мая 1921 под названием «За свободу России»), автор воспоминаний *У ВОРОТ ПЕТРОГРАДА, 1919-1920 гг.* Берлин, 1921.

⁹⁰ Константин Иванович Арабажин (1866-1929) — литератор, публицист, профессор русской литературы в Гельсингфорсском университете, двоюродный брат Андрея Белого, сотрудник гельсингфорских газет (см. прим. 26).

⁹¹ Николай Никитич Иванов, присяжный поверенный, владелец банкирской конторы в Петрограде, публицист, издатель «Русской Газеты» (Ревель, с января 1919), автор воспоминаний *О СОБЫТИЯХ ПОД ПЕТРОГРАДОМ В 1919 ГОДУ. ЗАПИСКИ БЫВШЕГО ЧЛЕНА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.* — «Архив гражданской войны», т.1, Берлин, «Русское Творчество», 1922, с.11-140.

⁹² Николай Евгеньевич Марков (Марков 2-й; 1866-1945) — депутат Государственной думы, ярый антисемит. В записи от 3 августа 1919 Маргулиес отмечает: «Офицер Хомутов /.../ оказался агентом Маркова 2-го, который под фамилией шт.кап. Чернякова проживает и сейчас в Ямбурге. Хомутов распространял погромную газету "Белый Крест", сам перевозил тюки ее. Газета закрыта Родзянко, и Хомутов уволен от службы, но причислен к штабу Юденича» (ук. соч., кн.2, с.163).

⁹³ В переводе на английский язык известного переводчика и единомышленника Л.Н. Толстого Aylmer Maude (1858-1938), в то время находившегося в Архангельске при Y.M.C.A., S.O.S. был частично опубликован в номерах 3 и 4 от 21 и 28 июня 1919 официального еженедельника «Gazette of the Archangel Force» (Архангельск; 16 вып. 7 июня — 20 сентября 1919), но маловероятно, что газету читали в блокирующем Петроград флоте.

⁹⁴ О сильном впечатлении, произведенном на молодых офицеров белой армии чтением вслух S.O.S. в Ямбурге (Кингисепп) в начале июля 1919, вспоминает Н.Е. Андреев в статье *LEONID ANDREYEV AND HIS DESTINY AS A WRITER.* — См. в: *ГОРСКИ ВИЖЕЦ: A GARLAND OF ESSAYS OFFERED TO PROFESSOR ELIZABETH MARY HILL*, Cambridge, Modern Humanities Research Association, 1970, p.2.

⁹⁵ Заметка об S.O.S. появилась на шведском языке в гельсингфорской газете «Hufvudstadsbladet» 20 февраля 1919. Существовал также перевод на шведский же язык Rafael Lindqvist в журнале «Nya Fyren», Helsingfors, №№ 13-15, 16-17 за 1919.

⁹⁶ В письме от 28 июля 1919 (Архив Леонида Андреева, F.7.iii) Андреев обращается к русско-американскому журналисту и переводчику Герману

Бернштейну (1876-1935) с просьбой помочь ему устроить поездку в США. В конце августа или начале сентября 1919 Андреев повторил свою просьбу в телеграмме (см.: «Архив русской революции», т.1, с.310) и 10 сентября 1919 получил обнадеживающий ответ от Бернштейна (Архив Леонида Андреева, F.7.iv*).

⁹⁷ В конце марта 1919 Рерих уехал из Финляндии в Копенгаген, где устраивалась его выставка, затем в Англию, куда его звал С.В. Дягилев для участия в постановке *КНЯЗЯ ИГОРЯ* и где Рерих надеялся хлопотать визу в Индию. В Лондоне он жил с осени 1919 до декабря 1920 (см.: П.Беликов, В.Князева. *РЕРИХ*, 2-е изд. М., «Молодая гвардия», 1973, с.143-148).

© Письма — наследники Вадима Андреева; вступительная статья и примечания — Ричард Дэвис, 1987.

РЕЦЕНЗИИ

С. Максудов

ДИСКУССИИ НА ЗАПАДЕ
О ПОТЕРЯХ СОВЕТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
В ЭПОХУ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Хотя проблема потерь советского населения обсуждается уже много десятков лет, в научной литературе по этому вопросу нет единого мнения, и существующие оценки расходятся столь же существенно, как и в самом начале. Диапазон оценок задается советской официальной позицией (потерь не было) и утверждениями эмигрантов: сидели и погибли многие десятки, едва ли не сотня миллионов. Правда, не публикуя демографических сведений для 1931-35 гг., советская сторона молча подчеркивает грандиозность демографической катастрофы (второй период, о котором отсутствуют сведения, — 1941-45 гг.).

Эмигрантская литература включает множество свидетельств и оценок очевидцев, в том числе и секретные советские сведения, сообщенные перебежчиками, бывшими советскими руководителями. Кроме того, в эмиграции очень часто используется прямая экстраполяция прироста населения и сравнение ее результатов с реальной ситуацией. Этот метод для прогноза был использован в свое время Д.И. Менделеевым, затем повторен с арифметическими и логическими ошибками профессором И.Кургановым и вот уже 20 лет вновь и вновь изобретается или используется в различных эмигрантских изданиях. Ошибочность такого подхода была показана, и здесь на работах такого типа останавливаться мы не будем¹. Что касается свидетельств очевидцев, они очень полезны, когда речь идет о конкретном факте или событии, но распространение этих сведений на всю страну так

или иначе почти всегда приводит к абсурду. Апелляция к секретным советским источникам также выглядит мало убедительной. Эти цифры могут быть и верны, но их невозможно проверить. Наука опирается не на слухи, а на документы и на те или иные методы расчета.

Западные исследователи, как это ни удивительно, находятся в том же самом советско-эмигрантском диапазоне оценок. Наиболее ярко точку зрения, что потерь практически не было, представляет бирмингемский ученый С.Виткрофт, а об огромных размерах потерь говорит С.Розфилд. Poleмика между этими двумя учеными в начале 80-х годов не привела ни к выработке единого взгляда на проблему, ни тем более к установлению истины². Авторы опровергли друг друга главным образом в своих собственных глазах и продолжают использовать свои прежние аргументы и методы в новых работах. С.Виткрофт завершил большое исследование, в котором, привлекая разнообразные сведения из области демографии, экономики, медицинской статистики, показывает, что потерь от голода в 30-х годах практически не было, по крайней мере, они не превышали 2,7 млн. человек³. Розфилд опубликовал несколько статей, в которых доказывает, что потери в 1928-39 гг. составили или 9, или 18,5, или 20,5 млн. человек в зависимости от исходных предпосылок. Из них коллективизация унесла, по мнению автора, 5,1 млн. человек⁴. Проблему потерь сельского населения рассматривает в своей книге Р.Конквест и приходит к заключению, что к 1937 году повышенная убыль составила 11 млн. человек и еще 3,5 млн. крестьян умерли вскоре в лагерях⁵.

Горячая дискуссия и разнообразные оценки показали убедительно лишь одно: проблема очень далека от окончательного разрешения. Поэтому не удивительно, что в последнее время дискуссия вспыхнула с новой силой⁶. Важной особенностью этого этапа является вовлечение в обсуждение некоторых новых материалов, а главное — участие Б.Андерсон и Б.Сильвера, которые привнесли строгий демографический подход⁷. Работа их очень полезна для оценки возможного интервала потерь населения, но, к сожалению, этот интервал оказался очень большим. Повышенная убыль для поколений старше 12 лет в 1939 году составляет, по их данным, от 0,5 млн. (при модели, принимающей за основу высокий уровень смертности) до 5,5 млн. (при низком уровне смертности).

Привнесение в оценку потерь гипотез о рождаемости еще больше увеличивает интервал возможной ошибки от нуля при низкой рождаемости и высокой смертности — до 24 млн. при

низкой смертности и высокой рождаемости. К сожалению, авторы не объяснили в своей статье, почему ими использована именно восточная модель, насколько хорошо она описывает советское население (отметим, что согласование с действительными таблицами смертности довольно плохое), почему минимальным и максимальным уровнями продолжительности жизни в тот период взяты 38,6 и 48,3 лет, а не какие-то иные цифры? Несмотря на некоторую условность использованных допущений Андерсон и Сильвер довольно точно указывают на пределы возможной ошибки. Однако сами пределы так велики, что это не приближает нас к ответу на вопрос: какую именно оценку потерь населения можно считать наиболее достоверной. Правда, авторами высказаны многие важные критические замечания в адрес других исследователей, которые могут помочь прийти к правильному ответу.

Цель нашей работы — критически рассмотреть высказанные в ходе дискуссии утверждения и оценить наиболее вероятные размеры потерь советского населения в 1926-38 гг.

Классическая книга Ф.Лоримера в течение всей дискуссии о потерях населения в 30-е годы остается абсолютным авторитетом⁸. К ней апеллируют все авторы, по-разному трактуя расчеты Лоримера, но не ставя под сомнение его утверждения. Такой пиетет перед исследованием, выполненным сорок лет назад, необычайно трогателен и отчасти справедлив, следует только иметь в виду, что Лоример располагал для своей работы ограниченным статистическим материалом советских публикаций 20-30-х годов и только на этой основе мог проводить свои исследования. Послевоенная советская статистика позволяет уточнить многие факты и гипотезы.

Рассмотрим последовательно наиболее важные утверждения Лоримера. Он принимает как достаточно достоверные данные о численности населения по переписям 1926 и 1939 гг., проводя некоторое перераспределение по возрастным группам.

Распределение населения по одногодичным возрастным группам известно с заметными ошибками. Эти погрешности были откорректированы еще Новосельским и Паевским⁹, а в послевоенные годы серьезное исследование в этом направлении проделал Ж.Бирабен¹⁰. Нами предпринимались параллельные расчеты по данным сглаживания Ж.Бирабена и Новосельского и Паевского и выяснено, что на общей оценке потерь эти исходные различия практически не сказываются, если остается неизменной оценка численности населения¹¹. Однако Ф.Лоример несколько изменяет эту оценку. Он увеличивает численность поколений в возрасте

0-2 года в данных переписи 1926 г. на 580 тыс. человек, около 5% их численности¹². Такое изменение в расчетах редко решаются предпринять другие исследователи, хотя многие отмечают неполноту сведений о младших возрастах в переписях. Андерсон и Сильвер указывают, что такого рода ошибка встречается и в послевоенных переписях¹³. Известный украинский демограф Ю.А. Корчак-Чепурковский также увеличивал численность двух младших возрастных групп в 1926 г., причем в своих послевоенных работах он отмечал, что результаты переписи 1939 г. по Украине показывают, что такая поправка на недоучет численности детей до двух лет была необходима¹⁴.

Очевидно, что некоторый недоучет населения переписями, особенно переписью 1926 г. имел место. Контрольные мероприятия при переписях 1959-79 гг. (контрольный бланк и выборочный обход) позволили выявить дополнительно около 0,5% населения¹⁵. Эти меры не предпринимались в 1926 году, и при той переписи в деревнях не фиксировалось постоянное население, только наличное. Перепись 1939 г. была очевидно точнее, чем в 1926 г. Она включала контрольные вопросы, предусматривала контрольный бланк и сплошной контрольный обход с привлечением работников администрации, а главное, преследовала специальную задачу возможно полнее учесть население. Огромная работа по уточнению списков населенных мест по всей стране проводилась и в 1935-36 гг., и в 1937-38 гг. Кроме того, паспортизация населения несомненно снизила его подвижность и увеличила возможности правильного административного учета. Следовательно, перепись 1926 года недоучла население более значительно, чем перепись 1939 г. Ориентировочная оценка недоучета 1926 г. — 0,5%, т.е. 800 тыс. человек. Часть этой погрешности перекрывается поправкой, сделанной Лоримером. Вводить другие коррективы вряд ли следует, так как нет определенных данных о половозрастной структуре, пропущенных при переписи населения, и нет доказательств, что в 1939 году аналогичных пропусков совсем не было.

Таким образом, использование данных переписей 1926 и 1939 годов для расчетов оценки потерь населения не вызывает возражения ни у Лоримера, ни у его последователей. Различия в возрастной группировке не оказывают заметного влияния на результаты расчета. Поправки Лоримера к младшим возрастным группам вполне справедливы и подтверждаются данными послевоенных переписей.

Из текущей статистики Лоример принимает безоговорочно все сведения о рождаемости, как опубликованные в статистиче-

ских справочниках, так и появившиеся в виде косвенных указаний в советских газетах 30-х годов. Для периода 1931-34 гг., когда какие-либо сведения вообще отсутствуют, Лоример прибегает к интерполяции с постоянным шагом снижения рождаемости. В послевоенный период в научный оборот были включены сведения о численности поколений 1926-38 гг. рождения в переписи 1959 года, данные о плодовитости когорт женщин по обследованию 1960 г., уточненные коэффициенты рождаемости ЦСУ для современных границ СССР, коэффициенты рождаемости, рассчитанные Б.Урланисом¹⁶. Все эти сведения несколько уточняют отдельные коэффициенты, но не меняют общую тенденцию изменения рождаемости. В пределах обычных погрешностей учета данные, использованные Лоримером, представляются и сегодня наиболее вероятными. Например, для 1930 г. коэффициент Лоримера 39,2‰, Урланиса — 41,2‰, расчет плодовитости когорт женщин 40,5‰, расчет по данным переписи 1959 г. — 38,9‰¹⁷. Для 1932 г.: Лоример — 34,6‰, Урланис — 32,6‰, по плодовитости — 36,5‰, по переписи — 32,7‰. Для 1934 г.: Лоример — 30,1‰, Урланис — 32,6‰, по плодовитости — 29,2‰, по переписи — 27,8‰¹⁸. Всего по Лоримеру за 12 лет должно было родиться 70,6 млн. человек. Эта цифра близка, по оценке Андерсон и Сильвера, к верхней границе низкого уровня рождаемости (69,3 — 70,4 млн. чел.)¹⁹. Высокий уровень 84,5 млн. соответствует данным о рождаемости 1926-27 гг., то есть сведениям, использованным в свое время в расчете Новосельского и Паевского.

В своих расчетах мы использовали оценку Лоримера для наиболее сложного периода 1931-34 гг. В предшествующие годы, 1927-30, сведения Лоримера несколько преувеличены, хотя в среднем близки к данным ЦСУ и оценкам Урланиса. Для 1935-36 гг. цифры Лоримера, взятые из довоенных газетных публикаций, несколько меньше приводимых Урланисом и получаемых на основе послевоенной статистики, а для 1937-38 гг. — сведения Лоримера немного завышены.

Принимая как достоверные сведения о рождаемости, Лоример в то же время считал преуменьшенными советские данные о смертности и, соответственно, преувеличенными оценки численности населения. Он говорил, что жители были больше заинтересованы в регистрации рождений, чем смертей²⁰. В общем виде с таким утверждением трудно согласиться. И тот и другой акт рассматривались населением как государственная повинность и ничего не давали самим жителям. Мусульмане в азиатских районах пытались избежать всяких контактов с администрацией, скрывая и рождения, и смерти, и наличное население при пере-

писях. Сельские жители русско-украинских территорий по традиции стремились прежде всего к соблюдению религиозных обрядов (крещение, отпевание), не придавая большого значения официальной регистрации. Однако смертность при этом могла быть учтена довольно точно, так как существовало небольшое число кладбищ, контроль за которыми государство быстро взяло в свои руки. Местные статистические бюро всегда могли воспользоваться сведениями о захоронениях на кладбищах, сопоставив их с врачебной статистикой регистрации смертей и с официальными записями в сельсоветах. Относительно рождений подобный контроль был невозможен.

Следует сказать несколько слов о высокой точности работы советской статистики. Как известно, перепись 1920 года проводилась в условиях гражданской войны и охватила всего 70% населения. После этого статистическими бюро была проделана большая работа по учету пропущенного населения, что вместе со сведениями о рождаемости и смертности позволило почти точно предсказать численность населения по переписи 1926 г. Для Европейской части страны их оценка на дату переписи составила 122957 тыс. на 860 тыс. (0,7%) больше, чем было учтено переписью²¹. Это очень небольшое расхождение, а если вспомнить о том, что некоторое количество людей могло выехать в 1926 году в азиатские районы страны, и о том, что перепись вероятно недоучла население на 0,5-1,0%, то совпадение будет абсолютно точным. Таких успехов добивались статистики потому, что в их распоряжении была не только статистика административная и медицинская, но и данные о торговле хлебом и другими продуктами, а также сведения о перевозке зерна, позволявшие оценить численность населения отдельных территорий.

Следует отметить, что и в 1956 г. при катастрофических изменениях численности населения в стране статистический аппарат сумел оценить население с ошибкой всего 0,5%²². Современные расхождения данных текущего учета, проверяемых каждые десять лет переписями, составляют всего несколько сот тысяч (0,1%) от общей численности²³.

В последние десятилетия ЦСУ подвергло некоторой ревизии статистику 20-30-х гг. Уточнены данные о численности населения в 1913, 1917, 1920, 1922, 1924, 1926, 1928, 1937-39 гг.²³ Сведения о рождаемости и смертности приводятся лишь для 1913, 1926, 1928, 1937-39 гг.²⁴ Мнение Виткрофта, что ЦСУ лишь повторяет сведения предыдущих лет, неточно. Небольшие изменения внесены почти во все цифры, в некоторых случаях даны абсолютные

значения числа родившихся и умерших. Появление данных для этих лет показывает, что ЦСУ считает эти сведения надежными, в отличие от всех остальных, пропущенных при публикации.

Наиболее важным отклонением от предыдущих лет является пересчет 1928 г., для которого оценка численности снизилась на 877 тыс., рождаемость возросла с 42,1‰ до 44,3‰, а смертность — с 18,1‰ до 23,3‰²⁵. Этот пересчет показывает, что критические замечания Лоримера о том, что сведения о смертности населения занижены, были справедливы. Правда, заниженными оказались и данные о рождаемости. Однако размер преуменьшения смертности Лоримером явно переоценен. По одному варианту его расчета численность в начале 1929 г. расходится с современной оценкой ЦСУ на 453 тыс., по второму — на 637 тыс.²⁶ О преувеличении Лоримером уровня смертности свидетельствуют и данные предшествующего периода 1924–26 гг. Рост за три года на 9,5 млн. был возможен только при среднегодовом приросте не менее 2,2%, в то время как при уровне смертности 26‰, принятом Лоримером для 1927 г.²⁷ (в предыдущие более тяжелые годы он очевидно должен быть еще выше) и рассчитанной им рождаемости (около 43‰), прирост не мог превышать 1,7%. Нехватка за три года должна была составить почти 2 млн. человек.

Следует признать, что текущие оценки численности населения, публиковавшиеся ЦСУ в конце 20-х — начале 30-х годов, были несколько преувеличенными. Возможно, Б.Урланис также несколько ошибается, говоря, что в «конце 1930 г. население страны составило свыше 160 млн. человек»²⁸. Также возможно, что специальный учет населения административными методами летом 1931 г. дал завышенную оценку. Советские статистики, вероятно, еще не понимали, насколько сильно мероприятия властей влияют на обычную жизнь населения, недоучитывали потери от раскулачивания и выселений, от голода среди кочевников Казахстана. Это непонимание отразилось и в перспективных расчетах и в цифрах, даваемых правительству. Оно видимо закончилось в 1933 году, так как в этот момент полностью прекращается публикация сведений о рождаемости, смертности и численности населения, которая возобновится лишь после переписи 1939 г. (Не считая нескольких коэффициентов, характеризующих рождаемость, появившихся в газетах в конце 30-х годов, — эти коэффициенты, использованные Лоримером, мало расходятся с данными, публикуемыми в современных справочниках.)

Лоример считал, что таблицы смертности 1926–27 гг. дают преуменьшенный уровень смертности. Он отмечал три фактора:

неполный учет умерших в некоторых районах, охваченных таблицами, более высокую смертность в областях, не охваченных таблицами, и низкую смертность в старших возрастах по сравнению с соседними странами²⁹.

Неполнота учета действительно имела место, и авторы таблиц попытались ее оценить. Они отмечали, что заметную часть недоучета составляли младенцы. Довоенная регистрация была связана с крещением, позволить ребенку умереть некрещенным — это взять на себя большой грех, обречь его на мучения. Напротив, государственная регистрация больного ребенка не представляется обязательной. Однако соответствующим образом был занижен коэффициент рождаемости, то есть на естественном приросте населения и его численности погрешность учета не сказывалась. Второй причиной снижения смертности в 20-е годы была повышенная убыль в предшествующий период, когда голод и заразные болезни унесли склонную к заболеваниям и большую часть населения³⁰. Кроме того, некоторую роль в снижении коэффициента смертности могло играть улучшение учета нехристианского, еврейского и мусульманского населения. На плохое качество статистики движения населения этих народов до революции указывала в свое время Р.Сифман³¹.

Смертность населения перед Первой мировой войной снижалась довольно быстро. Эта тенденция очевидно продолжалась и в годы войны, но, конечно, перекрывалась военными потерями и начинавшимися эпидемиями, уносившими в первую очередь стариков. Только за счет изменения возрастного состава населения смертность к 1926 г. должна была упасть на 2-3%³².

Кроме того, Лоример считает свидетельством неполноты статистики более низкую смертность в селе по сравнению с городом, отмеченную на Нижней Волге, в Армении, в Крыму, в Башкирии и Бурят-Монголии³². Этот аргумент не кажется справедливым. Характер жизни в русских городах был такой, что в предреволюционные годы смертность в селе была повсюду ниже, чем в городе. В 20-е годы положение постепенно изменялось, но успехи совсем не везде были велики. Это в частности относится к Армении, города которой представляли собой разросшиеся деревни, скопление глиняных мазанок. В городах не было ни водопровода, ни канализации, и в 20-е годы они еще в задачу были переполнены недавними беженцами из Турции. На Нижней Волге более низкая смертность в селе объясняется тем, что жителями деревни в этой области были немецкие колонисты, действительно отличавшиеся более высоким уровнем гигиены и ухода за детьми, чем их русские соседи. Жителями же

городов (Царицына, Саратова и Астрахани) были преимущественно русские и мусульмане. В Башкирии, Крыму и Бурятии различие также следует из разного национального состава горожан и жителей села. Горожане, преимущественно русские, имели меньше детей и больше стариков, чем жители сельской местности, и поэтому их смертность могла оказаться несколько выше. Правда, не исключен и некоторый недоучет смертности у кочевых народов. Это, однако, не сказалось заметно на таблицах смертности, так как они были исключены из расчетов.

Более высокая смертность в районах, не охваченных таблицами, для отдельных возрастов несомненна. Особенно это касается младенческой смертности. Однако при этом дети, умершие на первом году жизни, не учитывались, как правило, и среди новорожденных, так что заниженными оказывались оба показателя — и рождаемость, и смертность. Что касается смертности пожилых, то совсем не очевидно, что она была у мусульманских народов выше, чем у славянских. Например, в наши дни смертность узбеков старше 50 меньше, чем смертность украинцев, а продолжительность жизни американских негров старше 70 лет больше, чем продолжительность жизни белых³³. Причина этого явления кроется не в лучших условиях жизни узбеков или негров, а напротив, в малочисленности группы, доживающей у этих народов до старших возрастов и потому, в силу естественного отбора, более жизнеспособной.

Диспропорция между смертностью старших и средних возрастных групп, которую Лоример вслед за Кузлом истолковал как заниженную смертность старших возрастов, имеет не только такое объяснение. Дело в том, что эта диспропорция сохранилась во всех последующих советских таблицах, в том числе и в довольно точных, как таблицы 1958-59 и 1968-72 гг., которые позволяют практически без ошибок предсказывать численность населения. Следовательно, относительно невысокая смертность старших возрастов является специфической особенностью советского — русского населения. Из-за громадной протяженности территории и пестрого национального состава население СССР не описывается ни одной из теоретических моделей, предложенных Кузлом. Восточные модели, которые использовали для расчета Андерсон и Сильвер, совпадают с таблицами смертности СССР лишь отчасти, хотя и лучше описывают изменение коэффициентов, чем модели западного типа.

Погрешностью таблиц 1926-27 гг. считали обычно большее сокращение смертности женщин, чем мужчин, по сравнению с дореволюционными таблицами. Однако эта «погрешность» еще с

большей силой выявилась в последующий период и отмечается во всех советских таблицах населения.

О том, что дело не столько в ошибках, сколько в тенденциях изменения смертности, говорит более высокое сокращение коэффициентов смертности в городе (где учет точнее) по сравнению с селом³⁴. Это же относится, в частности, к падению детской смертности, затронувшей города значительно сильнее, чем деревню. Одной из причин снижения смертности младенцев в городах явилось разрешение аборт, позволившее избавляться заранее от появления нежелательных детей.

Важной погрешностью таблиц 1926-27 гг. был плохой учет возраста умиравших. Как правило, возраст округлялся до пяти или десяти и чаще всего в сторону завышения. Это преувеличение возраста в старших поколениях делает население в таблицах более живучим, чем это было на самом деле. Однако следует иметь в виду, что такие же ошибки содержатся и в сведениях о численности поколений в переписях. Поэтому увеличение коэффициентов, вроде проделанного Куэлом, не оправдано³⁵. Более надежными являются с этой точки зрения таблицы Новосельского и Паевского, где сведения о смертности увязаны с данными о численности поколений³⁶.

Решающим подтверждением пригодности для расчетов таблиц 1926-27 гг. было появление в 60-е годы таблиц смертности 1938-39 гг. для всей территории СССР. Эти полные таблицы и для мужчин, и для женщин, и для города, и для села во всех возрастных группах дали меньшие значения коэффициентов, чем неполные таблицы Новосельского и Паевского. Таблицы 1938-39 годов сохранили все «погрешности», отмечавшиеся у предшествующих таблиц (более низкую смертность женщин, падение смертности младенцев, низкую смертность в старших возрастных группах). Это позволяет утверждать, что речь идет не столько о неточностях, сколько о специфических особенностях. Об этом же свидетельствуют и таблицы населения Украины 1925-26 гг., имеющие меньшие значения коэффициентов, но сохраняющие те же особенности, что и таблицы для всей страны. Таблицы 1938-39 гг. показывают, что даже если в качестве нормального уровня таблицы 1926-27 гг. несколько преуменьшают цифры смертности на первом этапе, они его заметно преувеличивают в конце периода, в 1936-38 гг.³⁷

Важным фактором недоучета смертности Лоример считал отсутствие сведений по азиатским территориям страны. Коэффициент смертности Европейской части страны в пределах, охва-

ченных таблицами смертности, он оценивал в 23,5‰, а на остальной территории — в 35‰³⁸.

Рождаемость у мусульманских народов Средней Азии была в тот период несколько ниже, чем у европейских (сказывалось многоженство, бесплодие из-за раннего вступления в брак и другие факторы) и, по оценкам демографов, не превышала 40-44‰³⁹. По предположению Лоримера, численность народов Кавказа и Средней Азии должна была вырасти всего на 6-10%. В действительности она возросла между переписями 1926 и 1939 гг. сильнее, чем у других народов страны. Узбеки — на 24%, азербайджанцы — на 33%, лезгины — на 64% и т.д., при среднем росте по стране 15,7%⁴⁰. (Трагическое сокращение численности казачков имело, как известно, политические, а не демографические причины). Такой прирост азиатских народов мог иметь место лишь при сравнительно невысоком уровне смертности, не более 18-20‰, то есть даже меньше среднего коэффициента по стране. Причина этого на первый взгляд парадоксального явления заключалась не в уровне культуры, а в сравнительно более молодой возрастной структуре населения. Аналогичную картину наблюдаем мы сегодня в азиатских и африканских странах, где коэффициент смертности ниже, чем в европейских.

Общая оценка потерь Лоримером составляет для населения старше 12 лет в 1939 г. — 4,8 млн. человек. Для расчета были использованы таблицы смертности Кузла. По таблицам Новосельского и Паевского получается — 5,5 млн. Расхождение этих цифр невелико, и можно считать данные Лоримера хорошей нижней оценкой потерь взрослого населения.

В работе Лоримера проведен и другой расчет, опирающийся на динамику коэффициентов рождаемости и смертности. Как было отмечено выше, он использовал преувеличенные данные о норме смертности в стране и поэтому получил меньшую цифру — 5,5 млн. для всего населения, включая и детей⁴¹. Как известно, данные о рождаемости и смертности известны с большой ошибкой, и потому цифра, полученная на их основе, также содержит большую погрешность.

Мы уделили так много внимания расчетам Лоримера потому, что до сих пор его подход и анализ данных представляются наиболее серьезным шагом в оценке потерь. Все другие авторы идут по его стопам, совершая порою довольно серьезные ошибки.

**

Работа С.Виткрофта не встретила пока серьезной критики, в частности и потому, что не была опубликована, а распространялась в ксерокопии. Однако он сам столь часто цитировал в печати ее результаты, что это дает право считать его исследования уже введенными в научный оборот.

В своих исследованиях Виткрофт повторил вычисления Лоримера, при этом, однако, допустив несколько серьезных ошибок. Общую численность поколений старше 12 лет в переписи 1939 г. он указывает в 123594 тыс.: 58064 тыс. мужчин и 65530 тыс. женщин⁴². Лоример принимал эту цифру равной 122378 тыс., в том числе 57491 тыс. мужчин и 64887 тыс. женщин⁴³. В первоначальной советской публикации было 122646 тыс.⁴⁴ Так как Виткрофт не проводит оценки потерь до 12 лет, преувеличив без всяких оснований число выживших к 1939 г. из родившихся до 1927 г., он тем самым преуменьшает потери этих поколений более чем на миллион.

Виткрофт заимствовал у Лоримера укрупненные табличные коэффициенты Кузла доживаемости поколений. Однако Лоример их рассчитал для вполне определенного распределения населения внутри возрастных групп, для данных Виткрофта эти коэффициенты дают заметную ошибку. В результате для поколения 12-19-летних в 1939 г. Лоример получает нехватку 777 тыс. человек. Виткрофт имеет избыток в 1665 тысяч⁴⁵. Общая оценка потерь у Виткрофта в итоге вычислений получается 2607 тыс. мужчин и 197 тыс. женщин, то есть на 2 млн. меньше, чем у Лоримера⁴⁶. Удивительный результат, если учесть, что Виткрофт пользовался коэффициентами смертности Лоримера.

Еще более фантастическую ошибку допускает Виткрофт, когда оценивает потери детей, родившихся между переписями 1926 и 1939 гг.

Он пишет:

«Гипотеза Бирабена заключается в том, что за семь лет перед переписью было рождено 36152 тыс. детей, из них, согласно нашим расчетам, к 1 января 1939 г. как минимум умерло 7896 тыс. и осталось в живых 28256 тыс., максимальное число выживших между переписями.

Однако в опубликованных данных переписи группа в возрасте 0-7 лет составляет 31595 тыс. детей, то есть на 12% или 3,3 млн. больше.

Гипотеза Лоримера несколько лучше. 38893 тыс. детей родилось. 8660 тыс. как минимум должно было умереть между переписями. Остается 30230 тыс., как максимум. Это точнее, но избыток составляет все-таки 1,4 млн. детей, или 4,5%»⁴⁷.

В этом рассуждении численность семи поколений, родившихся в 1932-38 гг., сравнивается с 8 поколениями в переписи 1939 г., родившимися в 1931-38 гг. Правильное сравнение должно включать еще 5862 тыс. человек, родившихся в 1931 г.⁴⁸ Из них около 4396 тыс. должны были жить и в 1939 г. Таким образом, после исправления ошибки гипотеза Лоримера приводит не к избытку в 1,4 млн. человек, а к нехватке трех с небольшим миллионов детей.

Намного более серьезны замечания Виткрофта в отношении других авторов.

Нельзя не согласиться, что пятилетние планы в СССР по всем показателям, в том числе и по населению, составлялись на максимум возможного. Виткрофт правильно отмечает, что оценка 165,7 млн. на 1.01.1933 появилась в печати еще в справочниках начала 30-х годов и исчезла лишь между переписями 1937 и 1939 гг.; справедливо его замечание об ошибке в работе Урланиса в дате начала первого пятилетнего плана. Некоторые его замечания основаны, однако, на ошибочных предпосылках. Как уже отметил Розфилд, оценка прогнозного расчета Новосельского и Паевского 167,713 млн. относится не к началу 1933 г., а к его концу, точнее к 17 декабря 1933 г., так как эти авторы использовали в качестве исходных сведений данные переписи 17.12.1926 и продолжали вычисления для целого числа лет. Нельзя согласиться и с трактовкой Виткрофтом работы «География голода»⁴⁹. Соотношение между поколениями родившихся в 1929-33 гг. и в 1934-39 гг. рисует общую качественную картину нехватки поколения, но не может быть использовано для количественной оценки потерь. На это, кстати, справедливо указывают Андерсон и Сильвер⁵⁰. Дело в том, что население во всех областях страны понесло потери, а возрастные группы детей, используемые для сопоставления, также пострадали.

Розфилд в ходе прошедшей дискуссии подвергся уже суровой и совершенно справедливой критике. Он слишком часто основывает свои расчеты на малодостоверных цифрах, а то и просто на слухах. В частности, в качестве новых доказательств он привлекает расчеты Ван дер Берга⁵¹. Голландский автор интересного исследования по статистике преступности в СССР обратил внимание на то, что, используя сведения о числе хулиганских преступлений в абсолютных цифрах и в пропорции к тысяче жителей, можно рассчитать численность населения, которую использовали советские юристы при составлении этих пропорций. Он рассчитал эту численность для территории РСФСР без автономных республик, а затем распространил свои данные на всю

страну, получив оценку численности на начало 1931 г. 160,5 млн., 1932 — 159,5 млн., 1933 — 155,1 млн. и 1934 — 157,5 млн.⁵² К расчетам такого рода следует относиться крайне осторожно, понимая, что погрешность в оценке числа уголовных преступлений в размере нескольких тысяч превращается при пересчете на население в несколько миллионов жителей. Кроме того, Берг ошибся в своем предположении, что соотношение в численности населения различных частей страны в период 1930-35 гг. не менялось. Напротив, территория РСФСР была источником миграции, отсюда добровольно и принудительно ехали люди в Казахстан, в Донбасс, на строительство Беломорско-Балтийского канала (которое проходило как раз в автономных республиках Карелии и Коми). Эта миграция могла действительно сдвинуть несколько миллионов с места, что при пересчете на всю страну приводит к абсолютно необоснованному предположению, что советские юристы использовали в расчетах численность населения на 10 млн. меньше официально объявленной.

Еще один заочный участник дискуссии проф. Б. Урланис был истолкован не совсем точно. На страницах, где появилась его оценка численности населения в 1933 г., он действительно делает несколько неточных утверждений⁵³. Например, пишет, что в 1939 г. расхождение расчетов Новосельского и Паевского «превысило 20 млн. чел.»⁵⁴. В то время как их цифра на конец 1939 г. составила 191,1 млн., а фактическая численность населения — 173 млн., то есть расхождение было 18 млн.⁵⁵

В то же время не следует забывать, что Б.Ц. Урланис постоянно рассматривал динамику советского населения в своих работах, его численность, рождаемость и смертность. И не следует вырывать у него одну неожиданную цифру, пренебрегая другими. Он неоднократно писал, что численность населения страны в конце 1930 года составила свыше 160 млн. чел., но затем в процессе коллективизации рост застопорился⁵⁶.

Для 1930 г. он оценивал рождаемость в 39‰⁵⁷, а смертность в 20‰⁵⁷. В 1931, 1932 и 1933 гг. рождаемость по его данным составляла 31‰⁵⁸, то есть при той же смертности, что и в 1930 г., население должно было возрасти к началу 1933 г. на 3,8-4 млн. Сокращение на 2 млн. означает, что Урланис оценивал потери первых лет коллективизации примерно в 6 млн. человек. Трагический период, данные которого не подлежат разглашению, охватывал, по мнению Урланиса, 1931-33 гг. В своей книге «История одного поколения», вычисляя смертность поколения 1906 г. рождения, он обрывает расчеты в 1930 г. и вновь возвращается к ним в 1934 г. Причем интересно отметить, что

он оценивает убыль поколения в 1934 г. на 15% выше, чем в 1935 и несколько последующих лет⁵⁹. Очевидно, это отражает тяжелое положение после пережитого только что голода. Можно крайне ориентировочно оценить потери 1933 года, следующие из данных Урланиса. Рождаемость, по его сведениям, составляла в 1934-36 гг. 31‰, 30,1‰ и 34,3‰. Сравнительно полную цифру смертности он приводит только для 1934 г. (2449 тыс. для территории, на которой проживало 78,8% населения)⁶⁰. То есть примерно 19‰. В 1937 г. смертность, по его данным, также составляет 18,9‰. В 1935-36 гг. можно принять ее на том же уровне. Обратный расчет от известной численности 1936 г. 163,77 млн. чел. дает по этим сведениям на конец 1933 г. 157,8 млн., то есть в 1933 г. численность практически не менялась. Так как рождаемость в 1933 г. оставалась равной 31‰, а нормой смертности можно по-прежнему считать уровень 1930-34 гг. — 20‰, получаем, что прирост мог составить 1,6 млн. Таким образом, по Урланису, оценка потерь населения в годы коллективизации равна 7,5 млн. чел. (6 млн. в 1930-32 гг. и 1,6 млн. в 1933-36 гг.). Как нам представляется, эта оценка близка к действительности, хотя и не исчерпывает всех потерь населения между переписями 1926 и 1939 гг.

Наконец, обратимся к самому последнему серьезному исследователю проблемы, Роберту Конквесту⁶². Он оценивает убыль сельского населения в 1930-37 гг. в 11 млн., и, кроме того, по его мнению, 3,5 млн. крестьян было арестовано в те же годы и умерло в лагерях несколько позже, в основном в 1937-38 гг.⁶³ Эти оценки приходится признать сильно преувеличенными.

Автор предполагает, что перепись 1926 г. дала несколько заниженную цифру населения на 1,2 - 1,5 млн. для СССР и 800 тыс. для Украины⁶⁴. Преуменьшение численности переписью 1926 г. возможно, хотя размер его не известен. Однако никак нельзя согласиться с тем, что большая часть этого преуменьшения приходится на Украину — густо населенную территорию с высоким числом грамотных, с хорошо налаженным статистическим учетом. Несомненно, что наибольший недоучет при переписи был в отсталых районах севера, востока и юга, населенных в основном мусульманами.

Конквест утверждает, что советские и западные демографы оценивали возможный прирост населения в 1927-1937 гг. в 30 млн., в то время как фактически он оказался 16,8 млн. Рост в 30 млн.

был возможен при неизменном уровне рождаемости и смертности 1926-27 гг. Однако все статистические данные свидетельствуют о заметном снижении рождаемости уже в конце 20-х годов. Известные демографы Новосельский и Паевский, расчеты которых Конквест имеет в виду, специально предупреждали, что не придают своим оценкам прогнозного характера. Еще менее достоверны прогнозные расчеты населения по второму пятилетнему плану и высокие оценки рождаемости и прироста, упоминавшиеся Сталиным и Молотовым⁶⁵. Пятилетний план по всем показателям рассчитывался на максимальные значения и не учитывал снижения рождаемости. Первый пятилетний план также «ошибся» в оценке прироста по статистике 30-х годов на 3 млн. человек, по оценке Урланиса — на 11 млн.⁶⁶

Прогнозы и ожидания не всегда сбываются, но это не значит еще потерь населения. Например, население США в конце XIX и начале XX века росло в год на 2,2%. Такой же прирост ожидался и в 30-е годы. Однако в результате Великого кризиса Америка не досчиталась по отношению к прогнозу 10 млн. человек. Никто, однако, не предполагает этих людей погибшими. Поправка Конквеста на снижение рождаемости в 2,5 млн. за 1927-37 гг. кажется недостаточной и, главное, ничем не обоснована.

Другой вариант расчета Р.Конквеста заключается в том, что он сравнивает число сельских семей в 1929 г. (25,9 млн.) с числом семей в 1938 г. (19,9 млн.). Задается численностью одной семьи в 4,2 чел. и получает снижение в 25,1 млн. человек, живущих в селе, вместо увеличения на 10,3 млн. Итого убыль села составила 36 млн. человек, из которых 24,3 млн. переехали в город и 11,7 млн. составляют потери⁶⁷. Известно, однако, что сельское население составило в 1937 г. не 83,6 млн., как почему-то думает автор, а 117,1 млн., что полностью исключает предложенную оценку потерь⁶⁸.

Еще один важный аргумент, использованный Конквестом, — сокращение численности украинцев с 31,2 млн. в 1926 г. до 28,1 млн. в 1939 г. (Автор предполагает, что фактически снижение было больше и составило 3,4 млн.) С учетом естественного прироста в 25% потери достигают 10,5 млн. (9 млн. за вычетом неродившихся)⁶⁹.

Как указали Виткрофт, Андерсон и Сильвер, этот аргумент не работает. Прирост украинцев не мог быть выше, чем средний по стране (15,5% в 1926-38 гг.). Главное же, что снижение численности украинцев произошло вне границ Украины. На Украине в 1926 г. проживало 22,9 млн. украинцев, а в 1939 г. — 23,4 млн. С учетом небольшого изменения границ республики (выход Мол-

давской АССР и присоединение Крыма) численность украинцев осталась почти такой же⁷⁰. При этом известно, что с Украины выехало не менее 500 тыс. украинцев (сельскохозяйственная колонизация, депортация кулаков и т.д.). Следовательно, можно говорить, что вне границ УССР исчезло в 1926-1938 гг. около 4-4,5 млн. украинцев. Не обсуждая причин этого исчезновения, можно определенно сказать, что они не являются жертвами голода 1932-33 гг. на Украине.

Таким образом, и общие цифры потерь Конквеста (11-14,5 млн.), и его оценки потерь собственно украинцев представляются заметно преувеличенными. Ссылки на такие же или бóльшие цифры, приводимые свидетелями тех лет, достоверности не увеличивают, так как мы не знаем, как получены эти данные, и не можем их проверить.

**

Подведем некоторые итоги. Оценка потерь населения с помощью переписей 1926 и 1939 гг. представляется более точной, чем по сведениям текущей статистики. Таблицы смертности 1926-27 гг. хорошо согласуются с таблицами 1938-39 гг. Они позволяют удовлетворительно рассчитать численность населения для 1923-26 гг., 1926-31 гг., 1937-40 гг. Важно также, что они согласованы с по возрастной численностью населения. Возможно, что эти таблицы несколько преуменьшают смертность в старших возрастных группах, но эта погрешность перекрывается общей тенденцией снижения нормальной смертности, зафиксированной в таблицах 1938-39 гг. Еще более точными являются таблицы смертности, построенные для жителей Украины Ю.Корчак-Чепурковским.

Говоря о потерях, следует иметь в виду, что они включают не только репрессированных, замученных в лагерях, умерших от голода и болезней, вызванных разорением деревни и депортациями при раскулачивании. Важную часть этих потерь составляет повышенная смертность людей в связи с общим ухудшением условий жизни в стране. Эти потери охватывают все население города и деревни, все возрастные группы, но в первую очередь, конечно, больных, стариков и детей.

Таблица 1

ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1924-38 гг.*

Год	На тыс. чел. приходится				Прирост	Численность населения млн.	Потери млн. чел.
	Рождаемость	Смертность нормальная	Смертность повышенная	Потери			
1924	42	22	22		20	140,4	
1925	45	22	23		22	143,5	
1926	44	22	20,3		23,7	147,0	
1927	44	22	22		22	150,2	
1928	44,3	22	23,3		21	153,4	
1929	39,8	22	22		17,8	156,2	
1930	39,2	22	23	1	16,2	158,8	0,2
1931	37	22	26	4	11	160,6	0,6
1932	35	21	40	19	-5	159,8	3,0
1933	32	20	45	25	-13	157,7	4,1
1934	30,1	19	21	2	9,1	159,2	0,3
1935	31,4	19	20	1	11,4	161,1	0,2
1936	35,7	18	19	1	16,7	163,8	0,2
1937	38,7	17	18,9	1,9	19,8	167,1	0,3
1938	37,5	17	17,5	0,5	20,0	170,6	0,1

*Таблица не является расчетом потерь, а показывает лишь ориентировочное изменение численности населения под их действием.

¹ См.: С.Максудов. *ПОТЕРИ НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1931-1938 гг.* — «СССР: Внутренние противоречия», №5, 1982, с.104-190.

К этой группе работ примыкает исследование Иосифа Дядькина: I.G. Dyadkin. *UNNATURAL DEATH IN THE USSR. 1928-54.* New Brunswick, 1983. Автор использует два метода. Во-первых, он предполагает, что прирост 3,2 млн. в год, отмеченный в 1924-28 гг. и 1937-39 гг., был и внутри этого временного интервала. В этом случае потери составляют 15 млн. человек. Он не учитывает при этом снижения рождаемости в 30-е годы и ее скачкообразный рост после запрещения абортот в 1936 г. Во-вторых, Дядькин считает, что смертность снижалась в 1913-1950 гг. по экспоненциальному закону с 30%^о в 1913, до 20%^о в 1926 и 9,2%^о в 1950 г. Это предположение нуждается в содержательном обосновании причин уменьшения смертности именно таким образом. Главными причинами снижения смертности было изменение структуры населения в результате демографических катастроф (войны, коллективизация), падение рождаемости и смертности младенцев, изобретение антибиотиков, распространение профилактических прививок от инфекционных заболеваний и т.п. Большинство этих факторов сказалось главным образом в конце периода 1946-50 гг., а не в начале, как следует из гипотезы об экспоненциальном законе.

Высказанные критические замечания несколько не умаляют моего уважения к автору работы, который за свое исследование попал в лагерь. От эмигрантской литературы такого рода книга Дядькина выгодно отличается тем, что его действительно интересует научный результат, а не пропагандистский эффект.

² Steven Rosefielde. *THE FIRST «GREAT LEAP FORWARD» RECONSIDERED: LESSONS OF SOLZHENTSYN'S «GULAG ARCHIPELAGO».* — «Slavic Review», 39, no.4 (December 1980), p.559-87; *REPLY*, *ibid.*, p.612-15; *AN ASSESSMENT OF THE SOURCES AND USES OF GULAG FORCED LABOUR 1929-56*, — «Soviet Studies», 23 (January 1981), p.51-87; *REPLY TO NOVE*, — «Slavic Review», 41, no.4 (Winter 1982), p.766-71.

R.W. Davies and S.G. Wheatcroft. *STEVEN ROSEFIELDE'S KLIUKVA.* — «Slavic Review», 39, no.4 (December 1980), p.593-602; Stephen Wheatcroft. *ON ASSESSING THE SIZE OF FORCED CONCENTRATION LABOUR IN THE SOVIET UNION, 1929-56.* — «Soviet Studies», 33 (April 1981), p.265-95; *TOWARDS A THOROUGH ANALYSIS OF SOVIET FORCED LABOUR STATISTICS*, *ibid.*, 35 (April 1983), p.223-37; Igor Birman. *LIMITS OF ECONOMIC MEASUREMENTS.* — «Slavic Review», 39, no.4 (October 1980), p.603-607; Paul Gregory. *VALUELESS GOODS AND SOCIAL BADS IN MESUREMENT OF SOVIET OUTPUT SERIES, 1928-1932*, *ibid.*, p.608-11; Holland Hanter. *THE ECONOMIC COSTS OF THE GULAG ARCHIPELAGO*, *ibid.*, p.589-92; Alec Nove. *LETTER TO THE EDITOR.* — «Slavic Review», 40, no.4 (Winter 1981), p.691-93 and *ibid.*, 41, no.4 (Winter 1982), p.771-73.

³ S.G. Wheatcroft. *POPULATION DYNAMIC AND FACTORS AFFECTING IT IN THE SOVIET UNION IN THE 1920s AND 1930s*. Part 2, CREES Discussion Papers. SIPS no.2, Birmingham University, 1976; no.20, 1980; no.21; 1981.

FAMINE AND FACTORS AFFECTING MORTALITY IN THE USSR: THE DEMOGRAPHIC CRISES OF 1914-1922 AND 1930-1933. Boston University, 1981, Reported in «Vevey Switzerland», July 1981.

S.G. Wheatcroft. *NEW DEMOGRAPHIC EVIDENCE ON EXCESS COLLECTIVIZATION DEATHS: YET ANOTHER KLIUKVA FROM STEVEN ROSEFELDE*. — «Slavic Review», v.44, no.3, 1985, p.505-507.

⁴ Steven Rosefielde. *MORTALITY IN THE SOVIET UNION: A RECONSIDERATION OF THE DEMOGRAPHIC CONSEQUENCES OF FORCED INDUSTRIALIZATION, 1929-1949*. — «Soviet Studies», 35 (July 1983), p.385-409.

Steven Rosefielde. *EXCESS COLLECTIVIZATION DEATHS, 1929-1933: NEW DEMOGRAPHIC EVIDENCE*. — «Slavic Review», 43, no.1 (Spring 1984), p.83-88.

⁵ Robert Conquest. *THE HARVEST OF SORROW*. Oxford University Press, 1986. До некоторой степени автор оказался в плену больших цифр, уже опубликованных им в книге *БОЛЬШОЙ ТЕРРОР*, количественные оценки, к сожалению, слабая сторона этой превосходной работы. Минимальная оценка численности репрессированных в этой работе следующая: 5 млн. сидящих к началу 1937 г. (без уголовников) и 7 млн. арестованных в 1937 г. (Роберт Конквест. *БОЛЬШОЙ ТЕРРОР*, 1974, с.962). Чтобы оценить эти цифры, надо принять во внимание, что подавляющее большинство заключенных были мужчины старше 18 лет. В 1937 году их в стране было около 43 млн. (по переписи 1939 г. 43,7 млн. старше 19 лет). Следовательно, к концу 1937 года по данным Конквеста каждый четвертый взрослый мужчина в стране был за решеткой (опять же, не считая уголовников). Если вспомнить, что в 1937 году арестовывали в основном горожан, то, следовательно, к концу года из 14 млн. мужчин старше 18 лет, проживавших в городах, половина исчезла с улиц и переселилась в специальные помещения. Та же картина будет, если мы обратимся к занятиям населения. Исключив сельские занятия, мало интересовавшие Ежова в 1937 г. (кроме сельских руководителей и агрономов), предположив, что мужчины горняки, металлисты, строители, рабочие транспорта, коммунального хозяйства, разнорабочие, продавцы и бухгалтеры, арестовывались в сравнительно скромной пропорции (один из десяти), мы приходим к парадоксальному выводу, что все остальные имеющие занятие мужчины попали в мясорубку большого террора в 1937 г. (ведь перепись 1939 г. учла в стране 1140 тыс. руководителей организаций и предприятий, 1300 тыс. инженеров, 1150 тыс. научных, педагогических, медицинских работников, считая занятых в литературе, искусстве и клубной работе, полтора миллиона железнодорожников, водников и шоферов и 2,1 млн.

рабочих всех прочих занятий, кроме исключенных выше. (ИТОГИ ВСЕ-СОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1959 ГОДА. СССР. М., 1962, табл. 47, 48).

Если же вспомнить, что в 1937 году занятых было меньше, чем в 1939, что большой террор не прекратился в 1937-м, а продолжался еще по крайней мере пару лет, что сам автор считает свои цифры заниженными наполовину, то мы увидим, что все взрослые мужчины к началу войны погибли или сидели за решеткой. Все и немного больше.

⁶ S.G. Wheatcroft. *A NOTE ON STEVEN ROSEFIELDE'S CALCULATION OF EXCESS MORTALITY*. — «Soviet Studies», 1984, p.277-81; *NEW DEMOGRAPHIC*, 1985; *UKRAINIAN FAMINE*. — «Problems of Communism», March-April 1985, p.132-134.

Maksudov. *CORRESPONDENCE*, — «Soviet Studies», no.4, 1984, p.622-23.

S.Rosefielde. *NEW DEMOGRAPHIC EVIDENCE ON COLLECTIVIZATION DEATHS: A REJOINDER TO STEPHEN WHEATCROFT*. — «Slavic Review», 44, no.3, 1985, p.508-516.

J.Mace. *CORRESPONDENCE*. «Problems of Communism», March-April 1985, p.134-138.

⁷ B.A. Anderson, B.D. Silver. *DEMOGRAPHIC ANALYSIS AND POPULATION CATASTROPHES IN THE USSR*. — «Slavic Review», 44, no.3, 1985, p.517-53.

⁸ F.Lorimer. *THE POPULATION OF THE SOVIET UNION*. Geneva, 1946.

⁹ С.А. Новосельский, В.В. Паевский. *О СВОДНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ВОСПРОИЗВОДСТВА И ПЕРСПЕКТИВНЫХ ИСЧИСЛЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ*. «Труды Демографического института», 1934, т.1, Л., с.7-37.

¹⁰ Jean-Noel Biraben. *NAISSANCES ET REPARTITION PAR AGE A L'EMPIRE RUSSE ET EN UNION SOVIETIQUES*. — «Population», 31 (Mars-Avril 1976), p.441-78.

¹¹ Maksudov. *HOW MANY MILLIONS HAVE PERISHED FROM 1930 TO 1938?*. — «Russia», 1983, no.7-8, p.3-26.

¹² F.Lorimer, op. cit., p.235.

¹³ Barbara A. Anderson and Brian D. Silver. *ESTIMATING CENSUS UNDERCOUNT FROM SCHOOL-ENROLLMENT DATA: AN APPLICATION TO THE SOVIET CENSUSES OF 1959 AND 1970*. — «Demography», 22 (May 1985), p.298-308.

¹⁴ Ю.А. Корчак-Чепурковский. *ИЗБРАННЫЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ*. М., 1970, с.301-302.

¹⁵ СССР ЦСУ. *ИТОГИ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1959 ГОДА*. М., 1962, с.7; СССР ЦСУ. *ИТОГИ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1970 ГОДА*, т.1, М., 1972, с.4-5.

¹⁶ Б.Ц. Урланис. *ДИНАМИКА УРОВНЯ РОЖДАЕМОСТИ В СССР ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ*. — Сб. статей *БРАЧНОСТЬ, РОЖДАЕМОСТЬ, СМЕРТНОСТЬ В РОССИИ И СССР*. М., 1977, с.8-27; Р.И. Сифман. *ДИНАМИКА РОЖДАЕМОСТИ В СССР*. М., 1974, с.41-43. (Данные Сифман о плодовитости позволяют оценить коэффициенты рождаемости.) *ИТОГИ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ 1959*, с.49; *ИТОГИ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ 1970*, т.2, с.12-13.

¹⁷ F.Lorimer, *op. cit.*, p.134; Б.Урланис. *ДИНАМИКА УРОВНЯ...*, с.11-12; Р.И. Сифман. *ДИНАМИКА РОЖДАЕМОСТИ...*, с.41-43.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Anderson, Silver. *DEMOGRAPHIC...*, p.531.

²⁰ F.Lorimer, *op. cit.*, p.114.

²¹ *ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1926 ГОДА*, т.1, с.37.

²² *СТРАНЫ СОЦИАЛИЗМА*. М., 1957, с.3; *НАСЕЛЕНИЕ СССР В 1973*. М., 1975, с.7.

²³ *НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО СССР ЗА 1968*. М., 1969; *НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО СССР ЗА 1969*. М., 1970.

²⁴ *НАСЕЛЕНИЕ СССР ЗА 1973*. М., 1975, с.7, 69; *НАСЕЛЕНИЕ СССР*. М., 1974, с.9; *НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ СТРАН МИРА*. М., 1978, с.71.

²⁵ *НАСЕЛЕНИЕ СССР, 1974*, с.9.

²⁶ F.Lorimer, *op. cit.*, p.134-135.

²⁷ Там же.

²⁸ Б.Ц. Урланис. *ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ СССР ЗА 50 ЛЕТ. НАСЕЛЕНИЕ И НАРОДНОЕ БЛАГОСОСТОЯНИЕ*. М., 1968, с.23.

²⁹ F.Lorimer, *op. cit.*, p.115-120.

³⁰ С.Максудов. *НЕКОТОРЫЕ ПРИЧИНЫ РОСТА СМЕРТНОСТИ В СССР*. — «СССР: Внутренние противоречия», №3, 1982, с.3-18.

³¹ Р.И. Сифман. *ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ ЗА 1897-1914 гг.* — Сб. *БРАЧНОСТЬ, РОЖДАЕМОСТЬ, СМЕРТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ И СССР*. М., 1977, с.70.

³² F.Lorimer, op. cit., p.115-116.

³³ С.Максудов. *НЕКОТОРЫЕ ПРИЧИНЫ...*, с.55-56.

³⁴ Р.М. Дмитриева, Е.М. Андреев. *СНИЖЕНИЕ СМЕРТНОСТИ ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.* — В сб.: *БРАЧНОСТЬ, РОЖДАЕМОСТЬ, СМЕРТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ И СССР*, с.35-38.

³⁵ F.Lorimer, op. cit., p.118-119.

³⁶ *СМЕРТНОСТЬ И ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ СССР. 1926-27 гг.* Таблицы смертности. М.-Л., 1930, с.108-120.

³⁷ С.Максудов. *ПОТЕРИ НАСЕЛЕНИЯ...*, с.159.

³⁸ F.Lorimer, op. cit., p.119. (Расчитано по пропорции в численности населения. Коэффициент смертности всего населения у Лоримера 26‰, для Европейской части страны 23,5‰. Остальное население составляло около 20% жителей страны).

³⁹ М.К. Караханов. *ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СРЕДНЕЙ АЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ. БРАЧНОСТЬ, РОЖДАЕМОСТЬ И СМЕРТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ И СССР*. М., 1977, с.211-212; Р.И. Сифман. *ДИНАМИКА...*, с.75.

⁴⁰ В.И. Козлов. *НАЦИОНАЛЬНОСТИ В СССР*. М., 1975, с.249-250.

⁴¹ F.Lorimer, op. cit., p.235-237, 134.

⁴² S.Wheatcroft, «CREES Discussion Papers», no.20, p.19.

⁴³ F.Lorimer, op. cit., p.141-143.

⁴⁴ «Плановое хозяйство», 1939, №6, с.5-15.

⁴⁵ F.Lorimer, op. cit., p.236; S.Wheatcroft, «CREES Discussion Papers», no.20, p.19.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ S.Wheatcroft, «CREES Discussions Papers», no.2, p.75.

⁴⁸ F.Lorimer, op. cit., p.134.

⁴⁹ S.Wheatcroft. *UKRAINIAN FAMINE...*, p.133; С.Максудов. *ГЕОГРАФИЯ ГОЛОДА.* — «СССР: Внутренние противоречия», №7, 1983,

с.5-17. Замечание Виткрофта о том, что в другой работе Максудова потери 7,5 млн. в то время как аналогичная оценка у Лоримера — 5,5 млн., несправедливо. Речь идет о разных возрастных группах. В той же группе, что у Лоримера, для поколений старше 12 лет потери в работе Максудова — 5,7 млн. человек.

⁵⁰ В.А. Anderson, B.D. Silver, *DEMOGRAPHIC...*, p.521.

⁵¹ G.P. Van der Berg. *THE SOVIET SYSTEM OF JUSTICE: FIGURES AND POLICY*. Boston, 1985, p.177, 180.

⁵² Ibid.

⁵³ Б.Ц. Урланис. *ПРОБЛЕМЫ ДИНАМИКИ НАСЕЛЕНИЯ СССР*. М., 1972, с.318-319.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Б.Ц. Урланис. *ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ...*, с.23.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Б.Ц. Урланис. *ДИНАМИКА УРОВНЯ РОЖДАЕМОСТИ...*, с.12.

⁵⁹ Б.Ц. Урланис. *ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОКОЛЕНИЯ*. М., 1968, с.200

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Б.Ц. Урланис. *ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ...*, с.23-24.

⁶² Robert Conquest. *THE HARVEST OF SORROW*.

⁶³ Ibid.

⁶⁴ Ibid., p.299.

⁶⁵ Авторы второго пятилетнего плана не занимались прогнозом населения. В тексте проекта лишь две фразы посвящены населению: «В связи с улучшением условий жизни рождаемость будет увеличиваться, а смертность снижаться. Увеличение численности населения составит 17 млн.» (*ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР. 1932-37*. Т.1. М., 1934, с.353). Как известно, все происходило более сложным образом и с улучшением условий жизни, и с рождаемостью, и со смертностью, неудивительно, что и прирост не оказался таким, как предполагали. Более того, сама оценка не была слишком серьезной. Из 270 специалистов, привлеченных для

проверки и уточнения проекта плана (фамилии их названы в тексте, с.547-552), не было ни одного демографа. См. также: В.Старовский. *МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ РОСТА НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ*. — «Вестник статистики», М., 1964, №11, с.3-15.

⁶⁶ Б.Ц. Урланис. *ПРОБЛЕМЫ ДИНАМИКИ...*, с.319.

⁶⁷ Robert Conquest. *THE HARVEST OF SORROW*, p.301.

⁶⁸ *НАСЕЛЕНИЕ СССР В 1973*, с.7.

⁶⁹ Robert Conquest. *THE HARVEST OF SORROW*, p.302-303.

⁷⁰ В.И. Козлов. *НАЦИОНАЛЬНОСТИ В СССР*, с.109.

ANNEX

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абиндер, чиновник Тамбовского наробраза 263
- Абрамов Б.А. 176
- Авилов Б., журналист 131
- Авксентьев Н.Д. 351, 363
- Агурский М. 140-165
- Адамов К., раскулаченный 221
- Адрианова-Шуберт Н., подруга Т.А. Аксаковой 68
- Азархов В., махновец 291, 292
- Айронсайд В. 363
- Акимов С., раскулаченный 219
- Аксаков Б.С. 9, 10, 15, 17, 25, 36, 39, 41-43, 45, 46, 50, 55, 61, 64, 67, 69, 70, 75-78, 80, 84, 85, 89, 91, 92
- Аксаков Д.Б. 10, 12, 15-17, 29, 30, 35, 36, 53, 69, 70, 76, 78, 84-88, 90
- Аксаков С.Н. 92
- Аксаков С.С. 64, 88, 89
- Аксакова О.Н. 25, 85, 87
- Аксакова (урожд. Сиверс) Т.А. 7, 8-77, 78-92
- Аксаковы, семья 8,
- Аксельрод П.Б. 135
- Алдохин, уполномоченный 236
- Александр I, имп. 69
- Александр II, имп. 82
- Александра Ивановна, экономка А.А. Сиверса 13, 14, 46, 49, 50, 73, 83
- Алексеев А., раскулаченный 221
- Алексеев И., толстовец 320
- Алексеев П., раскулаченный 228
- Алексеев П., толстовец 320
- Алексеев И.А. 241
- Алексей Михайлович, царь 38
- Алексинский Г.А. 258
- Алешин, сов. работник 303
- Аллой В. 327-337
- Амвросий, оптинский старец 16, 85
- Анатолий, оптинский старец 16, 85
- Андерсон Б.А. — см. Anderson B.
- Андреев, политработник 192
- Андреев А.А. 176
- Андреев А.И. 50, 51, 64
- Андреев А.Н. 356, 363
- Андреев В.Д. 343, 344, 360, 366
- Андреев Д.Л. 356
- Андреев Е.М. 391
- Андреев Л.Н. 328, 338-347, 348-356, 357-366
- Андреев Н.Е. 348, 365
- Андреев Ф., раскулаченный 208, 221
- Андрей Владимирович, вел. кн. 89
- Андрюшкевич Н., раскулаченный 221
- Анненкова В.В. 63, 64

Курсивом выделены номера страниц, где соответствующее лицо выступает как автор или публикатор. Звездочкой (*) отмечены псевдонимы или криптонимы.

- Антонов А., раскулаченный 208, 221
 Антонов А.С. 299
 Антонов Г., лишенец 231
 Антонов-Овсенко В.А. 277, 282-284, 286
 Анцелович Н.М. 176, 183, 190
 Арабажин К.И. 354, 365
 Аракчеев А.А. 271
 *Ардов Т. (Тардов В.Г.) 144, 159
 Аронсон Г.Я. 129, 131, 133, 134, 136
 Артемов Е., раскулаченный 221
 Артемов Н., раскулаченный 221
 Артюхов, счетовод 242
 Архипов, совпартработник 183
 *Аршинов (Марин) П.А. 277, 287, 289, 297
 Аствацатуров М.И. 44, 90
 Аствацатурова Н.П. 62
 Ашхерумов (Ашхарумов) Б. И. 62, 63, 91
 Ашхерумова (урожд. Киндинова) Т.А. 63, 67, 68
 Ашхерумовы, семья 63
 Базилевская (урожд. Запольская) О.Н. 25, 26, 40, 75, 87
 Базилевский В.П. 85, 87
 Байков А.Л. 161
 Бакунин М.А. 152, 157, 165
 Балаев С., раскулаченный 222
 Балашова С., подруга Т.А. Аксаковой 41, 84
 Балыченко, партработник 183
 Барабанов, партработник 203
 Барановская М.Ю. 42, 43
 Барбашев М., толстовец 308
 Батвиньевы, род 82
 Бауман К.Я. 176
 Бауэр Н.П. 52
 *Бедный Д. (Придворов Е.А.) 85
 Бек, совпартработник 185
 Беклемишева В.Е. 356
 *Беленко С. 274-297
 Беликов П., искусствовед 366
 Белинский В.Г. 159
 Белозерский, партработник 183
 *Белый А. (Бугаев Б.Н.) 365
 Белявский, кладовщик 242
 Беляев, следователь 302, 303
 Бенешевич В.Н. 46, 90
 Бенкендорф И.А. 34
 Бенкендорф (урожд. Закревская) М.И. 34, 89
 Берберова Н.Н. 89
 Бергавинов С.А. 176
 Бердяев Н.А. 144, 157-159, 164, 329, 330
 Берлин, служащая больницы 241
 Бернштам М.С. 129
 Бернштейн Г. 365, 366
 Бибиковы, семья 78
 Бирабен Ж. — см. Biraben J.-N.
 Благов Ф.И. 339
 Блинов С., толстовец 321
 Блок А.А. 154, 361
 Блохин А.В. 78
 Блохины, семья 80
 Блюхер В.К. 295
 Бобрищевы-Пушкины, семья 71, 72
 Богданов, совпартработник 183
 Богданов, рабочий 237
 *Богданов (Малиновский) А.А. 160, 329
 Богданов У., раскулаченный 219
 Богденко М.Л. 174, 176, 178, 179
 Бокий Г.И. 14, 83
 Болдарев А., чиновник Тамбовского Губисполкома 263
 Большаков К., раскулаченный 220
 Бондаренко В.В. 180
 Бонч-Бруевич В.Д. 111, 115
 Борзов, совпартработник 183
 Борисов С.В. 183, 186, 187, 189, 190
 Борман А.А. 357, 361, 364
 Бормотов В., толстовец 322, 323
 Боровиков, раскулаченный 219
 Бороздина И., раскулаченная 220
 Борчанинов, совпартработник 184, 185

- Брасов Г.М. 89
 Брасова (урожд. Шереметевская) Н.С. 11-15, 80-83, 89
 Брешко-Брешковская Е.К. 9
 Британ, совпартработник 195
 Бровкин В., журналист 131
 Бруни Л.А. 66, 84, 85
 Бруни Н.А. 84
 Брюсов В.Я. 328
 Брюханов, работник наркомпро-
 да 255
 Булгаков С.Н. 327, 329-331
 Булуков, работник ОГПУ 249
 Булыгин, совработник 231
 Бунин И.А. 26
 Бурбыга, махновец 287
 Буриашев, владелец мебельного
 магазина 13, 28
 Бурцев В.Л. 341, 358
 Бурягины, раскулаченные 236
 Бухарин Н.И. 106
 Быков, партработник 232, 234
 Быстров П., раскулаченный 220
- Валов М.С. 343, 359, 360
 Ван дер Берг — см. Van der Berg
 G.P.
 Варейкис И.М. 176, 182
 Варначев, совпартработник, 206,
 216, 217
 Василевский, махновец 292
 Василевский-Не-Буква И.М. 142,
 143, 158
 Васильев Г., раскулаченный 221
 Васильев К., раскулаченный 220
 Васильев М.Ф. 69
 Васильева М., раскулаченная 221
 Васильченко, партработник 303
 Вегелин А.И. 82
 Вельяминов Н.А. 32, 33
 Веневитинов Д.В. 26, 27, 42
 Вербицкий Н., журналист 205
 *Вересаев (Смидович) В.В. 339
 Ветлугин, военком 211
 Викентьев Ф., раскулаченный
 221
 Виппер Р.Ю. 156, 165
- Вирганский, партработник 183
 Виткрофт С. — см. Wheatcroft S.
 Вишняк М.В. 114, 115
 Владимирцев В.С. 360
 Владимировский В.А. 84
 Воейков Н.С. 88
 Воейкова (урожд. Дрентельн)
 Т.А. 88
 Волгин В.П. 51, 91
 *Волжский (Глинка) А.С. 327,
 330, 331
 *Волин В. (Эйхенбаум В.Н.) 297
 Волин, совпартработник 188
 Волков Т.С. 307
 Волконская З.А. 26, 42, 43
 *Володарский В. (Гольдштейн
 М.М.) 106, 137
 Волчек, работник ОГПУ 213-215
 Воронцов М.С., гр. 82
 Воронцов П., шофер 266
 Ворошилов К.Е. 284, 286, 287
 Вострякова (урожд. Мамонтова)
 Е.К. 75, 81, 86
 Вострякова Т.Р. 22, 23, 86, 87, 89
 Врангель Н.П., бар. 60, 61
 Врангель П.Н., бар. 274, 293-296
 Вроблевский К.К. 90
 Всеволожские, князья 56, 57
 Высоцкий, фельдъегерь 237
 Выщлан М.А. 171, 176
 Вяземская (ур. Эшен, в 1-м браке
 Сиверс, во 2-м Шереметева) А.Г.
 9, 10, 12-15, 17-20, 28-31, 34-36,
 53, 60, 71, 76, 78-83, 86, 89
 Вяземская (урожд. Блохина) М.В.
 30, 80
 Вяземские, семья 8, 21, 71, 76
 Вяземский А.А., кн. 78
 Вяземский В.А., кн. 11, 17-20,
 24, 30, 31, 71, 76, 78-81, 83, 84, 86,
 89
- Гаврилов, рабочий 240
 Гавряев М.И. 302
 Гадон В.С. 81
 Гаенко Ф.Л. 294
 Гайздалов, раскулаченный 219

- Гвоздаво-Голенко, знакомый Т. А. Аксаковой 89
 Герн (урожд. Эшен) В.Г. де 87, 89
 Герн А. де, граф 89
 Герцен А.И. 28, 29, 143, 144, 146, 148, 152, 159, 161
 Герцены, семья 28
 Гершензон М.О. 156, 164
 Гессен И.В. 342, 345, 346, 354, 359, 362-364
 Гикванайя, комбриг 283
 Гишинский, партработник 300
 Гиппиус З.Н. 327-332, 333-337
 Глебов В.А. 84
 Глухонев П., раскулаченный 219
 Глушков, совпартработник 298
 Гоголь Н.В. 16
 Голицыны, семья 24, 75
 Головань В.А. 47
 Головнев Г., раскулаченный 220
 Голошекин Ф.И. 176
 Голубович Т., учитель 229
 Гольдин, сов. работник 265, 272
 Гольдман, уполномоченный 236
 Гольдштейн И.М. 161
 Горбачев, нач. отд. милиции 237
 Горемыкин И.Л. 31, 32
 Горовой, раскулаченный 236
 *Горький М. (Пешков А.М.) 33, 34, 117-119, 154, 164, 182, 328, 339, 342, 345, 352, 360
 Горюнов, милиционер 300
 Граве, род 82
 Гравес А.Ф. 75
 Градус С., раскулаченный 219
 Гржебин З.И. 360, 361
 Григорьев, совпартработник 195
 Григорьев Н.А. 285, 286
 Грум-Гржимайло Е.Г. 27
 Губенко, махновец 292
 Гувер Г.К. 362
 Гудович Д.А. 11, 39
 Гудович М.А. 39
 Гудович (урожд. Шереметева) М.С. 12
 Гуляев, лишенец 231
 Гуляев И.В. 307
- Гурин Г., толстовец 311, 321
 Гурина Н., чл. коммуны 308, 309
 Гучков Н.И. 144, 155, 159
- Дабалин, работник ОГПУ 191, 192, 194, 196, 202-204, 206, 223
 Давыдов (Карапетов) А.К. 44
 Давыдов В.А. 44, 45, 58, 59, 62
 Давыдова (урожд. Шипова) Д.Н. 91
 Давыдова Е.Н. 44, 45, 58, 59, 62, 68
 Давыдовы, семья 43, 58, 59
 Дандре В.Э. 87
 Данилевский Н.Я. 147
 Даниленко К., чл. ревкома 290
 Девойод В. 80
 Де-ла-Барт Ф.Г. 144, 159
 Дельсаль С.А. 13, 14
 Дембо О.Я. 33
 Деникин А.И. 157, 158, 274, 276, 283, 284, 286, 343
 Денисов Н.Х. 346, 361
 Денисова С.В. 361
 Депрерадовичи, семья 32
 Дерюжинский Д.К. 84
 Дзержинский Ф.Э. 11, 135, 254, 294, 295
 Димитров Г. 160
 Дитерихс, врач 49
 Дмитриева Р.М. 391
 Добров А., раскулаченный 221
 Добролюбов, махновец 287
 Долгоруков П.Д. 106
 Достоевский Ф.М. 16, 38, 144, 148, 151, 161, 255, 308
 Драгуновский И.Я. 305
 Дрентельн А.А. 88
 Дружинин В.Г. 51, 91
 Дункан А. 88
 Дыбенко П.Е. 103, 121, 276, 280, 281, 283
 Дымников Г., уполномоченный 236
 Дэвис Р. 338-366
 Дягилев С.В. 366
 Дядькин И.Г. 387

- *Евгеньев-Максимов В. (Максимов В.Е.) 328
 Егоров, лишенец 231
 Егоров А.И. 210
 Егоров Е.А. 328
 Егоров П.Н. 55
 Егоров Я.Г. 183, 184, 186, 190
 Ежов Н.И. 388
 Екатерина II, имп. 81
 Еленевский Ф., раскулаченный 219
 Ергольский А.Н. 80
 Ермилов В.Е. 143, 159
 Ерошенков Я., раскулаченный 220
 Есенин С.А. 10, 24, 37, 90
 Ефимов А., раскулаченный 219
 Ефранова А., раскулаченная 219
- Жаботинский В.Е. 144, 160
 Жбанов Д., раскулаченный 219
 Жданкин, партработник 196
 Железняков А.Г. 121, 122, 288
 Жихарева Н.В. 91
 Жуков, рабочий 240
 Жуков, совпартработник 231, 248, 249
 Жуковский Д.Е. 331
- Завелин А., раскулаченный 220
 Загребав Я., раскулаченный 230
 Задираенков, раскулаченный 228
 Закс Г., член ПЛСР 254
 Залин Л.Б. 212, 213
 Замятин И., лицеист 88
 Запольские, семья 85
 Зарецкий А., селькор 224, 225
 Засулич В.И. 135
 Захаров, агент контрразведки Махно 291
 Захватаев И.В. 76
 Зеленин Н.И. 174
 Зерновы, семья 76
- *Зиновьев (Радомысльский) Г.Е. 27, 108, 130, 131, 133
 Зирнис, партработник 183, 184
 Злобин В.А. 332
- Знаменский О.Н. 101-104, 106, 113, 116, 119, 126
 Зубов В.П. 76
- Иванов, совпартработник 183, 186, 196, 202, 203
 Иванов, раскулаченный 237
 Иванов, махновец 291, 292
 Иванов А., раскулаченный 219
 Иванов Е., раскулаченный 219
 Иванов Е., толстовец 322
 Иванов М., раскулаченный 219
 Иванов Н., раскулаченный 221
 Иванов Н.Н. 354, 365
 Иванов Я., раскулаченный 219
 Иваненко А.С. 47
 Иваненко Г.А. 47, 68
 Иваненко Н.А. 47
 Ивницкий Н.А. 171, 173, 174, 176, 177, 179, 180, 182, 203
 Игнатов Е., публицист 113, 125
 Игнатович М., раскулаченный 221
 Игнатъев В.И. 126
 *Изгоев (Ланде) А.С. 116
 Измайлов, путиловский рабочий 131
 Иксуль фон Гильдебрандт, бар. 32
 Иксуль фон Гильдебрандт (ур. Лутковская) В.И. 31-34, 47, 89
 Ильин А.А. 61
 Ильин И., раскулаченный 220, 221
 Исакова (ур. Соколова) А.А. 84
- Кабаков И.Д. 176, 192
 Кавелин Л.М. 80
 Калагеорги, семья 32
 Калагеорги (урожд. Темлицина) Е.Г. 81
 Калинин, райвоенком 249
 Калинин М.И. 174, 182, 317
 Калманович М.И. 176
 *Каменев Ю. (Розенфельд Л.Б.) 283, 287
 Каминский Г.Н. 171, 176

- Кампанари (урожд. Матвеева) О.
 87
 Канегиссер Л.С. 13
 Каннинг, сестры 87
 Каплер А.Я. 89
 Каратыгин Ю. 19-23
 Караханов М.К. 391
 Каретников, махновец 292
 Карлик, совпартработник 183
 Карпов, партработник 195
 Карпович М.М. 356
 Карташев А.В. 331, 342, 359
 Катков Н.Ф. 360
 Каун (Kaun) А. 339, 356, 357
 Каховские, род 82
 Кашкарова М.М. 19, 86
 Кедрин Д.Б. 176
 Кёлер С.Р. 91
 Керенский А.Ф. 9, 351, 363
 Кечекьян С.Ф. 156, 157, 164, 165
 Кибирев, совпартработник 183
 Кизеветтер А.А. 143, 159
 Кийо, совпартработник 192
 Кирдецов Г.Л. 354, 364
 Киреев, совпартработник 183
 Киреев И., крестьянин 241
 Кириллов Ф., раскулаченный 219
 Киринов В., толстовец 323
 *Киров (Костриков) С.М. 72, 92,
 182
 Киселев Д., толстовец 308
 Киселев П.Д. 82
 Клейнмихель, гр. 75
 Клейнмихель (урожд. Трубецкая)
 Э., подруга Т.А. Аксаковой 89
 Клемансо Ж. 127
 Клементьева Л., раскулаченная
 221
 Ключевский В.О. 159
 Ключников Ю.В. 155, 163
 Клявин, совпартработник 212
 Князева В.П. 366
 Ковалев Е., раскулаченный 229,
 230
 Ковалев П., раскулаченный 219
 Коган, махновец 282
 Кожевников, раскулаченный 220
 Козлин, раскулаченный 219
 Козлов В.И. 391, 393
 Козлов Е., раскулаченный 222
 Коковцов В.Н. 87
 Кокошкин Ф.Ф. 106
 Колосов, работник ОГПУ 191,
 192
 Колчак А.В. 157, 163, 346, 347,
 351, 363
 Комаров В.Л. 51, 91
 Кондратьев Н.Д. 178
 Конквест Р. 370, 383-385, 388,
 392, 393
 Коновалов А.И. 142, 146, 147,
 149, 154-156, 158
 Коновалов Н.П. 36
 Коновец (Гришута), предревкома
 289-293
 Константин Константинович,
 вел. кн. 25
 Коржилов, раскулаченный 236,
 237
 Коробко, махновец 287
 Коровин Е.А. 156, 164
 Коротков И.А. 84
 Коротыль П., раскулаченный 219
 Корушин Т.Д. 259
 Корчак-Чепурковский Ю.А. 372,
 385, 389
 Корш Ф.Е. 143, 158
 Косиор С.В. 176, 182
 Косолаповы, раскулаченные 237
 Костин, махновец 287
 Костин З., раскулаченный 210-212
 Косырев И., уполномоченный
 303
 Котляревский С.А. 156, 164
 Котов, раскулаченный 229
 Котырло А., раскулаченный 221
 Коц А.Я. 364
 Кочубей А.И. 34
 Кочубей В.С., кн. 82
 Красковский К., толстовец 314,
 321
 Крицман Л., журналист 255
 Кругляков Р., раскулаченный 221
 Крупин, совпартработник 183

- Крупская Н.К. 98
 Крыленко Н.В. 152
 Крылов И.А. 39
 Кугель А.Р. 339, 356
 Кудамовский П., раскулаченный 221
 Кудрявцев, совпартработник 192
 Кудрявцев А.И. 90
 Кузнецов Н., раскулаченный 219
 Кузьменко Г.А. 294
 Кузьмин-Караваев В.Д. 343, 360
 Куинджи А.И. 90
 Куликов, прокурор 211, 212, 215
 Курган Р., журналист 288
 Курганов И.А. 369
 Курнаков Н.Н. 87, 89
 Курнаков С.Н. 87, 89
 Курский В., раскулаченный 219
 Куэл, демограф 377-379
 Кшесинская М.Ф. 89
 Кюльман Р. 153, 163
- Лавренов М., раскулаченный 219
 Ладыженский А.М. 161
 Ламанова-Каютова Н.П. 81
 Ланда, совпартработник 183, 186
 Лапаева Н., чл. коммуны 308
 Лапшин В., толстовец 308
 Ларин, служ. прокуратуры 215
 *Ларин Ю. (Лурье М.А.) 98
 *Ларионов П. (Черномордик) 293
 Лац, совпартработник 191, 194, 196, 202-204, 206, 216, 223
 Лебедев А., раскулаченный 219
 *Ленин (Ульянов) В.И. 87, 96-103, 105-108, 111-113, 115, 119, 121, 123-125, 132, 135, 136, 138, 140, 147, 151, 152, 154, 157, 158, 165, 173, 240, 241, 253-258, 261, 270, 271, 275, 279, 280, 283, 284, 287, 296, 353
 Леонов Ф.Г. 176
 *Леонтьев (Хейсин М.Л.) 160
 Леонутов В.И. 40-42
 Леонутов И.Д. 40
 Леонутов П.И. 25-27, 40-42, 87
 Леонутова Л.П. 40
- Леонутова О.И. 40
 Леонутова Т.И. 40
 Леонутовы, семья 25, 26, 40, 42, 43, 85, 87, 91
 Лермонтов М.Ю. 25
 Лермонтов Н.Г. 74, 75
 Лесков Н.С. 26
 Лесковский М., раскулаченный 220
 Линин А.М. 356
 Лисс, совпартработник 183, 185
 Литтебрандт А., совпартработник 186, 190
 Лихачев Н.П. 48, 90
 Лобек, владелец дачи 364
 Локтев, совпартработник 192, 194-196, 202, 204
 Ломинадзе В.В. 183, 189, 190
 Лоример (Lorimer) Ф. 371-373, 375-381, 389-392
 Лосский Н.О. 329
 Лугинин В.Ф. 81
 Лукин С., раскулаченный 221
 Луначарский А.В. 47, 48, 61, 154, 329, 351, 363
 Луниковский И., раскулаченный 221
 Лурье, совпартработник 203, 204
 Львов А.Е., кн. 90
 Львов В.С. 38, 54-58, 60, 62-64, 66, 67, 72, 73, 77, 87, 91, 92
 Львов Г.Е., кн. 90
 Львов С.Е., кн. 9, 39, 56, 57, 73, 89
 Львов С.С. 36, 38, 39, 54, 56, 58, 72, 87, 91
 Львов Ю.С. 38, 39, 54, 56, 72, 87, 91
 Львова (урожд. Завалишина) Е.А. 16, 17
 Львова Е.С. 57
 Львова З.С. 57
 Львовы, семья 8, 24, 38, 39, 56-58, 62, 73, 87, 91
 Любавский М.К. 48, 90
 Любимов И.Н. 103, 104
 Любимова О., чл. коммуны 308

- Лякуткин, совпартработник 183, 185, 189
 Ляцкий Е.А. 82
- Маврода, махновец 282
 Мазурин Б.В. 305, 308, 313, 314
 Макаров А.Н. 85
 Максимов В., уполномоченный 236
 Максимов Д.Е. 328
 *Максудов С. 169-250, 369-393
 Макушкин, совпартработник 183
 Малород А.С. 321
 Мальков, раскулаченный 236
 Мальчевский И.В. 120-122
 Мамонтов С.С. 81
 Мамонтова Т.С. 13, 15, 81
 Манасеины, род 82
 Манцев, совпартработник 295
 Маргулис М.С. 342, 343, 345-348, 359-364
 Мария Федоровна, имп. 18, 32
 Маркин, командир полка 290
 Марков А., раскулаченный 221
 Марков Н.Е. 355, 365
 Маркс К. 261, 329
 Марр Н.Я. 51
 *Мартов Л. (Цедербаум Ю.О.) 125, 254
 Мартынов, соловчанин 41
 Мартынов, совпартработник 212
 Мартынов Е.Л. 160
 Марцинкевич А., раскулаченный 220
 Масловы, род 82
 Матвеев Я., раскулаченный 220
 Матусевич, офицер 16
 *Махайский И.К. (Вольский Я.В.) 155, 163
 Маханьков, партработник 196
 Махро Н.И. 274-278, 281-297
 Медем, бар. 32
 Менделеев Д.И. 369
 Мережковские, семья 327-332
 Мережковский Д.С. 327, 329, 331
 Мещанинов И.И. 51
- Милоков П.Н. 89, 157, 158, 338-340, 342, 344-357, 360-362
 *Минский (Виленкин) Н.М. 331
 Минц И.И. 362
 Миронов Н., раскулаченный 221
 Миронов С., партработник 216-219, 222-224
 Мирский (Mirsky) Д.С. 127
 Михаил Александрович, вел. кн. 11, 12, 18, 20, 24, 81, 82, 89
 Михайлов, партработник 249
 Михайлов, раскулаченный 208
 Михайлов А.Ф. 120
 Михалев-Павленко, махновец 287
 Мишле Ж. 148
 Модзалевский Б.Л. 41, 82
 Молодцов Р., крестьянин 272
 *Молотов (Скрябин) В.М. 176, 192, 203, 259, 384
 Мопассан Г. де 32
 Моргачев Д.Е. 305-324
 Моргачев И.Д. 318, 319
 Моргачев М.Е. 307, 308
 Моргачев Т.Д. 319, 320
 Мордвиновы, род 82
 Морозов М.М. 37, 90
 Морозов Н., раскулаченный 221
 Морозова М.К. 75, 81, 86, 90
 Мосальский И., раскулаченный 221
 Мунте А. 75
 Муравьев В.Н. 156, 164
 Муравьева (урожд. Юматова) Е.Н. 87
 Муралов М.И. 176
 Муретов Д.М. 149, 161
 Муринов Д.А. 25, 42
 Мусоргский М.П. 151
 Муханов Н.Н. 82
 Мухановы, род 82
 Мягков, священник 299
- Набоков В.Д. 361
 Набоков К.Д. 354, 361, 364
 Наврузов Т. 86, 89
 Найденова Е.И. 79, 88
 Нарица П., раскулаченный 221

- Нахичеванская М.М. 19-24
 Нахичеванские, семья 86, 87
 Нахичеванский Ю., кн. 24
 Нахтман, железнодорожник 18
 Неймар, партработник 191, 194
 Некрасов, партработник 196
 Некрасов Н.А. 159
 Некрасова Л.Д. 36, 55, 67, 76, 85
 Нектарий, оптинский старец 16, 17, 85
 Нелидов Ю.А. 52
 Нелидовы, семья 52, 91
 Немаков Н.И. 188
 Никитин А., рабочий 240
 Никитин Т., раскулаченный 221
 Николаевский Б.И. 129
 Николай I, имп. 79, 229
 Николай II, имп. 150, 263, 353
 Николай Михайлович, вел.кн. 51
 Никонов, партделитель 278
 Никонов А., раскулаченный 221
 Никулин Л.В. 88
 Нилус С.А. 84
 Нироды, семья 87, 89
 Новиков, раскулаченный 241
 Новиков Н.И. 159
 Новинский С., раскулаченный 221
 Новицкий П., чл. ревкома 290-292
 Новобытов, сов. работник 212
 Новосельский С.А. 371, 373, 378, 379, 381, 382, 384, 389
 Нолькен А.Н. 87
- Оболенская (урожд. Штер) Н.П. 10, 61, 75, 76, 80
 Оболенский В.В., кн. 80
 Овчинников, партработник 194
 Озеров, махновец 287
 Озеров Н., рабочий 237
 Озеровы, род 82
 Олейник, махновец 287
 Ольденбург С.Ф. 47, 51
 Олькин Н., совпартработник 299, 303
 Онипко Ф.М. 110-112
 Орлов Я., раскулаченный 221
 Орнатский Ф., свящ. 329
- Осколкова З., кузина Т.А. Аксаковой 75
 Островский, уполномоченный 236
 *Остроумов Л. 7-92
 Оськин (Осичкин Н.Г./?/) 299
 Отрощенко, сов. работник 183
 Оуэн Р. 273
 Охлопков, совпартработник 183-187
- Павлов, совпартработник 192
 *Павлов (Миркин), чл.ревкома 290
 Павлов В., лишенец 230
 Павлова А.П. 70, 87
 Павлович Н.А. 85
 Павловская А., раскулаченная 221
 Падалка А.К. 278
 Паевский В.В. 371, 373, 378, 379, 381, 282, 384, 389
 Пазухина О.А. 66
 Пайпс (Pipes) Р. 95-139
 Панина С.В. 106
 Панченев, совпартработник 206
 Панченко, партработник 191, 195
 Панчов Ф., раскулаченный 221
 Папкин, крестьянин 299
 Парфенов В., раскулаченный 219
 Пахомов Р., раскулаченный 221
 Пегасов, матрос 265
 Пейзнер, работник ОГПУ 216, 219, 220, 223, 224
 Перцов П.П. 143, 328
 Петерс Я.Х. 11, 279
 Петлюра С.В. 274, 294
 Петров, партработник 223
 Петровский Г.И. 104, 147, 160, 161
 Пешкова Е.П. 49, 52, 53
 Пиловец, партработник 248, 249
 Пильман, партработник 195
 Пирогов Н.И. 33
 Платонов С.Ф. 48, 90
 Платтен Ф. 111
 Плеханов Г.В. 97, 98, 135
 Погодин А.Л. 145, 160

- Погодин А.Л. 145, 160
 Подвойский Н.И. 113, 116
 Подобед, раскулаченный 236
 Покровский М.Н. 151, 162, 288
 Полонский А.Я. 332
 Полонский М.Л. 274-279, 282, 288-293
 Полтев Н.К. 85
 Полуниин, махновец 287
 Поляков Ю.П. 171, 176
 Понтий Пилат 44
 Попов, следователь ОГПУ 313, 314
 Попов П.С. 37, 62, 67
 Поповский М.А. 305
 Портных А.В. 74
 Посникова А.Ф. 84
 Потапов, совпартработник 188
 Потемкин Г.А., кн. 81
 Потехин Ю.Н. 155, 164
 Потоцкие, семья 75
 Потресов А.Н. 135
 Потье Э. 364
 Прасолов, эмигрант 23
 Преображенская М., летчица 73
 Проблетов Г., раскулаченный 228
 Прохоров И., раскулаченный 221
 Прохоров Т., словчанин 41
 Пуйга, совпартработник 183
 Пунин Н.Н. 90
 Пуришкевич В.М. 124
 Путилова Н.М. 53
 Пушкин А.С. 44, 151
 Пыпин А.Н. 82
 Пятаков Г.Л. 283, 287
- Раковский Х.Г. 274, 278, 283, 288, 294, 295
 Рамзин Л.К. 44
 *Раскольников (Ильин) Ф.Ф. 120, 121
 Ратиева О.И. 91
 Рафаил, партдеятель 289
 Рачинский Г.А. 161
 Ремизов А.М. 329
 Ренья А.Ф.Ж. де 26
- Рерих Н.К. 341, 346, 356, 358, 361, 366
 Ризнич, семья 82
 Ровинская Ю.П. 65, 66
 Ровинский К.И. 65, 66, 75, 76
 Родзянко М.В. 365
 Родин, нарсудья 303
 Родичев А.И. 106
 Рождественский, рабочий 242
 Рожкова Е.М. 84
 Розанов В.В. 328-330
 Розфилд С. — см. Rosefielde S.
 Ролин Ф., раскулаченный 219
 Россет А.О. 84
 Россет Н.Н. 84
 Россет, семья 84
 Россов Б.А. 84
 Ростовцев М.И. 346, 361
 *Рощина-Инсарова (Пашенная) Е. Н. 15, 83
 Ртищевы, семья 85
 Рубинштейн Н.Л. 110
 Рудинский П., раскулаченный 221
 Руднев В.В. 276, 277
 Рудова М., раскулаченная 221
 Руманов Д.А. 342, 345
 Румянцев И.П. 191, 192, 196, 204, 206, 207, 209, 210, 212, 213, 215, 217, 223, 225, 232
 Рушанов, совпартработник 191, 192, 195, 203
 Рылов А.А. 90
 Рыскины, лишенцы 237
 Рыщенков, работник ОГПУ 218
 Рябинин Е., госпартдеятель 170
 Рябушинский П.П. 142, 145-147, 154-156, 158
- Саблин В.М. 329
 Сабуров Б.А. 24, 25, 36-38, 66
 Сабуров Ю.А. 25, 66
 Сабурова (урожд. Шереметева) А. С. 12, 24, 25, 37, 38, 57, 66
 Сабурова К.А. 25, 38, 39, 56, 66
 Сабуровы, семья 65
 Савинков Б.В. (*Ропшин Б.) 329
 Савочкин, уполномоченный 244

- Сазонов, уполномоченный 236
 Самарины, купцы 10
 Самарин, хирург 33
 Самсоненков, раскулаченный 236
 Самсонов, сотрудник ВЧК 297
 Сапаров А.В. 88
 Сапожникова Т.В. 47, 90
 Сафронов И., раскулаченный 222
 Свентицкий В.П. 161
 Свердлов Я.М. 256
 Севастьянов М.М. 59, 60
 Севастьянов Ю.М. 59
 *Северянин И. (Лотарев И.В.) 24, 67
 Селезнев Д., раскулаченный 220
 Селиверстов, совпартработник 191, 194
 Семенов, совпартработник 195
 Семенов Г.М. 18-21
 Семенов Л., раскулаченный 220
 Семенов М., раскулаченный 221
 Семенов С.Н. 274, 275
 Семенов Ф., раскулаченный 221
 Сенютович-Троцкий В.Н. 343, 359
 Сергеев И., раскулаченный 220
 Серов В.А. 90
 Сиверс А.А., дед Т.А. Аксаковой 81
 Сиверс А.А., отец Т.А. Аксаковой 7-9, 13, 14, 28, 41-44, 46-54, 61, 64-66, 76-78, 81-83, 85
 Сиверс А.А., брат Т.А. Аксаковой 13, 27, 28, 40, 43, 50, 52, 53, 59, 69, 82, 83, 85
 Сиверс А.А., племянник Т.А. Аксаковой 29, 35, 40, 53, 69-71, 77, 83, 88
 Сиверс Е.А. 64, 86
 Сиверс (урожд. Мартос) Н.П. 81
 Сиверс (урожд. Юматова) Т.Н. 27, 40-43, 53, 70, 77, 83, 88, 91
 Сиверсы, семья 8, 14, 43
 Сидоров В.А. 176, 180
 Сильвер Б. — см. Silver В.Д.
 Симонов, совпартработник 183, 185, 187
 Симочкин, совпартработник 183
 Синявский А.Д. 170
 Сифман Р.И. 376, 390, 391
 Скворцов-Степанов И.И. 147, 160
 Склянский Э.М. 259
 Скоропадский П.П. 83
 Скоропостижный, раскулаченный 219
 Скрябин А.Н. 151
 Скотт Б. 82
 Сkochилов П.А. 33
 Смилович П.Г. 317, 319, 320
 Смирнов, лишенец 231
 Смирнов Н.И. 84
 Смирнова (урожд. Аксакова) Н.С. 84
 Собенников, владелец кирпичного завода 10, 12, 80
 Соболев П.Н. 257
 Соколов, партработник 225
 Соколов Б.Ф. 111, 112, 115, 124, 127
 Солдаткина А., художница 84
 Солженицын А.И. 254
 Соловьев В.С. 161
 Соловьев С.М. 144, 159
 Сорокин П.А. 126
 Сосновский Л.С. 136
 Спирин Л.М. 100
 *Сталин (Джугашвили) И.В. 75, 104, 106, 125, 156, 169, 170, 180, 181, 209, 243, 258, 299, 303, 304, 307, 384
 Станислав (Понятовский), король Польши 48
 Станиславский К.С. 61
 Старовский В.Н. 393
 Статникова, совпартработник 195, 196
 Степанов В., раскулаченный 221
 Степанцов, партработник 183, 187, 188
 Столпаков Б., знакомый Т.А. Аксаковой 71, 72
 Столпакова (ур. Суворова) С.Н. 71, 72, 85
 Столыпин П.А. 263
 Строев В., публицист 138

- Струве П.Б. 331, 361
Струмилини, сов. работник 181
Струмилини С.Г. 259
Стручков В.Ф. 233-235
Стручков К.В. 234
Стручков Н.В. 232, 235
Субботин В., милиционер 298, 299, 303
Суворова Е.Н. 71
Султанова-Леткова Е.П. 47
Сумцов Е.Я. 23, 86
Сурин И., толстовец 308
Сухотин С.М. 37, 85
Сухотина С.А. 37, 89
Сушинский, рабочий 240
Сырцов С.И. 176
- Тан-Богораз В.Г. 144, 159
Тарле Е.В. 48, 90
Твардовский А.Т. 75, 169, 176
Теленков, уполномоченный 236
Тепленко О.В. 46
Тернер Б. 253
Тимирязев К.А. 155, 156, 164
Тихомиров Л.А. 78
Тихомиров П., раскулаченный 221
Ткачев П.Н. 162
Токарев, работник ОГПУ 211
Толавский И., раскулаченный 219
Толенков Д.Л. 275
Толкач М., чл. коммуны 308
Толкачев П.Я. 308
Толстая А.И. 37, 62, 66, 67, 74, 75, 85
Толстой Л.Н. 16, 59, 85, 151, 307, 310, 313, 316, 319, 320, 365
Томашевский И.Л. 80
Томсинский С.Г. 51, 91
*Троцкий (Бронштейн) Л.Д. 96, 111, 113, 126, 151-153, 256, 259, 274, 283-288, 296, 353
Трубецкой Н.С. 87
Трубецкой П.Г. 74, 75
Трубецкой С.Н. 329
Тухачевский М.Н. 259
Тхоржевский, партработник 183
- Тыркова-Вильямс А.В. 340, 346, 347, 357, 361, 364
Тюлин, красноармеец 211
Тюлягин, уполномоченный 238, 239
Тютчев Ф.И. 26, 28, 148, 151, 161
Уборевич И.П. 190
Уваров, сов. работник 229
Ульшин А.А. 307
Ульшин П.В. 319
Умберто, король Италии 32
Унгур, совпартработник 183
Урицкий М.С. 13, 104, 105, 113-115
Урланис Б.Ц. 373, 375, 382-384, 390, 392, 393
Устинов В.М. 156, 164
Устрялов Н.В. (*П.Сурмин) 140, 147-157, 162-164
Ушинский К.Д. 159
- Фадеев, сов. работник 231
Фальковский, владелец дачи 364
Федоров А., раскулаченный 179, 208, 221
Федяев, совпартработник 298, 299, 303
Фейнсон М. 183, 195, 203, 244
Фельштинский Ю.Г. 253-273
Ферреро (Feggero) Г. 162
Фиалковский Н.Н. 88
Филиппов, совпартработник 195, 203, 206, 207, 209, 217
Филиппов Г., раскулаченный 221
Философов Д.В. 327-332
Фиолетов Н.Н. 164
Флоренский П.А. 161
Фомичев, совпартработник 183
Фрайман А.Л. 103, 104, 111, 113
Франс А. 26
Фрунзе М.В. 295
- Хардеман Х. (Hardeman H.) 142, 158, 162
Хатаевич М.И. 176
Хворостинский П., раскулаченный 220

- Хвостов И., раскулаченный 222
 Хольмберг (урожд. Горчакова) М.
 С. 24
 Хомутов, офицер 365
 Хомяков А.А. 152
 Храповицкая О.В. 85
 Хрулов А., раскулаченный 221
 Хрушев Н.С. 178
- Цветаева А.И. 89
 Церетели И.Г. 126
 Циммерн — см. Zimmern А.Е.
 Циммерман М., раскулаченный
 219
 Циолковский К.Э. 85, 87
 Цурюпа А.Д. 256
 Цыбульский В.А. 362
 Цявловский М.А. 37, 90
- Чалхушьян С.Г. 156, 165
 Чебышев Н.Н. 23, 86, 89
 Чебышева А.П. 79
 Чебышевы, семья 7, 79, 86
 Челинцев А.Н. 178
 Чернов В.М. 121, 122, 362
 Чернояров, лишенец 241
 Черный, совпартработник 192
 Чертков В.Г. 307, 308, 316-318
 Чехов А.П. 127
 Чибисова М.Н. 39
 Чижевский А.П. 85
 Чижиков, совпартработник 211
 Чистяков А.П. 224
 Чубарова Н.А. 12
 Чугунов Ф., раскулаченный 221
 Чулков Г.И. (*Б.Кремнев) 164,
 328-330
- Шавельский Г., свящ. 76
 Шеболдаев Б.П. 176
 Шевичи, семья 32
 Шелехес, партработник 207, 209,
 210, 212
 Шенбель, раскулаченный 220
 Шереметев Б.Б. 11, 12, 76, 81
 Шереметев Н.Б. 79, 83, 87, 88
 Шереметев П.С. 12
- Шереметев С.Д. 11
 Шереметева Е.Б. 12
 Шереметева Е.П. 12
 Шереметева (урожд. Гагарина) М.
 подруга Т.А. Аксаковой 89
 Шереметева (урожд. Чубарова) О.
 Г. 12, 76
 Шереметевы, семья 8, 11, 24, 52,
 75
 Шершенев В., толстовец 317
 Шестаков, работник ОГПУ 244
 Шилин, прокурор 237
 Шилкин, уполномоченный 238
 Шилко К.П. 360
 Шильдер М., лиценст 27
 Шильман, партработник 196
 Шингарев А.И. 106, 118
 Шипов Д.Н. 66, 91
 Шипов И.П. 82
 Шипов Н.Н. 66, 91
 Шипов Ф.Н. 66, 91
 Шиповы, семья 8, 12, 75
 Шкловский И.В. (*Дионео) 361
 Шкуро А.Г. 284-288, 290
 Шлихтер А.Г. 279
 Шор А., заключенный 27, 28
 Штер Н.П. 36, 65, 88
 Штер (урожд. Чебышева) В.П.
 10, 34, 35, 80, 84
 Штеричи, семья 32
 Штильман Г.Н. 330
 Штродах, совпартработник 300,
 301, 303
 Шуберский В.П. 343, 360
- Щеголев П.Е. 329
 Щепкин М.С. 159
 Щербак В.М. 360
 Щербаков, раскулаченный 229
 Щусь, махновец 282
- Эйдеман Р.П. 294
 Эйхе Р.И. 176
 Элиасберг Я.И. 82
 Элькин Б.И. 356
 Энгельс Ф. 261
 Эрдман Б., раскулаченный 221

- Эриванский К. 24
 Эрн В.Ф. 161
 Эшен (урожд. Чебышева) А.П.
 79, 80
 Эшен Г.А. 80
 Юденич Н.Н. 352, 359, 360, 364,
 365
 Юматовы, семья 8, 88
 Юрасовы, род 82
 Юркин Т.А. 176
 Юрков, партработник 303
 Юровский А.З. 178
 Юртаева О.Н. 87
 Ягода Г.Г. 176
 Якимчик, работник ВЧК 264
 Яковлев, совпартработник 295
 Яковлев И., раскулаченный 219
 *Яковлев (Эпштейн) Я.А. 176, 183,
 184, 189, 190
 Якушев А.А. 88
 Якушевский А.С. 360
 Янин А.Н. 298-303
 Янов В.В. 305
 Яремич С.П. 45, 90
 Ярков И.П. 305
 Яхонтов, владелец школы 35

 Alfand Charles 69
 Anderson В.А. 370, 371, 373, 377,
 381, 384, 389, 390, 392
 Ascher А. 135
 Baron S.H. 135
 Bazin J.-Y. 348
 Bechhofer С.Е. 358
 Biraben J.-N. 371, 380, 389
 Birman I. 387
 Braugwyn F. 357
 Bunyan J. 122, 123
 Carr E.H. 360, 362
 Collins D. 348

 Daniels C.W. 360
 Davies R.W. 387 (также: Дэвис Р.)
 Dewar M. 128
 Fisher H. 122, 123
 Goldman E. 360
 Graffy J. 348
 Gregory P. 387
 Hammer D. 157
 Hanter H. 387
 Hellman B. 348, 358
 Hervé G. 341, 358
 Hill M. 365
 Hoare S. 341, 357
 Holman M. 348
 Huebsch B.W. 356
 Lindqvist R. 365
 Mace J. 389
 Maude A. 365
 Mayer A.J. 362
 Morison J. 348
 Nove A. 387
 Radkey O. 100, 102
 Rosefielde S. 370, 381, 387-389
 Rosenberg W. 137, 361
 Schapiro L. 362
 Scheibert P. 100, 117
 Semerjeev P. 160
 Silver B.D. 370-373, 377, 381, 384,
 389, 390, 392
 Steinberg J. 95
 Strakhovsky L.I. 363
 Taylor R. 360
 Tyrrell E.P. 348
 Van der Berg G.P. 381, 392
 Wheatcroft S.G. 370, 374, 380,
 381, 384, 387-389, 391, 392
 Williams H.W. 357
 Zimmern A.E. 341, 357

АННОТАЦИИ

В о с п о м и н а н и я

Т.А. Аксакова. ДОЧЬ ГЕНЕАЛОГА. Публикация Л.Остроумова.

Автор — дочь крупного русского нумизмата и генеалога А.А. Сиверса. По рождению, семейным и дружеским связям, Т.А. Аксакова принадлежала к высшей аристократической элите. Мемуары охватывают период 1917-35 гг. и дают картину пореволюционной жизни в столичных и провинциальных городах страны. Большинство персонажей — выходцы из того же социального слоя, что и автор, т.е. русская аристократия, не эмигрировавшая после революции, но оставшаяся на родине и вынужденная приспособливаться к новым общественным условиям. При обилии эмигрантской мемуарной литературы подобные свидетельства изнутри Советского Союза остаются крайне редкими, и это придает воспоминаниям особый интерес. 2 + 65 + 15 с.

С т а т ь и и и с с л е д о в а н и я

Ричард Пайпс. СОЗДАНИЕ ОДНОПАРТИЙНОГО ГОСУДАРСТВА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917-18 гг.). Пер. с английского В.А.

Во второй части статьи рассматриваются попытки демократических сил русского общества противостоят усилению большевистской диктатуры. Неудача Учредительного собрания, провал забастовок на петроградских и московских заводах, разгром движения рабочих уполномоченных и фактическое запрещение всех социалистических партий — означали, по мнению автора, окончательное установление однопартийной диктатуры и начало гражданской войны в России. 46 с.

М.Агурский. У ИСТОКОВ НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИЗМА.

Рассматривая ранние публикации Н.В. Устрялова и его единомышленников в предреволюционной прессе и в период 1917-18 гг., автор устанавливает идейную преемственность оформившегося в 1920-х национал-больше-

визма от взглядов, развивавшихся русскими прогрессистами еще в предвоенную эпоху. Он приходит к выводу, что теории Устрялова явились лишь логическим завершением позиции национал-либералов, многие аспекты которой большевики использовали в своей государственной политике. 26 с.

И з и с т о р и и к о л л е к т и в и з а ц и и

С.Максудов. НЕКОТОРЫЕ ДОКУМЕНТЫ СМОЛЕНСКОГО АРХИВА О РАСКУЛАЧИВАНИИ И ВЫСЫЛКЕ КУЛАКОВ.

20 секретных и совершенно секретных документов партийных организаций и органов ОГПУ дают представление о конкретном проведении в жизнь директивы ЦК о сплошной коллективизации и уничтожении кулачества как класса. На примере одной лишь Смоленской области показывается механизм уничтожения крестьянских хозяйств и разорения деревни. Вступительная статья и комментарии рисуют общую картину коллективизации и той демографической и хозяйственной катастрофы, в которую она вылилась. 15 + 67 с.

К и с т о р и и к р е с т ь я н с к и х д в и ж е н и й

ОБРАЩЕНИЕ ТАМБОВСКОЙ ОКРУЖНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДОВОГО КРЕСТЬЯНСТВА К ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ АНГЛИЙСКИХ РАБОЧИХ. Публикация Ю.Фельштинского.

В обращении к английским рабочим, посетившим Россию в 1920 г., крестьяне Тамбовской губернии описывают творимое в стране беззаконие, жестокости продразверстки, фактическое уничтожение власти советов, террор большевистских продотрядов. Вступительная статья дает общую картину положения рабочих и крестьян в России к 1920 г. 8 + 14 с.

С.Беленко. МАХНО И ПОЛОНСКИЙ.

Автор исследует несколько эпизодов из истории союза «левых сил» на Украине в период гражданской войны, рассматривая тактику и цели большевиков в использовании и последующем уничтожении крестьянской повстанческой армии Нестора Махно. 24 с.

А.Н. Янин. ВТОРОЕ КУЛАЦКОЕ ВОССТАНИЕ И ЕГО ЛИКВИДАЦИЯ.

Рассказ «партийного ветерана» о возмущении крестьян Пителинского района Рязанской области в разгар коллективизации 1930 года. 7 с.

Д.Е. Моргачев. МОЯ ЖИЗНЬ.

Воспоминания крестьянина-толстовца о создании и разгроме сельскохозяйственной коммуны «Жизнь и Труд», возникшей в 1922 неподалеку от Москвы, переселенной властями в 1931 в Западную Сибирь и окончательно уничтоженной в 1936-38 гг. 20 с.

К истории общественной борьбы

ИЗ ПИСЕМ ЗИНАИДЫ ГИППИУС. Публикация В.Аллая.

Письмо З.Н. Гиппиус к Д.В. Философому об отношении к социал-демократическому движению и этической неприемлемости для нее методов борьбы, используемых русскими марксистами. В предисловии обрисован культурно-общественный контекст и события, приведшие З.Н. Гиппиус к отходу от социал-демократии. 6 + 6 с.

ДВА НЕИЗВЕСТНЫХ ПИСЬМА ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА К П.Н. МИЛЮКОВУ (1919). Публикация Р.Дэвиса.

Письма относятся к послеоктябрьскому периоду Леонида Андреева, отражают душевное состояние писателя и его политическую позицию в последние месяцы жизни. Вступительная статья и комментарий содержат обширный фактический материал о русской эмиграции в начале гражданской войны и прослеживают историю взаимоотношений Л.Андреева и П.Милюкова. 11 + 9 + 11 с.

Р е ц е н з и и

С.Максудов. ДИСКУССИИ НА ЗАПАДЕ О ПОТЕРЯХ НАСЕЛЕНИЯ В ЭПОХУ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ.

Автор разбирает многочисленные статьи и монографии, появившиеся в печати в последние годы и оценивает статистические данные о демографических последствиях коллективизации и выводы, к которым приходят западные ученые. 25 с.

ABSTRACTS

M e m o i r s

T.A. Aksakova. THE DAUGHTER OF A GENEALOGIST. Publication by L.Ostroumov.

The author is the daughter of the prominent Russian numismatist and genealogist A.A. Sivers. By birth and by family and by friendship connections, T.A. Aksakova belonged to the higher aristocratic Russian elite. The memoirs cover the period between 1917 and 1935 and present a picture of the postrevolutionary life in the capital and several provincial cities of the country. Most of the characters depicted in the memoirs used to belong to the same social group as the author, i.e. the part of Russian aristocracy which did not emigrate after the revolution. They decided to stay and were forced to adapt to the new social environment. For the abundance of the emigre memoir literature, such evidence coming from the inside the Soviet Union is extremely rare. This adds a special interest to the memoirs. 2 + 65 + 15 p.

A r t i c l e s   a n d   R e s e a r c h

Richard Pipes. BUILDING THE ONE-PARTY STATE IN SOVIET RUSSIA (1917-1918).

The second part of the paper considers the attempts by democratic forces of the Russian public to resist the strengthening of the bolshevik dictatorship. The failures of the Constituent Assembly and workers' strikes in Moscow and Petrograd, defeat of the movement of workers' representatives, ban on all socialist parties — all this meant establishment of the one-party dictatorship and beginning of the civil war in Russia. 46 p.

M.Agursky. AT THE ORIGINS OF NATIONAL-BOLSHEVISM.

The author looks into the early publications by N.V. Ustryalov and authors with similar views, in prerevolutionary press and during the period of 1917-18. On the basis of these publications, he establishes an ideological continuity

between national-bolshevism which had matured in the twenties and the views of Russian progressists developed before World War I. He comes to a conclusion that Ustryalov's theories have only been the logical continuing of the platform of the national-liberals. The bolsheviks used many of aspects of the latter in their state policy. 26 p.

From the History of collectivization

S.Maksudov. SOME DOCUMENTS FROM THE SMOLENSK ARCHIVES ON DISPOSSESSION AND EXPULSION OF THE KULAKS.

Twenty secret and top-secret documents from party organisations and organs of OGPU give an idea on specific implementation of the directive of the Central Committee of the complete collectivization and elimination of kulaks as a class. With the Smolensk Province as example, the author presents the mechanism of disparagement of peasants' farms and destruction of the country site. The introduction and comments give a general picture of collectivization as well as the demographic and economical catastrophe it created. 15 + 67 p.

On the History of peasant movements

ADDRESS TO THE DELEGATES OF THE ENGLISH WORKERS FROM THE DISTRICT TRUST OF THE WORKING PEASANTRY OF TAMBOFF. Publication by Yu.Felshtinsky.

In their address to English workers who visited Soviet Russia in 1920, the peasants of the Tamboff Province describe unlawful actions of the government, brutalities of the requisitioning of farm produce, the factual disparagement of the power of Soviets, the terror of the bolshevik food expropriation units. The introduction shows the general situation of Russian workers and peasants by 1920. 8 + 14 p.

S.Belenko. MAKHNO AND POLONSKY.

The author studies several episodes from the history of the alliance of «left» forces in the Ukraine during the civil war. He looks into the tactics and the goals of bolsheviks in using and further elimination of the peasant rebel army of Nestor Makhno. 24 p.

A.N. Yanin. THE SECOND KULAK UPRISING AND ITS LIQUIDATION.

The story by «a party veteran» about the rebellion of peasants of the Pitelinsk District of the Ryazan Province at the height of collectivization in 1930. 7 p.

D.E. Morgachev. MY LIFE.

Memoirs of a peasant-Tolstoyan about creation and defeat of an agricultural commune «Life and Labor». The commune was organized in 1922 not far from Moscow, was moved by the authorities to Western Siberia in 1931, and was finally destroyed in 1936-38. 20 p.

O n t h e H i s t o r y o f s o c i a l s t r u g g l e

FROM THE LETTERS BY ZINAIDA GIPPIUS. Publication by V.Alloy.

Z.N. Gippius's letter to D.V. Philosophov on her attitude towards the social-democratic movement and the ethical unacceptability of the methods of struggle used by Russian Marxists. The introduction presents the cultural and social context and events which led Z.N. Gippius to break with social-democrats. 6 + 6 p.

TWO UNKNOWN LETTERS BY LEONID ANDREEV TO P.N. MI-LIUKOV. Publication by R.Davies.

The letters belong to Leonid Andreev's post-October period. They reflect the writer's mental state and his political position in the last months of his life. The introduction and comments contain a broad factual material on Russian emigration in the beginning of the civil war and retrace the history of L.Andreev's relationship with P.Miliukov. 11 + 9 + 11 p.

R e v i e w

S.Maksudov. DISCUSSIONS IN THE WEST ON POPULATION LOSSES DURING COLLECTIVIZATION.

The author looks into numerous recently published articles and monographs and evaluates statistical data on demographic consequences of collectivization as well as the conclusions by western scholars. 25 p.

СОДЕРЖАНИЕ

Воспоминания

- Т.А. Аксакова. ДОЧЬ ГЕНЕАЛОГА. Публикация Л.Остроумова 7

Статьи и исследования

- Ричард Пайпс. СОЗДАНИЕ ОДНОПАРТИЙНОГО ГОСУДАРСТВА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917-1918).
Пер. с англ. В.А. 95
- М.Агурский. У ИСТОКОВ НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИЗМА 140

Из истории коллективизации

- С.Максудов. НЕКОТОРЫЕ ДОКУМЕНТЫ СМОЛЕНСКОГО АРХИВА О РАСКУЛАЧИВАНИИ И ВЫСЫЛКЕ КУЛАКОВ 169

К истории крестьянских движений

- ОБРАЩЕНИЕ ТАМБОВСКОЙ ОКРУЖНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДОВОГО КРЕСТЬЯНСТВА К ДЕЛЕГАЦИИ АНГЛИЙСКИХ РАБОЧИХ. Публикация Ю.Фельштинского 253
- С.Беленко. МАХНО И ПОЛОНСКИЙ 274
- А.И. Янин. ВТОРОЕ КУЛАЦКОЕ ВОССТАНИЕ И ЕГО ЛИКВИДАЦИЯ 298
- Д.Е. Моргачев. МОЯ ЖИЗНЬ 305

К истории общественной борьбы

- ИЗ ПИСЕМ ЗИНАИДЫ ГИППИУС. Публикация В.Аллоя 327
- ДВА НЕИЗВЕСТНЫХ ПИСЬМА ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА К П.Н. МИЛЮКОВУ. Публикация Р.Дэвиса 338

Рецензии

**С.Максудов. ДИСКУССИИ НА ЗАПАДЕ О ПОТЕРЯХ
НАСЕЛЕНИЯ В ЭПОХУ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ . . . 369**

Annex 395

ACHEVÉ D'IMPRIMER
LE 27 AOUT 1987
PAR L'IMPRIMERIE
DE LA MANUTENTION
A MAYENNE
N° 9995

ISBN 2-906141-05-4